

ISSN 0235-3261

ФАНТАСТИКА ♦ 1991

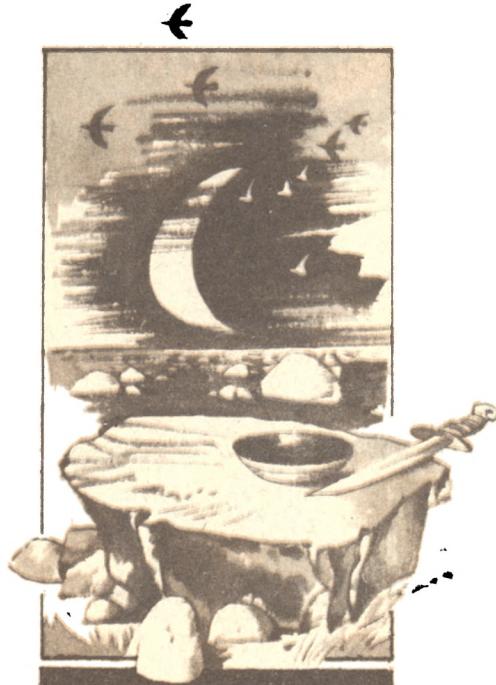
ФАНТАСТИКА

■ 1 9 9 1 ■

Ф А Н Т А С Т И К А

□ 1 9 9 1 □

ФАНТАСТИКА

□ 1 9 9 1 □

С Б О Р Н И К
Н А У Ч Н И О -
Ф А Н Т А С Т И Ч Е С КИХ
П О В Е С Т Е Й ,
Р А С С К А З О В ,
О Ч Е Р К О В

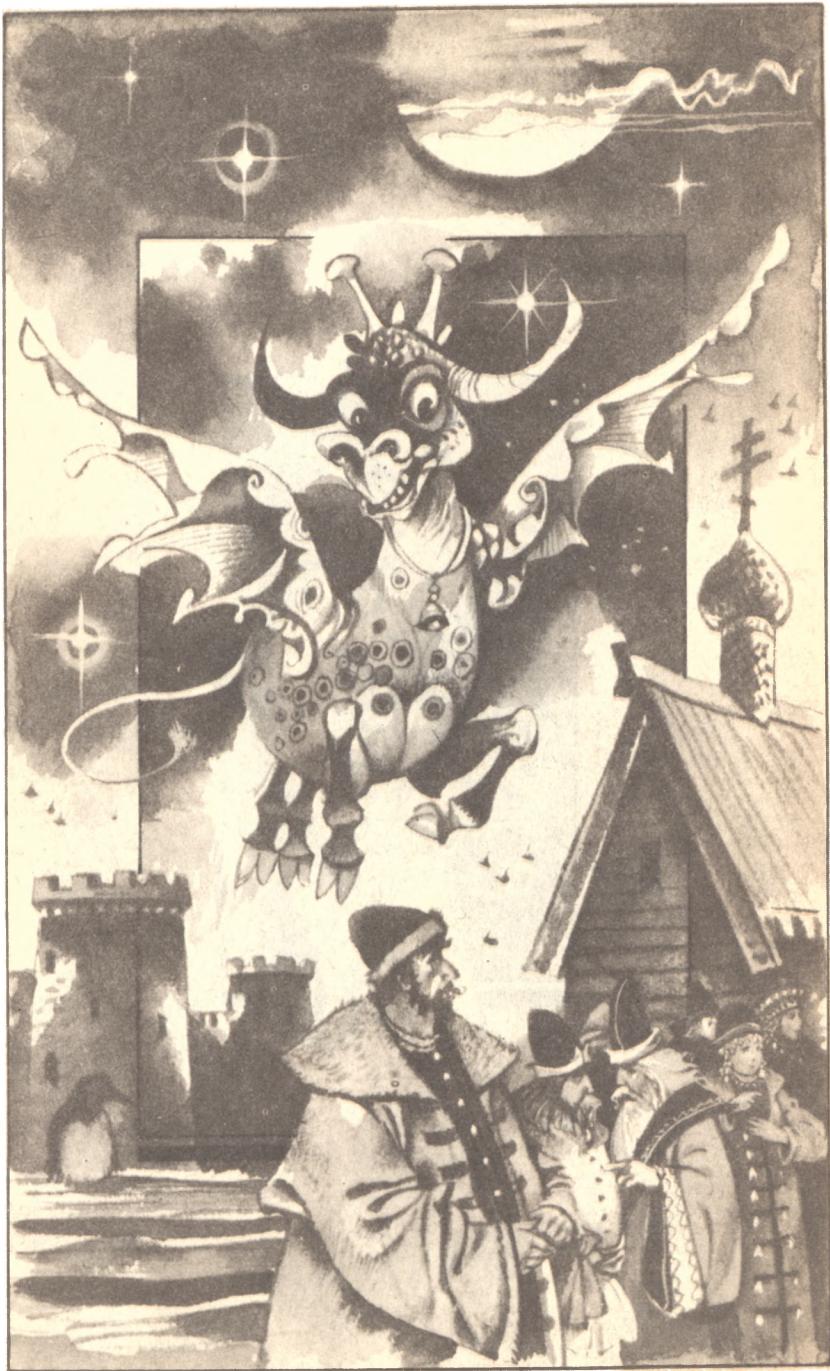
МОСКВА, «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1991

ББК 84Р7
Ф 22

Ф 4702010201-016 90-91
078(02)-92

© Фалеев В. М.
1992

ПОВЕСТИ

и

Р А С С К А З Ы

ФАНТАСТИКА

■ 1 9 9 1 ■

[REDACTED]

ВАЛЕРИЙ ЛИСИН

АБСОЛЮТНАЯ ПОЛИЦИЯ

I

В кабинет мелким бесом ввинтился некто обычный, серый, будничный. Но фразы, сказанные им, сразу выворачивали наизнанку болевую проблему, и мэр внимательно, как человек, привыкший к исследовательской работе, оглядел лицо вошедшего.

И оказалось, что оно несколько не соответствует будничности общего вида человека. Высокий лоб, серые, очень живые, вспыхивающие в какие-то мгновения внутренней работы глаза, чистая, свежая, за исключением небольших припухлых мешковитостей под глазами, кожа лица. И запах дорогой французской туалетной воды. Вроде бы все было на месте и заслуживало доверия, но чего-то не хватало...

А сказанное звучало примерно так, во всяком случае, в изложении мэра: «Мэр! Моя фамилия Прайс! Я готов помочь вам искоренить преступность. Вы представляете, в вашем городе не останется ни одного человека с преступным мышлением!»

Он выразился именно так – «...ни одного человека с преступным мышлением!» – мэр это проверил, прослушав запись беседы через несколько дней. И чего тогда не хватало, мэр понял также при прослушивании записи – Прайс не улыбался. У него было приветливое лицо, готовое к улыбке, но самой улыбки, дежурной улыбки, помогающей вести беседу, не было. И поэтому разговор пошел тяжело и даже немного неровно.

– Вы отдаёте себе отчет в том, что вы говорите? – наступательно начал мэр.

– Если вы, даже не выслушав существа предложений, начинаете обвинять меня в идиотизме, я могу отвезти свои предложения в город, который имеет по преступности менее «почетное» место в стране! – ответил Прайс, и счет в его пользу стал так велик, что мэр улыбнулся. Он почувствовал, что любое неосторожное слово может вызвать уход Прайса. И в кабинете повисло молчание.

– Что же вы хотите? – решился наконец мэр.

— Давайте четко формулировать свои мысли,— сказал Прайс.— Хотим мы с вами одного и...

— Вы хотите предложить какие-нибудь дешевые социологические исследования? — перебил его мэр.

— Что вы! — испытывая удивление Прайс.— Это будет довольно дорого.— И он состроил на лице гримасу смущения. Гримаса была деланная, тщательно отрепетированная, и выражение глаз ясно говорило, что он знает об этой нарочитости и видит, что об этом знает также и собеседник.

Теперь стало легче. Намного легче. Потому что если речь пошла о деньгах, значит, в разговоре участвуют деловые люди, а не фанатики, чьи претензии стоят очень дешево и иногда приносят пользу, и не мыслители, чьи идеи осуществляются очень дорого и ничего хорошего не приносят.

— Сколько же вы хотите? — вздохнул мэр.

— Вас интересует мое вознаграждение или стоимость всего проекта? — На лице Прайса появилась гримаса иронии.

Прайс назвал цену, и она показалась мэру приемлемой, если учесть, что преступность в городе поднималась все выше и выше, и казалось, что кошмар пулеметной стрельбы никогда не остановится.

— Хорошо! — сказал мэр.— Это недешевое удовольствие, но нас устраивает! Теперь, пожалуйста, осветите, в общих чертах, не вдаваясь в подробности, другую сторону медали — техническую.

— Техническое решение лежит в пределах нашей технологии... Я не говорю, что это просто. Отнюдь! Это дорого и сложно, но это не проблема, если финансирование... Мы уберем всех преступников. Но есть еще две проблемы. Правовая и этическая! — повторил Прайс. И глаза его неожиданно засияли, как у обычного фанатика.

Мэру стало не по себе, и чтобы скрыть это, он добродушно хмыкнул и махнул рукой:

— Валяйте!

В изложении Прайса действительно все выглядело осуществимо.

Биокибера — дорого, но уже существуют. Дополнительная защита для них — осуществима. Модернизация киберов, предлагаемая Прайсом и необходимая для определения людей с преступным мышлением приставка также не были сверхзадачей.

Техника бесследного убийства разрабатывалась столетиями. Инфаркты, инсульты, да что об этом говорить... И, по мнению Прайса, установка была только за правом киберов, юридически и этически обоснованным, правом, как выразился Прайс, «...на ликвидацию лиц с преступным мышлением»...

— Ну что ж, — сказал мэр, — и такая точка зрения имеет право на существование. Подготовьте, пожалуйста, все необходимые материалы, расчеты, эскизы, справки. Если можно, уточните смету расходов. И мы проведем заседание муниципального Совета. Как вы понимаете, я один не вправе принимать законодательные акты. И хоть Большой город получил юридическую автономию, проблемы, возникающие в связи с вашим предложением, очень серьезны. Сколько времени вам понадобится?

— Две-три недели, — разумчиво протянул Прайс.

— Накинем сюда две недели на зондаж и некоторую подготовку отцов города,— мэр заглянул в календарь.— Этот день вас устроит? — Он нацелился ручкой на 20 сентября, и в глазах Прайса появился свет.

— Этот день посыпает мне Бог! Это день моего рождения!

— Вот и хорошо! Значит, встречаемся в 11.00 в зале заседаний. И оставьте, пожалуйста, ваши координаты, если вдруг потребуются какие-нибудь данные по проекту.

— Да, конечно, вот карточка отеля.

Это был вполне респектабельный отель для не очень богатых провинциалов с пуританскими взглядами. На карточке было предусмотрительно записано: Адам Дж. Прайс, № 314.

— Телефона в номере нет?

— Извините, я его не знаю. Могу дать радиотелефон в моей машине.— И Прайс дописал номер.

— Хорошо,— мэр поднялся и вытянул руку в сторону двери.— Я вас немного провожу.

Прайс пошел по ковру.

II

Мэр начал зондаж тех членов Совета, которые, как ему казалось, имели точки соприкосновения с мафией; он получил неожиданную поддержку.

— Очень уж они распоясались! — заявил Леон М. Блюм.

— Хотелось бы, чтоб ночи были более тихими,— сказал В.-Т. Спрэй.

— Это удобный повод нанести удар конкурентам! — высказался Э.-А. Чиругitti, который был связан с младомафией.— И они этим воспользуются! Впрочем,— он испытующе посмотрел на мэра,— пусть они перебьют друг друга!

— Да! — сказал мэр.— Пусть...

Рядовые члены Совета приняли предложение кто с восторгом, кто со скептицизмом.

У самого мэра копошился в душе червячок сомнения, и он грыз, грыз, грыз — до тех пор, пока мэр не решился побеседовать со своим бывшим преподавателем права. Седовласый профессор, вельможа по внешнему виду, но удивительно демократичный и коммуникабельный человек, принял мэра в своем кабинете с искренней заинтересованностью. А когда мэр рассказал о проекте Прайса, заинтересованность его достигла апогея.

Он метался по кабинету, размахивал руками и, внезапно хватая необходимую книгу и с маху точно найдя необходимые строки, тыкал их мэру в глаза:

— Вот! — кричал он.— Еще в Древнем Риме!.. То же было в Византии!

В кабинете слегка запахло пылью, и мэр подумал, что книги — это книги, а пыль — это пыль, и никуда от нее не денешься, если любишь книги и живешь с открытыми окнами. И никакие самые тщательные уборки... Да и в самом запахе пыли, которая садится на старые книги,

что-то есть, без чего грустно в современных компьютерных читальных залах.

Мэру довелось быть в таком зале только один раз – при открытии первого информационного комплекса. А посидеть или даже полежать дома перед сном с книжкой он любил. И жена знала эту его слабость и никому не говорила об этом. Чтобы не засмеяли.

– В конце концов, – донесся до него голос профессора, – современные условия также дают нам примеры подобного типа. Представьте, идет война, а группа мародеров или насильников бесчинствует... И что предпринимает командование? Вот именно! – закричал он, перебивая сам себя и мэра, который ничего не говорил, но поднял брови. – Вот именно! Без суда и следствия! А разве у нас сейчас мирное время? Почему же тогда пулеметы работают по ночам, да и днем частенько! Словом, я за! Двумя руками! Подпишу любую петицию!

– Спасибо вам за поддержку! – Мэр, растроганный горячностью старого учителя, покинул его кабинет в полной уверенности, что город получит от нового проекта блага.

III

Встретив в вестибюле перед залом заседаний Прайса, мэр пожал ему руку и искренне сказал:

– Практически все «за». В совете редкое единодушие. Считайте, что «Закон» у нас в кармане!

– Я хотел бы поприсутствовать на этом заседании! – сказал Прайс.

– Вы для членов совета почти Мессия! – ответил мэр. – Пойдемте!

Мэр увидел в глазах Прайса искорки фанатизма, и ему стало не по себе.

– Ну! Ну! – успокоительно похлопал он собеседника по плечу. – Нас с вами уже ждут. – И пропустил Прайса вперед.

Речь мэра обошла практически все газеты. Ее отрывки транслировали десятки раз по радио и телевидению. Она была спрессована и энергична. А самому мэру она настолько нравилась, что он увидел себя во сне в первую же ночь. Во сне он сказал: «В жизни Города наступил период, когда страх и ненависть его граждан могут дать кровавый урожай! Мы не имеем права на отсрочку!» А дальше он понес что-то такое многозначительное, рыхлое и двусмысленное, что от ужаса и стыда проснулся. Приснулся и вспомнил текст речи, проанализировал его еще раз. О мерах, принимаемых мэрией? Сказал. О безнадежной статистике? Сказал. О предложениях Прайса изготовить несколько биокиберов, которые будут определять преступников по излучаемым ими информационным полям? Тоже сказал. О том, что необходимо принять закон, по которому киберам будет дано право истреблять преступников? Есть! Стоимость услуг полиции – самая большая статья расхода в бюджете Города? Есть! Предполагаемая стоимость проекта Прайса? Есть. О сроках? Есть! Срок по изготовлению трех экспериментальных полицейских киберов? Пять лет!

Мэр вспомнил, что Прайс настаивал, чтобы убыстрить дело.

И вот снова мэр беседует с Прайсом.

— Хорошо! — сказал мэр.— Закончите и получите деньги сразу же после приемки работы. Но говорить об этом я вам запрещаю! Это должны знать только вы и я.

— Ладно! — согласился Прайс.

Мэр добавил:

— Эксплуатация этих ПК, включая их настройку и первоначальное опробование, должна оплачиваться отдельно! Мы все это можем внести в контракт. Но подчеркиваю, ваше молчание — тоже статья контракта. Я не хочу, чтобы вас убили раньше, чем вы окончите всю работу.

— Убить меня? — У Прайса расширились зрачки. А мэр, почувствовав себя мальчишкой, начал пугать теоретика, рассказывая ему об изощренности, коварстве, жестокости и могуществе мафии.

— Мне большинство этих вещей известно,— как-то вяло сказал Прайс,— но я не думал, что это коснется меня!

— И это говорит Мессия! — пошутил мэр.

Прайс вспыхнул:

— Да! Я — Мессия! Но я им стану, когда закончу работу! Мне нужно ее закончить!

— Договорились! — радостно заулыбался мэр.— Я беру на себя организацию вашей безопасности на период работы при условии...

— Я буду нем! — воскликнул Прайс.

Мэр позвонил полицейскому гримеру и попросил его зайти, потому что необходимо было убедить Прайса в серьезности угрожающей опасности.

— Мы обговорим структуру наших отношений! — сказал мэр, пристально глядя в глаза Прайса.— И в дальнейшем никакие отклонения недопустимы. Каналы связи, способы связи с «Прайсокиберами»...

Мэр протянул Прайсу руку: тот слушал как зачарованный. И режим изоляции, и сервис, который мэр предложил взамен свободы, и контракт, и гримера, который простыми средствами до неузнаваемости изменит внешность Прайса, и гардероб, и десятки других мелких и крупных деталей будущей работы и быта были оговорены и приняты Прайсом всерьез.

А мэр думал про себя: «С такими людьми все надо обговорить заранее, чтобы в дальнейшем они не высказывали в самый неподходящий момент под пулью. Или к микрофону репортера».

IV

Прайс окунулся с головой в работу, и мэру доставляло удовольствие заезжать к нему врасплох и видеть, как человек, оторванный от любимого дела, начинает походить на рыбу, выдернутую из солнного пруда. А потом они привыкли друг к другу, и иногда мэр садился за стол и начиндал вникать в заботы Прайса. Присутствие Прайса действовало как катализатор, и так хорошо, и так здорово было мэру в эти минуты. И отходили куда-то в тартарары все заботы и тревоги. Сегодня было скучно. Сегодня тревожили вопросы, которые задал Чирутти. «Я надеюсь,— он доверительно, как самому большому другу, кивнул мэру,— что смогу принять

участие в разработке формы одежды для «Прайсокиберов». — «Откуда ты знаешь об этом?» — удивился мэр. «Знаю», — загадочно ответил Чирутти. «Я вам обещаю, что одежду будете шить вы!» — заторопился мэр. «Записано!» — Чирутти хотел обнять мэра, но тот отшатнулся от него.

Мэр содрогнулся. И вот теперь разные сомнения одолевали мэра.

V

Единодушно было в зале заседаний, когда дебатировался закон о «Прайсокиберах». Витавших тут мыслей хватило бы на обеспечение безопасности целого региона, если их хорошо организовать. И на новую мощную волну гангстеризма. Но все это было в прошлом. Сегодня — это сегодня.

Мэр смотрел на Прайса, и на душе легчало.

— Главное, информация, которую мы запрограммировали, — произнес мэр. — Главное — это правильная дозировка.

— И упаковка! — поправил Прайс мэра.

— Да! — подтвердил мэр. Он очень удивился, когда услышал фразу: «Главное — это правильная дозировка!»

— Прайс! — обратился к Прайсу: его тревожили неясности беседы с Чирутти.

Ученый поднял голову, но продолжал что-то писать.

Мэр привык быть хозяином ситуации, впрочем, дергать Прайса не стоило и показывать ему свою обеспокоенность тоже.

— Я вас слушаю! — сказал Прайс.

Мэр потер пальцем сначала левую, потом правую бровь. Лицо его, лицо уверенного в себе человека, было спокойным и доброжелательным. Оно вселяло надежду и успокаивало. Мэр произнес:

— Срок, предусмотренный контрактом, — пять лет. Время еще есть. Но это — предельный срок нашей с вами жизни. Я вам уже говорил о динамическом равновесии, сложившемся в Городе. Нам нужно не менее трех-четырех лет конспиративной деятельности «Прайсокиберов», чтобы они уничтожали преступников. Потом станет легче. Если они не смогут этого выполнить — нам конец. Уже прошло семь месяцев, а вы обещали за шесть...

— Минутку! — перебил Прайс. Он поднялся и, подойдя к двери, ведущей в лабораторию, приоткрыл ее. Оттуда донесся хрипловатый баритон, рассказывающий что-то, и женское хихиканье, смолкнувшее, однако, через секунду после открытия двери.

— Я вас просил сразу же ко мне! — сухо произнес Прайс, и лицо его стало жестким, на скулах вздулись желваки, а губы сжались в узкую твердую полоску.

— Извините, шеф, — пробормотал баритон из лаборатории, послышался шум отодвигаемого стула, и в дверях показался грузный пожилой человек, судя по одежде и выражению лица — типичный таксист Большого Города.

Мэр с интересом глядел на необычное для Прайса выражение лица.

— Ой, у вас посетитель, — прошептал «шофер».

— Это заказчик! — перебил Прайс.

«Шофер» с интересом оглядел мэра, и глаза его оценивающие прищурились. И мэр почувствовал неловкость: так глядела только мать, которая досконально знала все его слабости. Но в «таксисте» не было ничего материнского.

— Вот! — сказал Прайс, показывая мэру рукой на «шофера». — Готовая к действию модель. Практически заряженная информацией. Через две недели и можно будет начинать!

Кибер сидел, развалившись в кресле, и ковырял в зубах пластиковой зубочисткой. Очень сосредоточенно отрыгнул, и в кабинете запахло кетчупом и кисловатым пивом.

— Извините! — кашлянул он. — Что-то с пищеварением! — И он с видимым удовольствием отрыгнул еще раз.

— Выйдите, пожалуйста! — обратился мэр к киберу. Тот хмыкнул, поднялся и пошел в дверь лаборатории, подтягивая на ходу штаны.

— Я знаю его! — мэр поморщился...

— Вам известен дядюшка Вилли? — удивился Прайс.

— Конечно, его звали Вилли! — вспомнил мэр. — Я учился с ним в школе!

Прайс подошел к двери лаборатории и попросил кибера снова зайти.

— Разденьтесь, пожалуйста, до пояса! — обратился он к киберу.

«Шофер» разделся. Прайс взял со стола скальпель и, подойдя к шоферу, изо всех сил ударил его в живот, но кибер напряг брюшные мышцы, лезвие медленно выдавилось из живота, и скальпель со звоном упал на пол. Прайс нагнулся, поднял скальпель и подал его мэру. — Можете попробовать сами!

Мэр размахнулся и ударил кибера в грудь, но почувствовал очень упрогое и мощное противодействие. Скальпель даже не порезал кожу «шофера».

— Самые уязвимые места — глаза и открытый рот, — сказал Прайс. — С животом проблем меньше.

— А если рот закрыт? — спросил мэр.

— Тогда нет проблем!

— Хорошо... — задумчиво протянул мэр скорее для себя, чем для собеседников. Он никогда не сталкивался с биокибераами и был очень удивлен.

— Для следующего периода жизни мы изменим ему и внешность, и привычки! — пояснял Прайс.

— Я вас недооценил, — проговорил мэр. — Но как информация просочилась к Чирутти?

— Что нам известно о Чирутти? — спросил Прайс кибера.

— Чирутти — это крупная фирма по пошиву одежды. Причем с претензией на роль законодателя моды. Собственные дизайнеры, лазутчики в Париже и Лондоне... Вас интересуют его связи с младомафией?

— Конечно, — кивнул мэр.

— Чирутти — один из четырех руководителей этого клана. И претендент на единоличное... Самый сильный... Склонен к риску... Любит авантюры. Иногда принимает сам участие в ликвидации неугодных свидетелей.

лей. На личном счету — около двух десятков жизней. Для вас более опасна другая фигура в вашем окружении — ваш секретарь...

— Айрин? — изумился мэр. Дышать ему стало тяжело.

«Шофер» холодно разглядывал посеревшее лицо мэра; Прайс стоял у окна и, слава богу, ничего не видел.

— Чирутти умен и осторожен,— продолжал дядюшка Вилли.— Думаю, что будет правильно начать с него.

— Что начать? — спросил мэр.

— Ликвидацию лиц с преступным мышлением! — отрубил робот.

— Да-да,— закивал мэр.— Пальцы Чирутти уже на моем горле... Да, уберите его!

VI

Сообщение «шофера» об Айрин было для мэра ударом под ложечку. И хоть внешне это не было заметно, внутри оставалась боль...

Айрин — подруга дочери мэра. Она очень нравилась мэру.

Любовниками их назвать нельзя... Просто Айрин зашла однажды в кабинет, остановилась у мэра за спиной и положила руки ему на плечи. И мэр стал как пластилин в ее руках. «И не терзай себя! — сказала она.— Это я во всем виновата! Но вина моя не очень большая,— шептала она, целуя его в ухо,— потому что ты мне нравишься».

И осталась она прекрасным работником, не жалеющим личного времени. Но иногда она заходила в кабинет совершенно другой походкой, клала мэру на плечо левую руку, и, когда он поднимал голову, выпрямляясь в кресле, приставляла к его носу левую грудь. Он чувствовал лицом набрякший сосок, и голова у него начинала кружиться от близости молодого, ждущего, прекрасного тела.

— Мэр! — говорила она прерывающимся шепотом.— Тебя любит молодая женщина. Я надеюсь, ты не собственник! Я вообще принадлежу другому! А ты принимай меня как подарок судьбы. Как кусочек пирога, который забыли на столе! — сказала она смеясь.

VII

— Мэр! — донесся голос Прайса.

«О господи! — подумал он.— Дай мне силы!»

— Я считаю, что накопленной информации достаточно для проведения экспериментальной ликвидации! — сказал Прайс.

— Есть затруднения,— ответил мэр.— Закон вступает в силу, когда комиссия по ПК убедится в том, что ПК — безошибочны. Для этого отбирается тысяча человек с неугодными Городу репутациями; будут порядочные люди и уголовники, и процент ошибок в определении их должен быть равен нулю.

— Разве не существует судейских ошибок или потайных маньяков? — спросил Прайс.

— Вы же приняли условие заседания Совета и подписали его в контракте! — огрызнулся мэр.

— Возникнут осложнения! — покачал головой Прайс.— И это надолго отодвинет начало... операции...

— Возможно! — согласился мэр.— Но мы должны быть уверены, что убираем тех, кто вреден Городу...

— Вы не верите в способности киберов к анализу и самосовершенствованию.

— Верю! — поднял брови мэр.— Но сомневаюсь...

— Я изготовил кибера с объемом знаний на уровне среднего человека. Вы помните, я просил у вас полицейские материалы по приговоренным к электрическому стулу. Их оказалось пять человек. ПК усвоил всю информацию по этим типам и получил от меня задание определить, чем они отличаются от большинства людей, идущих по улице. Он принес мне несколько сотен параметров. Мы отобрали... Излучения этих пятерых отличаются от излучений обычного человека. И кибер своей оптикой различает эти отличия.

— Чем же выделяются эти типы?

— Тем же, чем отличается цвет от цвета — длиной волны! — ответил Прайс.— А потом я попросил у вас разрешения посетить тюрьму. Помни те? И мы вдвоем с «дядюшкой» ее посетили. И там закон различия информационных полей подтвердился. Единственное затруднение вышло, когда нам попался шизофреник. И с ним в конце концов мы разобрались. Помните, я выступил перед вами с ходатайством о переводе одного заключенного в лечебницу?

— Да! — мэр качнул головой.— Он выбросился из окна больницы!

— Это не наша вина! — сказал Прайс.

— Не наша. Только если бы не наше вмешательство, он бы еще жил.

— Ущербный тип с большой психикой... — засмеялся Прайс.

— Мы не будем дискутировать на эту тему! — отрезал мэр.

— Мне ясна ваша позиция. И я постараюсь в своей деятельности обойтись без ущерба для нее,— примирительно ответил Прайс.— Хотя и не одобряю!..

— Договорились! — сказал мэр.

— Я могу добавить, что существуют различные «оттенки» в биополях, можно отличить насильника от мошенника по биополям, можно отличить мошенника от убийцы,— вдруг вмешался в разговор кибер-1.

— Неужели? — оглянулся на него Прайс.— Я этого не знал...

— А в отношении Чиругти у вас нет сомнений? — спросил мэр.

— Таких, как он, в многомиллионном городе всего несколько десятков человек. И они неизлечимы,— сказал кибер.

— Так они больны? — допытывался мэр.

— Я пока не могу ответить на ваш вопрос, но сдвиги в психике у них имеются.

— А нельзя их вылечить?

— Личность перестанет существовать,— объяснил кибер.

— Значит, в любом случае лучше уничтожение? — Мэр ждал ответа от Прайса.

— Да, конечно,— Прайс развел руками.— Иначе зачем было нам с вами...

Он не успел закончить фразу.

— Я хотел бы с ним вначале поговорить,— сказал мэр.— С этим, с приговоренным.

— Он может быть вооружен,— предупредил кибер.

— Великолепно! — обрадовался Прайс.— Нужно достать пропуск для ПК-1!

— Это не проблема!

VIII

Мэр шел по весеннему Городу, и ласковый ветер напевал ему о любви. И о ненависти. Потому что из-за любви рождается обычно ненависть.

В клубе было немного народа, в большинстве знакомые лица, и, чтобы не обмениваться ни с кем рукопожатиями, мэр сразу же взял коктейль. Бокал приходилось стискивать немного сильнее, чтобы он не выскользнул из влажной руки.

— А, дорогой друг! — раздалось за спиной, и мэр повернулся к Чирутти.

— Присядем! — предложил он.— Ваше обещание дать моей фирме заказ на пошив одежды для ПК — это почетно! И это будет вкладом фирмы в борьбу с преступностью. Мы решили форму пошить бесплатно. Но меня как члена муниципального Совета теперь интересуют сроки...

— Город с удовлетворением примет дар от вашей фирмы. Необходимо сообщить об этом репортерам,— поклонился мэр.

— Ты меня продаешь! — осклабился Чирутти.

Мэр глянул на Чирутти так, что тот прочитал в его глазах вопрос: «Откуда ты знаешь Айрин?»

«О, Айрин! Я ее знаю уже десять лет! У нее раньше была дивная фигура! А грудь! Какая у нее была тогда грудь!»

«Сколько же ей было лет? — засветилось в глазах мэра.— Пятнадцать? Ты, скот, растял ее в пятнадцать лет!»

Мэр выпил коктейль одним огромным глотком, но он застрял у него в горле; и пока он откашливался, раздался хриплый голос:

— Чирутти! Ты совсем не изменился!

Между столами стоял ПК. Чирутти машинально привстал и пожал протянутую руку.

— Я вас не знаю! — вяло сказал Чирутти и тут же вскрикнул: — Вы укололи мне руку!

На них начали оборачиваться посетители. Мэр встал:

— Извините,— и стал удаляться к выходу.

В это время «шофер» говорил Чирутти:

— Мы с вами занимались в школе! Забыли?

— В какой школе?! — завопил Чирутти.— Вы же старше меня на двадцать лет!

Мэр пошел в кегельбан. Рокот дорожек и щелк шара при попадании в кегли всегда хорошо действовали на него. Немного успокоившись, он захотел сыграть партию с Нэдом. Тот давно обещал отыграть двойное виски.

И Нэд, и виски — все здесь было. Нэд был на другом энергетическом уровне, поэтому мэр сначала крепко заправился, а потом действительно выиграл у Нэда первую партию.

IX

Утром в постели Айрин хамски сказала мэру, что он подлец.

— Что случилось? — удивился он ее перемене.

— Я кожей ощущаю — это ты! — закричала она гневно.

— Что-то случилось? Что же?

В голосе ее мэр услышал глубокую обиду.

— Эд парализован!

— Эд — это кто? — переспросил мэр.

— Ты не знаешь, кто такой Эд? — с саркастической миной прошипела Айрин.— Это тот, кто выделял кусочек пирога тебе! — завопила она, и он увидел, что у нее начинается истерика.— Это тот, кого я люблю! —кричала она, вцепившись ему в воротник.— Из-за кого я у тебя работаю! Из-за кого дружу с твоей дурой дочкой! Из-за кого дарю тебе, скотина, свое тело! И если он умрет, я убью тебя, дермо собачье!

Мэр смотрел ей в глаза, но не возражал и не оскорблялся. Просто стоял и ждал, когда она выкричится. Это ничего. Все имеют право на счастье, на справедливость и защиту закона.

— Я не видела от него ничего, кроме добра! — кричала Айрин, но голос ее слабел.— Чирутти спас нам с матерью жизнь! Он много лет поддерживал нас после смерти брата! Он и сейчас нам изредка помогает, и мать молится на него как на бога...— Она подошла к креслу и плюхнулась в него.

— Извини меня, пожалуйста... Я не понимаю, что кричала, и у меня очень болит голова... Прости мне эту истерику... Но я действительно очень благодарна Чирутти. И... наверное... я любила его... Не знаю... Все перепуталось...

— Ты не знаешь. Брата твоего убил Чирутти. Поедем к нему, посмотрим, как он себя чувствует! Приведи себя в порядок и поехали!

В машине Айрин села на самый краешек сиденья, словно боялась прикасаться не только к мэру. И сидела стрелочкой, раскачивающейся на поворотах. И когда вышли из машины, она не закрыла даже за собой дверь. Просто вышагнула из нее, и все. И конечно, здесь их встретили люди Чирутти.

— Мэр... мэр... мэр... — зашелестело и все стихло вокруг.

Мэр и Айрин шли парламентариями по чужой территории. Нет, пожалуй, Айрин не была здесь чужой.

Чирутти лежал в широкой кровати, инкрустированной слоновой костью и завешенной балдахином.

— Он пришел в себя, но не говорит! — сказал доктор, после того как молодая жена Чирутти, одетая в короткую тунику, воскликнула:

— Доктор, это мэр! — и, схватив руку мэра двумя руками, прижала ее к своей груди.

— Я не знал, что у нашего больного такая очаровательная жена! — бросил комплимент мэр.

— Теперь будете знать! — Глаза ее бессмысленно и прямолинейно блестели, как после приема наркотика.

У Айрин появилось на лице брезгливое выражение, и видно было, что она старается его убрать и не глядеть на хорошенькую наркоманку.

— Эдди! К тебе пришел мэр! — громко сказала жена и, порхнув по пушистому ковру, откинула полог.

Чирутти лежал с открытыми глазами и смотрел куда-то мимо них. Мэр и Айрин приблизились к его кровати.

— Добрый день! — произнес мэр.

— Эд! — воскликнула Айрин.

И в глазах Чирутти появилось узнавание. Сначала он посмотрел на мэра, потом перевел взгляд на Айрин; в его взгляде появилось чувство вины, потом оно сменилось ужасом, а потом он захрипел:

— Я не хотел...

— О господи! Нет! Нет! — закричала Айрин...

И изо рта у него потекла слюна, он дернулся раз, другой...

Перед ними лежал идиот, которому не хватало кислорода, но которого даже это не интересовало. Человек по фамилии Чирутти перестал существовать. Фамилия, правда, еще была, но человека уже не было.

— У папочки сопли! — игриво проговорила наркоманка, и доктор задернул полог.

— Идем, Айрин! Мы здесь не ко времени! — Мэр попятился назад.

X

— Нет, виски! — размахивала руками Айрин. — Я поняла, что он хотел сказать! — добавила она. И, глотнув виски, закрыла глаза рукой.

— Мне кажется, что ты знал, чем все это кончится... Я не могу сразу уйти с работы... Ты дашь мне возможность подыскать что-нибудь? — бормотала она спячка и поставила стакан на стол. В походке ее снова была пантера, и мэр знал, что она догадывается о причинах идиотизма Чирутти.

— Я пойду домой. Извини меня... Я не могу сегодня работать! — продолжала бормотать Айрин.

— Конечно! — сказал мэр. — Привет матери!

Она приостановилась и посмотрела на мэра.

— Ты ничего не скажешь сегодня матери, — предупредил мэр, — верно, душечка?

XI

— Вас просит какой-то О'Лири. Говорит, что по важному делу, — голос Айрин был деловит.

Мэр поднял трубку.

— Слушаю вас!

— Хотелось бы с вами встретиться по поводу Чирутти,— послышалось в трубке.— Я частный детектив, и мне поручили расследовать это дело.

— Через тридцать минут вы можете быть у меня? — спросил мэр.

— Отлично! До встречи!

О’Лири вошел в кабинет мэра. Это был элегантный высокий атлет, он вежливо поздоровался.

— Я не вижу никакого «дела», как мне пытаются объяснить мои клиенты! — сказал после процедуры знакомства частный детектив.— Вы можете вышвырнуть меня за дверь, тем более что ваша репутация в Городе известна в самом положительном свете.

— Кто вас нанял? — перебил его мэр.

— Наследники!

— У Чирутти нет прямых наследников! — прищурился мэр.— Давайте ваши вопросы!

— Спасибо! Сначала информация, которая у меня имеется,— приступил к делу О’Лири.— Очевидцы утверждают, что между вами и Чирутти в клубе возник скандал. Что было поводом?

Мэр задумался:

— Была дружеская беседа о передаче фирме Чирутти заказа на пошив одежды. Никаких скандалов...

— Кто был тот человек, который подошел к вам во время беседы?

— У него очень запоминающаяся отрыжка! — вспоминал мэр.— Где-то я его видел... раньше.

— Он член клуба?

— Не знаю!

— Что вызвало раздражение Чирутти?

— Видимо, вмешательство в разговор постороннего человека.

— Почему же вы покинули клуб?

— Надоело и ушел.

— А Айрин?

— Что Айрин? — пытался удивиться мэр.

— Вы знали, что ваша секретарша — любовница Чирутти?

— Нет, конечно.

— Последний вопрос... Когда необходимо пошить одежду для ПК? — Детектив был вежлив, но настойчив.

— Я не уверен, что заказ будет выполнять эта фирма. Мы его хотели дать Чирутти из личных симпатий!

— Но ведь Чирутти жив!

— Нет! — сказал мэр, поднимаясь из кресла.— Это уже не Чирутти!

О’Лири тоже встал и проговорил:

— Нам придется еще раз встретиться.

— У меня много работы,— мэр ждал, пока детектив покинет кабинет.

Они обошлись без рукопожатий. Как только за О’Лири закрылась дверь, мэр тщательно вымыл руки. И долго вытирал их перед тем, как вышвырнуть полотенце в урну.

— Думай, парень, думай! — скомандовал себе мэр.— Что они знают? Предположим, самое худшее — Айрин что-то знает и все это рассказывает. О «дядюшке» мэр не успел ей рассказать. Пусть работает, пусть даже поставляет им информацию, как и раньше. Это уже не страшно. Бедная девочка...

— Я не помешаю? — В кабинет проскользнула Айрин, и лицо ее было напряженным.

— Садись, девочка...

Она не приняла его тона и села в кресло, и спина ее была ровная и напряженная, как и лицо.

— Я хочу вас поставить в известность,— сказала она, и у нее задрожала нижняя губа, но она закусила ее зубами.— Вчера я была у Чирутти и хотела остаться с ним сиделкой. Но они не разрешили. Они мне сказали, чтобы я продолжала работать у вас и чтобы все оставалось по-прежнему. Я хочу, чтобы вы об этом знали. Лучше всего будет, если вы меня уволите...

— Айрин! — Голос мэра звучал чуть-чуть строже обычного.— Вы можете работать здесь даже после того, как не будет меня.

— Спасибо! — ответила она, но в голосе не было благодарности.

— Ну а я поехал к Прайсу...

— Хорошо, мэр! — Она вскочила и первой выбежала за дверь.

— Они будут пытаться любыми путями получить информацию о ходе работ,— закончил рассказ мэр.

— Вплоть до попытки замены мэра! — сказал ПК-1.— Поэтому надо как-то убедить их в нескором завершении. Я предлагаю показать меня...

— Нет! — вмешался Прайс.— Лучше показать неподвижный ящик.

— Конечно! — согласился мэр.— Психика инерционна. Они долго еще будут связывать ПК с неподвижностью... И это даст нам время.

— Поехали в тюрьму! — предложил Прайс.— Нам для очередной на-качки ПК-1 это необходимо. Если, конечно, у вас есть время! Там есть очень интересные субъекты. Покажем вам человека, который совершенно непонятно для всех сидит неизвестно за что уже третий год. Я подозреваю, что его засунули вместо кого-то.

Через четверть часа вертолет приземлился на крыше 2-й городской тюрьмы, и тюремное начальство радушно приветствовало мэра.

— Пожалуйста, проведите нас в сектор В, 434-я камера,— попросил Прайс, и они двинулись к «невиновному» заключенному.

— За что он сидит? — спросил Прайс начальника бокса.

Тот недовольно сморщился, и глаза его метнулись в сторону.

Оказалось, что парня привезли сюда еще при прежней администрации, которая либо уничтожила, либо изъяла всю документацию по этому заключенному. И теперь в «деле» нет ничего. Ни одной бумажки. Неизвестно, на какой срок его посадили и за что...

— Мы писали в мэрию, но никто нам не ответил,— пояснял начальник бокса. Он был растерян и не знал, куда девать руки.

— Он смирный, но ужасно упрямый,— закончил рассказ начальник бокса.

Все замки, когда не терпится, открываются плохо. Особенно тюремные. В чреве допотопного замка что-то скрежетало, и казалось, что если замок и откроется, то дверь уж все-таки не отворится. Но дверь открылась легко и бесшумно, если не считать слабого щелчка фиксатора. Заключенный был в камере один...

Он стоял на коленях в углу и не шелохнулся ни на звук открываемой двери, ни на обращение. Видимо, он молился уже давно и впал в транс. Его подняли на ноги, и он едва не упал. Надзиратели поддержали его под мышками, и мэр увидел, что брюки на коленях мокры. Это была кровь. Мэр поднял голову, посмотрел на лицо заключенного; на него откуда-то из далекого далека спокойно и мудро смотрели два светлых глаза.

— Мы пришли сказать, что вы свободны! — объявил мэр, но вдруг понял, что слова эти нелепы. Надо было соблюсти форму, и мэр добавил все, что было нужно.

— Спасибо вам! — ответил человек, но это тоже была форма, просто он не хотел обидеть мэра.— Всех вешать нужно! — внезапно просипел заключенный, и лицо его исказилось.

— Почему вешать? — не сразу догадался мэр.

Он, вернувшись в камеру, внимательно оглядел стены и потолок. В двух углах торчали маленькие металлические цилиндрики. И мэр понял, для чего держали здесь этого человека. И стало ясно, что заточили его сюда именно потому, что он такой. Кому-то надо доказать, что его устройство воздействует на психику эффективней, и для этого нужно сломать именно такого человека. А то, что таких на всем земном шаре, может быть, и не осталось вообще,— на это наплевать.

— У вас нет никаких документов? — обратился к освобожденному мэр.

— Их отобрали,— прошептал тот.

— Вы умеете водить машину?

— Да! — однозначно ответил мученик.

— Вам следует сразу же выехать из Города. Машину, правда, не очень новую, муниципалитет вам выделит.

В освещенной кабине землистое лицо узника резко контрастировало с глазами.

— Наденьте темные очки, переоденьтесь, иначе вас засекут около первой же бензоколонки,— советовал мэр.— Уезжайте.

Мэр даже почувствовал какую-то неожиданную детскую робость. И радостно стало, что можно помочь несчастному узнику.

И этот душевный подъем, это чувство «святого дела» новой волной затопило мэра на следующий день, когда он узнал, что все в порядке и бывший узник обосновался ненадолго в чьем-то доме и ночью покинет Город.

Весь день дул упорный ветер, и после долгого пребывания на улицеказалось, что тебя толкает кто-то прохладной рукой в лоб. Мэр подошел

к окну. Закат багровел, вспухал, заполняя небо, и тревогой затекал в душу. И в это время раздался голос Айрин, и было в нем что-то необычное:

- На проводе министр обороны!
- Ну вот! — тихо сказал мэр. Он положил руку на кнопку.— Сейчас он мне расскажет о нашем брате во Христе! — Мэр держал палец на кнопке и не нажимал ее.

XIV

Ночь съежилась, и ее последняя капля упала и куда-то спряталась, чтобы дождаться своего часа и опять вырасти огромным черным бархатным цветком, на лепестках которого дрожат звезды.

Мэр проснулся очень рано (результат разговора с министром) и сейчас с удовольствием копался в огороде. Цветник требовал постоянного внимания, но зато сторицей возвращал и равновесие и настроение. Да и физическую форму надо поддерживать.

«Сейчас пойду нарежу опят!» — с удовольствием подумал мэр. В прошлом году попалась на глаза статья о выращивании опят в условиях небольшого сада, и он уже ждал второй урожай.

«Вечером поедим маринованных грибов!» — подумал мэр и проглотил слюну, срезая и укладывая в соломенную корзину тугое грибки. И когда довольный подходил к дому, то услыхал трель телефона. В это время его обычно не беспокоили. Он ускорил шаги, может быть, жена еще спит, но она шла ему навстречу, и глаза у нее были ошелевшие:

— Президент! — быстро прошептала она.— С президентами мы разговариваем не каждый день. Но если ты мужчина, а не дермо, делающее карьеру, ты останешься самим собой, разговаривая даже с Богом.

— Добрый день, сэр! Подождите, пожалуйста, несколько секунд, и я соединю вас с президентом! — почти пропел сладкий голос.

— Доброе утро! — раздался знакомый холеный баритон президента.—А почему у вас не видеофон?

И мэр представил себе лицо президента в эту минуту и увидел равнодушные глаза и тщательно скрываемые складки неудовольствия в углах рта.

- Я привык к этому аппарату!
- Хочется видеть лицо собеседника! Я вас прошу,— президент надавил на это слово, как на педаль,— устраниТЬ одну группу... Подумайте. И помогите! — добавил президент.

Далее в трубке расцвел сладкий голос:

— Президент благодарит вас за время, которое вы ему удалили, и желает здоровья вам и вашей семье и процветания вашему бизнесу. Большое вам спасибо и до свидания!

— Да! — произнес мэр автоматически.— Спасибо!.. До свид...— Он не договорил, потому что его никто не слушал. Трубка была безответна. На другом конце отключились.

От Прайса исходили волны горя и ненависти.

«Как часто переплетаются эти несовместимые чувства»,— подумал мэр и спросил:

— Что случилось?

— Они убили дядюшку вместо ПК!

И мэр сразу же почувствовал опасность.

— А где ПК?

Прайс посмотрел на него и молчал. Потом сказал:

— ПК на задании по устраниению.

В глазах Прайса вспыхивал блеск фанатизма. И рот сжался в узкую складку.

— Кто вам разрешил?

— Тот же, кто разрешил вам ликвидировать Чирутти,— Господь!

«Прайса надо было держать под постоянным контролем. Это я проморгал. Недооценил его,— думал мэр.— Сегодня же необходимо организовать срочный референдум. Подготовить выступление по телевидению. Рассказать, что кибер готов и нужен закон, который разрешит кибера вести борьбу с преступниками. Надо бы продумать процедуру молниеносного плебисцита. Что-нибудь вроде выхода на улицу в вечернее время, когда обычные люди обычно, трясясь от страха, запираются на все запоры. Нужны комиссии уличных счетчиков из партийных активистов».

— Что вы молчите? — закричал Прайс.

— Я думаю, как выпутаться из того, что вы натворили!

— Пустяки! — будничным тоном сказал Прайс.— Плебисцит можно организовать очень просто, пусть люди в полночь зажгут свет в окнах, а счетчики посчитают.

— Пусть зажгут свет в жилых комнатах и всех подсобных помещениях! Пусть оторвут свои задницы от кроватей! Пусть не поспят немного! — настаивал Прайс.

— Очень все запуганы,— вяло согласился мэр.— А с преступностью пора кончать!

Он не ошибся. Город не спал практически всю ночь. Свет горел даже в офисах деловой части города. Люди вышли даже на улицы и впервые за много лет увидели звездное небо.

А днем появились экстренные выпуски газет. Было разгромлено руководство младомафии. И уничтожены самые одиозные фигуры западной ветви синдиката.

И с тех пор воздух стал становиться чище. Крупные мошенники начали расползаться, как тараканы. Но не успевали. Их находили. Ловили. Связывали и отправляли в тюрьму! Оказалось, что все их раньше знали. И молчали, боясь. И за страх свой люди сейчас мстили. Жестоко. Иногда до зверства жестоко. Люди есть люди. Пришло время выступить с разъяснениями. Объяснять, что киберам прибавляется работы. Что преступившие

черту также становятся мишенью. Это отрезвило и напугало. Но страх этот был уже страхом очищающим.

И пулеметы почти молчали. Казалось, в Городе становилось светлее.

XVI

С возрастом время становится неудержимой. И годы пролетают быстрее, чем в юности недели. И все больше не успеваешь сделать. И все больше делаешь. И появляются радости, в существование которых в юности не верил.

Глоток воды. И неба глубина. Вздох полной грудью воздуха в степи. И свет звезды, трепещущий во тьме. И вкус работы. Упоение дела.

Прошла неделя. За это время для мэра в Городе многое произошло. Ему позвонили из канцелярии президента. Перед ним долго извинялись, что оторвали от важных дел, президент предупреждал, что он ждет конфиденциальной информации.

На четвертый, а потом на шестой день среди ликвидированных были обнаружены негородские парни с оптическим оружием. Оба въехали в Город по автостраде, ведущей из центра. Они приехали в Город кого-то убить. У мэра возникло подозрение, что ехали стрелять в него.

А Город стал практически безопасен. Десяток киберов, меняющих несколько раз в день гром и одежду, прочесывали круглосуточно улицы,очные заведения, общественные места, транспортные артерии, они «вили» информационное поле через все лучепрозрачные предметы на расстоянии до километра.

И вдруг грянул гром — убили Прайса.

Мэр подъехал к дому, где жил и работал Прайс, одновременно с полицейской машиной. Лица полицейских были незнакомы, но они знали мэра. Мэр подбодрил их:

— Работайте, ребята. Я не буду мешать. Я только взгляну на Прайса.

Все направились к входу, и когда поднялись на крыльце, дверь отворилась, словно их ждали. Доносился звуки разговоров, и ребята потянулись за оружием. Но оно не понадобилось. Из двери вышел ПК-1...

— Здравствуйте, заказчик! — произнес он.

— Хорошо, что вы здесь! — обрадовался мэр.— Вы поможете быстрее распутать это дело.

— Какое дело?

— Мне позвонили и сказали, что убит Прайс! Это не так? — с надеждой спросил мэр.

— Он ликвидирован! — ответил ПК-1.

— Вы убили его?

— Нет! — ответил ПК-1.— Я к этому не готов. Это сделал ПК-77.

— Давайте зайдем! — предложил офицер.— Мы там все сейчас же выясним!

Но выяснить было практически нечего. Прайс последнее время кипел ненавистью. И, послав киберов на «ликвидацию» убийц дядюшки Вилли, он сам стал носителем изменений в своем информационном поле. Для ПК-1 его отклонения еще не выходили за рамки. Все второе поколение,

начиная с ПК-2, имело более совершенную оптику, более чувствительную систему определения.

Прайс сам регулировал «порог» у всего второго поколения. Он не мог не подумать о себе. Что-то в этой истории не сходилось. Не связывались оборванные нити. И мэр подумал, что в суматохе нельзя забывать об архиве Прайса. Полиция будет его изучать со своей точки зрения. Необходимо выяснить, как вступить в контакт со всеми киберами, начиная с ПК-2. Ну, архив Прайса интересовал мэра потому, что со смертью Прайса появился целый сонм маленьких загадок вокруг одной большой.

XVII

Город продолжал очищаться, и следующая неделя прошла практически без сенсаций. Правда, два события не вписывались в общий фон очищения. Был ликвидирован еще один пришлый боевик. Его машину засекли на улице, где жил мэр. Создавалось впечатление, что боевик наблюдал за той группой домов, среди которых находился и дом мэра. Потом во время посадки на крыше здания, принадлежавшего одной закрытой организации, разбился геликоптер. Все пассажиры, кроме пилота, погибли. Пилот, весь искалеченный и обожженный, с перебитым позвоночником в бессознательном состоянии находился в клинике св. Бернарда. В навигационных документах была обнаружена карта с начертанным кругом. Центр круга — здание, на которое приземлялась машина. Внутри очерченной окружности располагался дом мэра, трассы его обычных передвижений и конечные пункты этих трасс — мэрия, полиция, лаборатория Прайса, банк, клуб и т. д. В горевшем геликоптере нашли много остатков личного оружия дальнего прицела. Похоже было, что машина принадлежала группе заговорщиков. Кто и почему сбил геликоптер — установить не удалось. Расследование зашло в тупик.

Со смертью Прайса исчезла его рабочая тетрадь. Мэр хорошо знал о ее существовании. Прайс показывал ей кое-какие записи. Был у мэра с ним период доверительных отношений. Прайс прервал их со смертью дядюшки Вилли. Они так и не восстановились. Прайс был личностью, выходившей за общепринятые рамки. И мэр к этому никак не мог привыкнуть. И пока он был жив — это раздражало...

Никаких сведений от раненого летчика в мэрию не поступало.

Город менял уклад жизни, и вечерами тысячи горожан после «Ночи сплошных огней» выходили на улицы погулять, посудачить, покататься на велосипедах, на конях. По вечерам появились на реке лодки. И, гуляя по берегу, можно было наткнуться на парочки влюбленных. Опять шумели группки молодежи, и гомон этот был мирным и не заставлял сжиматься сердца обывателей. Город оттаивал. Все реже становились грабежи и убийства. Группа киберов ликвидировала сразу большое скопление наркоманов-мафиози, забаррикадировавшихся в трехэтажном особняке. Они запаслись кипами марихуаны, в одной уцелевшей после пожара ванне осталось множество расфасованных пакетов героина. Над пожарищем витали запахи разных сгоревших наркотиков. Видимо, это была лаборатория-фабрика. Там, при штурме особняка, ПК потеряли одного

кибера — своего «соратника», «товарища». Его разнесло в клочья прямым попаданием из базуки. И благодарные жители Города собрали останки и похоронили на месте его гибели, установив там скромный памятник с надписью: «Он погиб вместо кого-то из нас, очищая наши конюшни».

XVIII

Прошло полгода. В этот день мэр задержался в кабинете, как не задерживался уже месяца три. Айрин давно ушла. Она была по-прежнему сдержанна, но в ее сдержанности уже не было враждебности. Пожалуй, виноватость, что мэру показалось.

Мэр вышел на улицу и, приблизившись к машине, остановился: лучше пройтись по улице. Как давно он не ходил пешком!

— Мэр!

Он обернулся. Около колонны, с неосвещенной ее стороны, стоял какой-то бродяга.

— Что вам угодно? — сухо спросил мэр.

— Подойдите, пожалуйста! Не хочу вас компрометировать и выходить на свет! Меня прислал Учитель!

«Учитель». С таким трепетом и любовью он произнес это слово!

— Откуда вы знали, что я пойду пешком? — поинтересовался мэр.

— Сегодня мне удалось встретить вас, а вчера нет,— сказал кто-то из темноты.— Учитель просил передать вам! — кто-то протягивал мэру тетрадь Прайса.— Учитель сказал, что вас ждут большие хлопоты!

Мэр взял тетрадь:

— Вы читали?

— Нет, мне нельзя!

— Кто же ваш учитель?

Бродяга заулыбался:

— Не знаю! Он очень беспокоится о вашей жизни и просил меня поспешить...

— Спасибо! Он что-нибудь передал мне на словах?

— Только беспокоился за вашу жизнь. Он сказал, что вы все поймете из тетради! И сумеете уйти...

— А что значит — «сумеете уйти»?

— Извините, я не подумал. Его научил один лама... И он уходит в ту страну...

— Это как йоги?

— Нет. Это не путешествие духа. Он уходит во плоти... И возвращается потом худющий...

Бродяга не был ненормальным. Если в темноте присмотреться, поймешь, что он вовсе не бродяга. И что выглядит он очень естественно. Просто ему все равно, как он выглядит. Все равно, что о нем подумают.

И, чтобы скрыть нараставшее смущение, мэр прокашлялся.

— Что вы хотите еще добавить?

— Моя миссия окончена. Но я хотел бы поблагодарить вас за избавление учителя! — И парень резко согнулся в поясном поклоне.

— Кто вы такой? — растерялся мэр.

— Вы совершили Великий поступок. Спасибо! И до свидания.
И тень скользнула за колонну, а потом метнулась в ночную мглу боковой улички.

XIX

— Будешь есть? — спросила жена.
— Принеси мне пару сандвичей и кофе. Я должен поработать!

Открыв тетрадь, мэр забыл и о сандвичах, и о кофе, потому что начиналась она письмом Прайса к мэру, вклеенным перед первой страницей. Письмо было написано за неделю до его смерти.

«Мэр! Я впутал вас в две истории, и обе, оказывается, смертельно опасны. Мы долго работали бок о бок, и я с достаточной степенью точности изучил вас. И восхитился вами. Это — я, человек, который, в общем-то, с большой долей здорового презрения и скептицизма относится к человечеству и его будущему. В вас собран целый букет черт, сделавших бы честь целому Городу. Вы честны, правдивы, прямы, мужественны, решительны, добры, без колебаний идете на риск, если нужно помочь хорошему человеку. Вы чисты (если простить ваши шашни с Айрин)»...

Дойдя до этого места, мэр покраснел и вспомнил первую встречу с ПК-1. Прайс тогда смотрел в окно и, наверное, в стекле наблюдал за изменениями в лице мэра. Он был более деликатным, чем казался. Мэр все время его недооценивал. Он продолжал чтение:

«Вы терпеливы. Не буду перечислять все достоинства, присущие вашему характеру. Все это и благодарность за доверие, за заботу заставляют меня хоть частично оградить вас от тех опасностей, в которые вы благодаря мне влипли. Вас круглосуточно будут охранять четыре ПК, специально запрограммированные и выдрессированные для этого дела. Они будут находиться на приличном расстоянии и контролировать каждый свою зону вашего присутствия. Они не досадят вам. Вы их даже не заметите, но подходы к вашему дому с суши и с воздуха они перекроют».

«С суши и с воздуха», — мэр начал догадываться о причине гибели геликоптера.

«Мафия в Городе смертельно ранена. Но конвульсии ее еще могут причинить неприятности. Особенно если двинутся ей на помощь кланы из нетронутых зон. Большая опасность угрожает из Центра. Руководство программы (включая президента) — люди маниакально настойчивые и не останавливающиеся ни перед чем. Так что моя охрана поможет вам уцелеть только на первых порах, а о дальнейшей своей судьбе вам придется позаботиться самому. А вторая ваша забота — это ПК. Дело в том, что они — самосовершенствуются и постепенно дойдут до того, что будут выискивать в информационном поле воспоминания о краже банки с вареньем в детстве или о том, что, проводив гостей, муж обошелся с женой в постели несколько грубее, чем обычно. Да мало ли что числится за средним человеком! И когда окончится «запас» лиц с преступным мышлением, киберы начнут поиск худшего (на этот момент) из людей. («Он мучил в детстве животных!») Такую цену придется заплатить за мир в доме.

Другого пути принудить людей быть лучше и заставить наконец заняться своей душой не вижу!

Желаю вам счастья и удачи. И дай вам Бог победу.

Искренне любивший вас – Прайс».

Мэр задумался над письмом. Он мысленно просил Господа даровать покой душе погибшего Прайса, который хотел покоя. И так хотел, чтобы его получили люди. Он ушел, оставив свои раздумья, свою тетрадь, которую мэр сейчас начнет читать. Там было что-то сложное и дерзкое...

ИВАН ФРОЛОВ

ТАИНСТВЕННЫЕ МЕРГИ

На эту базу, затерявшуюся среди безлюдных тропических лесов и страшающую от нашествия прожорливых грызунов, Дин Кросьби попал в поисках невесты. Его Вероника была арестована во время демонстрации и с тех пор исчезла. Ее родители и Дин сбились с ног, когда наконец его друг из министерства доверительно поведал ему, что некоторых неблагонадежных направляли сюда, на край Вселенной, на растерзание нахальным насекомым. Может быть, туда попала и Вероника?

Узнав, что на базе имеется крупный научно-исследовательский комплекс, Кросьби попросил друга устроить ему назначение туда. Выполнение этой задачи облегчала заслуженная Дином Кросьби репутация талантливого специалиста по электронному моделированию.

– Военная база – не лучшее место для нормального человека, – предупреждал его друг.

Но в тоске по Веронике Дин не находил себе места, и удержать его было невозможно.

– Перед отправкой на такой объект я, как должностное лицо, обязан проинструктировать тебя. Знаешь ли ты, что такое всеобщая секретность, в условиях которой тебе придется жить и работать? – внушал ему друг. – Названия лабораторий по научной тематике скорее дезинформируют и маскируют их истинные цели. Сотрудники Научного Центра не всегда знают, над чем работают соседние лаборатории. Во всяком случае, не должны знать. И ничем не должны интересоваться! Любопытство приравнивается к шпионажу. Но у тебя, слава богу, благодатная профессия. Ты будешь создавать программы научных исследований не только для всех лабораторий Центра, но и для всей базы. Из этих бумаг можно будет немало почерпнуть. Но не дай бог, повторяю, о чем-либо расспрашивать.

– Вы еще не были в нашем виварии? – спросил Дина Флор-Риель и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Собственно, виварием эту комнату назвали условно, авансом, в расчете на будущих ее обитателей, которых запланировано получить несколько популяций. А пока там находится че-

тыре экземпляра. Приготовьтесь, молодой человек. Сейчас вы увидите представителей уникального, несуществующего в природе вида фауны. Видимо, в этом повинны блуждающие, или мобильные гены, природу которых мы познали еще недостаточно. И потому нередко сами удивляемся результатам опытов...

Дин работал в Научном центре всего месяц и уже завоевал отличную репутацию и уважение ученых. Будучи одним из двух специалистов компьютерного отдела, он разрабатывал основы, базисную модель программы электронного моделирования различных исследовательских процессов. Опытные программисты и операторы воплощали его идеи в законченные программы. В результате научные исследования, на которые в обычных условиях требуются годы, электроника, оперируя умело найденными Дином цифровыми аналогами, проводила, вернее, просчитывала за несколько дней.

И все-таки Кросьби до сих пор не мог адаптироваться к специфическим условиям базы, которая показалась ему средоточием всех негативных сторон общества. Многообразие человеческих характеров и их сложнейшие взаимоотношения здесь были безбожно упрощены, низведены до жалкого примитива и втиснуты в строгие параграфы устава. Непривычные военные строгости, нищенский набор слов и шаблонных фраз, предусмотренных на все случаи гарнизонной жизни, беспрекословное подчинение старшим по званию – все это держало привыкшего к полету мысли и к импровизации Дина Кросьби в постоянном напряжении.

Хотя военная дисциплина давила на ученых не в полную силу, привыкнуть к ней все равно было нелегко.

К тому же на Кросьби изнуряющее действовала убийственная жара и духота тропиков. Горячим, до предела напоенным влагой воздухом было трудно дышать. Каждая тряпка на теле, даже полупрозрачная майка, давила тяжелым мокрым прессом и сковывала движения. Хотелось сбросить с себя не только всю одежду, но даже собственную раскаленную и потную кожу. Ночи оставались такими же жаркими и душными. О прохладе можно было только мечтать...

Но Дин был вынужден зажимать себя в кулак и безропотно все переносить, потому что обнаружил здесь следы Вероники... Да, в одном из материалов, которые ему пришлось обрабатывать, среди ряда имен он встретил фамилию «В. Уинтроп». Тогда, при виде этой фамилии, у Дина неистово заколотилось сердце. Полагаясь на свою интуицию, он сразу уверовал, что это его Вероника. Да, это она, где-то здесь, совсем рядом...

Из сложного научного текста ему удалось понять главное: путем интенсификации метаболических процессов некие прозелиты подвергаются коренной мутации, позволяющей устраниТЬ их из сферы «Икс».

В том тексте было что-то еще о полиморфизации, об амнезии, о биологическом зейгировании, о эпигенетических процессах и прочее. Но все это уже показалось Дину малосущественным. На базе все знали о проводимых в Первой лаборатории опытах по превращению инакомыслящих в верноподданных прозелитов. С этими новообращенными, обреченными на незавидную жизнь, приходилось встречаться на каждом шагу. Глядя на них, Кросьби приблизительно представлял, что могли сделать с

его Вероникой. «Видимо, сфера «Икс» означает примитивное существование человека,— подумал Дин.— Выйти из нее можно на тот свет или перейти в более высокую стадию жизни. Может быть, В. Уинтроп уже вне территории базы... Или ее нет в живых. Так или иначе, я должен узнать о ее судьбе».

Но где и как все это можно выяснить? В первую очередь надо было бы, конечно, обратиться к работникам Первой лаборатории, занимающейся новообращенными. Но ее двери были закрыты и опечатаны еще до приезда Дина на базу. Ходили слухи, что руководитель лаборатории профессор Мондиал, предварительно превратив в прозелита командующего базой генерала Бурнетти, бежал с его помощью. И теперь в газетах разных стран о базе появляются малоприятные публикации.

Потом Кросьби стал подумывать о лаборатории метаболизма, в материалах которой обнаружил имя В. Уинтроп. Руководитель этой лаборатории Берт Бентон был молодым ученым, всего года на три старше Дина, и наряду с набором странностей обладал таким ценным качеством, как остроумие. Кросьби встречался с ним за пределами Центра, однажды — даже на теннисном корте, нередко ловил на себе внимательный и, казалось, доброжелательный взгляд молодого ученого и чувствовал, что между ними возможны товарищеские отношения. Однако, памятуя наказ министерского друга, спросить ни о чем не смел, а сблизиться не умел в силу своей дурацкой, как он считал, натуры. И чем сильней хотелось Дину такого сближения, тем труднее ему было побороть в себе идиотскую скованность и заговорить с Бертом не служебным, а простым человеческим языком.

И вот сейчас Кросьби следовал за Флор-Риелем и слушал его пристальные объяснения:

— Мобильные, прыгающие гены тесно связаны с механизмом регуляции генетического аппарата клетки. Именно они влияют на эволюционные скачки... Внедряются мобильные элементы в гены чаще всего зародышевых клеток. Это приводит к ослаблению их защитного механизма, как бы придает им повышенную мутабельность, притягивает все новые МДГ, в результате интенсивного нашествия которых происходит своего рода взрыв. Появляются новые мутации, чаще всего неудачные для организма. Но иногда перемещения дают удачное сочетание в зародившейся клетке, и преимущество получает весь организм... Наша задача раскрыть механизм перемещения МДГ и внедрения их в клеточную ткань и подчинить эти процессы своему контролю. То есть сделать их управляемыми... А пока мы даже не в состоянии определить родословную собственных созданий. Откуда это взялось? Им дали условное название: межродовые гибриды, сокращенно мерги.

Флор-Риель вошел в виварий и оцепенел...

Находящаяся там вместительная клетка из оргстекла, в которой содержались первые доказательства сказочных возможностей генной инженерии, была разбита. От мергов не осталось и следа.

— Все пропало,— потерянико пробормотал Флор-Риель.— Сколько трудов! Сколько бессонных ночей!

Обрюзгшее вмиг лицо, поникшая фигура профессора — все выражало неподдельное огорчение.

Тотчас следом за ними пришел заведующий отделом генетики Адриан Молокан, рыхлый малоподвижный господин. Узнав о случившемся, он испуганно запричитал:

— Что теперь будет? Как доложить руководителю Центра? Кто это мог совершить?

Дин Кросьби удивился: какой переполох поднялся из-за несчастных зверушек! Но у Молокана были причины для такой реакции... Дело в том, что бежавший с базы профессор Мондиал не только увез генерала Бурнетти и вывел из строя руководителя Центра Поля Кристи, он захватил с собой также чертежи и расчеты секретнейшего изобретения, на которое Министерство возлагало большие надежды. Давление на базу после этого резко возросло. Новый командующий, полковник Озерс, начал закручивать гайки. Во главе Научного Центра был поставлен не учений, а военный, заместитель Озерса, майор Херувимо, удачливый и потому излишне самоуверенный служака, привыкший рубить сплеча. Может за пустяк выгнать с нелестной аттестацией. А здесь как-никак были меры, с которыми связывали большое будущее. И главный спрос, конечно, с него, руководителя отдела.

Шеф Научного Центра майор Херувимо, узнав о случившемся, тотчас прибыл в виварий и стал тщательно обследовать «место преступления», как он выразился. Делал он это быстро и уверено:

— Так, оргстекло было сначала чем-то распилено,— он сложил вместе два осколка.— Видите это отверстие посередине? Оно явно выпилено очень мелким инструментом. И только потом, чтобы скрыть следы преступления, клетку раскололи. Перед нами явная провокация. Расстройство всей электронной системы на базе, в результате чего наш безукоризненный Хэнк перестал выполнять свои функции.

— Эти отверстия, господин майор, были выпилены при изготовлении бокса, чтобы в него проникал воздух.

— Понятно,— отмахнулся от профессора Херувимо и обратился к Дину:

— Вы, кажется, специалист компьютерного отдела, господин Кросьби. Что вы делаете в этом помещении?

— Меня пригласил профессор Флор-Риель... Хотел передать работу для программы.

Херувимо вопросительно оглянулся на ученого. Тот кивнул.

— Вы, как всегда, пришли в Центр раньше всех, господин Кросьби? — продолжал допытываться начальник Центра.

Руководителям вменялось в обязанность досконально изучать своих подчиненных, особенно вновь прибывающих. Поэтому неудивительно, что Херувимо успел зафиксировать некоторые бросающиеся в глаза склонности Дина.

— Нет, сегодня я прибыл вместе с профессором.

— А почему это вы задержались именно сегодня?

— И испортилась машина... Вы допрашиваете меня, господин Херувимо? Когда я прибыл, можете узнать у караульного.

Херувимо не упустил возможности: осмотрел брошенную Дином машину: она была неисправна и уже находилась в мастерских. Кауальный подтвердил, что Кросьбы входил в Центр вместе с Флор-Рилем.

Главного генетика Центра профессора Флор-Риеля, талантом и стараниями которого были получены межродовые гибриды, Херувимо подозревать не посмел. Дина Кросьби он тоже оставил в покое.

Никто, конечно, не мог предполагать, что сегодняшнее событие – лишь начало неприятностей, что за ним, за этим событием, в результате стечения обстоятельств потягнется длинная цепь тяжелых обвинений.

– Укус мергов смертелен для человека. И если этих генотипов не похитили и они разгуливают сейчас по лабораториям, не сегодня завтра в этих стенах появятся покойники, – сердито говорил Херувимо.

Дин по наивности думал, что все исследования здесь проводятся в интересах науки. Но увы, его ждали сплошные разочарования. На базе все делается сальным военным прицелом.

Участие в опасных экспериментах не доставляло Дину удовольствия. Но надо было разыскать Веронику и вызволить ее из этой клоаки. Она была где-то здесь, может быть, в ста шагах от него. Он чувствовал это.

Майор Херувимо собрал научных сотрудников в актовом зале и объявил:

– Единственный надежный способ избавиться от присутствия опаснейших генотипов – дезинфекция всех помещений Центра. Реактив особенно опасен: попадание на слизистую одного миллиграмма ведет к неминуемой смерти. Призываю оберегать дорогое техническое оснащение.

Приборы и оборудование готовили к дезинфекции: тщательно укрывали водозащитными чехлами, особо ценное увозили. Помещения опрыскивали ядовитой жидкостью и закрыли на три дня.

Отработав положенные часы, Дин Кросьби расслаблялся, стряхивал с себя, словно грязные одежды, все заботы и начинал «разговор по душам» со всезнающим Хэнком.

А потом строил планы дальнейших поисков Вероники, в которых невольно отдавал дань мальчишеской романтике приключений. В мыслях или с помощью Хэнка он распугивал клубок хитроумных детективных загадок, преодолевая неприступные стены и секретные запоры темниц. Вдруг Дин заметил на экране среди цифр непонятное изображение. Видимо, что-то отражается в стекле.

Он повернулся на вращающееся сиденье и увидел в углу комнаты уродливое создание размером с новорожденного котенка. Можно было нагнуться и достать его рукой. Но Дин застыл, пораженный фантастичностью форм... Несоразмерно большая, отсвечивающая желтоватым металлом волос угловатая голова, прямоугольное туловище, длинные в виде рупоров уши. Страшилище смешно переступало ножками, еле заметно подергивало головой и вращало ушами.

Странный пришелец, почувствовав, что за ним наблюдают, повернул голову в сторону оператора, и их взгляды встретились. Они изучающе смотрели друг на друга. Дина поразили умные глаза гостя. Мерг, видимо,

испытывал нечто подобное. Дину даже показалось, что тот дружелюбно улыбнулся ему.

Дин снова нажал на клавиши дисплея, но мысль о членистоногом наблюдателе не оставляла его. Он отыскал на экране отражение мерга и старался не терять его из виду.

А гость сосредоточенно смотрел на экран, казалось, что он изучает появляющиеся на нем письмена.

Кросьби снял телефонную трубку, стал нажимать на клавиши наборного диска. Пришелец не спускал с него глаз.

— Господин Херувимо? Говорит программист Кросьби... Да, я на дежурстве... Здесь большеголовый... стоит в углу и наблюдает за мной... Да, именно наблюдает.

Мерг внимательно следил за Дином, как будто хотел понять, о чем разговор.

— Страйтесь не спугнуть,— посоветовал Херувимо.

В ночной тишине из служебной комнаты донеслись звуки торопливых шагов. Мерг приподнял голову. Лязгнула защелка открываемой двери, и мерг тут же исчез в расщелине под плинтусом.

— Ну, где ваш странный гость?

— Спрятался вот сюда.

— Это была обыкновенная крыса. Их здесь развелось! Сильнейший яд не берет.

— Какая там крыса! Это был мерг.

— У меня к вам категорическая просьба: о большеголовом никому ни слова!

На другой день Херувимо пришел в компьютерную как раз к персменке. Дин начал расчеты, а так как работы было невпроворот, увлекся и забыл бы о присутствии шефа, но его отражение виделось на экране. Примерно через час он заметил: на экране появились большеголовые. Теперь их было четверо. Они внимательно следили за экраном, изредка поворачивались друг к другу и начинали довольно красноречиво жестикулировать передними лапками.

В руках Херувимо появился большой электроимпульсный пистолет. Резкий треск разряда — и в углу бездыханно лежал один из большеголовых.

— Зачем вы это сделали? — выкрикнул Дин.

— Это очень опасные твари,— Херувимо сунул пистолет в карман.

Он взглянул на часы, молча завернул труп членистоногого в газету и положил в портфель.

Оставшись в одиночестве, Дин подумал, что сегодня гости больше не появятся. Однако скоро он увидел трех мергов. Энергично жестикулируя лапками, они посовещались и, не обращая внимания на программиста, начали исследовать комнату.

— Напрасно ищете, бедняги. Труп вашего собрата унес майор Херувимо,— Дин пошутил вслух, но мерги словно поняли его, перестали бегать.

Выдвинув ящик стола, он достал небольшую, со спичечным коробком,

фотокамеру, чтобы направить объектив в сторону мергов. Но они моментально исчезли.

«Хитры,— подумал он,— но я приготовлю фотоаппарат заранее». И когда они вылезли, тотчас навел на них объектив и нажал кнопку.

* * *

На следующий день Херувимо пришел с небольшим опозданием.

— Я их сфотографировал,— сказал Дин.

— Можете идти отдохнуть, господин Кросьби. А я займусь ваше место,— произнес Херувимо.

Для Дина это было неожиданно. Оставить начальника наедине с мергами!

Подчиняясь его взгляду, Дин молча поднялся и направился к выходу. У дверей он оглянулся.

— Идите, идите! — Херувимо занял его место.

Утром его разбудили барабанные удары в дверь. Он вскочил, открыл. Вошли двое военных.

— Научный сотрудник Кросьби? Вы арестованы. Одевайтесь.

— Что случилось?

— Одевайтесь!

В прихожей перед своей компьютерской его встретил высокий худощавый военный с погонами капитана и представился:

— Военный следователь Гаецкий. Вы вчера работали с компьютером? — и он наклонил голову вперед.

— Да.

— Майор Херувимо был с вами?

— Он пришел часам к семи. И остался ждать большеголовых.

— Кто такие?

— Это межродовые гибриды, полученные в лаборатории генетики.

Уродцы с большой головой. Одного подстрелил майор...

Отвечая, Дин невольно наблюдал за головой следователя.

— По какому праву вы бросили рабочее место и оставили у компьютера постороннего человека?

— Мне приказал Херувимо. Ведь он начальник Научного Центра, заместитель командующего базой!

В комнату вошли санитары с носилками.

— Что случилось? — спросил Дин капитана.

Тот молча открыл дверь в компьютерную. На стуле, ничком уткнувшись головой в экран, в неудобной позе застыл Херувимо.

Подошел сотрудник Центра.

— Готов экспресс-анализ, господин следователь. В крови обнаружен сильный токсический препарат.

— На теле должен быть след инъекции,— заключил капитан.

Они начали тщательно осматривать труп.

На ноге, чуть повыше щиколотки, виднелось ярко-красное пятно.

Следователь махнул рукой. Труп Херувимо унесли.

Экран дисплея вдруг ослепительно вспыхнул, привлекая к себе внимание, потом погас, и на нем появился текст:

«Людям Земли от Дризов. Предупреждение.

Майор Херувимо умертвил нашего товарища. Мы отплатили ему тем же. Предупреждаем: так будет с каждым, кто поднимет на нас руку. Чтобы выжить и заложить основы великой цивилизации, мы вынуждены обороняться. Просим людей считаться с этим фактором. Дризы».

Гаецкий то скептически смотрел на экран, то подозрительно оглядывался на Дина. Видимо, у него сложилось свое объяснение происходящему.

— Как прикажете понимать это? — обратился он к Дину Кросяби.

— Это мерги. Они внимательно следили за моей работой, — проговорил Дин задумчиво. — Они разумны...

— Если вы настаиваете на этой версии, придется допросить вас по всей форме, с протоколом.

* * *

Сидя на заднем сиденье в машине Гаецкого, Кросяби меньше всего беспокоился по поводу того, что попал в неприятную, даже опасную передрягу. Он даже не осознал, что его обвиняют в таком тяжелом преступлении, как убийство.

В следственном отделе навстречу им с Гаецким поднялась из-за стола молодая женщина в военной форме с погонами капрала. Она отличалась яркой, даже, по мнению Дина, вульгарной красотой, которая, подобно броской рекламе, черезсчур привлекала внимание.

— Лили, приготовьтесь к допросу, — приказал капитан.

Женщина включила магнитофон и вышла в соседнюю комнату.

У Гаецкого было в запасе несколько методов ведения допроса, которые он применял, сообразуясь с обстоятельствами. По дороге, не в пример Дину, он все тщательно продумал и, не увидев в позиции подозреваемого ни одного стоящего внимания доказательства, решил воспользоваться методом «любовой атаки», чтобы ошеломить допрашиваемого.

— Реактив, обнаруженный экспертизой в крови майора Херувимо. Он синтезирован в лаборатории новых органических соединений. Вы готовили для них программу?

— Не помню.

— Какой яд применяли против мергов?

— Догадываюсь, «Ормадо».

Пишувшая машинка в соседней комнате затрещала автоматными очередями, фиксируя допрос параллельно с магнитофоном. Лили внимательно читала появляющиеся на бумаге слова.

— Почему, кроме вас, никто, даже заведующий отделом Адриан Молокан и профессор Флор-Риель, не знал, что мерги каким-то образом избежали отравления?

— Майор Херувимо запретил мне говорить об этом.

— Вы заманили Херувимо, чтобы они...

Дин по натуре был благодушен, от хорошего отношения становился

сентиментален до слез. Но следователь раздражал его, а в раздражении он бывал насмешлив и едок.

— Укусил его за лодыжку,— подсказал Дин.

— Вы отравили его, имитировав укус непонятного животного,— капитан держался с завидным спокойствием.

Сейчас Дин осознал грозящую ему опасность... По натуре он был нелюдим, при большом скоплении народа чувствовал себя хуже, чем в одиночестве. В силу своей замкнутости хотел, чтобы ему не мешали жить независимо. Однако его обаятельная Вероника была сверх меры наделена деятельной добротой, которая заставляла ее принимать к сердцу чужие беды и активно вмешиваться в них. И он, потакая ей, сам лез в разные истории. И вот к чему это привело.

— Доказательства существования мергов я вам предоставлю,— Дин достал свой миниатюрный фотоаппарат, нажал на кнопку. Оттуда выпало несколько небольших, как марки, фотографий.

— Вот они. Я их сфотографировал.

Гаецкий с недоверием взял фото, покрутил снимки, потом достал из стола лупу и начал внимательно рассматривать их.

— Детские игрушки...

— Живые существа!

— К вашему сведению, юриспруденция не считает фотографии бесспорным доказательством. Это может быть элементарный фотомонтаж.

Дин отметил, что какую-то искру о существовании мергов его снимки все же заронили в Гаецкого.

* * *

Кросьби вышел из штаба, где находился следственный отдел, и направился к автостоянке. Мрачное небо начало ронять на землю крупные капли дождя.

— Дин Кросьби, что я вижу? Вы, кажется, недовольны тем, что допрос не окончился арестом,— он увидел Лили.

— Наоборот, от радости я потерял голову и теперь не соображу, как добраться до дома.

— Если не боитесь за свою жизнь — садитесь.

Они сели в машину, не заметив, что из окна третьего этажа за ними наблюдает Гаецкий.

— Ведь вы живете в научном городке? — полуувопросительно проговорила Лили.

— В третьем корпусе.

— Значит, вы холостяк, Дин Кросьби, и потенциальный жених,— она с нарочитым кокетством посмотрела на него и отжала педаль сцепления.

— Статистика утверждает, что проблема на базе не в женихах, а в невестах: одна на сто.

Дин с внутренним любопытством отметил, что его тянет к этой девушке. Было такое ощущение, что он давно знаком с ней и сегодняшняя беседа — органичное продолжение многих предыдущих.

— Вы меня покорили, рыцарь Кросьби. Не можете ли быть последовательным...

— Осторожно!

Они чуть не врезались во встречную машину. Но Лили отвернула в самый последний момент, и их обдало горячим ветром от промелькнувшей мимо металлической громадины.

И вообще Лили вела машину лихо, на высокой скорости; виртуозно обходила одних и разъезжалась с другими, закладывала на поворотах такие виражи, что Дина приплющивало к дверце или же он был вынужден судорожно держаться за ручку.

Вспышка молнии осветила Лили, и в ее больших темных глазах он вдруг увидел что-то до удивления знакомое. Это же глаза Вероники! Боже мой!

Дин подумал, что именно эти глаза притягивали его к новой знакомой, и, видимо, они же вдохновляли в разговоре с ней. «Но она вульгарна и навязчива».

Он нарочито думал о качествах, которых в женщинах не переносил,— пытался противиться своему влечению. Но это оказалось выше его сил.

«А может, эта Лили что-нибудь знает о Веронике?»

— Мне захотелось пригласить вас в кино. Или в дискотеку.

— В чем же дело?

— Только в вашем согласии.

— Считайте, что вы его получили.

— Я позвоню вам.

Остаток дня Дин провел в мучительных размышлениях: «Где искать Веронику?» Прежде всего сблизиться с Бентоном. Он должен что-то знать. Пришло время действовать.

* * *

Едва Дин закончил разговор со своим напарником Крэндлом и остался один, как в компьютерную заглянул Флор-Риель.

— Здравствуйте, Кросбъ! Вы разрешите?

Обычная величавость сегодня изменила профессору. Был он явно взволнован, непривычно неуверен в себе и суетлив.

— Видите ли, у меня был капитан Гаецкий из следственного отдела. От него я услышал потрясающие новости о мергах... Это невероятно!

— Разве не вы программировали их создание?

— Это игра природы, которая, боюсь, больше не повторится. А мы даже не успели раскрыть механизм работы отдельной нервной клетки и системы в целом,— ступив на большую для себя тему, Флор-Риель, как всегда, увлекся и говорил с Дином как со специалистом.

— Надеюсь, мы еще не раз увидим ваших мергов, можно записать их беседы... И попробовать расшифровать.

Флор-Риель помолчал, потом тихо обратился к Дину:

— Скажите откровенно, неужели ультиматум на экране по поводу убийства Херувимо действительно набрали большеголовые?

— Ну вот, а говорили о феномене!

— Гаецкий беседовал со старшим оператором Крэндлом. Большеголовые не могут знать принципов программирования. И уж совсем неве-

роятно, чтобы они каким-то неведомым образом, не прикасаясь к клавишам, набрали программу. Можно заранее запросить о чем-либо компьютер или заложить в него кое-что с условием, чтобы он дал ответ через определенное время... Следователь считает, что именно это вы и проделали, господин Кросьби!

У Дина появилась великолепная идея, он задорно спросил:

— А не хотите ли попробовать завязать с мергами непосредственный диалог?

— Даже так! Каким же образом?

— Через тот же компьютер, наберем на экране для них послание и будем ждать ответа.

— Вы действительно верите в это?

— Тогда ваш авторитет еще больше укрепится.

Флор-Риель нахмурился, медленно произнес:

— Хорошо. Я обдумаю ваше предложение и обговорю его с Молоканом.

* * *

Вскоре после ухода Флор-Риеля в компьютерной появился Берт Бентон. Молодой человек среднего роста, с изрытым оспой лицом и с толстым некрасивым носом, похожим на картошку. Довольно странная одежда: старая непонятного цвета спортивная куртка, скорее похожая на женскую кофту, грубые нечищенные ботинки... Бентон пользовался репутацией крупного ученого, и его небрежение к одежде, а также к манерам, воспринималось как сопутствующее таланту чудачество. Однако злые языки поговаривали, что Бентон одевается так, чтобы привлечь к себе внимание.

— Доброе утро, господин Кросьби. Как вам работается в эту благодатную пору?

— А на небе сверкает вечерний Марс!

Приветствие Бентона, как и весь он, несло печать странности и неожиданности. Он слишком печется о том, чтобы все подчеркивало нестандартность личности, и потому его острые высказывания часто чередуются с шаблонными и попросту неумными репликами.

— Вашей логике трудно возражать, господин Кросьби.

— И не советую.

По натуре Кросьби был чутким и отзывчивым человеком. Тем более что он сам стремился сблизиться с Бентоном. Поэтому он умело поддерживал его игру в оригинальность:

— С вами легче общаться на теннисном корте, чем состязаться в пикировке,— продолжал Бентон.

— Мы можем осуществить это через полчаса. Я закругляюсь.

— Сколько слухов о большеголовых! — воскликнул Бентон.— Уже расрезвионили по всей базе.

У Дина возник четкий план. Для сближения с Бентоном рассказать ему все, но не сразу, а предварительно заинтересовав его, чтобы получить более высокую плату.

- Одно дело обывательские толки, а другое...
- Моя лаборатория тоже имеет дело с генетикой, и я, как и Флор-Риель, работаю под началом Молокана.
- Беседу о мергах мы продолжим в более подходящей обстановке.

* * *

Дин и Берт Бентон успели о многом поговорить, сыграли три сета и теперь сидели на тенистой лесной скамейке и продолжали обмениваться мыслями.

— Наука — двигатель прогресса,— говорит Берт.— Она преображает силуэты городов и облик планеты, она изменяет человека, делает его умнее, образованнее.

— Наука подавила религию. Рационализм заглушил добрые чувства, родственные, дружеские, супружеские связи.

Случай шел навстречу Дину. Поэтому сегодня он, пожалуй, впервые за все время пребывания на базе чувствовал себя так бодро и почти забыл об изнуряющем воздействии тропической жары.

— Богоподобие давно изжило себя.

— Наука, способствуя падению нравственности, делает наши руки все грязнее, все неразборчивее. Вот в чем суть.

— А по-моему, наоборот, наука требует от человека большей ответственности.

К ним подошла Лили.

— Вот где вы прячетесь,— набросилась она на Дина, но, поймав взгляд Берта, замешкалась.— Извините, господин Бентон. Я...

— Чего тебе? — резко спросил тот.

— Кросябки приглашал меня в кино и, видимо, забыл.

— В другой раз,— отрезал Бентон.

— Извините еще раз,— виновато произнесла Лили и, оглядываясь, пошла прочь.

— Я позвоню вам, Лили,— крикнул вдогонку ей растерявшийся Дин. Потом обратился к собеседнику:

— Почему вы с красивой девушки, как с прислугой...

— А она и есть прислуга... То есть была!

Дина осенила догадка.

— Была прозелиткой? — Он поднял брови.

— Извини. Я, кажется, сболтнул лишнее.

Дин промолчал, но ему захотелось как-то вытянуть из Берта новые, нужные ему сведения. И, как бы продолжая прерванный спор, он сказал:

— Ученые, высокообразованные люди, продали душу дьяволу. Честолюбие заставляет их изобретать немыслимые средства умерщвления... или надругательства над личностью. Проводить опыты над людьми...

Выпад достиг своей цели:

— Вы не можете обвинять, не зная сути,— оправдательным тоном заявил Бентон.

— Какой сути? Всей базе известны несчастные прозелиты, сфера «Икс»...

— Это издержки... Моя идея призвана служить благородным целям,— воскликнул Бентон.— Если хотите знать, она возвращает жалким прозели-там творческий потенциал, помогает им снова стать людьми.

Вероника жива! И даже, судя по всему, вышла из сферы «Икс», то есть стала нормальным человеком. Это главное, что понял Кросьбы из беседы с Бентоном. Сердце его билось учащенно. По жилам быстрее бежала кровь. Мозг работал лихорадочно... Может быть, его Вероника где-то здесь, рядом, и не ведает о том, что Дин тоже на базе. Он приехал сюда ради нее. И обязательно найдет ее! Еще немного терпения, и они встретятся!

В следственный отдел Гаецкого вошел Флор-Риель.

— Я хотел бы узнать результат экспертизы фотоснимков.
— Эксперты не могут утверждать ничего определенного,— ответил Гаецкий.

— Значит, оригинальность снимков не исключается?
— Не исключается и фотомонтаж!
— Можно посмотреть фото?
— Пожалуйста,— Гаецкий положил перед ученым стопку фотографий. Флор-Риель взял снимки.
— Все-таки на монтаж это не похоже.

— Вас влечет не столько пламя новых открытий, сколько жажда сен-саций. Она заставляет вас искренне верить в несуществующее. Этим нередко пользуются ловкие фокусники, мастера фальсификации и лжесенсаций.

— Вы что же, сомневаетесь в том, что я создал этих мергов?
— Нет, что вы! Об этом я слышал из уст полковника Озерса.
— Для вас это единственный здесь авторитет?
— Мне известно, что против «Ормадо» не может устоять ни одно живое существо...
— Но это не доказывает гибели большеголовых. Даже обыкновенные крысы выжили,— напомнил Флор-Риель.
— Следствию нужны убедительные факты существования ваших созданий.

— Почему же вы в таком случае категорически против послания мергам на экране дисплея?
— Это несерьезно, господин профессор, чтобы какие-то твари вступали в диалог с человеком! Вы даже сами не могли предположить наличия у них таких способностей.

— Но сейчас появились новые данные.
Следователь задумался:
— Кросьбы изворотливо пытается скрыть свою причастность к убийству майора Херувимо, а вы верите в это сфабрикованное им послание?
Теперь задумался профессор.
— Я допускаю его, господин капитан, и настаиваю на проведении эк-

сперимента! Тщательно исследовать способности полученных в лаборатории межродовых гибридов — в интересах науки!

Гаецкий долго молчал.

— Мы обсудим это с полковником.

* * *

Возбуждение не покидало Дина, словно он уже напал на след своей Вероники. Он не мог сидеть на месте, ходил из угла в угол своего кабинета, как будто в предвкушении встречи. Но где Вероника? Что с ней? Бентон, видимо, знает. Хорошо бы подтолкнуть события и побыстрее вырваться из неопределенности. Вероника работает где-нибудь на базе. Как эта Лили. Не исключено, что Лили даже встречалась с ней и они знакомы. С Лили можно быть откровеннее, чем с Бентоном...

Дин узнал через справочную номер телефона и набрал его.

— Следственный отдел слушает,— отозвался женский голос.

— Добрый день. Лили?

— Добрый день.

— Это Дин Кросьби.

Дин знал, что Лили обрадуется его звонку, но она ответила сухо.

— Сходим сегодня в кино или в дискотеку? — предложил он.

— Я не знаю, право,— замялась девушка.

— Что случилось?

— Вам Бентон что-нибудь обо мне рассказал?

— Очень мало, остальное я домыслил.

— Не торопите меня, Дин. Я должна кое с чем смириться. Сама позвоню вам. До свидания.

Она повесила трубку.

Вот это сюрприз!

Кросьби задумался. Ей неприятно, что она была прозелиткой. Но ведь сейчас Лили нормальный человек. Как говорил Бентон, к ней, должно быть, вернулся первоначальный творческий потенциал. Она же не виновата в том, что стала жертвой произвола.

* * *

Показав часовому у дверей штаба повестку, Дин Кросьби поднялся на третий этаж и вошел в приемную следственного отдела. Тут за столом сидела Лили. Он поздоровался.

— Добрый день,— тихо ответила девушка.— Я вас слушаю.

Обескураженный казенными словами, Дин растерялся, положил перед ней повестку.

Она посмотрела на бумажку.

— Сейчас доложу капитану,— и скрылась в дверях кабинета. Но скоро вернулась:

— Капитан ждет вас.

Капитан вышел из-за стола:

— Никто из руководства базой не верит, что какие-то зверьки могут

вытворять чудеса. Однако Флор-Риель для проверки ваших слов предлагает провести любопытный эксперимент.

Дин сразу же вспомнил свой разговор с профессором и заподозрил неладное:

— Какой эксперимент?

— Завязать с мергами диалог с помощью дисплея. Тут уж вы никуда не денетесь, голубчик. Чем вы объясните отсутствие ответа мергов на призыв?

«Вот как повернулся профессор, присваивая мое предложение! Иначе Гаецкого на такой эксперимент не уговоришь».

— Объясняю простым нежеланием мергов вступить в связь с кастой убийц. Ведь Херувимо прикончил одного.

— Может быть, вы подскажете, куда майор дел труп мерга? Мы обшарили кабинет, квартиру, автомашину Херувимо и ничего не обнаружили. Он не мог не доложить о таком удивительном факте начальнику базы. Забрал дохлого мерга, а труп исчез? Или ваши мерги сотворили новое чудо и оживили своего собрата?

— Возможно. Электроимпульсный пистолет вызывает шок и остановку сердца. Никакие органы не повреждаются. Новым разрядом, как это делают хирурги, сердце можно вновь запустить.

— Новые чудеса?! Нет уж, дорогой Кросьби. Увольте. Мне нужны факты, а не словесная эквилибристика. Но довольно философии. Эй, Лили! Дайте Кросьби все его показания. Пускай внимательно прочтет и подпишет. А я отлучусь к полковнику.

Гаецкий вышел.

Дин кинулся к девушке:

— Лили, объясните, что случилось? Это же ваша беда! Я понимаю и сочувствую.

— Тихо,— Лили взяла его за руку выше локтя.— Я вам позовню. Скорее. А за сочувствие спасибо.

В комнату вошел Гаецкий. Увидев, как Лили испуганно отдернула руку, начал с ходу:

— Уже соблазняешь? На минуту осталась наедине с мужчиной — и уже строит глазки. Дрянь!

Дверь неожиданно открылась, и в кабинет вошел Авер Флор-Риель. В левой руке осторожно держал за угол солидный портфель.

— Вот портфель Херувимо! — Он положил свою ношу перед следователем.— В портфеле убитый мерг.

— Где нашли? — встрепенулся Гаецкий.

— В машине майора.

— Около дома? Мы проверяли ее.

— Это личная машина майора. А у него была еще служебная, в гараже.

Гаецкий пожал плечами:

— Почему же вы взяли портфель до моего прибытия?

— Я не знал, что это за машина...

— А откуда вам известно о содержимом портфеля? Вы открывали его?

— Мне выделили новую служебную машину, вручили ключи. Вижу портфель — машинально заглянул в него.

— Сейчас вскроем его, только уже по всем правилам,— следователь включил тумблер переговорного устройства: — Лили, зайдите.

Вошла Лили.

Он натянул на руки перчатки и извлек из портфеля мертвого мерга.

— Он нисколько не разложился, этот ваш зверь.

Все нагнулись, стараясь рассмотреть существо получше. Следователь достал большую лупу.

— Голова похожа на человеческую. Тут господин Кросьби прав,— проговорил Гаецкий.— И какое старое лицо.

Следователь протянул лупу Флор-Риэлю.

— Мне все это известно,— отказался тот.

Потом над мергом нагнулась с лупой в руках сотрудница Гаецкого:

— Ой, какое страшилище!

— Труп мерга надо отдать на самую тщательную экспертизу,— предложил профессор.— Это важно для научных целей.

— Для следственных — тоже,— уточнил Гаецкий и продолжал: — Ну а с Кросьби, я думаю, пока можно снять основные подозрения.

* * *

Из магнитофона неслись высокие звуки, напоминающие знаки морзянки. Однако их продолжительность не ограничивалась двумя длиннотами, точками и тире, а была самой разной. Флор-Риэль самозабвенно вслушивался в череду звуков, его лицо светилось. Наконец он снял телефонную трубку.

— Здравствуйте, юный друг. Это Флор-Риэль. Не хотите послушать кое-какие магнитофонные записи?.. Это не музыка, это лучше музыки! Слушайте!..

Профессор увеличил громкость до отказа и поднес трубку к магнитофону.

Оглушительные звуки заполнили лабораторию. Дин прислушался. Это была симфония звуков, живых, одухотворенных.

— Угадайте, что это? — спросил профессор.

— Неужели удалось записать мергов?

— Молодец, Дин! Вы единственный угадали! Это была ваша идея. Приходите, послушаем...

— Сейчас буду.

Они долго сидели, вслушиваясь в льющиеся бесконечным водопадом звуки. Слушали и молчали.

— Как бы мне хотелось заняться расшифровкой этих разговоров. Но, увы, не дано,— печально проговорил ученый.

— Вы можете пустить записи помедленнее?

— Конечно.

Из магнитофона донеслись совсем низкие, почти басовые звуки.

Можно было различить отдельные буквы. И это походило на набор слов с довольно выразительной интонацией.

— Мы запишем все слова нашими буквами с указанием интонаций и начнем работу,— проговорил профессор.

— Главное — записать их разговоры во время предстоящего эксперимента,— предложил Дин.— Увидев на экране наше послание, мерыги начнут его обсуждать. Это поможет при расшифровке.

— Замечательная мысль,— воскликнул Флор-Риель, потом продолжал: — Вы способный человек, Дин... Но вынужден огорчить вас. Гаецкий настаивает, чтобы в диалоге с мергами участвовал другой программист. Ради объективности и чистоты эксперимента.

После некоторого молчания Дин заговорил:

— Пусть делает, что хочет. А мне действительно лучше держаться подальше от мергов,— в словах его звучала горечь.

— Я думаю, вы тоже можете присутствовать?

* * *

Лили при встрече по-прежнему оставалась грустной и вялой, как полувысохший лепесток, Дину невольно пришлось взять инициативу разговора в свои руки. Он заговорил в той легкой, игривой манере, которая запомнилась ему от первых встреч:

— Откуда, прелестное дитя, появились вы в этих диких краях?

Лили улыбнулась. Но улыбнулась безрадостно, устало.

— Я человек без прошлого. Вы знаете от Бентона.

— Здесь много таких... новых людей?

— Не знаю. А вы надеетесь найти свою невесту? Тогда вам лучше обратиться к Бентону.

— У меня есть фотография невесты.

— Но при восстановлении памяти нам меняют внешность. Появляется совсем другой человек... С новым обликом и иным прошлым. Я это узнала случайно...

— Вот как! Пластические операции?

— Это делает тот же Бентон. Как? Не знаю!

Дин получил от Лили хорошую порцию новой информации. И долго переваривал ее.

«Какие дела здесь творятся! И не последнюю скрипку играет Берт Бентон с его восстановлением памяти и творческого потенциала. Во всяком случае, у него можно узнать очень много. Но как это сделать? Допытываться нельзя, но зацепка есть... Бентон страшно интересуется мергами. А не предложить ли ему обмен информацией? Я тебе — о мергах, ты мне — о восстановлении памяти и изменении облика. Моя осведомленность об этом — большой козырь в разговоре...» Поэтому необходимо присутствовать на диалоге с мергами. Могут появиться потрясающие для Берта новости.

Дин вошел в вычислительную лабораторию, Адриан Молокан, Авер Флор-Риель, программист Крэндл и трое незнакомых офицеров из Штаба уже были там. А вскоре появился Гаецкий:

— Я из любопытства, господа,— проговорил он, покосившись на Дина.— Если ваши мерги откликнутся, это будет сенсация века. Ваш триумф, господин Флор-Риель!.. И ваш, господин Молокан!

Все ждали переговоров с большеголовыми с нескрываемым волнением.

Крэндл включил дисплей. По экрану побежали строчки:

«Уважаемые Дризы, Титаны мысли!

Мы, Люди Земли, руководствуясь высокими целями науки и гуманными намерениями, приглашаем вас на переговоры. Надеемся, вы откликаетесь на призыв, и между нами устанавливаются добрые отношения взаимопонимания и сотрудничества».

Застывшие на экране строчки казались безжизненными и никому не нужными. Все присутствующие в зале молчали.

Наконец Флор-Риель посмотрел на часы:

— Прошло полчаса.

Опять наступило тягостное молчание.

— Разрешите, господа? — подал голос Дин.— Чтобы прочитать наше послание, мергам надо выйти из укрытия. А после акции Херувимо они боятся... Лучше бы оставить их наедине с экраном, а нам побывать в соседней комнате.

— Это разумно,— согласился Флор-Риель.

Все нехотя вышли, в напряженных позах остановились за дверью, закурили. Дин направился к выходу.

— Куда вы, господин Кросьби? — перехватил его Гаецкий.

— В туалет.

— Потерпите, не нарушайте чистоты эксперимента.

Когда заглянули в пустой зал, то увидели, что экран дисплея выделялся темным провалом.

И вдруг он вспыхнул, и по нему побежали строчки:

«Людям Земли. Содружество человечества и дризов — веление истории. Здоровый гегемонизм и всепоглощающее честолюбие первых вкупе с интеллектуальной мощью вторых способны привести к немеркнущим завоеваниям цивилизации. Необходимы переговоры; пусть их ведет Дин Кросьби. Дризы».

Все заговорили разом. Потом из общего гула голосов вырвался баритон Флор-Риеля:

— Поздравляю Дина Кросьби! Его сообщения об удивительных способностях мергов, познавших наш язык, полностью подтвердились. Даже мы, создатели этих существ, не верили Дину...

Профессор окинул всех внимательным взглядом:

— Триумфом связи с мергами мы также обязаны Дину Кросьби, именно он предложил метод дисплея.

Сегодня Дин был в ударе, ему удавалось все. Он доставал труднейшие мячи, наносил неотразимые удары. Кто бы мог подумать: мерги отметили его, захотели иметь дело только с ним! Фига Гаецкому, который вообще хотел не допускать Дина к переговорам. Кросьби поехал играть с Бертом Бентоном.

Бентон поднял руки в знак капитуляции, подошел к нему.

— Поздравляю, Дин. Сегодня ваш день!

Они вытерли потные тела и с полотенцами на шее присели на скамейку недалеко от корта. Проходившие мимо солдаты и младшие чины четко отбивали шаг и прикладывали руку к головному убору.

— Мерги сделали вас знаменитостью,— проговорил Бентон.

— Для чего вы меняете прозелитам внешность? — вдруг спросил Дин.

— Вы и это знаете? Понимаете, меня долго держали в загоне, идеям не давали хода... Лабораторная установка покрылась ржавчиной... Я уж хотел было уехать на родину... И вот когда с базы эмигрировал Мондиал... Вы в курсе?

— Конечно.

— ...И в разных странах стали появляться статьи о прозелитах, командование, видимо, испугалось. Могли прислать международную комиссию для расследования. Тогда и понадобилась моя установка. Прозелитам начали возвращать интеллект и прошлое. Но, заметая следы, им изменяют внешность и возвращают не свое, а надуманное прошлое. Это помимо моей воли.

— И все это с помощью биотехнологии?

— Гены управляют не только наследственностью. Есть гены новаторства, развития интеллекта. Я давно работал над активизацией мыслительных способностей. Я нашел способ интеллектуальной интенсификации без трансформации черт лица. Ну а Озерс...

— Через вашу лабораторию проходила некая В. Уинтроп...

— Кто она вам?

— Невеста.

Берт внимательно посмотрел на Дина:

— Должен вас разочаровать. Это не та Уинтроп.

— Как то есть не та?

— Когда людей лишали памяти, им меняли имя и фамилию. Делалось это без всякой системы. Сначала надо знать, под какой фамилией Уинтроп пребывала в прозелитах.

— Это возможно? А была ли она здесь?

— Думаю, что была. Наши деятели не хотели затруднять себя каждый раз поисками новых оригинальных имен и фамилий и нередко присваивали их прозелитам по принципу обмена: тебе — мое имя, а мне — твое.

— Под каким же именем пребывала здесь Уинтроп?

— Этого не узнаешь, разве только у самого Озерса... Первой лаборатории и ее людей не существует... Хотя подождите... Работал там один

прозелит по имени Клей... Он активно помогал профессору Мондиалу и, думаю, многое знает.

— Где он сейчас?

— Дня через три я постараюсь кое-что выяснить о нем.

* * *

В банкетном зале ресторана праздничное торжество. Отмечается выдающееся достижение ученых. В сообщении Министерству об этом успехе упор делался на фантастических способностях межродовых гибридов, полученных в лаборатории генетики. Упоминалось, что мерги вырвались на свободу, но ни слова о том, что они не подчинены руководству базой и выказывают опасную строптивость. Наличие в их крови большого количества высокотоксичного препарата «ормадо» можно с успехом использовать в различных операциях по защите демократии и свободы.

Министерство поздравило командующего базой Озера с генеральским званием, а сидевших рядом с ним профессора Флор-Риеля и заведующего лабораторией Молокана — с высокими наградами отечества — Пурпурной лентой. Восемь человек получили ценные подарки. В последний список попал даже Дин Кросьби, премированый автомашиной.

За длинным сервированным столом расположилось более тридцати человек, сплошь мужчины в мундирах и цивильных костюмах. Главным стремлением собравшихся было — держать себя с достоинством. Высказывались смелые прогнозы о стратегическом и тактическом использовании полученных существ в различных регионах мира.

— Господа, предполагаю, мергам можно найти другое применение, — проговорил Берт Бентон, и все разговоры стихли. — Надеюсь, что их неординарные интеллектуальные способности позволят создать на территории базы новую высокоразвитую цивилизацию, которая окажет влияние даже на людей.

С лица Дина Кросьби, попавшего на банкет по иронии судьбы, не сходило печальное выражение. Он сидел в конце стола и чувствовал себя здесь чужим.

* * *

Воодушевленный последними событиями, Дин готовился с новой энергией приступить к диалогу с мергами. Но в первые же часы пребывания в компьютерной его ждало разочарование. Гаецкий как тень следил за ним по пятам и ни на секунду не оставлял его наедине с экраном...

А однажды, когда в компьютерной, кроме Гаецкого, находился еще Флор-Риель, во время ответа мергов на экране вдруг все перемешалось. По нему в хаотическом беспорядке побежали перевранные слова, цифры, ломаные фразы...

Дин бросился было в соседнюю комнату проверить схему, но Гаецкий остановил его.

— Не беспокойтесь, все в порядке.

— Какой же порядок, когда компьютер барахлит!

— Мой помощник заглянул в схему.

«Если мерги понимают наш язык,— подумал Дин,— с ними можно общаться не только через экран». Он переключил дисплей на устные переговоры, спросил:

— Дорогие мерги, понимаете ли вы звучащую человеческую речь?

Дисплей молчал. Однако на экране вскоре появилась надпись: «Понимаем».

— Тогда предлагаю перейти на устные переговоры. Дисплей оборудован синтезатором речи и позволяет вести переговоры с помощью голоса.

— Молодец, Дин! — отозвался на эту инициативу Флор-Риель.

Скоро на экране дисплея появился новый текст:

«Мы пока не знаем, как происходит синтезация речи. Просим вас поговорить о чем-нибудь с дисплеем минут десять, чтобы мы могли наблюдать за схемой. После этого надеемся перейти с вами на устные переговоры».

— Дорогой Хэнк,— обратился Дин к компьютеру.— Не подскажешь ли нам темы для диалога с мергами.

— Для начала можно поинтересоваться образом жизни и бытом мергов, их биологическим строением, генетической структурой...

Компьютер замолчал.

— Кстати,— обратился Гаецкий к Дину,— во время ответа мергов мой сотрудник открыл блок схемы. Мы хотели узнать, каким образом мерги отвечают на экране дисплея... Как это увязывается со схемой? Из блока брызнули во все стороны мириады насекомых, вроде тли. Как это понять?

— Мы слышим вопрос,— раздался вдруг голос компьютера,— здесь говорят мерги. Эти мельчайшие существа — наши создания, наша рабочая гвардия, только они называются не тля, а тьма. Как и вы нас, мы получили их с помощью клеточной и генной инженерии. Для своих целей мы создали три разновидности, три группы тьмы. Есть тьма — проводники, тьма — полупроводники и тьма — диэлектрики. Тьма служит для замыкания и размыкания отдельных узлов в схеме компьютера, чтобы вызвать нужный ответ. Тьма размножается делением, и ее численность за короткий срок способна достигнуть астрономической цифры... Что вас интересует еще?

— Уважаемые мерги, не скажете ли, как обстоит дело с вашим размножением? — подал реплику Флор-Риель.

— Надеемся разрешить ее положительно.

* * *

— Разве вы не гордились тем, что мерги выделили вас? — спросил Гаецкий. Разговор незаметно перешел на проблемы, изложенные Дином в письме родителям, и он почувствовал, как на него пахнуло холодом. Неужели Гаецкий читал его письмо? Не зная, что именно следователю известно и как себя держать, Дин молчал.

«Вот идиот,— ругал он себя.— Не прислушался к другу, называвшему переписку в наш век анахронизмом. Не захотел избавиться от глупого пристрастия доверять сокровенные мысли бумаге».

— Разве это не ваши слова? — перешел в открытую атаку следователь. — Я напомню. — Он положил перед собой лист бумаги и стал читать:

— «Эти мерги, представляете? Они изучили наш язык. И ваш покорный слуга оказался избранным ими в качестве доверенного лица, с которым они согласились вести переговоры. По всей вероятности эти искусственно созданные существа наделены очень высокой организацией...»

— Как вы смеете читать чужие письма? — не скрывая презрительного возмущения, воскликнул Дин.

— Вы находитесь под следствием, и ваша переписка взята под особый контроль. Вы подписывали клятву о неразглашении того, что увидите на базе.

— Это касается только военных дел. Наука — это достояние человечества.

— Не надо громких фраз, господин Кросьби. У науки от рождения лакейская природа. Она обслуживает того, кто больше платит.

Дин смотрел на паутину в углу, слушал жалобное журчание запутавшейся в тенетах мухи и думал о том, что кровопивец Гаецкий, как наук из попавшей в тенета мухи, высосет из него все соки. Надо защищаться.

— Скажите, господин капитан, где вы взяли эти письма? — спросил он.

— В ящике.

— В каком ящике? — Гаецкий молчал. Дин продолжал: — Вот именно. Не в почтовом ящике, а в ящике письменного стола. Я не собираюсь отсылать их. Это заметки для себя, вроде дневника. Кстати, у вас есть санкция на обыск?

— Извольте, — Гаецкий положил перед Дином листок.

— Но вы приходили ко мне в гости в мое отсутствие!

Гаецкий постарался не заметить этого выпада.

— Вы считаете, что у вас нет никаких сенсорных способностей? — Он ехидно наблюдал за Дином.

— Мне о них ничего не известно.

— Но не исключаете их в себе?

— Вы ловите на слове!.. Но я отталкивался от высказанной вами гипотезы о заложенных в каждом человеке талантах.

— Хорошо, так и запишем.

* * *

Кросьби был доволен, что вырвался из когтей Гаецкого.

Начавшиеся поиски Вероники он тоже считал успешными. Уже многое удалось выяснить. Собираясь на новую встречу с Бертом Бентоном, он хотел узнать о местонахождении некоего Клея, бывшего прозелита из первой лаборатории. Тот поможет продвинуться еще на несколько шагов в поисках Вероники.

И вдруг позвонил сам Бентон:

— Старина, сегодня я не могу прийти на корт.

— Что-нибудь случилось?

- Авария!
- Автомобильная? — забеспокоился Дин.
- Колесо жизни натолкнулось на мощный современный механизм. Боясь, что обмениваться ударами по мячу нам больше не придется.— В трубке Дина послышались гудки отбоя.

Это ошеломило Кросьби. Что могло произойти с Бертом?

Дин включил компьютер, проговорил:

- Здравствуйте, уважаемые мерги!
- Здравствуйте, дорогой Дин,— послышался ответ.— Как вы поживаете? Ведь так у вас принято спрашивать при встрече.

Пищущая машинка старательно фиксировала на бумаге каждое слово переговоров.

- Совершенно верно,— подтвердил Дин.
- Вас огорчил допрос у Гаецкого и разговор с Бентоном?
- Видимо, так и есть.
- В своих первоначальных выводах мы недооценили мыслительные способности людей.
- Что вы имеете в виду?
- Оказывается, одно и то же явление вы можете толковать по-разному и давать ему самые различные оценки: от плюса до минуса. Кстати, Гаецкий входит сейчас в Центр в сопровождении молодой дамы.
- Спасибо за информацию. Но меня больше интересует не Гаецкий, а ваша проницательность в отношении людей.

— Для нас люди — раскрыта книга. Главные мысли вы выражаете не через слова, а через интонации. Слова чаще всего лишь скрывают истину.

Мерги казались Дину ближе и человечнее, чем люди. Беседы с ними, как глоток родниковой воды! С ними он был искренен, как ни с кем. Он расслаблялся и говорил все, что приходило в голову, и теперь уже мало беспокоился о том, как его высказывания воспримет и истолкует Гаецкий. А главное, с мергами было интереснее. Их глубокие, умные высказывания нередко являлись для Дина откровением. Они сжато и исчерпывающе отвечали на вопросы, над которыми Дин неоднократно ломал голову: «Почему общество не терпит людей, чем-то отличающихся от всех? Эти «странные» люди иначе думают и не так поступают, радуются и огорчаются невпопад... Ну и бог с ними! Почему надо всех стричь под одну гребенку?»

Дин уже подумывал обратиться к мергам за помощью в поисках Вероники, но не хотелось давать в руки Гаецкого лишнюю информацию о себе. Сейчас, выслушав тираду мергов, он решился:

- Не поможете ли вы мне найти некую Веронику Уинтроп?
- Молокан просил нас рассчитать одну формулу. Ваши ученые бьются над ней уже около года. Мы поняли, что это расчет смертоносного биологического оружия. По таким проблемам мы сотрудничать не будем, сказали мы Дрейку. Но нам трудно сказать что-либо о Веронике...

И тут вошла Лили. На этот раз на ней была не привычная военная форма, а кофточка с юбкой,— это до неузнаваемости меняло ее облик.

Дин смотрел в удивительно знакомые и родные глаза девушки.

«А если она и есть Вероника? Не случайно же нас так сильно тянет

друг к другу... Как выяснить? Из своего прошлого она ничего не помнит».

— А можно мне побеседовать с вашими мергами? — спросила Лили.

— Говорите на экран.

Лили нерешительно мялась и, глядя на свое отражение на экране дисплея, поправляла прическу. Видимо, она не столько обдумывала содержание предстоящего разговора, сколько старалась преодолеть свою робость. Потом сделала глубокий вдох и торжественно произнесла:

— Уважаемые мерги, вы меня слышите?

— Здравствуйте, милая Лили,— послышался ответ.— Снимите, пожалуйста, кофточку. Здесь очень жарко.

Она растерянно посмотрела на Дина. А тот уже начал кое о чем догадываться и тоже присоединился к просьбе мергов.

Сняв кофточку, Лили смущенно отвернулась к окну. И тут Дин увидел на левой стороне ее спины большой шрам в виде полумесяца. В глазах у него потемнело. Такой же шрам был у Вероники! Она получила его при спасении из горящего дома маленькой девочки. Неужели это — Вероника? Дина захлестнул вихрь противоречивых чувств. Да, это она, сомнений не было. Ему захотелось броситься к ней, изо всех сил прижать к своей груди. Но мешала мысль о том, что теперь это уже не та, прежняя Вероника, которую он так любил, а совсем другая женщина.

Повернув голову, Лили увидела напряженный взгляд Дина, устремленный на ее спину.

— Вас испугал мой шрам?

Дин молчал, не в силах отвести глаз от этого страшного рубца.

— Или... Может быть, вы знаете, откуда это у меня?

Ожидая ответа на свой вопрос, она пристально смотрела на него. А Дин стоял неподвижно и молча, как каменное изваяние, и не мог оторвать взгляда от знакомых, родных глаз Вероники. Не в силах что-либо вымолвить, он смотрел на Лили не мигая, в его глазах засияли слезы...

И тут в компьютерную вошел Гаецкий.

— Вот ты где,— увидев полуобнаженную Лили, проговорил он, потом многозначительно добавил: — Я так и думал.

Они по-прежнему стояли неподвижно и смотрели друг на друга, не видя и не слыша ничего.

— Я вынужден прервать вашу идиллию... Вы слышите, господин Кросьби? — повысил он голос.— Я заберу переговоры с мергами.

Гаецкий собрал и положил в портфель кипу машинописных листов.

— Идемте, Лили!.. Господин Кросьби, вы зайдете ко мне завтра?

— Конечно.

Гаецкий уставился на Лили своим сверлящим взглядом, подчиняясь которому она надела кофточку, через силу повернулась и пошла к двери.

А Кросьби по-прежнему стоял неподвижно и молча смотрел ей вслед. У Гаецкого над Лили была власть. Нелегкое положение Дина стало еще более сложным и запутанным.

Гаецкий открыл перед Лили дверцу машины и, когда девушка вошла в салон, резко захлопнул ее. Потом обернулся и злорадно спросил:

- Захотела сменить обстановку?
- Ты зачем пригласил Кросяби? — испугалась Лили. — Не смей вымешивать на нем свою злость.
- Я только выполняю свои обязанности.
- Ну что ты? — прижимаясь к нему, ласково заговорила она. — Для меня Кросяби — дитя, наивный ребенок, не больше...
- Для тебя это слишком большой соблазн. Я вижу.

Дин проснулся в поту. В ночной темноте не сразу сообразил, что освободился от кошмара. Увидев флюoresцирующий циферблат будильника, пришел в себя. Было всего три часа. Горячей волной захлестнула радость. Он нашел свою Веронику!

Едва забрезжило, он решил ехать в следственный отдел. Не из-за приглашения Гаецкого, а ради встречи с Вероникой. Он не переставая думал о ней, о том, что ей пришлось испытать и пережить. О своих будущих отношениях с ней он как-то не задумывался.

Он подошел к гаражу, взялся за ручку двери и слегка потянул ее. Дверь с грохотом упала, и взору его открылась страшная картина. На месте автомашины возвышалась груда покореженного и покрытого гарью металла. Сверху белел лист бумаги.

«Чертово отродье! Тебе будет каюк».

Сейчас над всеми прочими мыслями Дина господствовало нетерпеливое ожидание предстоящей встречи с Вероникой-Лили. Поэтому скоро к нему вернулось обычное самочувствие.

Войдя в приемную следственного отдела, Дин не увидел Лили за столом.

Дверь из кабинета открылась, и в проеме показался Гаецкий. Он на секунду в недоумении замешкался, потом деловито произнес:

- А-а, господин Кросяби... раненько... Ну что же, входите.
- Дину не оставалось ничего другого, как последовать за ним.
- А где ваша секретарша? — как можно более равнодушным тоном спросил он.

— Вы ее больше не увидите. Сейчас вас проводят в камеру.

— Какая камера?

— Для содержания вас во время предварительного следствия.

Гаецкий не торопясь собрал на столе бумаги, уложил их в папку, закрыл ее. Дин стоял, не зная, как воспринимать неожиданное сообщение.

— По словам мергов, вы наделены особыми свойствами. Это позволило вам вступить в тесный контакт с опасными элементами.

— Вы это серьезно? — не поверил Дин.

— Я все делаю серьезно и основательно.

Кросьби поместили в одиночную камеру на гарнизонной гауптвахте. В клетушке с голыми стенами, размером полтора метра на два, не было ничего, кроме деревянного топчана, табуретки и параси, которая наполняла камеру терпким аммиачным запахом. В двери было крошечное отверстие, закрытое густой решеткой. Сквозь нее Дин видел облезлую стену коридора, по которому изредка проходил караульный, а по утрам выводили на работы сидящих на гауптвахте солдат.

Что с Вероникой?.. В чем он провинился?.. Что задумал Гаецкий?.. Догадывается ли Лили, что она — Вероника? Лили... Вероника... Гаецкий...

Мысли Дина путались. Он чувствовал, что теряет рассудок.

* * *

А в это время экран компьютера мигал ослепительно светлыми строчками, привлекая к себе внимание. Потом строчки застыли, и их можно было спокойно прочитать.

«Господин Гаецкий! Господин полковник Озерс!»

Увидев эти строчки, программист Куэндл бросился к телефону. В компьютерную вошли Молокан и Фрол-Риель и прильнули к экрану.

«Господин Гаецкий! Полковник Озерс!

Вы арестовали Дина Кросьби по нелепому обвинению в преступной связи с мергами и в антигосударственном заговоре. Мы не замышляем ничего предосудительного, а поэтому настоятельно просим снять с Кросьби обвинения, чтобы не вынуждать нас на ответные меры.

Жестокость порождает еще большую жестокость, гуманность умножает отзывчивость и доброту!»

— Переключите на устные разговоры,— попросил Фрол-Риель. Крэндл нажал на кнопку.

— Уважаемые мерги,— заговорил Фрол-Риель.— Я попробую уладить все через командующего базой. Прошу ничего не предпринимать...

* * *

В кабинете генерала Озерса собирались руководящие сотрудники Научного Центра и несколько военных чинов. Асимметричное лицо генерала осунулось, глаза были красные. Один из военных сидел рядом с Озерсом, сидел неестественно прямо и неподвижно, как изваяние.

— Господа, представляю вам нового руководителя Научного Центра майора Клинкса,— объявил генерал.

Военный поднялся, щеголевато щелкнул каблуками, изысканно поклонился.

— Он приступает к своим обязанностям,— продолжал Озерс.— А я собрал вас для того, чтобы обсудить создавшуюся на базе ненормальную

обстановку. Я не оговорился, господа. Обстановка даже более чем ненормальная. Все началось с таинственной смерти начальника Научного Центра майора Херувимо. Потом на посту непонятно от чего умер солдат. Вчера в бассейне утонул лейтенант... Скажите, как можно утонуть в бассейне? Тем не менее... В госпитале невиданный наплыв больных, страдающих непонятными недугами. Среди младших чинов и рядового состава растет опасное возбуждение и паника. Участились случаи прямого неподчинения командирам. Дезертирство принимает массовый характер. Одна группа пыталась даже с боем вырваться через проходную. Если не принять срочных мер, события могут выйти из-под нашего контроля. Причину этого осложнения многие видят в появившихся в Научном Центре предельно опасных особях, названных мергами. В противостоящей, не внушающей доверия связи с ними подозревается также некий программист Кросьби. Я жду ваших предложений, господа, по нормализации обстановки.

Присутствующие сидели мрачно-сосредоточенные, подозрительно косились друг на друга. Говорить о мергах никто не решался. Теперь это было небезопасно. Наконец...

— Разрешите?

Над столом, словно шар, возвысилось грузное тело Молокана. Он уперся животом в стол, положил на стол ладони.

— Положение ужасно! — начал он жалостливым голосом. — В Научном Центре мы уже опасаемся о чем-либо разговаривать, наши беседы становятся достоянием мергов. Они нас терроризируют, читают наши мысли! Они шлют нам ультиматумы! Вскоре кто-нибудь из нас отправится вслед за майором Херувимо. Ликвидировать опасность можно, только ликвидируя мергов. Что касается программиста Кросьби, я думаю, его связь с мергами носит чисто случайный характер... — Молокан посмотрел на сурое выражение лица Гаецкого и добавил: — Впрочем, доверяю нашему следователю.

После паузы слово взял Флор-Риель:

— Не стану отрицать опасности, о которой говорил господин Молокан, — медленно начал он. — Мерги — существа с более тонкой нервной организацией, чем мы. Они безошибочно улавливают отклонение наших поступков от нормы. Поэтому в вопросе о виновности или невиновности Кросьби нам не мешает прислушаться к их мнению... Это принципиально!

— Вы хотите, чтобы они нас закабалили? — выкрикнул Гаецкий.

— Это будет зависеть от нашего поведения... Надо не усугублять вражду с мергами, а освободить Дина Кросьби и с его помощью расширить научное сотрудничество с ними. Это поможет исследовать природу их феноменальных способностей и использовать данные для обогащения человеческой личности.

Поднялся Гаецкий. Лицо его пылало:

— Да, мерги не случайно признавались Кросьби в особой симпатии. Видимо, эта потаенная связь возникла сразу же после появления этих насекомых в колбе лаборатории. Кросьби уже тогда начал действовать по их внушению.

Флор-Риель взирал на Гаецкого с удивлением.

— Проанализируйте поступки Кросьби! — выкрикнул следователь.— И вы согласитесь, что он действовал не в наших интересах. Все его действия направлены на усиление опасного влияния мергов на наши дела.

— Итак, суммирую,— проговорил Озерс.— Обсуждение показало, что наша ошибка с большеголовыми — не случайность. Майор Клинкс, вам, как руководителю Научного Центра, предстоит срочно выработать конкретные меры по незамедлительной нормализации создавшегося на базе положения.

* * *

Утром в штабе полковника Озерса дежурный офицер докладывал ему о случившихся ночью важных событиях:

— Ночью умерщвлен следователь Гаецкий, господин генерал!

Асимметричное лицо Озерса вытянулось и еще больше перекосилось.

— На теле не обнаружено никаких следов, в организме никаких токсических препаратов.

«Неужели мергам стало известно вчерашнее обсуждение?» — мелькнула у генерала мысль.

— Вам звонит майор Клинкс,— сказал дежурный офицер.

Генерал взял трубку:

— Господин генерал, чрезвычайное происшествие. Мергам известно все, о чем вчера говорилось на совещании. Я думаю, что для обсуждения создавшегося положения нам лучше выехать за территорию базы...

Немного поразмыслив, Озерс сказал:

— Выезжаю немедленно.

На десятом километре Озерс и Клинкс вышли из машин и пошли в поле. Майор протянул генералу лист бумаги.

«Господин Озер! Вы вынесли нам смертный вердикт, рассчитывая легко привести его в исполнение. Ошибаетесь! Наши ответные меры и предупреждение вам — смерть Гаецкого. Пока не поздно, призываем обратиться к здравому смыслу и искать разрешения проблем за столом переговоров. Дризы».

— Что вы думаете об этом? — спросил Озерс Клинкса.

— У нас может быть только два выхода: принять условия мергов или предать базу огню с помощью плазматрона.

— Спалить всю базу? — удивился Озерс.

— Более скромные средства бессильны.

— Ваш выбор?

— Сотрудничество! — ответил Клинкс.

— Мотивируйте!

— Мерги могут всегда опередить нас.

— Быть сотрудничеству. Освободите Кросьби и подбодрите его. Валяйте все на Гаецкого. Это недалеко от истины,— и он направился к своей автомашине.

После смерти майора Херувимо Озерс почувствовал исходящую от мергов смертельную опасность. Но возможность отличиться перед Министерством заставила его заглушить в себе это чувство.

А между тем мерги с каждым днем все сильнее втягивали его в орбиту чуждых ему интересов и дел. И вот конфликт с ними разрешился так естественно и просто.

«А Клинкс не дурак,— с удовлетворением думал генерал,— с ним можно иметь дело... Хотя он, конечно, тоже печется о своей шкуре».

Машины с генералом и новым начальником Научного Центра уже приближались к проходной, когда навстречу им выехал на мотоцикле офицер. Он остановился и призываю поднял руку. Подошел к генералу и подал ему лист бумаги.

— Срочно из Министерства.

Прочитав депешу, Озерс передал ее подошедшему Клинксу.

«Никаких уступок мергам, никакого сотрудничества. Принимайте любые меры для ликвидации опасности».

— Эта телеграмма снимает с нас всякую ответственность,— тихо проговорил генерал.

— Боюсь, что вы очень ошибаетесь. Но у нас нет выбора? —осторожно спросил Клинкс.— Мы обязаны выполнить приказ Министерства!

Чувство страха овладело Озерсом. Всю дорогу до штаба он был озабочен и утром.

Как судьба немилосердно обходится с ним, бросая из одного состояния в другое. Он думал о том, что, возможно, мергам уже известно о телеграмме и о созревающем в его голове плане и они готовят предупредительные меры. Как избежать ответственности за принятое решение? Имитировать сердечный приступ? Выхода не было...

Не дождавшись остановки, генерал выпрыгнул из машины, торопливо взбежал по ступенькам, напористо сказал дежурному офицеру:

— Объявите учебную тревогу «атомная угроза»! Все эвакуируются в намеченные бункера и убежища.

* * *

Дин Кросьби сидел в той же камере. Последний разговор с мергами не давал ему покоя, и потому сегодня в своих раздумьях, чуть ли не впервые за время пребывания на базе, он не бежал от своих дум, а осмысливал ситуацию.

Вдруг раздался надрывный вой сирены, тупым штопором ввинчиваясь в мозг.

Из коридора послышался торопливый топот, подстегиваемый исступленными воплями:

— Учебная тревога!

— Атомная угроза!

— Срочная эвакуация!

— Бегом по машинам!

Скоро с улицы стал доноситься непрекращающийся шум и лязг: проезжали тяжеловозы, легковые машины, танки, тягачи, громыхало и звено что-то незнакомое...

«Почему же меня не эвакуируют?» — подумал Дин, но тут же постарался отогнать неприятные предчувствия.

А потом наступила такая гнетущая тишина, что Дину стало не по себе. Он напрягал слух, чтобы уловить хоть какие-то признаки жизни. Ничего. Даже не слышно гортанного крика ворон и чириканья надоедливых воробьев...

И тут он увидел в углу мерга.

Тот возбужденно жестикулировал передними лапками.

«Что-то хочет сказать».

— Я ничего не слышу, — проговорил Дин.

Мерг скрылся, но сейчас же появился снова и выразительным жестом правой лапки показал на боковую стену.

Дин повернулся и увидел, как из мириадов тьмы на стене стремительно выстраиваются живые слова:

«База будет предана огню».

— Значит, мы погибнем? — спросил Дин, не особенно вдумываясь в смысл этих слов и не желая верить сам себе.

Фразы на стене закачались, как деревья от сильного ветра, потом буквы рассыпались на мелкие живые соринки, из которых начали быстро складываться другие слова:

«Нам этого нетрудно избежать. Срочно разрабатываем программу шагого спасения. Очень мало времени. Мужайтесь. Сделаем все возможное».

Следуя за мыслью мерга, живые соринки нарисовали во всю стену новую фразу:

«Только бы успеть!»

Сейчас Дин осознал происходящее, и ему стало жутко. Леденящий страх быстро заполнил все его существо...

В разлившейся над базой звенящей пустоте родился еле уловимый моторный гул. Он быстро рос, приближался, и скоро все небо над головой Дина было заполнено самолетным ревом.

«Только бы успеть!»

Этот рев был настолько сильным, что давил на уши, вызывая в них нестерпимую боль. Кажется, вот-вот лопнут барабанные перепонки...

«Только бы успеть!»

Потом в этом реве родился новый звук: легкий, но бешено нарастающий свист.

«Бомбы! — догадался Дин и вжался в угол. — Неужели не успеют?»

А через секунду послышался оглушительный грохот, треск обрушившихся стен и потолка, в глаза ударили огненный смерч. Дин почувствовал, что какая-то сила подняла его и понесла по воздуху.

«Оказывается, умирать совсем не страшно...» — подумал он, и всепоглощающая темнота окутала его сознание.

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВА

ДИВЕРСИЯ

Научно-фантастическая повесть *

ТУННЕЛЬ В ПРОШЛОЕ

Он стоял неподвижно, взгляд его остановился на Владиславе. Человек был смугл и худощав. Темные, необычайно выразительные глаза смотрели строго. В нем были серьезность, благородство и какое-то царственное спокойствие. Лицо, еще совсем юное, поражало совершенством, одухотворенностью. Темные прямые волосы спускались на плечи, голова была непокрытой, а из одежды — лишь короткая полосатая юбочка.

— Я узнаю, — пораженный Владислав сделал несколько шагов навстречу незнакомцу, — это тот, кого мы называли фараоном Тутанхамоном?

— Да. Но только успокойтесь, я вижу, вы взволнованы. Он не воскрес, конечно. Это лишь точное воспроизведение его внешности по сохранившимся останкам... это как бы туннель в прошлое. И это не единственный способ.

— Но глаза, они живут, видят... Это невероятно.

— Вы можете подойти поближе и кое в чем убедиться. Как видите, его сложение, лицо, череп — более совершенны, чем у многих наших современников. А значит, и развитие было не ниже нашего. Я не имею в виду технический прогресс, это в человеческой жизни далеко не главное. Не думайте, что нам удалось воспроизвести только его внешность. Натура, характер, темперамент теперь тоже в какой-то степени известны.

Владислав рассматривал Тутанхамона, испытывая нечто похожее на суеверный страх. Он не осмелился прикоснуться к нему — тело фараонаказалось таким живым.

Нежин был доволен произведенным на Владислава впечатлением. Он неторопливым движением погладил бороду:

— Считалось, что этот фараон ничем себя не прославил, разве только тем, что был правителем Египта. И был прекрасен... Вы видите, каков он. Сохранившиеся фрески хоть и имеют некоторое сходство с ним, но слишком условны, стилизованы. Но историкам прежде не удалось угадать, какую незаурядную личность потерял тогда Египет. Давайте еще кое-что посмотрим.

Пространство раздвинулось, в глубине — необыкновенный сад, деревья и кустарники в форме геометрических фигур, башен и пирамид. Тутанхамон прошел аллеей, сел на скамью, развернул свиток и стал, поглядывая в него, чертить на прямоугольнике, засыпанном песком, какие-то формулы. Затем встал, отдал распоряжение невидимому слуге, и через несколько секунд явилась группа военачальников.

* Печатается с сокращениями.

И вдруг заговорил Тутанхамон. Владислав подумал, что это «голос за сценой», но нет — говорил фараон, едва слышны были еще и птичье щебетание, и шум воды, падающей в фонтане. Голос фараона приятный, но выражение его лица, жесты, обращение к подчиненным — во всем — мужественный повелитель.

После короткой речи фараона военачальники с поклонами удалились. Немного погодя Тутанхамон тоже скрылся в глубине сада.

— Что это? Поставлено театром? Что он говорил?

— Разбирал ошибку одного из военачальников. Этот эпизод нам удалось вызвать из прошлого. Пока это очень сложный процесс. Так, нам удалось узнать — несмотря на свою короткую жизнь, Тутанхамон создал трактат о дипломатии, который свидетельствует о его незаурядном уме государственного мыслителя. Он ведь был отравлен, это удалось установить только теперь.

— Но почему, Назим, вы храните все в тайне? Ради кого и чего вы это делаете? Ведь это дает фантастические возможности для науки, для развития человечества.

— Всему свое время, мой друг... Всему... Поспешное обнародование многих открытых принесло немало бед человечеству... Каста египетских жрецов состояла из умных и мудрых людей, она хранила в тайне многие чудесные знания и использовала их разумно. Но кого бы вы хотели увидеть еще?

— Солнечного фараона, если это возможно.

Появился высокий, болезненного вида человек. Прямой, довольно широкий нос, крупный, красиво очерченный рот, лоб высокий, заметно сдавленный в висках, выступающие правильные полукружья надбровных дуг.

Владислав жадно всматривался в лицо «солнечного» фараона. Он пытался найти разгадку его необычайной жизни в чертах его лица, в выражении глаз.

Заметно выступающий подбородок и пристальный взгляд явно говорили о сильном, волевом характере. Эхнатон мог бы сойти за современного человека европейской расы. Он не был темнокожим, как Тутанхамон, а коротко остриженные волнистые волосы были темно-русыми.

— Мне не верится, что он жил так давно... И почему в какие-то мгновения жизни мы жаждем слиться с теми, ушедшиими? И так страдаем от невозможности этого. Расскажите мне о нем.

— Замечу, что, изучая натуры властелинов, я не встретил среди них носителей христианских добродетелей. Они имели здравый взгляд на вещи: врагов предпочитали уничтожать, а не играть с ними в затяжную игру, ныне называемую дипломатией. Впрочем, и это тоже у них было... Все, что мешало их власти, они сметали. Не думайте, что этот фараон был иным. Может быть, он был бы и добрым и мягким — не будь фараоном... Человек он был чувственный и вспыльчивый. Мы видим его в трудное для него время.

Пока Нежин и Владислав говорили, Эхнатон прошел к бассейну. Он был задумчив. Маленький черноволосый мальчик с венком на голове нерешительно приблизился к нему. Он держал белого голубя. Фараон не сразу заметил его и, лишь когда малыш подошел к нему совсем близко,

очнулся, положил руку на голову мальчика. Мальчуган просиял и протянул ему голубя. Эхнатон снял с его лапки кольцо, достал записку и прочитал. Улыбка лишь на миг смягчила его грусть.

— Но вот же, видно, что он мягкий человек...

— Это такая минута, по ней нельзя составлять мнение о характере.— Вспыхнул верхний свет, фараон исчез.

Владислав, потрясенный и опечаленный, как-то нерешительно обратился к Нежину:

— Мне так не хочется расставаться с ним, словно я знал его при жизни.

— Вы слишком впечатлительны... Я теперь пришел к выводу, что люди обязательно повторяются в каких-то определенных поколениях, хотя это вступает в некоторое противоречие с законами генетики, как мы их до сих пор принимали. Видимо, здесь что-то не удалось уловить, какую-то периодичность. Так что все в конце концов повторяется... Я уже имею многие материалы, и исторические, и современные, о двойниках,—это невероятно интересно. Настанет время, и вы увидите своего двойника...

— А сейчас можно? (О своем двойнике Владислав решил не говорить.)

— Пока нет. Я еще не сформулировал, не обобщил выводы. Этот аспект лишь часть будущей теории. Ведь почти уже доказано — теперешняя цивилизация не первая на Земле. Многое как бы перекинуто в нынешнее наше существование. И повторение образов людей — часть разгадки передачи из того далека знаний, догадок, повторений.

— А вы, Назим, нашли где-нибудь в далеких веках своего двойника?

— Пока нет, но надеюсь, что найду. Двойники иногда появляются в одно время, об этом свидетельствуют и историки. Не так уж редко это происходит. Возможно, что и у вас есть двойник. Попробую его поискать.

— Простите, Назим, сейчас мне трудно говорить об отвлеченных предметах, я весь под впечатлением увиденного. Трудно поверить, что это не театр.

— Никакого театра. Строго научные эксперименты. Кого бы вы хотели увидеть еще?

— Мне близок и дорог образ царицы Нефертити. Я читал о том, что люди, узнав о ее существовании тысячелетия спустя, проникались к ней симпатией. Покажите ее, если это возможно.

Из полумрака вышла женщина. Легкий наклон головы, тонкая рука касается тяжелого ожерелья. Где же в ней царственное величие? К тому же она небольшого роста, и для властительницы слишком скромен ее вид. Нефертити приподняла голову. Глаза ее, прозрачные, зеленоватые, словно заглядывают в душу. Слабая гибкая фигура и узковатые покатые плечи — все видится совершенным, а стройная шея несет гордую прекрасную голову. Нефертити прошла в дальний угол зала с колоннами из блестящего черного камня к огромным каменным вазам, опустилась на колени, подняв руки. Она молилась. Голова склонялась все ниже и ниже. Закрыв лицо руками, она замерла в этой позе. Царица не произнесла ни слова, а Владислав жаждал услышать ее голос, он забыл, что присутствует при удивительном воспроизведении давно ушедшего момента

жизни, далекого загадочного государства. Он едва не заговорил с царицей. Нежин опустил руку на плечо Владислава:

— Понимаю вас... Теперь я привык, а раньше проводил здесь долгие часы.

— Я не могу назвать видимое мной сейчас просто изображением. Это переворот в осознании моей жизни, прошлого и будущего. Я сейчас другой — не тот, что еще недавно шел сюда с вами. Теперь я буду тосковать, не видя этой чудо-женщины, буду страдать в разлуке с ней...

— Видите ли, я знал, что произойдет как бы раздвоение сознания. Мы изучаем сейчас это явление, задача сложна, пока мы добились немногого. Появилась гипотеза, что человек может одновременно жить в нескольких временных периодах, причем с присущим сознанием и одного, и другого, и третьего времени. Предельное число этих временных ощущений, понятий и мировоззрений нам пока установить не удалось. А Нефертити... Если ваша душа так тянется к ней: я подарю вам ее объемное изображение, вы будете видеть ее в любое время так же, как здесь.

— Благодарю вас!

— Но только с одним условием...

— Заранее согласен его выполнить...

— Хорошо... посмотрим еще.

Под ослепительным солнцем широкая улица с величественными дворцами. Толпы людей стараются укрыться в тени зданий. Движется процесия: впереди всадники на черных скакунах, под огромными опахалами. Слышны приветственные крики толпы. Темнокожие великаны несут роскошные носилки — в них юная девушка. Тяжелый головной убор, массивные ожерелья и браслеты кажутся непосильной ношей для нее. Лицо густо покрыто гримом. За носилками следует многочисленная свита. Девушку вносят под своды дворца. Среди высоченных стен и массивных колонн ее фигурка кажется кукольной. В глубине дворца медленно раскрываются двери, и в сопровождении жрецов входит юный Эхнатон. Девушка спускается с носилок, Эхнатон подходит к ней, берет за руку. Они смотрят в глаза друг другу и забывают об окружающих, обо всем на свете — они одни в мире. И, наверно, все приближенные понимают это, и оттого такая тишина.

Зал, где находятся Нежин и Владислав, заволакивает колеблющийся туман, но он рассеивается, и они видят, как Нефертити в легком одеянии, полна радости, танцует перед Эхнатоном. Кажется, она движется без малейших усилий, так естественные движения — она сама музыка, молодость, гармония. Кончается танец, Эхнатон обнимает ее бережно, и так замирают они, безмерно счастливые и прекрасные.

И опять колеблющийся туман скрывает их... А за этим уже совсем другое: исхудавшая, увядющая Нефертити с погасшим взглядом полулежит на ложе. Жрец подносит ей кубок, видимо, с лечебным снадобьем, но она движением руки отстраняет его. Жрец удаляется. Она одна. Сматривает на свои руки, снимает с них перстни, кладет руки на грудь и закрывает глаза, должно быть, надеясь хоть во сне обрести покой.

Потрясенный увиденным, Владислав молчит. Не нужны слова. В нем все еще та жизнь, из которой он не хочет сейчас уйти.

Владиславу хотелось в рисунках частично передать видения в «покоях фараонов», сделать хотя бы несколько набросков Нефертити. Но странно, как он ни старался, все вспоминалось туманно, расплывчато, отрывочно. В какие-то мгновения образы становились более четкими; он сейчас передаст их на пластильне. Но изображение Нефертити получилось банальным, опошленным миллионами повторений. А образы Тутанхамона и Эхнатона отдалились, словно он видел их очень давно и смутно. Владислава это расстроило, от утреннего радостного настроения не осталось и следа.

Он сообщил Назиму о своем отъезде. Но наступило завтра, и он решил «спокойно пожить здесь еще день...».

Случилось в один из дней, что Нежина попросили куда-то зайти, и Владислав остался один. Он рассматривал «вертушку» — аппарат, который показывал поэтапное производство раскопов и вносил объяснения о находках. На столе лежала какая-то пластина. На ней кнопки. Владислав тронул одну, раздалось едва слышное щелкание. Он прижал три, поставил пластину вертикально, направил пучок света на стену. На стене появилось изображение, Владислав даже испугался — на нем те две фигуры египетского стилизованного рисунка. Владислав тотчас же узнал его. Даже пятно в левом углу... Да ведь это тот рисунок, который он видел у дяди Якова, еще при его жизни, а потом он куда-то пропал... Тогда он был еще маленький, но все же помнил, как дядя Яков рассказывал маме, что эта пластина с рисунком таит с себе необычайно интересные сведения и представляет огромную ценность.

Владислав не услышал, как вошел Нежин. Увидев изображение, он тотчас же отключил аппарат:

- Это вряд ли вам интересно...
- Наоборот. Представьте... этот рисунок... он мне хорошо знаком. У моего покойного дяди, Якова Покровского, был, я уверен, именно он. Но как он попал к вам? Совсем недавно он мне несколько раз почему-то вспоминался, причем так отчетливо.
- Может быть... может быть... А попал ко мне? Вероятнее всего, был опубликован где-то в печати. Так, один из тысячи...

— Но что он обозначает?

- Это что-то по подсчету годовых доходов одного из фараонов...

Вечером Владислав прошел в мастерскую, чтобы собрать этюды, приготовиться к отъезду. Он хотел здесь же набросать на пластину что-то нужное, чтобы не забыть. Но сейчас же забыл, что именно он собирался нарисовать. Он только знал, что это «что-то» ему нужно удержать в памяти, и видел он это нужное сегодня. Но что же это с ним? Боже, он же все, все забыл...

Утром Владислав проснулся, забыв о вчерашнем волнении. После завтрака они прошли с Нежиным в кабинет. Нежин подал Владиславу маленькую шкатулку:

- Это то, что вы хотели иметь.

Владислав поднял крышку. В прозрачном кристалле изображение Нефертити. Нежин показал, как нужно находить увеличение и «сход» изображения. Владислав бережно уложил «сувенир» в сумку. Затянулась неловкая пауза. Ее прервал Владислав:

— Я все хотел вас спросить, почему вы называетесь Назимом Нежиным, а не вашей настоящей фамилией Дадышю и именем Джоди?

— О, это грустная история. В молодости я любил русскую девушку, но она погибла, и в память о ней я взял вторую фамилию Нежин и имя Назим, так она меня называла. Мое имя Джоди ей не нравилось.

— Вы даете мне слово чести, что никто, кроме вас, этого изображения видеть не будет. Даже самые близкие люди. Но этот запрет до определенного времени. Вы уже дали слово...

СМУГЛАЯ ЖЕНЩИНА

О распространении «черного психоза», болезни неведомой до сих пор человечеству, говорили всюду. Страх сковал людей. Даже в салоне леди Маргарет Галь, хотя никто из круга ее приближенных не заболел, в торжественный праздничный вечер, такой увлекательный и блестательный, нашлись гости, которые, собравшись в круг, вели разговор о болезни.

Леди Маргарет, проходя с доктором Нежиным мимо собравшихся, вдруг остановилась и обратилась к Нежину:

— Господин Нежин, моим гостям и мне хотелось бы узнать ваше мнение об этой зловещей болезни.

— Что могу сказать я, если ни один ученый из руководства «Единства» не может на это ответить. И более того, именно из их числа заболели уже несколько человек, а причины заболевания до сих пор не известны.

Маргарет сочла нужным заметить:

— Мы забываем о Божественном разуме и могуществе. Пришло время молиться и вверять ему свои жизни.

После бала Маргарет пригласила Нежина, Трачитто и Мориса в свои менее обширные покоя.

— Как вы считаете, друзья, удачно ли прошел вечер?

— Прекрасно! — Трачитто хлопнул в ладоши. — Вот бал, так бал.

— Вот, Назим, вам не угадать, какой сюрприз я приготовила. — Маргарет загадочно улыбнулась. — Решила принять ваше давнее приглашение. Буду у вас в Швейцарии на днях.

Нежин встал, по-восточному приложил руку к груди, склонился в поклоне:

— Наконец... Я немедленно отдаю распоряжения... Кто прибудет с вами?

— Всего одна служанка... может быть, Морис согласится поехать со мной?

У ИСТОКОВ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Теперь Мария Яновна уже не сомневалась, что лишь болезнь «перекрыла» любовь Владислава к Анне. Эта девушка с милым, ровным характером действовала на Марию Яновну поистине благотворно. Анна оказалась неоценимой помощницей в уходе за больным. В ее руках все спорилось без суеты и нервозности.

Владислав мог работать лишь полулежа. Иногда он не замечал Анну,

бывало, что принимал ее за мать. Но теперь это не причиняло ей той острой боли, как вначале.

Анна промывала кисти Владислава, часто поглядывая на него. Сегодня он был в заметном возбуждении, и она с нетерпением ждала прихода Григория Алексеевича.

— Оставьте меня одного и не беспокойтесь...

Владислав не бредил, он обращался к ней — они были одни в мастерской. Анна замешкалась, не зная, как поступить. Взгляд Владислава был вполне осмысленным — он смотрел на нее.

— Пожалуйста, оставьте меня...

Анна поспешила вышла, прикрыла дверь, но не решилась отойти — должен прийти врач. Она услышала голос Владислава, и ей показалось, что он зовет ее. Войдя, Анна остановилась пораженная: Владислав держал какой-то прозрачный предмет, и в его ладони, словно сотканная из светящегося тумана, но быстро принимая почти физическую материальность, появилась женщина.

Владислав заметил Анну: мгновенный взмах руки, изображение исчезло, но глаза Владислава выражали сильнейший испуг. Он мелко дрожал, дышал тяжело и прерывисто. И все-таки какое-то радостное чувство на миг осветило лицо, он шагнул навстречу Анне и восторженно, как когда-то, выдохнул:

— Аннушка, девочка моя... — Но тотчас же черты его исказились, губы посинели, он побледнел, выкрикнул в ужасе: — Как вы смели?! Я же запретил!.. Уходите!

Анна выбежала из мастерской почти в беспамятстве, хотела позвать Григория Алексеевича, но тотчас опомнилась и опустилась в кресло. «Женщина, женщина... Зачем я так? Может быть, это для картины... Но почему испуг? Что за проблеск чувств ко мне и тут же злобы, грубости?» Она, невзирая на запрет, вошла в мастерскую. Владислав лежал в кресле, запрокинув голову. Анна не увидела прозрачного предмета, кристалла, — когда Владислав держал его, сверкали грани... Анна вызвала Яронских, сделала больному массаж головы и рук, ввела распылителем препарат.

Григорий понял — случилось что-то необычное.

— Что с ним?

— Я не поняла, — Анна уже овладела собой. — Нужно пригласить Марию Яновну и папу. — Она подготовила аппарат для записи.

Выслушав Анну, Юлий Семенович, как говорила иногда Анна, сразу «вышел из берегов»:

— Чертовщина, мистика. Изображение неизвестной женщины... суть в том, как он его получает и почему держит в тайне. Думайте... думайте... Но хоть кого-нибудь напомнила тебе эта женщина?

— Нет. Она восточного типа, смуглая... не современная, почти обнаженная... Но как прекрасна... — Голос Анны предательски задрожал, и Мария Яновна поспешила вмешаться:

— Уверена — тебе просто показалось, не успела разглядеть...

Яронских еще раз прослушал запись Анны.

— Этот проблеск чувств к Аннушке... Испуг, очевидно, вызван страхом, полагаю, внущенным больному. Нужно найти этот кристалл, хотя

копаться в чужих вещах – занятие не из благородных. Подождем пока привлекать к поиску посторонних, попробуем сами...

– Черт возьми, сплошные загадки... не могу отказаться от мысли, что в этом есть связь с болезнью, с ее возникновением... Эх, Анка, тебе бы повести себя иначе, похитрее...

Яронских пригласил Юлия Семеновича на проведение сеанса гипноза. Они отослали женщин из мастерской и остались с больным.

Владислав не замечал их присутствия. Когда он впал в дремотное состояние, Григорий погрузил его в гипнотический сон.

– Где вы храните прозрачный кристалл и почему пользуетесь им втайне? Кто дал вам его? Для чего?

Больной морщил лоб, дергался, но не отвечал.

– Назовите имя женщины, с которой познакомились в Швейцарии.

– Никакой женщины не знаю, все слуги у Нежина – мужчины.

– Почему вы не вызывали ни разу по видео ни мать, ни Анну?

– Не мог, не мог... не знаю... забыл... не хотел...

– Почему вы надолго задержались у Нежина?

– Не мог уехать... Что-то важное...

– Отвечайте, отвечайте, – Яронских говорил повелительно. –

Напрягайте память, напрягайте... Вам Нежин или кто-то другой запретили помнить о событиях, полученных знаниях, встречах?

– Он... Назим... не велел, взял слово, но что, я не могу, не знаю...

Больной сильно побледнел, страдание исказило лицо.

Григорий прекратил сеанс, погрузил больного в спокойный сон.

Таинственный кристалл Климанов и Яронских без особого труда обнаружили в маленьком тайнике письменного стола Владислава. Ни свойства, ни состав, ни строение кристалла не были им известны. Внешний осмотр ничего не дал – прозрачный кристалл, в него вплавлена пластина с изображением Нефертити. Удалось выяснить лишь одно – такое изображение царицы неизвестно ни археологам, ни искусствоведам.

Кристалл в руках Яронских. Попытки получить объемное, увеличенное изображение царицы оказались безрезультатными. Пришлось смириться с тем, что без хозяина «игрушки» ничего не получится. Яронских вставил кристалл в черный футляр из упругого материала. Пытаясь закрыть странной формы крышку, наклонил его. И словно в столбе лунного света возник образ царицы, но тут же и исчез. Яронских нашел нужный угол наклона – изображение появилось снова. Оба исследователя смотрели на него как завороженные. Но вскоре Яронских ощутил признаки знакомого состояния; приступ тоски и слабость, точно как при воздействии картин Покровского. Созерцание прекрасной женщины таило опасность. Яронских поспешил убрать кристалл в тайник. Неприятное ощущение и слабость, казалось, растекались по телу. Они еще не вполне освободились от наваждения, когда проснулся Владислав. Он с трудом поднялся и направился к письменному столу, не замечая их, но не дошел – без сил опустился на пол. Мужчины уложили больного, оказали помощь. Яронских вызывал Анну.

Юлий Семенович еще чувствовал слабость, говорил, не сразу находя нужные слова.

– Срочно сообщите в центр, что кристалл и есть тот излучатель. Мы

должны проследить и определить его влияние на Покровского. Отдайте распоряжение подготовить аппаратуру и вести наблюдение круглосуточно.

Прибыли сотрудники из Медицинского центра, их разместили недалеко от дома Покровского. Решили, что непосредственное наблюдение проведут Климанов и Яронских.

На четвертые сутки, в одиннадцать часов ночи, больной стал проявлять беспокойство, казался возбужденным, осматривался по сторонам, а затем как бы по чьему-то приказу встал и, словно соннамбула, направился к тайнику. Достал кристалл, вызвал изображение Нефертити, заговорил:

— Я еще жив... ну, ответьте... жив? Или мне чудятся близкие, кажется, они посещают меня... и моя Анна... Но их нет... они там...

Взгляд больного несколько оживился, стал более осмысленным.

— А! Мои картины... посмотрю...

Он достал со стеллажа картины, посмотрел, перебрал рисунки. Бросил все в беспорядке, присел на стул, не сводя взгляда с изображения царицы.

— Да-да, знаю — должен работать, работать... видения, одни видения... устал...

Больной пошатнулся, кристалл выпал из рук, исчезло изображение царицы. Климанов и Яронских все это время находились в мастерской, скрытые ширмой. Действие излучателя быстро сказалось на их самочувствии. Владислав потерял сознание. Яронских приставил аппарат «отключений» к его затылку. Теперь Владислав будет жить во сне... теперь можно...

ЖИЛ ТАКОЙ ПРОФЕССОР СЕДОВ...

Эта загадочная история несколько лет волновала ученых, но в конце концов, как и многое на свете, забылась. Некоторые пришли к мысли, что в основе своей это выдумка. Но они были не правы. Один из немногих друзей Седова и после смерти ученого продолжал утверждать, что в этой истории нет ни капли вымысла.

Прожив несколько лет в странах Африки, Седов дольше всего находился в Египте. Он был, что называется, ученый-универсал: птичолог, археолог, историк, врач и, помимо этих, имел еще немало других специальностей. В научной работе ему помогало знание многих, в том числе древних, языков, а в письменности Египта он разбирался словно в отечественном букваре. Он не любил сенсаций, не публиковал свои труды скороспелыми, они должны были, по его мнению, прежде чем «увидеть свет», «отлежаться», «обрасти» убедительными аргументами.

Седов был человек не только серьезный, но даже в какой-то степени и нелюдимый. Всю силу страсти, привязанности, верности он отдавал науке и презирал «выскочек» от науки, болтунов и людей «поверхностных». Он был порой резок, непримирим к ним, отчего имел немало врагов. О своих открытиях он помалкивал до той поры, пока его, как он выражался, «не припекало». По воспоминаниям друга, Седов после возвращения из Египта засел в «домашней лаборатории». Научные учреждения — академия и институты оказывали ему всяческую поддержку. Самая бурная научная деятельность Седова началась, пожалуй, с

момента его знакомства с Яковом Покровским, дядей Владислава Покровского. Встретились они в Египте. Некоторое время работали вместе, но ничего не публиковали и, более того, свои изыскания держали втайне. Затем они расстались; друзья не очень уверенно предполагали, что размолвка произошла из-за немого, о чём в то время Седов упомянул лишь мельком, не вдаваясь в подробности.

Когда Яков Покровский умер, Седов ездил к его родным, и друзья помнят, что, возвратившись оттуда, он однажды показал им рисунок, найденный в Египте. На нем изображения двух человек и рядом множество знаков. Показав рисунок, он спрятал его в сейф.

— Вот только теперь мне, может быть, удастся развязать этот хитросплетенный узел, а ключ к этому — в рисунке. Но сначала как следует продумаю, не принесут ли эти знания вред человечеству. Да-да, посмотрю и подумаю хорошенько, стоит ли отдавать все это в руки не всегда разумных людей...

Несколько лет Седов работал со своим немым помощником; друзья не знали, над чем они трудятся. Лишь однажды разговор зашел о стихийности действий массы людей, о влиянии отдельной личности на события. Разгорелся спор, приводились примеры, опровержения. Седов слушал, больше помалкивал и только потом сказал:

— Все ваши разговоры — детские рассуждения. Вот древние психической энергией могли управлять...

Прошло полгода после этой встречи с друзьями, как Седова обнаружили мертвым в его лаборатории. Медицинская экспертиза дала заключение, что он умер во время сердечного приступа — болел уже давно. Смерть не была насильственной.

Не могли найти немого помощника Седого, он исчез бесследно. Исчезли все труды Седова, ни одной страницы его записей, даже черновика завялявшего не осталось. Казалось загадкой, что при современных возможностях расследования не могли найти немого помощника и труды Седова.

ПОХИЩЕНИЕ

Катя приподнялась на кушетке. «Значит, меня похитили...» Она осмотрелась. Комната просторная, с высокими потолками с лепниной. Много растений. Слева на стене, рядом со старинным массивным шкафом, большой гобелен со сценкой в духе семнадцатого века: на лугу хоровод девушек, в тени под деревом собака, с ней играет юноша, рядом девушки плетут венки. Цвета розовые, золотистые, зеленые. В углу комнаты высокое трехстворчатое зеркало с туалетным столиком — такое теперь увидишь лишь в музее. Много книг, явно старинных: толстые фолианты в кожаных переплетах со стершейся mestами позолотой. Сверху, на полках, вперемежку с книгами, скульптурные группы из фарфора, выдержаные в стиле всей обстановки.

Катя привычно всунула босые ноги в легкие домашние туфли. Ее платье и белье висели на видном месте. Но пижама на ней чужая. Ее внимание привлекли картины: Ватто, Фрагонар, Буше. Она двигалась по комнате нарочито замедленно, не сомневаясь, что кто-то наблюдает за

ней, глядя на экран. «Пусть поломают голову... небось думали, что я брошусь к окну или стану рваться в дверь и призывать на помощь...» К окну она подошла. Увидела пышные кроны деревьев, клумбы с цветами и пепельно-голубое небо. Обстановка самая мирная. Настроаживала лишь тишина — в небе не видно воздухолетов. «Не в темницу же я брошена в разорванных лохмотьях. Вполне в духе времени — плен с полным комфортом, в этих старомодных уютных покоях». Но как произошло все это? Ни одного воспоминания... Последнее, что запечатлелось,— ее разговор со школьником. Они стояли у ее картины «Дом в океане», и мальчик рассказывал, как они с отцом были в океаническом городке неподалеку от Владивостока. «Дальше — ничего, ни проблеска... Нужно думать, как вести себя теперь... Хочется выпить чая...» Катя прошла в кухню. Создавалось впечатление, что за домом следит добросовестная хозяйка — чистота, в продуктах недостатка нет. «Нужно поесть, не будут же они меня немедленно травить, раз водворили сюда». Она подготовила завтрак, выбрав овощной салат, яйцо и немного сметаны. Заварила чай. Позавтракала на кухне, прошла в комнату, открыла шкаф. В нем несколько платьев и еще кое-что из одежды. Прикинув, Катя решила, что все соответствует ее размерам. Включила видеообозреватель, осмотрела прилегающие к дому места. Люди не появлялись. Она спустилась с верхнего этажа, прошла верандой в сад. Был приятный день, солнце, словно полуприкрытое легкой завесой, посыпало мягкий ровный свет. Несмотря на безветрие, жары не было. Катя решила сразу же определить границы своего заключения — в том, что они были, она не сомневалась. Дорожка, присыпанная красноватым песком, привела ее к поляне с ветвистым старым дубом. Она смело пересекла ее и очутилась перед полосой подрезанного декоративного кустарника. Но стоило ей приблизиться к нему, как тело закололо, словно в него вонзились тысячи иголок, а ноги перестали повиноваться. «Здесь и есть граница, дальше не движешься. Где же я примерно нахожусь? Кипарисы, дом увит виноградом, единственная вилла, тайна, тайна...» Катя прошла к дубу, села на скамью под ним и стала ждать. Чего? Должен же появиться кто-то, кто запрятал ее сюда. Так она сидела, будто бы спокойная, вертела в руках травинку с видом вполне независимым, но внутренне была скована возможной встречей с неизвестной опасностью.

Вспомнились события прошедших дней. Выставка заинтересовала зрителей, вызвала много отзывов в прессе и видео. Похитители дали ей время на это, явно рассчитав, что ее исчезновение во время выставки будет слишком сенсационным. Но и ждать долго они, видимо, почему-то не могли. И как только экспозиция была свернута и картины упакованы, ее срочно украли. В тот день мальчик, сын служащей выставочного зала, попросил ее побеседовать со школьниками — его друзьями. И вот... она здесь.

Человек, по-видимому, точно знал, где ее найти. Он шел к ней не оглядываясь, неторопливо, спокойно. Подойдя, доброжелательно улыбнулся, словно был с ней давно знаком и именно здесь она назначила ему

свидание. Протянул руку. Своей руки Катя не подала. Он укоризненно покачал головой, заговорил по-русски почти без акцента:

— Вы сердитесь. Я так и предполагал. Конечно, похищение, каким бы оно ни было, есть насилие.

Катя откровенно зло посмотрела на него:

— Свинство. Просто недостойно современного человека, мерзостно и пошло.

— Вы торопитесь с выводами. Слишком ошибочно сразу же, не разобравшись, приписывать все только злу.

— Не морочьте мне голову, а скажите прямо, зачем и куда меня приволокли. И что за этим последует по вашей программе...

— Ах, Екатерина Васильевна, невозможно, глядя на вас, даже предположить, что вы можете быть так грубы... Но я не хочу отвечать вам в подобном духе. Кстати, вам нeliшне знать, что меня зовут Анатолем Константиновичем, фамилия — Севенарт. Я полуфранцуз, полурусский. Послушайте меня, Екатерина Васильевна, давайте не будем пререкаться, а поговорим разумно, по-деловому. Могу прямо сказать: ничто вам здесь не угрожает, наоборот — обстановка для отдыха превосходная, а вы устали от подготовки к выставке и ее проведения. Столько встреч, разговоров, интервью...

Катя вскочила со скамьи, встала перед опешившим «миротворцем»:

— Прекратите болтовню! Я сама знаю, устала или нет... Или вы немедленно меня отпустите, или я найду выход... То, что вы проделали со мной, не пройдет безнаказанно для вас. И знайте, я не подчинюсь никакому насилию.

Севенарт сожалением смотрел на нее:

— Вы взрослая, а так неразумны... Вы же ничего не знаете: ни того, кто вас увез, а не похитил, а точнее, спас от грозившей вам далеко не пустяковой опасности; ни того, зачем вы здесь и почему вас не уговорили предварительно уехать по доброй воле. Вот и давайте разберемся во всем, а затем вы волны вести себя как вам заблагорассудится.

Севенарт встал, взгляд его явно выражал снисхождение к Кате и ничем не пробиваемую доброжелательность.

— Может быть, вы все-таки, как женщина и хозяйка, пригласите меня на чашку чая и выслушаете...

— Я не знаю, что вы мне скажете, но заранее предупреждаю: пока я не свободна, никакого разговора «на равных» не будет. И чем скорее вы освободите меня, тем лучше для вас... Не надейтесь, что многим безразлично, куда это я исчезла...

— Хорошо, хорошо... Сначала выслушайте...

Катя нервно и решительно вошла впереди Севенарта в дом, показывая, что не намерена соблюдать церемонии. Она заварила чай, налила Севенарту, сама села, демонстративно отодвинувшись от стола. Севенарт, поморщившись, стал неторопливо пить.

— Повторяю вам, Екатерина Васильевна, все, что произошло, не похищение, а стремление спасти вас. В том мире, где вы до сих пор жили, творится нечто, не менее страшное и уничтожительное, чем война. Чья-то злая воля, чей-то изощренный ум решил повести смертельную борьбу

с существующей политической системой. Но в этой борьбе гибнут наиболее ценные талантливые личности. Вначале у нас, людей, принадлежащих к обществу доброй воли, возникли предположения, что губительная эпидемия, поразившая содружество,— один из новых способов борьбы оппозиции. Но ученым стало ясно, что зловещие заболевания не есть результат деятельности особых микроорганизмов, а поражение психики, вызванное иными причинами. Это «бунт» психики, реакция, ранее неведомая человечеству, на длительное насилие.

Эта болезнь, видимо, «дремала» в людях несколько столетий. Еще с тех пор, когда страны были разобощены, когда человечество было угнетено постоянным страхом ожидания войн, сначала ядерной, а затем «высоких энергий». Угнетенный мозг — вот результат такого состояния, и он проявил в потомстве свои новые свойства. Этим можно объяснить и то, что болезнь, как правило, поражает людей выдающихся, наиболее талантливых. А катализатором явились либо изменения, пусть даже незначительные, атмосферы, либо новые реакции... да мало ли что еще...

— Допустим... — Катя резким движением руки перекинула за плечо прядь рассыпавшихся волос. — Но какое отношение это имеет к тому, что вы сделали со мной? Я же не из тех ученьих...

— Не спешите... Все, происшедшее с вами, связано именно с этими событиями. Наше общество решило спасти вас от опасности заболеть той страшной болезнью. У нас вы изолированы от нежелательного и постороннего общения с кем-либо, и мы уверены, что здесь болезнь вас не тронет. У нас есть свои, особые методы профилактики. Мы не спасаем всех подряд — это довольно дорогое удовольствие. Но вы — в расцвете творческих сил, талант ваш очевиден и нужен человечеству. А ведь, согласитесь, лучше того, что сделали мы,— ничего не придумаешь.

— Вы решили, что я уникально талантлива?

— От вас можно ждать большего, а печальный случай с художником Покровским заставил нас спешить...

— Ладно, — Катя налила себе чай и придвинулась к столу, — а как же быть с моими родными, близкими?

— Все, все продумано. Если вы напишете или наговорите на запись — до них это дойдет. Ваше дело успокоить их...

— А если я захочу сообщить им, что нахожусь в заключении, и попрошу помочь?

— Но, позвольте, Екатерина Васильевна, какое же это заключение? — Севенарт повел рукой, указывая на убранство комнаты. — Это почти дворцовая обстановка... И, кстати, если вы поинтересуетесь другими помещениями, то мастерская и все материалы для вас приготовлены. Можете спокойно работать. И не надо делать глупости... Вы не пленница. Это временная, вынужденная изоляция, да и то, как я считаю, приятная.

Катя встала.

— Если все действительно так, то я посмотрю...

— Все будет хорошо.

— Кстати, а какова ваша роль во всем этом и кто вы такой?

— Имя и отчество могу повторить, и фамилию также, я не делаю из этого секрета. Анатоль Константинович Севенарт. Врач.

— Точнее, тюремный врач?

— Екатерина Васильевна, я был уверен, что вы умнее и тоныше... Впрочем, возможно, я вел бы себя примерно так, очутись на вашем месте. Не буду на вас сердиться. Убежден, что скоро станем друзьями. И, пожалуйста, не думайте, что вы будете проводить все время в одиночестве. Совсем скоро вы сможете общаться с коллегами, людьми искусства, с теми, кто живет в нашей стране и где мы предоставляем им идеальные условия для творчества, не хуже чем в вашем городе Искусств.

— Это что же, коммуна или убежище для умственно неполноценных маньяков?

— Екатерина Васильевна,— Севенарта явно коробила грубость Кати.— Ну как можно говорить такое, еще ничего не видя и не зная?

— А страна-то, страна, куда вы меня затащили? Надеюсь, это не другая планета?

— Я лично хотел бы, чтобы планета была другая, тогда с вами было бы проще... А страна — самая прекрасная, воспетая и прославленная поэтами, писателями, художниками,— Франция.

Севенарт с улыбкой, показывая, что его ничуть не рассердили выходки Кати, прощался.

С того дня, когда Севенарт познакомился с Катей, прошло больше месяца. Катя жила все в тех же «покоях». Она стала спокойнее, уже не встречала Севенарта враждебно, а вполне непринужденно беседовала с ним, даже позволяла себе быть чуточку кокетливой. Иногда Севенарт приходил не один, но он всегда заранее испрашивал согласие Кати на это. С ним приходили разные люди — ученые, литераторы, художники.

Ежедневно женщина, ведущая хозяйство, приносила Кате газеты и журналы. Кроме того, в распоряжении Кати был стереоинформатор, можно было смотреть спектакли и фильмы. Музыкальная аппаратура позволяла слушать любую музыку. Был и рояль, на котором Катя иногда играла.

Она работала в мастерской, но мало, изредка, что удивляло Севенарта и даже, какказалось Кате, заметно тревожило. Поразмыслив, Катя решила не огорчать своего «миротворца», как она с первой встречи окрестила Севенарта, и побольше работать. Так она и сделала. С этого дня ее чаще всего можно было застать в мастерской. Но что она писала? Манера ее заметно изменилась. Тематика картин была странной, ранее ей не присущей. Понять ее живопись было делом непростым. Даже посещавший ее иногда вместе с Севенартом искусствовед не мог в ней разобраться и задавал Кате бесконечные вопросы, что выводило ее из себя. В ответ на осторожные вопросы Севенарта Катя лишь недоуменно крутила головой и пожимала плечами. Иногда бывала более «доступной».

— Я и сама не могу объяснить, откуда это у меня. Просто появляется потребность писать именно так. То, что я делала раньше,— слишком примитивно. Я думаю, что это болезнь «роста», хотя не знаю, к чему меня это приведет.

А Севенарта это, кажется, устраивало. Он считал, что Катя успокоилась и настроение у нее неплохое. Похоже на то, что теперь у нее нет желания расстаться с этим уютным домом и, пожалуй, с ним.

Территория, куда Катя беспрепятственно могла ходить, заметно расширилась. Однажды, гуляя по парку, она перешла овраг, поднялась на холм и направилась к аллее кипарисов, казавшихся на фоне окружающей зелени особенно темными и мрачными. Она подошла к ограде кладбища. Прошла вдоль стены с замурованными урнами. В самом конце ее остановилась у совсем недавнего захоронения: еще не высок скрепляющий камни цемент. Необычные цветы были посажены возле этого места: яркие кусты календулы – цветок Украины, России, как считала Катя. Рядом с розами и лилиями он горел неярко, словно сознавая, что не смеет соперничать, Катя прочитала фамилию умершего: Франсуа Мелонье, какой-то француз. Еще молод. Подошли женщина и мужчина, после приветствия спросили Катю:

- Вы знали его?
- Нет. Я здесь недавно.

Ответ, по-видимому, удовлетворил пару, и они ушли, тихо беседуя.

Катя загляделась на бабочку. Она порхала над календулой, затем, словно торжествуя, взлетала высоко и снова припадала к цветам.

Захрустел гравий. Перед Катей остановился мужчина. Он был худ и бледен, одет в свободного покроя блузу с короткими рукавами и в темные шорты. Какая-то болезненная робость была в его взгляде, движениях. Он спросил заикаясь:

– Вы пришли к нему? – Он кивнул головой в сторону свежего захоронения.

- Нет, зашла случайно.

Незнакомец странно, как-то особенно печально еще раз оглядел Катю. Ее будто что-то подтолкнуло.

- А вы его знали?

– Знал. Его многие знали. А вот вы оттого и не знали, что никогда не приходите к нам. Не интересуетесь, значит... все... никто не нужен, лучше в одиночку...

Катя не могла понять – то ли он разговаривает сам с собой, то ли обращается к ней.

- Но я не знаю, куда это к вам. Вы так странно говорите.

Незнакомец не спешил ответить. Печаль в его глазах словно еще сильнее обозначилась. Он вынул откуда-то из-под блузы маленький камешек с нарисованным на нем кругом и положил рядом со стеной.

– Что это означает? – Катя нагнулась, рассматривая камешек, не решаясь дотронуться до него.

- Это память о наших беседах. Круг – символ вечности...

- Он был вашим другом?

– Зачем? Не стоит это делать здесь. Так часто все уезжают, бросают людей... Уходят, все уходят... Вот так и живем, расставаясь вечно с кем-то и с чем-то...

- «Он болен – видно по всему».

- Франсуа... Он француз?

– Вы хотите это знать, вам это нужно? Да?.. Хорошо, вы мне нравитесь, я покажу вам его облик... – Незнакомец опять откуда-то из-под блузы достал сложенный в несколько раз листок, развернул, разгладил. Контуры

ным, мастерски выполненным рисунком анфас и в профиль был изображен человек явно негроидного типа. Катя едва удержалась от возгласа удивления. Она узнала этого человека. Но это же никакой не Франсуа Мелонье — он носил совсем другое имя... Катя дважды встречалась и беседовала с ним на выставках. Она помнит его улыбку: открытую, дружелюбную. Нет, она не ошибается — он не был похож на кого-то. Он был особенным, этот замечательный, без вести пропавший художник.

— Вам нравится его лицо?

— Очень. Хорошее, доброе. Вы страдаете от этой утраты?

— До чего вы странная... О чём страдать? Раз я помню его, значит, не утратил. А ему так лучше. Кончилась эта бессмыслица...

Глаза незнакомца вдруг изменили выражение, словно где-то в глубине засветился огонь. Он заговорил, хоть и заикаясь по-прежнему, быстро, и хотя Катя свободно владела французским языком, едва успевала улавливать смысл сказанного.

— Неужели вы все еще пребываете в неведении? И, похоже, радуетесь жизни? Но это ненормально, совершенно ненормально... Здесь мы только обязаны выполнить долг, внушить людям, чтобы они больше ни к чему не стремились. Остановиться... вернуться к истокам жизни, не бежать... Из-за этой спешки и алчности гибель неизбежна, близка. Он,— незнакомец указал рукой на урну,— выполнил свой долг, сделал, сказал что нужно... хорошо сказал... Теперь он отдыхает. Покой. Вам знаком покой? Вы изведали его?

Незнакомец крепко сжал запястье Катиной руки. Она отдернула ее и инстинктивно отмахнулась как от безумного человека. Он тотчас же замолчал, взгляд погас.

— Ну да, я вас напугал... Но я не хотел этого. Я не понял, что вы еще не прозрели. А мне почему-то так хочется, чтобы мы одинаково смотрели на мир.

Катя, переполненная состраданием к этому, чем-то невыразимо симпатичному ей человеку, сама взяла его руку, слегка сжав.

— Я не испугалась... нисколько... наоборот, мне хочется подружиться с вами. Вы художник?

— Да. Я плохой художник, но много работают — это требует выхода. Вы мне очень, очень нравитесь...

— И вы мне. Проводите меня, я покажу, где живу. Меня зовут Катей, а вас?

— Я Жак Лавер.

Жак пошел с Катей и не отказался от приглашения на чашечку кофе. Он держался деликатно, по-прежнему робко, пил кофе маленькими глотками.

Когда Катя вышла проводить Жака, был вечер, точнее, тихие сумерки, но под деревьями сплошная чернота, серп месяца едва светился, и лишь сиренево-алая полоса пересекала вечернюю прозелень неба. Свет из окна дома падал на лицо Жака. Катя дотронулась до его рукава.

— Вы придете завтра, Жак? Я буду вас ждать.

Но тут же она почувствовала, как невидимая преграда словно отдали-

ла его, сделала чужим, посторонним. Он явно не видел ее и думал о своем, хотя понял, о чем она просит.

— Может быть. Но я же работаю и работаю. Так, как сегодня, бывает редко. Я потерял слишком много времени. Это плохо. Но мне казалось, что Франсуа меня позвал, что я ему был зачем-то нужен. Доброй ночи, мадемузель Катрин.

Катя стояла в дверях веранды до тех пор, пока фигура Жака не растворилась в уже по-настоящему вечерней темноте. Серп месяца стал ярким, и под ним, чуть в стороне, загорелась вечерняя звезда.

ЗАПОЗДАВШИЕ СОЖАЛЕНИЯ

Все страны Земли уже сотню лет назад объединились в сообщество «Единство». В центр управления «Единства» избирались лучшие умы мира. Конечно, создание сообщества было долгим и трудным, окончательно оно сформировалось лишь тогда, когда миновала угроза войн «высоких энергий».

Казалось бы, на земле наступает долгожданный золотой век. Но земляне не ожидали, что их поджидает беда. И беда страшная. Новая болезнь, избиравшая своими жертвами лишь выдающихся людей науки, культуры и политики.

Вот об этом только что закончился разговор главы Всемировой тайной охраны «Единства» Гая Марковича Кленова с известнейшим врачом. Теперь, оставшись один, он ждал посетителя. Пришел человек с иссиня-черными длинными волосами. Черты лица несколько асимметричны, пристальный взгляд небольших колючих глаз. Кленов с удивлением его рассматривал.

— Ну, Фарид, да тебя не узнаешь... Чудо перевоплощения.

Кленов по-отечески обнял Фарида.

— Не бойся сна. Теперь, после операции, тебе не страшны их проверки.

Проводив Фарида, Кленов зашел в большую комнату. Весь пол в ней был устлан репродукциями картин. Кленов прошелся, рассматривая их. Возле аппаратуры хлопотал сотрудник.

— Как, хороши картинки? Никакая наука полсотни лет назад не могла додуматься, что можно превратить в орудие убийства. Тяжело работать?

— Насмотрись на них, чувствуешь себя дискомфортно. Мысли лежут, как раньше говорили, «от лукавого». Если репродукции так заряжены, то картины — изощренные убийцы. Отвращение к ним будто к живым, будто в них сконцентрирована ненависть и злоба к людям.

— Ничего. Потерпим до поры... Что сообщил «горец»?

— Наши предположения подтвердились. «Цех» художников действительно существует, находится всего в двадцати километрах от Парижа. Это якобы психиатрическая больница закрытого типа, куда помещают хроников с тяжелой формой болезни. Картины создаются там. Проверены данные многих исчезнувших художников из разных стран. Большинство из них «пропадали» одинаково: заболевание, приезжает врач и забирает больного. Куда увозили, что за врачи, установить тогда не могли.

Кленов еще раз бегло окинул взглядом репродукции:

— Все фантастически усложняется в наше время. Еще двадцать лет назад работали совсем иначе. А что дальше?

Доктор Дадышо наблюдал за происходящим на экране. Вспышки редкие, слабые, неритмичные. Значит, контакт с «приемником» нарушен, он не может брать энергию и работать по заданной программе.

Дадышо вызывал ассистента.

— Распорядитесь, чтобы проверили все каналы связи с «Око».

Дадышо знал, что во всем мире люди охвачены тревогой. Причины заболеваний не разгаданы. «Концерн» Дадышо может продолжать работу и готовить «объекты». «Мир так изменился... не надо разрушительных бомб, не надо ничего уничтожать. «Единство» рухнет. Можно представить, какие битвы разыграются за лучшие куски. Напрасно Маргарет считает предварительный раздел мира надежной основой. Будет большая свара... Дадышо помрачнел, мысли складывались не радужные. «Не придется ли мне «усмирять» наших теперешних союзников? А потом? Где конец насилию над человеческим разумом? Вот его участь «властелина рассудка» — не злая ли это насмешка судьбы? Убивай, убивай, убивай...»

Дадышо прошел в библиотеку, посмотрел репродукцию с картины Покровского «Метаморфозы Анны». Он перевел изображение в объемное и любовался прелестью незнакомой женщины. Чистота, величие духа угадывались в этой славянке — сильная кровь не отравлена, как у изнеженныхочных женщин.

Хобби Дадышо — выдающиеся люди всего мира. Он занимается разработкой повторяемости событий в мире, а главное, повторяемости отдельных людей, абсолютно идентичных. Он накопил уже массу материала об этом и теперь много времени отдавал решению этой задачи. «Какие законы управляют этим удивительным явлением?» О людях-двойниках у него собрана большая коллекция, книги о них, произведения искусства, созданные ими, и даже сведения о частной жизни.

Последние дни собственные мысли делали Дадышо пленником, приходили незваные, заставляли память служить им. Он много думал о Покровском. Его угнетало сожаление о скорой гибели художника. Может быть, это вызвало желание удалиться в маленький кинолекторий, где он любил смотреть старинные кинофильмы.

У Дадышо было множество знакомых на протяжении всей его жизни, но, как ни странно, никогда не было товарища, друга, с которым он мог поделиться своими мыслями и планами, с кем мог «отвести душу».

И вот теперь такое место в его мыслях занял Владислав Покровский. Дадышо представлял, как бы они беседовали, спорили или вместе отправились в дальнее путешествие.

Мысли о Покровском причудливо переплетались с каждодневной его жизнью, и, наконец, без этих мыслей, без мечты о дружбе и общении с Покровским Дадышо не проходило и дня. Более того, исподволь у него зарождалась антипатия к магистру, порой переходящая в отвращение к нему: ведь это он выбрал Покровского объектом для использования его в своих зловещих намерениях, зная, чем кончится этот эксперимент.

Случилось так, что, изучая творчество Покровского, Дадыш обнаружил поразительное сходство художника с артистом Дворжецким, жившим во второй половине двадцатого века. Артист сыграл несколько ярких ролей в кино и рано умер.

Дадыш интересовала связь внешности человека с характером и способностями. Возможно, в Дворжецком мир мог бы обрести выдающегося художника, а Владислав Покровский мог стать большим артистом. Дадыш сожалел, что проверить свои предположения он уже не сможет — Покровского очень скоро не будет.

Дадыш поудобнее уселся — сейчас он посмотрит старый фильм. По экрану пробежали большие, красные, словно накаленные, буквы: «Бег». По одноименному роману Михаила Булгакова.

Мягкий пушистый снег покрывал землю. В экзотической стране русских творилось безумие. Славянские характеры проявлялись отчетливей в бушующем хаосе. Спасал прелестную, беспомощную женщину русский интеллигент. Все было как в нелепом, кошмарном сне. Хлестали выстрелы, падали люди, метались кони. И в этом вихре, в этом бесцельном безудержном беге людей появился генерал Хлудов. Он безумен, уродлив, страшен и прекрасен.

«Они так могли... гореть, забывать, что это игра... не жалеть жизни... какой артист!»

Дадыш, отдавшись чувствам, сопереживал, волновался, многое ему было непонятно, но все было настолько убедительно, что усомниться в правдивости рассказанного о той, ушедшей, жизни было невозможно. Все дышало правдой, вся игра талантливых актеров была не представлением, а скорее их истинной жизнью в актерском перевоплощении.

Но вот в далекой, чужой стране томились те, кто уже не имел права ступить на землю родины. И как монумент остался на берегу моря стоять и тосковать полубезумный, одинокий человек, в забытьи, полу碌еду грезить о том крае, где было все, чем мог жить русский человек. И лишь собака лежала у его ног, охраняя, быть может, несостоявшегося гения.

Экран погас. Дадыш не сразу перешел «в другой план бытия». Перед его глазами все еще стоял образ Дворжецкого—Хлудова. И этот образ был настолько слит с воспоминаниями о Покровском, что Дадыш вдруг так захотелось очутиться где-нибудь с художником вдвоем и поделиться впечатлением о фильме. Может ли знать Покровский о своем поразительном сходстве с этим артистом? Может быть, Покровский так и не узнает этого. Жаль...

Анна каждый день приходила взглянуть на Владислава. Он лежал в стерильно чистой палате с подключенной к нему аппаратурой. Жизнь дремала в нем, дыхание было едва уловимо. С закрытыми глазами он походил на больного ребенка: губы расслаблены, глазницы, непомерно большие, западали под кругой лоб, словно темные провалы, неестественно белые руки лежали неподвижно вдоль туловища, их бескровная белизна вызывала у Анны желание припасть к ним, оживить своим дыханием. Но не разрешали даже прикоснуться к нему. Врачи и сестры казались

Анне слишком суровыми. И Мария Яновна приходила словно гостья и сидела поодаль, не сводя глаз с сына, и во взгляде ее были страхи.

ЧЛЕН БРАТСТВА КОЗИМО

На севере Италии, во дворце спорта, стоящем на берегу моря, братство праздновало свой юбилей. Но, конечно, это не рекламировалось и проводилось строго конспиративно.

В укромной комнате дворца леди Галь встретилась с человеком из числа «двенадцати». Леди пылко уверяла собеседника в том, что до их полной победы над миром остались считанные месяцы. Разумеется, что приближается день, когда придется поделить между «Двенадцатью» всю площадь планеты, включая океан и воздушное пространство. Тогда для их союза наступит поистине «Золотой век». Ведь народ будет находиться под действием принадлежащей им «тонкой» энергии. Управлять массами не составит большого труда. Люди будут жить по заданной программе.

Говорили они и о разделе мира. Пожалуй, собеседника леди это интересовало более всего. Они беседовали до тех пор, пока не услышали сигнал к сбору.

Предстояла церемония принятия нового «брата».

Перед этим днем леди Маргарет выпало немало хлопот. Вступая в братство, Морис лишился кудрей. Он был согласен и на это, так как в «мире» мог преспокойно носить искусно сделанный из его же волос парик. Но леди это не нравилось. Как? Лишить ее мальчика лучшего украшения? Ни за что! Но традиции братства были прочны. Леди пришлось прибегнуть к угрозам — урезать финансирование братству. В конце концов стороны договорились внести поправку к уставу: разрешить так называемым «посланцам» — братьям, разъезжающим по странам с «поручениями», оставлять волосы. Леди Маргарет это стоило немалых денег, но она гордилась победой и уж, конечно, не могла не сказать об этом Морису.

— О, Морис, очень скоро вы станете моим братом, и мы отпразднуем такое событие. Тогда вы больше времени будете находиться при мне — ваше биополе особенно благотворно действует на меня, я каждый раз это чувствую. Вы будете моим помощником.

— Благодарю. Я безмерно счастлив...

Церемония приема нового брата была обставлена торжественно. Козимо участвовал в этой процессии. Глаза его остро поблескивали, улавливая все происходящее вокруг.

Мориса вывели на возвышение. Старшины читали длинные наставления заунывыми голосами. В них многократно призывалось отдать знания, ум, силу, деньги, а при надобности и жизнь ради служения идеалам «братьства». Все присутствующие на церемонии были в черных плащах с капюшонами, скрывающими фигуры и лица. Среди них была Маргарет.

После «чтения» с Мориса сняли плащ, и под пение гимна «и ты предстанешь перед нами открытым, как перед Господом», Морис на несколько мгновений остался обнаженным, лишь легкая набедренная повязка прикрывала часть тела.

Нежин, глядя на него, пробормотал «черт возьми»... Но тотчас же

Мориса накрыли белым плащом, и перед ним «ведущие» скрестили мечи, светильник вспыхнул жарким огнем. Из большой чаши дали выпить новоиспеченному «братью» вина.

Козимо и Адам завершили деловую поездку по Италии. Им, как особо доверенным членам «братства», поручалось проверить деятельность их филиалов в крупных городах страны. В последний день во Флоренции, закончив к полудню дела, они зашли в маленькую таверну неподалеку от улицы Старых Кандалов. После яркого дневного света полумрак был таким приятным. Заказав обед, «братья» молча разглядывали керамические панно с жанровыми сценками. Им приходилось вести себя особенно осторожно.

Козимо и Адам были приглашены в Италию как ученые-психологи. Они прочитали несколько лекций в учебных заведениях и научных центрах.

Козимо, почти постоянно находясь с Адамом, присматривался к нему: он интересовал его как ученый, обладавший широкой эрудицией. Причем его познания в некоторых сложных вопросах науки заставляли Козимо задуматься — он не встречал их в публикациях, и неизвестно, откуда их «черпал» Адам.

— Ну вот, завтра мы будем дома. Турне можно считать удачным.— Козимо подвинул блюдо с макаронами, полив их острой приправой.

Адам не спешил отозваться.

— Эта поездка — сущие пустяки. Бывают задания куда сложнее.

— Да. Наверное, тебе, как и мне, временами было нелегко.

Козимо заметил, что за время их поездки произошло сближение: Адам явно проникся к нему доверием.

— Это так. Нам хорошо платят. Жаловаться не приходится.

— Конечно. Ведь все наши из числа избранных...

Адам потягивал холодное вино. По привычке огляделся.

— Что касается меня, то я на особом положении. Если дело не по душе, могу отказаться.

— Вот как? Разве это допустимо?

— Для всех нет. Но за ту услугу, что я оказал однажды нашим и особенно доктору, мне многое разрешается... Впрочем, я первому тебе говорю, и, разумеется, это между нами... Если тебе понадобится помочь, я кое-что могу...

— Спасибо, Адам, за доверие. А какому доктору?

— Этого я не могу сказать.

— Хорошо, Адам, я верю тебе во всем.

ВЕЧНО ЖИВИ, ЦАРИЦА!

Владельца «Лавки древностей», приотившейся в центре Парижа,— Трачитто, знали чуть ли не все жители города. Он являлся своего рода достопримечательностью, и большинство приезжих в город стремились непременно побывать у Трачитто.

Сегодня в лавке праздник, и среди гостей немало важных персон. Всех желающих приобщиться к празднованию лавка, конечно, вместить не могла, и они выплеснулись на прилегающую к ней площадь.

Но вот в дверях лавки появился Трачитто. Похоже, он чего-то выжидал, а точнее, кого-то ждал. Толпа расступилась, пропуская тройку вороных коней, впряженных в старинную карету. Дверца кареты распахнулась, и из нее, опираясь на руку слуги, не спеша вышла молодая, стройная женщина в костюме горожанки времен Диккенса. Выпущеные из-под шляпки темные локоны рассыпаны по плечам. На вид леди не больше двадцати пяти — расцвет красоты и молодости.

Восхищенная толпа рукоплескала. Леди кланялась, даря улыбки, и под руку с подоспевшим к ней Трачитто скрылась в лавке.

Но вот покупки сделаны, обмен приветствиями тоже, все ждали, что же дальше. В лавке, как обычно, стояли столики, разносился запах кофе и пирожков.

Раздалась негромкая торжественная мелодия — бой невидимых часов, и тотчас же стена лавки двинулась, и перед гостями открылось просторное помещение, изображавшее старинную таверну. Сквозь цветные витражи окон лился свет, дробясь на кусочки, — образуя на полу пестрый ковер и раскрашивая лица гостей причудливыми бликами.

Гости хлынули туда, спешили занять места, шумели, хохотали. Пили пиво, приготовленное по старинным рецептам, обменивались репликами и остротами.

Вдруг отодвинулась следующая стена, и изумленная публика увидела большое, от потолка до пола, изображение Клеопатры и Антония. Оно в точности повторяло рисунок геммы, подаренной Трачитто леди Маргарет. При виде этого зрелища леди Маргарет оборвала разговор на полуслове.

На сцене появился Морис. Зрители разразились аплодисментами. Он низко поклонился. Широкий алый плащ, накинутый на плечи, спускался до пола. Понятно — он будет петь под аккомпанемент старинной гитары — ведь она при нем. Морис дал возможность еще некоторое время полюбоваться собой, а затем, подняв руку, объявил, что расскажет историю геммы, изображение которой находится перед публикой.

Голос Мориса был так хорош, он пел с таким вдохновением, что совершенная тишина в зале позволяла голосу снижаться до едва слышных звуков.

В очень давние времена, когда Египтом правила царица Клеопатра, в ее страну отправился молодой грек по имени Амертис, сын Лагорина. Был он так хорош собой, что прозван был на родине богоравным. Несмотря на молодость, он слыл прославленным, бесстрашным и могучим воином. А дед и отец его были почитаемы париями и народом как великие художники. Умели они высекать из камня богов и смертных людей, и шла молва, что помогают им боги, а особенно Гефест. Но самыми чудесными их изделиями были вырезанные на драгоценных камнях изображения царей, сцены битв и лики богов. Владел этим ремеслом и Амертис. Как известно, греки слыли лучшими мореходами в мире, и плавали они к берегам далеких стран.

Однажды Амертис отправился в Египет. Послами пришли они к царице Клеопатре с богатыми дарами. Египтяне и другие народы считали царицу великой волшебницей. Она и вправду могла любого смертного на всю жизнь приворожить к себе, да так, что он и жизни ради нее не щадил.

Вот вошли посланцы к царице. И обратила она свой взор на Амертиса, и дрогнуло впервые в жизни его сердце. Он до этой поры не познал еще любви. Царица околдовала его. Глаз не мог отвести от нее Амертис, а когда она спросила его, остались ли у него на родине родные и возлюбленная, то лишился Амертис дара речи и ни слова не сказал в ответ царице. Тогда, поняв его беду, царица приказала ему петь. Дали Амертису в руки кифару, и он запел. Пел о безнадежной любви своей, сравнивал царицу с золотой луной, плывущей по небу, пел хвалу ей. И увлажнились слезами глаза всех, кто слушал певца, и несказанной своей, чарующей улыбкой наградила Клеопатра певца.

А ночью пришла служанка царицы, Кетван, и велела Амертису идти за ней. И проводила его до дверей спальни царицы...

Из всех смертных людей не было никого счастливее Амертиса. Сошло на него любовное безумие, и казалось ему, что перенесен он на небо к богам. Но вот в Египет прибыл Антоний, римский патриций, знатнейший из военачальников. Видел Амертис, как встретила Клеопатра Антония, и понял, что сам он был только недолгой забавой царицы. А Клеопатра и Антоний не могли скрыть свою великую любовь ни от богов, ни от людей.

Чудилось Амертису, что он уже пребывает в царстве Аида. Звали его товарищи домой, где ждали Амертиса родители и братья. Но не было больше у Амертиса ни родных, ни друзей, а была только Клеопатра. Отпустили товарищи на родину без Амертиса.

Шли дни, недели и месяцы. От былой красоты Амертиса и следа не осталось. Стал он похож на тень из подземного царства Аида. И даже Клеопатра, однажды пройдя мимо него, не узнала преданного раба своего, прекрасного юношу, что еще недавно был ей близок. Велика и божественна была любовь Амертиса. Так велика, что счастье царицы было ему дороже всего на свете. Но пришла война к берегам Египта. Римские войска победили египтян, и пришел последний час Клеопатры и Антония. Но только мертвыми могли победители взять царицу и Антония. Они сами убили себя. Долго бродил Амертис берегом моря и однажды нашел дивный камень, выброшенный волной. И вспомнил, чему учили его отец и дед. Принес Амертис все нужные жертвы Афродите и Посейдону, богине любви и владыке моря. Приступил Амертис к работе. И под его пальцами воскресали на камне лики Клеопатры и Антония. Завершил Амертис многотрудную и долгую свою работу, и жизнь уже покидала его. Тогда, набравшись сил, громко крикнул Амертис: «Вечно живи, великая царица!» И упал. Нашли рыбаки его на берегу бездыханного, а в руке у него был зажат камень с дивными изображениями. Решили тогда, что камень подарен умершему богам, потому что неподвластно такое мастерство простому смертному. Отнесли дивный камень верховному жрецу Египта. Приняли жрецы камень, и воздали почести умершему, и похоронили его по обычаям греков. И ушел Амертис в царство Аида, чтобы там следовать тенью за тенями Клеопатры и Антония.

А камень с образами Клеопатры и Антония живет и будет жить тысячи и тысячи лет, славя великих влюбленных.

Певец умолк – еще несколько секунд было тихо. Но волной накатил-

ся шум с улицы, аплодисменты, возгласы восторга, и тогда от этого в зале тишина разбилась вдребезги. К ногам певца летели цветы, шляпки, косынки, тянулись руки, кому-то удалось заключить его в объятия.

На следующий день, в том же кабинете, где леди принимала недавно Трачитто и Мориса, беседовала она со жгучим брюнетом. У леди блестели глаза, улыбка почти не сходила с лица.

— Джоди, у меня мало истинных друзей, а среди женщин ни одной. Я хочу, чтобы этот мальчик работал на нас... Он настолько очарователен, нужно, чтобы он знал всех и вся.

Брюнет провел рукой по блестящей пышной бороде:

— Леди, я обязан предостеречь вас. Это очень непростой человек. Прекрасный актер, и, я уверен, он знает это. Но вот почему вместо театра, где мог бы пользоваться всемирной известностью, пошел в лавку к Трачитто,— это непостижимо. Я должен это разгадать.

— А я уверена, что он хочет стать богатым. Тут и гадать, мне кажется, нечего. Может быть, его хладнокровие — выстроенная им программа карьеры и славы. Что ж, это совсем неплохо для мужчины, да и для нашего дела.

— И все же, Маргарет, насчет этого молодца. Что касается его привлечения в наше дело, то мысль неплохая. Он нам подойдет.

— А что у него за взгляды на жизнь?

— Но вы же часто с ним беседуете. И что же, сами не сделали выводов?

— Сделала, и вполне определенные: он обожает деньги, наряды, мечтает стать богатым и влиятельным.

АССИРИЙСКИЙ МОТИВ

По приезде гостей Нежин зашел в комнату к Морису и застал его за чисто «дамским» занятием: он развещивал, раскладывал, разглаживал свои наряды. На нем были узкие маканы и белоснежная блузка с пышными рукавами. Нежин смотрел с любопытством на это театральное действо. Оттенки костюмов составляли богатую красочную гамму, на этом фоне гибкий белокурый юноша двигался изящно, артистично. «Что-то непонятно даже мне в этом «карлекине». Слишком сильны в нем дамские склонности».

Морис бросил заниматься нарядами:

— Я знаю, что вы обо мне думаете: «кокетка, маньяк, помешан на тряпках». Но такое суждение ошибочно. Сейчас принято иметь свое хобби. Я — не исключение, ведь оно никому не наносит ущерба, и в первую очередь капиталу моего отца. Каждый костюм, который я надену хоть раз, продаётся потом по бешено цене. Всякие «сынки» считают за особый шик появиться в таком костюме. Я ненавязчиво содействую этому увлечению. У меня свои люди... Если человек умеет что-то делать и извлекает неплохой доход, значит, он делает хороший бизнес. Я хочу иметь свой капитал и независимость. Так что «дамские занятия» — вполне серьезное дело.

— Да, вы очень убедительно и, признаюсь, вовремя все объяснили. Я

в самом деле подумал было, что увлечение нарядами у вас несколько излишне.

— Это мягко говоря. Но я надеюсь, что теперь вы не будете считать меня таким уж пустым и тщеславным...

Нежин сощурил глаза:

— Чего-чего, а оригинальности в вас хватает.

Маргарет и мужчины встретились вечером. Необычная обстановка, пустынность виллы настраивали на особый лад. Кроме двух безмолвных мужчин — никого. Ужин подал один из них.

Леди Маргарет считала, что она неотразима. Темные локоны, строгий пробор, изысканно простое платье, единственное украшение — жемчужное ожерелье. Ослепительная улыбка почти не сходила с лица. Она казалась молодой, игривой и беспечной. Но Морису показалось, что во взгляде Нежина мгновениями проскальзывает нечто похожее на презрение. Маргарет упивалась собой; немалое удовольствие быть в обществе таких красивых и умных мужчин! Все чувства ее сейчас были в самом деле молоды: она ни на минуту не задумывалась о будущем — ведь и тогда богатство оградит ее от любых невзгод. Маргарет попросила Мориса спеть старинную серенаду. Нежин принес гитару. Богато инкрустированная, благородной формы, с чистым звуком гитара, как Морис понял, была редчайшей драгоценностью.

— Какой счастливец играет на ней, Назим? И вы не боитесь давать ее в чужие руки?

— В ваши — не боюсь. Иногда, в минуты непонятной меланхолии, я вспоминаю песни своего народа и пою, для себя, конечно.

Морис спел «Рондоллу», на слова поэта Гумилева. Пел и другие, его же, оригинальные, пронизанные экзотикой странствий. Голос певца замер, но некоторое время никто не проронил ни слова. Маргарет глядела на Мориса, не скрывая восхищения. Нежин без обычной иронии, с не свойственной для него задушевностью отозвался:

— Те, кто внушил людям философские взгляды на искусство, а именно, что жизнь мгновенна, а искусство вечно, — не ошибались. Спасибо вам, Морис, вы сегодня пробудили даже во мне далеко загнанные чувства — светлые, ясные. Чьи песни вы пели?

— Русского поэта Николая Гумилева. Мечтателя, жившего в мире, им придуманном. Жизнь его была нелегкой, а гибель нелепой и несправедливой. Когда была написана «Рондолла», которую я вам пел, ни рыцарских поединков, ни герцогинь в России уже не было. Мужчины не пели серенад под балконами возлюбленных — они, в большинстве своем, воевали, работали и жили в жесточайшей нужде. Вечный странник, Гумилев, воспевавший экзотику африканских стран, трагически погиб. Я лично обретаю в его стихах мир своего детства — мечты о далеких путешествиях, неведомых странах, таких, какими они когда-то были... Я люблю в них романтику, возвеличивание женщины и рыцарские чувства к ней...

Нежин взял гитару, негромко перебирая струны, прислушиваясь к их звукам. Неожиданно он запел. Скорее это было похоже на речитатив, перебиваемый порой протяжной, то тоскливой, то грозящей, на высоких нотах, песней. Нежин пел на незнакомом слушателям языке. Это пение и

аккомпанемент гитары вызывали в представлении образы глубокой древности. Сам певец словно забыл о том, где находится, взор устремлен куда-то в далекое, а сам он отдался не то песне, не то импровизации. Звучание гитары усиливалось, становилось все более отрывистым, порой боевой пыл охватывал певца, он гневно вскрикивал; резко сдвигались брови, раздувались крылья носа — он почти рвал струны. На высокой ноте пение оборвалось.

— Простите, Маргарет, виноват Морис. Это он вызвал...

— Но о чём вы пели?

— Я знаю древний язык своего народа. Это импровизация, которую я никогда не смогу повторить. Это было не пение, а настоящая жизнь, которой я в те минуты жил. Я видел те места... очень многое... во мне жил другой человек из давно ушедших веков.

— Но что вы видели в это время?

— Это будет очень приблизительно... Древний город — дворцы четкого стройного стиля, величественные и суровые. Все заковано в камень... Полусумрак в пустынных огромных залах. Вьется дым от курильниц, он погружает в дрему, вызывает томление, и желание загорается в крови... Стойкие, обнаженные женщины — они, причудливо изгибаясь в танце, словно проплывают передо мной... Вот одна в моих объятиях! О! Как прохладна ее кожа, как ароматно облако волос! Я впитываю ее запахи, и весь мир исчезает из моего сознания — только я и она... Потом вдруг резкие звуки труб, в покой вбегают воины...

Густая пыль мешает рассмотреть полчища врагов... Льется кровь, сверкает оружие... Таранят стены крепости... Брыкаются конники... Сшиблись... Ржут кони, кричат разъяренные воины.

Гонят вереницы людей... Рыданья, жалобы, погребальные заклинания, и повсюду смерть...

Пот струйками стекал по лицу Нежина, рука словно все еще сжимала меч, смуглое лицо приняло сероватый оттенок.

— Что с вами? — Маргарет подошла к нему, душистым платком оттерла лоб.

Нежин проговорил хрипло:

— Не надо пугаться, Маргарет. Современный человек измельчал. Сильные страсти не живут в нем. Лишь иногда в нас, словно со дна моря, откуда-то из глубин, поднимается эта сила... То, что со мной произошло, раньше называлось экстазом... Это переходит и на других. Вот почему вам передались мои видения. Но успокойтесь, я уже вернулся сюда, к вам, и на этом, надеюсь, не закончим ужин...

В отсутствие Мориса Маргарет и Нежин говорили о нем.

— Этот юноша нам послужит. Нужно прямо и косвенно укреплять в его сознании стремление к одной цели — стать богатым и могущественным, а главное в том, что у него есть возможность достигнуть этого. Но, Джоди, я надеюсь, что вы все проведете без меня. Только условие — он будет живым и здоровым до тех пор, пока я сама не пожелаю...

— Не тревожьтесь, он будет цел и невредим.

— И еще не посыпайте его в опасные поездки... и надолго...

— Конечно, Маргарет, я учту ваши желания.

На следующий день гости и хозяин отправились смотреть «стоящие новинки», как обещал им Назим Нежин.

В том же павильоне, где Покровский, будучи гостем Нежина, увидел неизвестные миру шедевры, Морис замер перед двумя шедеврами — статуями Праксителя. Так их представил Нежин. Статуи по мастерству не только не уступали доселе известным величайшим произведениям ваятеля, но, пожалуй, превосходили их. Одна из них — совсем юная девушка. Левой рукой она придерживает покрывало на полуобнаженной груди. Нежное лицо, еще не утратившее детской округлости, словно озарено радостной улыбкой, чуточку, уже по-женски, лукавой. Даже изъяны статуи: отбитая кисть руки и отколотый кусок бедра не умаляли чуда совершенства.

Вторая скульптура — атлет. Он стоит прямо, левая нога выставлена вперед, мышцы напряжены, голова слегка повернута. В кистях опущенных рук чувствуются сила и мощь.

Морис забыл про спутников. Леди окликнула его.

— Вот что можно иметь, друг мой, обладая капиталом.

— Вы так баснословно богаты, Назим, что могли купить эти бесценные шедевры?

— Нет ничего неосуществимого, почти ничего; если человек не только богат, но и неглуп. Пока наш мир еще таков, что в нем все покупается и продается...

Нежин пригласил Мориса в библиотеку.

— Разговор, мой друг, будет серьезный. Наша беседа — знак особого доверия к вам леди Маргарет. Без ее рекомендации я бы, пожалуй, не рискнул делать вас доверенным лицом. Так вот. На Земле существует некое тайное общество — «Голубые братья». Оно основано еще в средневековье. Общество живет активно и процветает. Велико влияние его на международные дела, а замыслы величественны. Мы хотим, чтобы вы стали членом братства. В него входят люди выдающегося ума, те, кто стремится создать на Земле более совершенное общество, сделать для человечества поистине «золотой век». Вас будут готовить к вступлению, и постепенно вы приблизитесь к пониманию нашего учения. Вы верите мне?

— Верю, иначе и быть не может. Слишком много доказательств вашего могущества.

— Хватит ли у вас мужества стать мне действительно братом?

— Быть рядом с вами! Кто же откажется от такой чести?

— Поначалу вам будут давать отдельные задания. Возможно, придется бывать в разных странах. Конечно, за щедрое вознаграждение. Но знайте — никаких расспросов, что бы вам ни поручалось, никаких попыток проникнуть за доступную вам черту — только исполнение, беспрекословное и точное.

— А скажите, Назим, это не может кончиться тем, что меня отравят или убьют? Если есть такая опасность, я лучше откажусь. Ведь, как правило, в тайных обществах без конца кого-нибудь убивают... Честно говоря, я не настолько храбр. Тогда уж лучше работать в лавке и заниматься костюмами. Спокойно и выгодно.

— Вы начинаете стремительно падать в моем мнении. Вы же недавно говорили, что вас влечут риск, приключения... Знайте же, в нашем братстве не бывает убийств, за вас же я поручился леди Маргарет, что волоса с вашей головы не упадет. Вас даже будут охранять...

— Ну если так, то нет причин мне отказываться. Я готов. И в полном вашем распоряжении. Только один деликатный вопрос. Коли у меня будет охрана, то как же с любовью?

Нежин захохотал:

— Вот это деловой вопрос... Вы меня позабавили... Вас никто не заставляет стать аскетом. .

СЪЕЗД «ДВЕНАДЦАТИ»

Доктора Дадышо пригласили на сверхсекретное совещание. Уведомили, что его доклад займет важное место в программе. Вот только одно «но»... Он не будет видеть аудиторию, будет докладывать в изолированном помещении, но «до слушателей все будет доходить». Будут задавать вопросы, на которые он ответит. Обо всем этом доктора уведомила Маргарет мягко, деликатно, даже чуточку смущенно.

Дадышо все понял... Это не было для него такой уж неожиданностью. Но именно вот так обойтись с ним?! Мелькнула дерзкая мысль — отказаться от доклада... Но ведь есть магистр... Пожалуй, впервые за прошедшие годы он не знал, на что решиться. «Хорошо, доклад я сделаю: но потом... а что потом?» Он не хотел больше думать об этом — ведь это все равно, что расшевелить клубок змей, которые с некоторых пор и так часто давали о себе знать.

Картина, представленная слушателям доктором Дадышо, была поистине грандиозной. Дестабилизация, паника, уныние, выход из строя крупных предприятий — все подготовлено к вторжению на территории стран «Единства», причем возможность сопротивления исключается. Народы даже не подозревают, что это они, великие деятели «двенадцати» и «Голубые братья», являются виновниками зловещей эпидемии, обезглавившей государства и народы. Поэтому сейчас легко идти в эти страны, выбрав немудреный лозунг: «Мы пришли к вам, братья, чтобы помочь обрести веру в завтрашний день, пресечь распространение страшной болезни, навести порядок».

Доклад доктора Дадышо был достаточно лаконичен. Дадышо слышал аплодисменты, одобрительный шепот, но гнев «накатывал» на него волной, и в ответ на аплодисменты он молчал. Ярость подняла в нем какие-то глубинные пласты мыслей, которые он глушил прежде, когда все оправдывал стремлением к могуществу, будущему величию, когда он, и не видя глазами, как бы обозревал свои сокровища, уже приобретенные и те, что скоро будут ему принадлежать. Сейчас, в эти минуты, когда его «отсекли» от верхушки, от «вершителей судеб мира», его, кто дает им в руки такое могущество, какого не знала история человечества, когда его как прокаженного держат в изоляции,— в эти минуты он не только возненавидел этих «воротил» во главе с Маргарет, но он и себе вдруг стал противен, и все его богатство, мнимая значительность предстали перед

ним в истинном свете. «Они платили мне как нужному им рабу, держали как орудие исполнения их воли, как убийцу, который теперь им неприятен, грязен, в крови...»

Секретное совещание прошло не совсем мирно. Хотя прямо вопрос о разделе территории не стоял в повестке дня, но предварительное его обсуждение, внесение предложений в будущий проект предусматривались. Вот тут-то сшиблись страсти и непомерные аппетиты участников совещания. Каждый мыслил урвать кусок побольше и поаппетитней. Предполагалось делить не только сушу, но и океаны — они были также объявлены жизненно важными пространствами, и на них посыпалась заявки.

Маргарет ждала Дадышо. Он нашел ее озабоченной, это подчеркивалось даже ее костюмом — черное узкое платье со скромной ниткой кораллов. Маргарет была одна.

— Джоди, дорогой,— она сделала несколько быстрых шагов ему навстречу,— я едва дождалась, когда все уйдут — мне не терпелось поговорить с вами. Я поняла, что вы были чем-то рассержены, и, признаюсь откровенно, встревожилась, а вдруг это я вас расстроила? Но, мой друг, вы же знаете, что единственная моя опора — это вы... один лишь вы... Так опасно доверяться людям, я это по-настоящему поняла теперь... Я все вам расскажу...

Дадышо молчал: «никакого ума... настолько заурядна, играет скверно...»

Маргарет и Джоди проходили анфиладой залов. Их силуэты на фоне раскрывающихся дверей читались такой слаженной, графически точно выверенной композицией: гибкая женская фигура в черном и широкоплечий, узкобедрый человек в свободного покроя темно-малиновой блузке и узких маканах. Маргарет свернула влево, Джоди последовал за ней, и они очутились в зимнем садике, где аромат недавно расцвевших орхидей, казалось, пропитал стены. Сюда Маргарет распорядилась подать ужин.

За огромными окнами сада холодел закат. Солнце проваливалось в море и будто просвечивало сквозь волны, позолотой ложась на спокойные воды.

— ...неужели этот Адам так зарвался? О, поистине безумные люди... Такая жизнь, кажется, лучшего и желать нельзя. Он нам стоил недешево, и он еще предъявляет претензии...

ДИАЛОГ В ВОЗДУХЕ

Создавая свои колоссальные лаборатории, Дадышо в свое время предусмотрел особенности их работы. Он организовал ее так, что абсолютно все знали лишь он и магистр, а остальные только в пределах одного звена в сложной цепи, соединяющей всю систему. Что касается магистра, то он был так засекречен, что его истинное значение было известно лишь Дадышо, и даже леди Галь не была полностью осведомлена о его деятельности. Магистр находился под такой могущественной охраной, что в любую минуту Дадышо мог знать и видеть, где он и чем занят. Магистр был знатным «пленником». В прошлом всемирно известный ученый, он

прельстился миллионным состоянием, возможностью почти беспредельных расходов на научные и личные нужды и получил их, но заплатил за это дорогой ценой. Все у него отнято: внешность изменена, публикации научных работ исключались, для мира он перестал существовать, хотя и был еще человеком нестарым и физически крепким. Смирившись со всем этим, он погрузился в науку. Извив в себе многие «слабости», как он считал, превратился в человека холодного и безмерно жестокого. С таким вот партнером и работал Дадышо. Собственно магистр и вынес решение о судьбе Адама.

Почти тотчас за этим решением последовало предложение Козимо, адресованное Адаму, совершить воздушную прогулку. Адам терпеть не мог эти летательные аппараты и воспротивился, но Козимо постарался убедить его, и они поднялись ввысь. Козимо увлек своего спутника в сторону гор. Козимо спешил поскорее вывести Адама из зоны слежения. Козимо знал, что риск его предприятия велик, но не мыслил уклониться от него и ждал решающего момента.

Адам подозрительно покосился на Козимо:

— Брат, куда ты меня тасцишь? Да еще так поспешно?.. Давай лучше остановимся, у меня нет желания удаляться...

— Сейчас, Адам, потерпи чуточку... Так... кажется, я вижу удобный склон, вот здесь мы и приземлимся.

Оба воздухолета опустились на небольшую зеленую лужайку на склоне горы, защищенную от ветра. Козимо тотчас же присоединил к Адаму маленький стерженек, зацепив его за карман малиновых макан.

— О, брат, что-то ты изобрел новенькое... Но я вовсе не хочу быть твоим подопытным кроликом, так что прекрати свои фокусы или немедленно все объясни... А то я тотчас же отделяюсь от тебя...

— Прости, Адам. Только теперь я могу тебе все сказать. Я подключил к тебе и к себе изолятор, он исключает слежение за нами и прослушивание. Дело требует быстрого решения...

Козимо достал маленькую круглую коробочку, включил ее. Перед Адамом появилось изображение Дадышо и магистра. Говорил магистр:

— ...итак, дело не терпит отсрочки. Адам становится опасен. Его зносчивость, бахвальство, непомерные требования перешли допустимую грань. Он уже пускает в ход угрозы... Мне он мешает. Можете представить, что он потребовал посвятить его в секретнейшие исследования. Я был предусмотрителен и пообещал это сделать... Но вы-то понимаете, что это невозможно... Как вы помните, я не раз говорил вам о том же. Случай с Адамом относится как раз к таким, когда зло необходимо исключить. Это надо было сделать давно, но вы все тянули... В нашем деле эта опасность может повлечь катастрофу. Пожалуй, все ясно...— Магистр сосредоточенно смотрел куда-то в пространство; глубокие складки резко обозначились на лбу.— Что ж, он не так плохо окончит земное существование, наш новый препарат наполнит его последние часы прекрасными видениями, кстати, и мы еще тщательнее понаблюдаем за его действием... При прощании мы воздадим ему должные почести...

Дадышо покоробили последние слова магистра, он не ответил, хлопнул ладонью о колено и встал.

Адам, озираясь по сторонам, приблизился вплотную к Козимо:

— Зачем, брат, ты это сделал? Из чувства дружбы или еще с какой целью? И как тебе удалось записать это — ты же рисковал жизнью... Скажи, кто же ты?

— Из кое-каких мелочей у меня сложилось мнение, что против тебя что-то затевается... Я насторожился — ведь мне не безразлично, что может произойти с тобой.

— Плохо, что ты не открываешься мне.

— Брат Адам, ты не глупее меня. Сам обдумай все и подскажи, чем я могу тебе помочь.

Адам, не скрывая тревоги, говорил торопливо и едва слышно:

— Кто бы ты ни был, у меня сейчас нет выбора, кроме как прибегнуть к твоей помощи.

— Прикинь, что им нужно еще узнать от тебя и сколько на это потребуется времени.

— А вдруг они убьют меня внезапно?

— Не думай так. Им нужно прежде узнать все, что ты разработал, открыл, особенно по тем разделам, которые ведешь сейчас.

— Но ведь они могут проделывать это со мной и ночью, так даже удобнее, ведь я не буду об этом знать.

— Не сомневаюсь, что они применят именно это. Но я буду мешать им...

— Как? Тебе доступно и такое? Я сожалею, что недооценивал твои способности.

Адаму было страшно, казалось, смерть незримо уже присутствует совсем рядом.

Козимо, поняв его состояние, коротко обронил:

— Все. Спускаемся. Выключаем аппаратуру. Продолжим беседу для них...

Но Козимо и Адам понимали, что их «проделки» с отключением могут навести «следящих» на мысль об их истинном происхождении. Поэтому Козимо и Адам теперь больше использовали условную и хитро замаскированную переписку. Так, из этой переписки Козимо узнал о тайне египетского рисунка, хранящегося в лаборатории доктора Дадышо.

Рисунок является как бы ключом, открывающим лишь первую дверь... «Ты должен постараться добраться до хранилища главных секретов», — уже в который раз внушал Адам Козимо. «Овладев этими запоминающими устройствами, мы станем так же могущественны... как и сам Дадышо».

Козимо хитер, расчетлив, осторожен. Должно быть, это у него в крови. Древний Восток был всегдашим узлом кровавой борьбы, интриг, накипью из шпионажа, предательства, изощренных преступлений. И нет ничего удивительного, что ученый доктор Дадышо и ученый Козимо вместели во плоти и крови своей дух и суть такого Востока.

Теперь Козимо стало известно, где, в каких помещениях бывает Дадышо один или с магистром. Микрочастицы оказались надежными служителями Козимо: они чертили замысловатый узор, понятный только ему. Теперь, когда Козимо знал тайну — ключ египетского рисунка, а также, что

Адаму известно и многое еще более важное, он понял, что исполнение задуманного им плана откладывать нельзя.

Доктор Дадышо прошел безлюдным подземным коридором и у небольшой, едва заметной двери в стене при помощи тонкого луча воздействовал на кнопки кода. Дверь бесшумно раскрылась, пропустила его и так же быстро закрылась. И было неведомо доктору, что тончайшая пленка, наклеенная на стену рядом с дверью, вобрала в себя все секреты проникновения и что он теперь не единственный их обладатель. В небольшом кабинете стены были покрыты матовыми бляшками всевозможных цветов, каждая с прозрачным крохотным глазком. Снова тонкий луч направлен на них, и на противоположной стене появляется изображение формул и пояснения к ним. Глядя на формулы, Дадышо на микроприборе производит манипуляции, затем, вынув из него крохотную пластинку, покидает хранилище. И лишь одну странность уловил бы свидетель, будь он здесь: доктор, дойдя до двери, возвращается обратно и еще раз повторяет все то, что уже сделал. Но теперь крохотную пластинку он оставляет в аппарате и только тогда покидает комнату.

Через небольшой промежуток времени другой человек проникает в это хранилище, вынимает из аппарата крохотную пластинку, затем аппаратом снимает показатели со всех бляшек-глазков, кладет пластинки в небольшой пакетик, держит его в руке, и вот мешочек с его содержимым уже не видим... Что это? Ловкий фокус? Нет, это кое-что из последних изобретений, но недоступных еще даже доктору Дадышо.

Ровно через час после описанных выше событий все, кто находился в подземных лабораториях, услышали и ощутили грохот взрыва и сильное сотрясение. Доктор Дадышо еще наверху, не входя в подземелье, определил, что катастрофа произошла в самом центре его подземного царства. Катастрофа... Он опередил всех бегущих к хранилищу памяти.

— Всем занять свои места! Ничего страшного, непредвиденная реакция... Там нет людей, ничего страшного...

Да, уж что и говорить о самообладании доктора. Оно на такой высоте...

Мгновенно стены словно вобрали в себя людей, лишь Дадышо, постремив мгновение, вызвал магистра.

— Кто мог это сделать? — хриплый голос магистра рассек настороженную, но ненадежную тишину. Вызывали «следящего».

— Кто шел туда? — Дадышо кивнул головой в направлении коридора, казавшегося бесконечным.

Так вот кто это... Запись запечатлела идущего Адама.

— Опоздали... он все-таки спятил...

Хранилище памяти, где совсем недавно побывал доктор Дадышо, было уничтожено, превращено в пыль, песок и глен. Ведь это не взрывная бомба XX века, оставлявшая куски и обломки. А сейчас частицы пепла, смешанного с мельчайшим песком, и только...

После проведенного расследования было установлено, что «следящими» не заснято возвращение Адама из коридора, где произошел взрыв. Да и запись, оставленная им в своем коттедже, подтверждала предположение, что, взорвав хранилище, он похоронил там себя... Видео-

запись последних часов жизни Адама не вызывала сомнений в его психическом заболевании.

«Будьте же прокляты, так называемые «властители мира»! За все перенесенные мной унижения вы дорого заплатите. Это я дал вам в руки могущество, и вы оказались иудами. Проклятье вам!»

Эту видеозапись смотрели лишь Дадышо и магистр. Урон, нанесенный Адамом, был страшен. Но об этом знали Дадышо и магистр. Не знала даже леди Маргарет.

КАТЯ В ШКОЛЕ

Все люди «Единства» были взволнованы сообщением о похищении художницы Екатерины Сабининой. Вновь вспомнили о подобных исчезновениях художников, и, как правило, наиболее талантливых и передовых. Это было похоже на запланированную кем-то подмену прогрессивного оптимистического искусства искусством «последних», как окрестили это новое направление большинство искусствоведов мира. Неизвестно, откуда появились никому не знакомые имена художников этого направления. Странным было то, что эти художники заявили о себе, что они — тайные глашатаи нового искусства, что зрители никогда не увидят их воочию, а будут воспринимать только через произведения. Они, эти художники, называли себя «последними» и возвещали, что человечество вступило в новый период самоуничтожения, что их обостренная интуиция, интуиция художников, предсказывает неизбежность гибели нынешней цивилизации.

Севенарт был поражен тем, что на Сабинину комплекс воздействия под названием «внушение идей» действует совсем не так, как на всех остальных обитателей «школы». Да, писать она стала иначе, манера ее живописи настолько изменилась, что узнать ее прежний «почерк» стало невозможно. Но вот в ее картинах того «заряда» действия на зрителей не было. Севенарт и его сотрудники-экспериментаторы были поставлены перед неподдающимся их расшифровке феноменом. Да, Сабинина уже не пыталась вырваться из «школы». Она лишь в редкие моменты просила Севенарта сообщить о родных. Она вроде бы верила всему, что он ей говорил, и вела себя обычно, как и было запрограммировано. Но заряды в ее картинах — где они? Что происходит?

А между тем Катя, похоже, полюбила Жака Лавера, художника очень одаренного, но уже, увы, стоящего на грани гибели. Замедлить истощение его жизненных ресурсов не входило в расчеты «хозяев». Он писал картины как раз те, которые производили наиболее сильное действие на зрителей и имели большую притягательную силу.

Для Севенарта, конечно, привязанность Кати к Жаку не была тайной. Он усматривал в этом деле даже выгоду, надеясь, что при помощи Жака Сабинину можно заставить служить им по заданной программе.

С момента знакомства Кати с Жаком прошло более двух месяцев. После первой их встречи на кладбище они виделись редко, да и то к встречам стремилась больше Катя, нежели Жак. Тогда, в первый вечер, проводив Жака, Катя несколько дней ждала его, но напрасно. Ходила на

кладбище, посещала клуб, ждала дома, но он все не появлялся. Она все-таки встретила его раз, другой, но Жак не просил ее о встречах. Как-то она долго его не видела и тогда не выдержала, спросила о нем Севенарта, на что он ответил, что Лавер очень много работает, и, кроме этого, для него больше ничего не существует.

— Но мы произведем вторжение, если вы этого хотите,— Севенарт явно поощрял интерес Кати к художнику.

На следующий день Севенарт зашел к Кате с двумя художниками-супругами. Катя вспомнила, что видела их на кладбище. Муж был высок ростом, худой, как бы невесомый, все движения его были ловки и бесшумны, казалось, он движется автоматически. Но он не производил впечатления болезненного человека. Пожалуй, наоборот: темные глаза его были живыми и блестящими, а впалые щеки окрашивались слабым румянцем. Жена его — тоже рослая, естественная блондинка с прямыми длинными волосами и крупным, красиво очерченным ртом, казалась сонливой и апатичной: светло-серые глаза ее были как бы затуманены, координация движений явно нарушена. Катя старалась определить, больны ли они или это их естественные особенности. Жену звали Кларой, его Георгом. «Это здесь они Клара и Георг, а каковы их подлинные имена?»

После короткой беседы Клара и Георг пригласили Катю в местный клуб художников. Она охотно согласилась и лишь попросила обождать ее несколько минут, чтобы переодеться. Катя скоро вернулась. Оглядев ее, Севенарт явно был удивлен: «Да в самом ли деле это та грубянка, которую тогда сюда доставили?» На Кате было простое белое платье, из-под которого едва видны были ее ноги с изящной узкой ступней в легких сандалиях из тонких ремешков. Волосы подобраны в узел, оставляя открытой сзади шею с легкими завитками волос. Георг тоже с нескрываемым одобрением оглядел ее, и лишь Клара посмотрела на Катю равнодушно, быть может, даже не заметив произошедшую перемену в ее внешности. Севенарт проводил компанию до клуба и рас прощался, сославшись на занятость.

Первым, кого Катя увидела при входе в зал, был Жак. Несмотря на теплую погоду, он был одет не по сезону: поверх плотной ворсистой рубашки на нем был меховой жилет. Лицо Жака несколько оживилось, он подошел к Кате и, не обращая внимания на ее спутников, поспешил увести в дальний угол зала.

— Скажите, Катрин, вы пришли ради меня или просто развлечься? Я знаю, что вы скажете правду... Я это чувствую...

— Вы угадали. Я пришла только ради вас, хотя вам это совершенно безразлично.

— Вы не совсем правы... Как-то странно, что я вам нужен... Это, быть может, меня немного поддержит... Хотя за последние дни я видел вас у себя... в мастерской... Я даже пытался писать вас, но ничего не вышло...

— Жак, опомнитесь... Я не была у вас ни разу, я даже не знаю, где ваша мастерская...

Жак с сомнением покачал головой и неуверенно спросил:

— А в темно-вишневом платье с серебристой накидкой? Ведь это были вы?

Катя сочувственно смотрела на Жака:

— Что с вами, Жак? Это, по-видимому, были просто видения... ваше воображение. Да у меня и платья такого нет. И вы даже разговаривали со мной?

— Не помню точно... кажется, я что-то объяснял, но вы не хотели понять...

Катя постаралась отвлечь Жака и попросила познакомить ее с художниками.

Жак, держа Катю за руку, ввел ее в круг собравшихся:

— Вот мадемуазель Катрин, а больше я ничего не намерен говорить, она мне очень симпатична...

Кто-то засмеялся.

— Ба, да Лавер, похоже, собирается вернуться из загробного царства в этот гибнущий мир. Надолго ли, Жак?

— Насовсем,— твердо отчеканила Катя и сама удивилась своей смелости.

Все с удивлением рассматривали ее, словно она произнесла что-то необычайное и поразительное. Повисло молчание. Кто-то едва слышно произнес:

— Просто она новенькая. Это пройдет.

Оратор встал на подоконник:

— Коллеги! Я должен заявить, что некоторые из нас еще не сказали своим искусством то, что они должны сказать. Пока не поздно, сожгите себя, но дайте понять человечеству, что оно почти уже многомиллионный труп, потому что люди отделились от природы, пошли против нее, применили к ней насилие, и теперь наступает час возмездия. Но еще не совсем закрыт путь к спасению — пусть человечество оставит, забудет все технические совершенствования — век технической революции принес человечеству проклятие, неминуемую гибель. Остановите науку, технику, идите, разбредайтесь пешими и босыми по укромным уголкам пока еще теплой Земли. Это пусть делают те, кому мы отдали себя. Наша высокая и благородная миссия — убедить их бросить все, бросить всякую борьбу и сопротивление, пусть этим занимается кучка безумцев, путь которых все равно приведет к неминуемой гибели. Наш долг сгореть на алтаре искусства — тем спасти оставшихся людей на Земле, оставить о себе память. Трудитесь...

— Идемте отсюда.— Катя решительно извлекла Жака из толпы и вывела в сад.— Покажите вашу мастерскую.

В мастерской Жака было несколько начатых работ. Жак пытался объяснить ей их смысл, и Катя всматривалась с непонятным страхом и интересом в странные изображения. Их удивительная сила воздействия, как она считала, заключалась в том, что все было пронизано символикой, громоздились образы, которые, казалось, в определенные моменты жизни грезились, может быть, каждому человеку. Образы далекой истории переплетались с современностью. Особенно грандиозной была одна, почти законченная картина: на ней изображен слой из человеческих костей, черепов, сквозь них кое-где прорастали искореженные, выкрученные деревца, бросая на зловещее поле узкие полоски тени. Полоски походили

на ножи и как бы разрезали копошащиеся кое-где на костях полуживые человеческие существа. Женщины корчились в родах или пытались вырывать в рот младенцам иссущенную грудь. А на все это наползало чудовище, порожденное человеком,— синтез технического прогресса, состоящее из сверкающего металла с причудливыми гусеницами. Оно давило кости и живых еще людей, выжимая кровавую влагу и сдабривая ею поле, на котором всходили кроваво-красные змеевидные листья. И солнце заполняло половину неба, выбеляя зловещим свечением невообразимо мрачную картину. Пожалуй, никогда художники в изображении ада не могли придумать более жуткую сцену.

Катя переходила молча от одного холста к другому. Она разыскала чистую палитру, положила краски, попросила Жака спокойно посидеть и на маленькой пластине стала писать его портрет, быстро кладя мелкие мазки. Жак терпеливо сидел, не меняя положения.

Сколько времени писала Катя — ни она, ни Жак не знали. Она молча кивнула головой, дав понять, что сеанс окончен. Жак подошел и осторожно взял пластину. Изображение было неожиданным — теперь художники так не писали. Оно пробудило в нем, казалось, давно угасшее, будто бы вовсе не из теперешней его жизни. Где-то в глубине его памяти ожило море, и он, овеянный легким ветром, сидит на песке, счастливый и юный. На портрете он, но в то же время и незнакомый ему человек. Его черты лица, цвет волос, глаза, но глаза ясные, взгляд вдохновенный и светлый, а легкая застенчивая улыбка придает лицу особое обаяние.

— Катрин! Вы увидели меня таким?

— Да, Жак. Я вижу вас таким, каким вы должны быть.

Она взяла портрет, отнесла в самый дальний угол и спрятала за холсты.

— Жак, дорогой, никому не показывайте портрет и в случае чего не проговоритесь, что его написала я. Это может очень повредить мне. Сами иногда не забывайте смотреть на него. Теперь вы должны примирииться с тем, что я буду часто приходить к вам. Не избегайте меня. И я уже не буду только видением...

— Но зачем вам это? Ведь я уже не принадлежу самому себе и не могу принадлежать вам...

Катя подошла к Жаку, прижала его голову к своей груди и молча постояла так. Потом поцеловала глаза Жака и, сказав лишь слово «жизнь», ушла очень быстро, не дав ему опомниться.

Жак испытал потрясение. Его била дрожь, в памяти мелькали какие-то светлые и радостные отрывки не то вымысла, не то пережитого. Но он не мог собрать их воедино. Только одно, словно поступь судьбы, простипало в его больном сознании: что-то случилось, величайшее для него, и почему-то звучала ожившая в его памяти Пятая симфония Чайковского.

Катя каждый день заходила в мастерскую Жака. Иногда он бывал возбужден и тогда со страстью маньяка пытался внушить ей свои мысли о всемирном наступающем хаосе, гибели всей земной цивилизации. Катя внимательно выслушивала его, сама на эту тему разговора избегала, и Жака это не только огорчало, но порой и раздражало, и тогда он, прервав разговор, брался за кисть. Значит, Кате надо его оста-

вить... И она уходила, опечаленная, и нередко, уединившись где-нибудь в глухой аллее, плакала. В такие часы ее особенно мучила тоска по матери, по дому, друзьям. Здесь она жила словно на необитаемом острове, потому что ее ни на минуту не покидало ощущение опасности, что-то зловещее было во всем, что ее окружало, и лишь Жак был для нее дорог, и порой она думала, что, быть может, великая жалость к нему и породила в ней любовь, любовь, обреченную на гибель. Однажды, именно в такой час печали, к ней зашел Севенарт.

— Что это? Вы, кажется, плачете? Но отчего, кто мог вас обидеть?

— А скажите,— Катя провела тыльной стороной руки по глазам, правила прическу,— почему вы не принимаете никаких мер, чтобы сохранить здоровье ваших подопечных? Ведь некоторые из них на грани гибели...

— О, это очень серьезный вопрос, но я постараюсь ответить. Вам известно, что творится в мире. Человечество зашло в тупик со всеми своими достижениями в технике. Получается, что создатель сложнейших машинных систем вроде бы стал лишним в этом царстве шипящих, урчащих, даже говорящих на любых человеческих языках, почти живых существ. Он подавлен этим царством, в тяжком плена у него, и вперед идти еще страшней. Да и что впереди? Вот и получается, что художники, я имею в виду наших художников, пусть их и немного, стремятся своим творчеством спасти человечество, пусть даже ценой своих жизней! О! Они вносят очень ценный вклад в дело спасения человечества. Вот потому-то они не пишут прелести земного существования. Они предостерегают, кричат! Вот вы подумайте: почему в произведениях о давно прошедших войнах так восхваляется подвиг самопожертвования, хотя бы принесший смерть герою. И наши художники, в том числе и вы, являетесь подобными героями.

— Я-то никак не принадлежу к героям. Мне так далеко до Жака; воображение, как я считаю, у него какое-то сверхвозможное. Мне этого никогда не достичь.

— Вот вы же огорчаетесь, что не достигли таких вершин...

— Да, конечно... Но страшно думать так, как Лавер... Просто невыносимо...

— Но его же не заставляет никто так думать, это его воля... Прости те... но вы любите его?

— Допустим...— снова в ней проснулась дерзость, она произнесла это слово с вызовом, сквозь зубы.

Севенарт решил попробовать погасить вспышку:

— Извините... Это такой вопрос, на него трудно отвечать. Давайте прогуляемся немножко, а может быть, вы предложите мне чашку чая?..

— Чай, пожалуйста... а гулять не хочу.

Глубокой ночью Севенарт с помощником спокойно вошли в спальню Кати. Они направили к ее голове усы антенны, подключили аппаратуру и следили за экраном. Катя крепко спала. Фаза сна шла медленная, и они ждали, когда ее сменит фаза парадоксального быстрого сна. Она пришла. Кате снились черно-белые сны — значит, депрессия есть, пока еще

«скрытая», о которой она и не подозревает. Севенарт задал спящей вопрос:

— Зачем вы записали на видео всех наших художников? С какой целью вы это сделали?

Но спящая не ответила. Севенарт еще раз задал тот же вопрос, и снова лишь невнятное сонное бормотание, не относящееся к вопросу, а во сне Катя повернулась на другой бок.

Севенарт озабоченно посмотрел на ассистента:

— Вы дали достаточную дозу облучения? Все делали точно по предписанию?

— Абсолютно точно, уверяю вас.

— Но что тогда происходит? У нас ни с одним подопытным такого не было. Что-то здесь непонятное...

Севенарт продолжал смотреть на экран, где проходили Катины сны. Ей виделись люди, незнакомые Севенарту. Но вот лицо Жака Лавера.. Фаза парадоксального сна кончилась. Катя мирно спала, лицо ее, побледневшее от сна, было таким одухотворенным и нежным, что Севенарт пожалел, что она недосягаема для него, недосягаема никогда... такова его служба. Он велел помощнику свернуть аппаратуру. Они вышли в сад, где в предрассветном сумраке было тихо и еще светила на небе утренняя звезда. Севенарт споткнулся о выступавший корень огромного дуба.

— Собачья жизнь, черт бы ее побрал. Придется поломать голову над секретом этой прелестной особы.— «Прелестной» он зло выдавил сквозь зубы.

Козимо впервые посетил «школу» художников. Дадыши распорядил- ся послать именно его для оказания помощи Севенарту. Нужно было разобраться в исключительном случае с Катрин Сабининой. Севенарт был вынужден обратиться за помощью в Центр, оказавшись бессильным самостоятельно разгадать, несмотря на все усилия, феномен. Выходило, что на психику Сабининой не воздействовала достаточно уже апробированная система. Козимо решил прежде, чем приступить к испытаниям над Сабининой, понаблюдать ее, «поближе познакомиться», как он заявил Севенарту, и попросил не беспокоить его некоторое время.

Катя всеми силами пыталась отсрочить неотвратимое. Однажды, когда Жак почувствовал себя особенно плохо, Катя уложила его и встала за мольберт перед его незаконченной картиной. Она не думала о том, что ею руководит в эти минуты. Скорее всего она пыталась отвлечься, хоть на какое-то время отогнать страх. Картина называлась «Конец». В огненном вихре взлетали в воздух деревья с вывернутыми корнями, языки пламени чудовищно выплескивались вверх, закрыв небо. Женщина на переднем плане держала на вытянутых руках ребенка, моля о помощи, но пламя уже лизнуло волосы малыша, и одежда матери превращалась в факел.

Жак лежал, отвернувшись к стене. Катя взяла кисть, в ее движениях появилась четкость, рука с кистью взлетела от палитры к холсту — она писала лицо матери, и лицо это было ее, Катиным, лицом. В глазах такая мольба, такой призыв о помощи, что Севенарт, тайно наблюдавший действия Кати на экране, крепко вцепился в подлокотники кресла и застыл,

изумленный. Катя писала, словно одержимая. Сочетание цветов было таким тревожно-буйным, что зрителю было ясно — вместе с этой матерью сгорает Земля. Но вот Катя остановилась, положила кисть, отошла, чтобы взглянуть на картину, затем тихо подошла к ней, вновь взяла кисть и осторожно убрала пламя от волос ребенка и одежды матери. Затем усталым движением руки отбросила прядь волос от своего лица, присела на край ложа, рядом со спящим Жаком, нагнулась к его лицу, поцеловала закрытые веки и вышла из мастерской.

Да, Севенарт понял, что Катя может превзойти в своем творчестве не только Жака, но и всех художников. «Она просто чертовски, невероятно талантлива... Надо только усилить воздействие, подчинить ее нашей воле». И еще одна идея пришла Севенарту по душе. Этим он решил отличиться перед «высоким гостем» — братом Козимо. Но пока он задумал действовать самостоятельно. Он нашел Катю все там же, в мастерской Жака. За последнее время она заметно побледнела и осунулась, что-то в ее взгляде было настороженное, злое и предвещало, похоже, новый бунт. Севенарт и не подумал откладывать разговор, лишь извинился за вторжение и попросил Катю пройти к ней домой для выяснения неотложного дела. Как ни странно, Катя послушно отправилась с ним.

Парк был погружен в густой туман. Все было напитано влагой: и черные от сырости стволы деревьев с оголенными ветвями, и дорожки, засыпанные гравием. Весь этот осенний день как бы источал монотонность, грусть, а если и был чем хорош, то лишь тем, что вызывал у людей желание поскорее оказаться под кровом, посидеть у камина, насладиться теплом и уютом.

Катя шла рядом с Севенартом, забыв накинуть на голову капюшон плаща, на волосах и лице ее серебрились мелкие капли и стекали с ресниц, и Севенарту казалось, что Катя плачет, что она выплакивает последние слезы, что дальше в таком состоянии оставлять ее нельзя. Севенарт предложил Кате пойти переодеться, а он тем временем сам приготовит кофе. В ответ Катя лишь согласно кивнула головой.

После выпитого кофе Севенарт удобно устроился в кресле, включил камин.

— Как все-таки раньше люди были счастливы. Наверно, жизнь обитателей этого дома текла неторопливо, без нынешних тревог и бешеного ритма. Вы знаете, Катрин, этот особняк очень стар, он повидал множество людей и был свидетелем важных событий...

— Возможно,— Катя перебила плавную речь Севенарта,— но меня сейчас интересует не это... Вы можете понять, что сейчас мне не до светских бесед у камелька...

— Я понимаю и сочувствую, это моя неуклюжая попытка отвлечь вас...

— Ничто мне не поможет,— она затравленно посмотрела на него.

— Не говорите так... Если бы вы знали, какие невероятные усилия я прилагаю, чтобы помочь вам. Я забросил свои обязанности, слишком много думаю о вас... и, кажется, придумал кое-что...

— Если это ради меня, то не старайтесь.

— Не торопитесь говорить так. Я одержим мыслью спасти и Лавера.

— Нежели еще есть надежда?! О! Я воскресну, я буду жить, если это возможно.

— Ради этого я специально вызвал выдающегося ученого, на которого возлагаю все надежды... Он очень, очень высоко...— Севенарт возвел глаза в потолок и указал пальцем вверх: — Заполучить его сюда мне стоило многоного.

— Он видел Жака? Сказал что-нибудь?

— Катрин, не так все быстро... Я верю, что врач постарается ему помочь. Но есть одно «но»... Скажите, вам ведь здесь неплохо живется?

— Примерно так, как в хорошей лечебнице для душевнобольных. Я даже порой начинаю сомневаться в своей нормальности. А уж об остальных обитателях и говорить нечего. Все они явно больны... Вы что же, из милосердия их подбираете? И где? Я их имен никогда и не слышала... Но самое удивительное в том, что всем им здесь как будто нравится, и они довольны — все, кроме меня...

— Катрин! Вы забыли, что если бы не мы, вас, по всей вероятности, уже не было бы в живых. Ведь вы знаете, что происходит в мире. И вы еще недовольны... Я завидую вам... Прекрасные условия для жизни и работы. Мы оберегаем вас от всех неприятностей... Не вам жаловаться и выражать недовольство...

— Спасибо, если так...

— Но как же еще? Если вы в чем-то сомневаетесь — говорите. С вами предупредительны — разве я позволю кому-либо обидеть вас?

— Да-да, все это вроде бы так... но что же насчет Жака?

— Ох, Катрин, и характерец у вас... даже моя смелость испаряется при виде вашего разгневанного лица.

— Разве то, что вы хотите сказать, должно вызывать гнев? Какие-нибудь условия? Говорите же...

— Условия... вот именно. И вы должны понять, что не я их ставлю. Дело в том, что мы можем приложить все силы, чтобы спасти Лавера. Взамен этого вы объявите миру, что современное управление народами Земли неприемлемо и непригодно для нашего времени. Я вам подскажу, что сказать в отношении членов управления союза... Они не так честны, есть достаточно материала, компрометирующего их...

— А кому это нужно? Это что же, мое участие в заговоре?

— Какой заговор? Просто силы оппозиции могут предложить лучшую систему управления миром. Существующая устарела... Взамен вы получите Лавера, свободу, то есть пока вы сможете выбрать несколько мест, где вас не достанет заболевание, а затем, когда болезнь будет побеждена, вы и Лавер будете жить открыто, богато... с вашим-то талантом...

— А к кому, собственно, я должна перейти? На кого вы работаете? Я должна это знать. И почему вы противопоставляете себя «Единству»?

— Не усложняйте все, Катрин. Мы — организация защиты свободы личности от каких бы то ни было политических систем.

— Ну уж, это детские сказки. В странах «Единства» давно следуют принципам свободы личности.

— Лишь в какой-то степени. Давление на личность, особенно творческую, существует...

- В чем конкретно? Я что-то не замечала.
- Тогда поговорим открыто... Вы хотите спасти Лавера? Так вот, только при этих условиях...
- Ах вот что! Теперь ясно... А сколько вы мне пели, что далеки от политики...

Севенарт едва удержался от резкого ответа. В нем кипела ярость. Он бы сейчас ударил эту дуру. Но злился он больше от того, что ему никак не удавалось подчинить эту особу, сделать покорной... Вот если бы ему позволили, он бы ее проучил, сделал бы куда более покладистой...

- Тогда прекратим разговор. Возитесь со своим Лавером сами...
- Это и вся плата за жизнь Жака?! И вы его точно спасете? Если да, то мне остается лишь одно — принять ваши условия. Но когда вы приступите к лечению?

— Немедленно... Мне пора встретиться с нашим высоким гостем. Как только все выясню, тотчас же найду вас. До скорой встречи, дорогая Катрин...

Козимо встретил Севенарта, как и положено ученому высшей ступени, занятому важнейшими проблемами, бесстрастно.

— Мой высокочтимый брат, я должен сообщить вам приятные новости. Вы уже, надеюсь, составили мнение об этой женщине?

— Сабининой? Да... Но не будем пока распространяться на эту тему. Так, что у вас?

— Во-первых, она соглашается оповестить мир о переходе в оппозицию. Вы представляете — какая сенсация?! Второе — это то, что она назначила цену этого. И эта цена — спасти художника Жака Лавера, картины которого вы изволили посмотреть. Собственно, он уже «исчерпан», начинает сбиваться с «заложенного» настроя, организм истощен до предела. О нем и говорить нечего. Так вот, я пообещал Сабининой, что при вашей помощи мы постараемся его спасти. Это сделать не так уж сложно. Мы используем его последние ресурсы и на недолгое время как бы «оживим». Ну... на то время, пока Сабинина оповестит мир о своих взглядах. А затем... все, как говорится, «вернется на круги своя»... Жак уйдет в небытие, она вернется сюда, но для этого необходимо что-то устраниТЬ в ней, что мешает нам полностью подчинить ее, ведь невозможно выпустить ее куда-либо отсюда, не «отключив» память о пребывании здесь. И тогда она нам еще послужит... Очень талантлива, очень, как раз то, что нам требуется.

— Идея весьма интересна... и осуществима. А теперь нам следует провести обследование вашего феномена — этой Сабининой.

Сильное впечатление на Катю произвела внешность «высокого» гостя. Он показался ей видением из средневековья, монахом-фанатиком. Ни о какой красоте в этом случае не могло быть и речи. Но и не урод, нет! Это не слашавый лошадиный Севенарт; этот человек — личность. Гость произнес слова приветствия и сразу же заявил:

— Вы, мадам Сабинина, должны рассказать нам о себе все, что, как вы считаете, выделяет вас из числа других обитателей этой, почти райской, обители. Здоровье, психика, сон, творчество, пристрастия — одним словом, раскройте себя. Перед вами — учёные. Мы хотим более полно

выявить ваши творческие способности, поскольку у нас нет сомнений в вашей одаренности.

— Но простите,— Катя явно робела перед Козимо,— мне сейчас не до себя, мне даже трудно связно говорить, и память угнетена, я... Мне трудно сосредоточиться. Сейчас мне важнее всего услышать заключение о Жаке Лавере. Я умоляю вас спасти его, не знаю почему, но я верю в ваши возможности.— Эти слова относились к Козимо, Катя смотрела только на него.

Козимо повернулся к Севенарту:

— Пожалуй, будет более разумным сначала обследовать художника, в судьбе которого мадам Сабинина проявляет такую заинтересованность. Пусть его пригласят. А вас я прошу пойти домой и продумать все, что считаете полезным рассказать о себе.

Жак Лавер вошел и сел, не поднимая глаз на присутствующих и всем видом выказывая полнейшее равнодушие ко всему. Севенарт ждал, что скажет брат Козимо.

— Мы пригласили вас сюда, Лавер, чтобы выяснить состояние вашего здоровья и при надобности оказать помощь.

Жак явно удивился:

— Разве я жаловался или просил помощи? Я не нуждаюсь в ней. Сейчас как раз работа продвигается нормально, как надо...

Жак, выговорив это, закрыл глаза, голова его поникла, он снова окунулся в мир видений.

— ...с лицом человека из прошлого... Вот, Катрин, я же говорил тебе, что все они возвращаются...

— Дайте четвертую стадию,— скомандовал Козимо.

— Может быть, стоит начать с более поверхностного слоя, картина будет нагляднее...— заметил Севенарт.

— У меня нет времени, я спешу, делайте, как укажу...

— Да-да, понятно...

Севенарт передал Козимо обруч с камнем, тот надвинул его себе на голову, внутри темного камня, где-то в глубине, засветилась яркая точка. Севенарт манипулировал на ручном приборе.

Козимо протянул руку:

— Дайте, я сам...

Он взял прибор. На экране возникли видения Жака: плавно плыла в воздухе Катрин. Волосы ее отдувало ветром, лицо светилось. Она прижимала к себе ветку цветущего дерева, а внизу под ней бушевало пламя. Возникали люди — они были бесплотными, сквозь них проплывали рыбы и пролетали птицы. Люди двигались, буззужно шевелили губами... Но вот откуда-то издалека появился и занял передний план экрана человек, которого Козимо где-то видел, и не однажды. Человек этот смеялся и протягивал кому-то руки, как бы маня. Он был еще не стар... «Да это же Трачитто,— всплыло в памяти Козимо.— Но откуда у Жака?»

Козимо пристально посмотрел на Севенарта:

— Вам знаком кто-нибудь из этих привидений?

— Кроме мадемуазель Катрин, разумеется, никто. Это фантазия.

Козимо включил четвертую стадию, посмотрел другие, затем подо-

шел вплотную к Жаку. Жак пребывал в глубоком гипнотическом сне. Козимо прикрепил к уху большого крохотный шарик, подошел к аппарату со странной воронкой и начал медленно произносить слова. Он говорил, но ни Севенарт, ни его ассистент ни слышали ни звука — аппарат доносил слова лишь до Жака. Козимо говорил и говорил...

Севенарт видел лишь спину Козимо. Он обернулся — ассистент спал, и тотчас же куда-то стал проваливаться и сам Севенарт. Он откинулся на спинку стула и стал недвижим.

Между тем последующие действия Козимо походили на колдовство. Он прикрепил к уху Севенарта и ассистента шарики и несколько раз повторил им, уже не заглушая звук:

— Вы не видели четвертую стадию Лавера, вы не видели четвертую стадию Лавера...

Затем Козимо достал из кармана коробочку, нажал на какие-то кнопки и стал наблюдать на экране зигзаги, цифры, обозначения. Сказал, обращаясь к Лаверу:

— Вечером вы будете уже чувствовать себя лучше. Вам будут все время помогать, вы поправитесь...

Севенарт не подозревал, что и он, и ассистент на некоторое время «выбывали из игры».

— Что вы скажете, брат Козимо? Каково состояние больного?

— Мало утешительного. Пусть для вас не будет неожиданным, что на недолгое время он будет казаться более нормальным. Но он долго не протянет...

— Высокочтимый брат, меня больше занимает странное состояние Сабининой. Это что-то очень серьезное, насколько я понимаю, и поэтому жду вашего заключения...

— Да-да... вы правы. Пригласите эту загадочную особу.

Катя вошла и остановилась посредине комнаты, не сводя вопросающего взгляда с человека, который вынесет приговор Жаку. Козимо подошел к ней, поддерживая под локоть, подвел к креслу.

— Должно быть, вы собираетесь задать мне вопрос, и не один.

— Вопрос... вот только не знаю, кому, почему меня поместили в это психиатрическое заведение? Ведь я была совершенно здорова. Но вот теперь мне иногда кажется, что я тоже больна.

— Попробуем выяснить это. Если что-то замечаете в себе, объясните.

— Галлюцинации, как, например, у Жака, у меня не бывает. Вот сны иногда странные... И они повторяются. Чаще всего мне снится мой «опекун», я имею в виду господина Севенарта.

— Вы видите его?

— В том-то и дело, что нет, но я чувствую, что он рядом, склоняется надо мной, я даже ощущаю его дыхание.

— Вы чувствуете присутствие одного человека?

— Иногда одного, но бывает, что поблизости еще кто-то находится, но этот кто-то неизвестен мне.

Катя говорила, а параллельно с этим проходила мысль о другом, и Катя не могла даже на время от нее освободиться.

Дело в том, что предыдущей ночью она проснулась оттого, что кто-

то осторожно прикоснулся к ее плечу. Она открыла глаза и увидела возле себя человека, лица которого она не могла рассмотреть, оно словно тонуло во мраке, хотя тени появиться было неоткуда. У нее не возникло сомнения в реальности происходящего. Кричать и звать на помощь она не собиралась. Катя села в постели, пытаясь взглянуться в лицо незваного гостя.

— Не старайтесь меня разглядеть, это вам не удастся,— голос был приятным и молодым.

— Что вам нужно?

— Постараюсь коротко объяснить. Сюда, в ваш рай, прибыла важная персона. Это он будет вас обследовать. Говорите с ним смело, расскажите подробно о своем самочувствии, особенно важно, не появились ли у вас симптомы заболевания. Скажите, как воспринимаете местную обстановку, обитателей. Выскажите свои желания. Но особенно подробно о вашем самочувствии. Вреда от такой откровенности вам не будет.

— Но кто вы?

— Вам не надо об этом знать... но посмотрите...

Катя взяла крохотный клочок бумаги, всмотрелась в него и согласно кивнула головой:

— Хоть я и не имею представления, кто вы и от кого, но на всякий случай буду молчать... пока... и, пожалуй, попробую последовать вашему совету.

— Разумно. Вы молодец — не трусила. Вот и все...

Незнакомец спокойно дошел до двери, было видно, что он не опасается кого-либо, открыл ее, затем следующую — на улицу. Катя отметила, что он высок и строен. Она подбежала к окну. Незнакомец шел неспешно, пересек сад и скрылся за кустарником. «Но как же он прошел? Как? А невидимая силовая ограда? Ну кто же этот человек?» Катя перебрала в памяти всех здешних художников, обслугу, но ни в одном из них не нашла даже отдаленного сходства с незнакомцем ни в фигуре, ни в голове. «Это может быть лишь здешний человек, которому известны все системы охраны и слежения». Катя не выдержала и утром быстро прошла к границе владений «пансионата» — острые иголки пронзили тело, и ноги отказались двигаться, стоило ей достичь «границы».

Лицо Козимо было неподвижно и бесстрастно, он молчал. Потом встал, в раздумье прошелся по комнате.

— Господин Севенарт, мы можем приступить к обследованию мадам Катрин.

Катю усадили в специальное кресло, аппаратура бесшумно делала свое дело.

Севенарт выражал нетерпение:

— Вы видите, брат, никогда ничего подобного не происходило ни с одним из подопытных. Отклоняются излучения! Это что-то немыслимое!

Не знал Севенарт, зато хорошо знал Козимо, что показания новой аппаратуры может снять лишь доктор Дадышо. И никто больше! Ясно, что в организм Сабининой введены частицы, противостоящие, и притом достаточно стойко, излучениям их аппаратуры. Это настолько серьезно, что можно свести на нет все их огромные достижения. А Сабинину при этом ждет незавидная судьба подопытного животного.

При всей холодности своего рассудка Козимо был взволнован. Сразу несколько задач ждали немедленного решения, и среди них загадка, связанная с видениями Лавера. «Откуда он знает Трачитто? И знает много лет... Это надо немедленно выяснить... Придется отделаться от Севенарта и отправиться в мастерскую Лавера под предлогом проверки его состояния...»

Катя долго не могла заснуть. «Спит ли Жак? Понимает ли он, что с ним происходит? У него явное улучшение... явное». Катя зажмурила глаза и представила его худое, бесконечно милое лицо, первую улыбку, вернее, намек на улыбку... Он будет жить!!! Жить!!! Жить!!! И уже ей показалось, что эхо отдается где-то далеко: «Жить! Жить!»

Катя проснулась снова, как в тот раз, от прикосновения руки. И опять ей не удалось разглядеть лицо ночного гостя.

— Я сделала, как вы советовали. Хотя вообще мне все это не очень нравится. Я же не знаю, кто вы... А именно теперь я не хочу рисковать ни свободой, ни здоровьем, ни жизнью.

— Знаю. Лавер. Это ничему не мешает. Я пришел за вами. Быстро оденьтесь. Создались угрозы жизни вашей и Лавера.

— Нет, я без Жака не пойду.

— Скорее. Он нас ждет.

— Но это же безумие... Ведь ограда...

— Я не сумасшедший... Идемте же...

— Но я...

Гость снова, как в тот раз, показал ей знак.

Они прошли садом мимо кладбища, на одной из аллей их поджидал Жак!

— Жак! — Катя схватила его за руку.— Ты знаешь, куда мы идем?

— Молчи, Катрин, нужно спешить.

Когда они вышли за пределы владений «пансионата», незнакомец вложил ей в карман пальто крохотный предмет:

— Сниматель. Наш побег не засек ни один прибор, но нельзя медлить.

ГРИГОРИЙ ТЕМКИН

Лунный лист

Научно-фантастическая повесть

Рыбак-дилетант, оказавшись у водоема, действует поспешно, суетливо: скидывает рюкзак на землю, хватает удочку и, на ходу разматывая леску, несется к берегу. Рыболов опытный, профессионал в своем хобби, добравшись до заветного места, сперва устраивает лагерь, потом неторопливо настраивает снасти, с любовью перебирая блесны, лески, крючки. Он

научился уже ценить не только результат, но и процесс, и смакует каждый миг, слагающий столь дорогую его сердцу рыбалку – от подготовки уочек до дегустации ухи. Одним словом, ведет себя как настоящий гурман.

Мы – доктор Роман Алексеев, я и спецфотокор АПН Владимир Карпов, – именно такие гурманы от рыбалки. И потому, высадившись с мотодоры, первым делом поставили палатку, надули резиновые матрасы, натаскали для костра дров – благо все беломорские берега усеяны плавником, набрали воды из речки, на рогульках с перекладиной пристроили котелок... И только когда оставалось поднести к хворосту спичку, а в воду положить рыбу – пока не пойманную – расчехлили мы наши заветные и столь мало за последний месяц бывшие в употреблении спиннинги.

А ведь, отправляясь в экспедицию по Белому морю на шхуне «Одиссей», мы наивно надеялись, что обязанности обязанностями, а и удастся еще отвести душу на рыбной ловле. Куда там! К тому моменту, когда шхуна бросила якорь в поселке Шойна на западном побережье Канина полуострова, позади уже было больше половины пути, и все это время безраздельно было поглощено однообразной судовой работой, вахтами, лекциями в поморских поселках, а главное – гонкой за графиком плавания: стиснутая рамками отпусков, экспедиция к первому августа должна была вернуться в Беломорск, исходный пункт, замкнув таким образом двухтысячесильное кольцо нашего маршрута.

И потому, когда в Шойне у «Одиссея» вдруг пробило прокладку дизеля и выяснилось, что ремонт задержит нас минимум на трое суток, мы с доктором, стыдно признаться, даже обрадовались. Убедить руководство, что выход в тундре на три дня нескованно обогатит экспедиционные фотоматериалы, и договориться с шойнинскими рыбаками о доставке было уже делом техники.

Почему мы причалили именно у этого ручья? Трудно сказать. Скорее всего чисто случайно: повсюду были точно такие же каменистые берега, изрезанные ручейками и речушками, а за ними везде стелилась одинаково зеленая тысячеглазая тундра, с любопытством всматривающаяся в небо бесчисленными озерами. Просто нам показалось, что отъехали достаточно далеко на север, и сказали: «Здесь!» Не глуша мотора, молодой помор Сережа Заборщиков помог выгрузиться, велел ждать утром через два дня на третий, и его узконосая деревянная лодка нырнула в подступающий к берегу туман.

Пока разбивали лагерь, каждый приглядев себе место по рыбакскому вкусу. Доктор отправился на ближайшее озерцо, затянутое по краям нежно-зеленой травой, а я решил поблеснить в речушке, где, по моим представлениям, должны были рыскать голодные косяки нельмы, сига, омуля. Однако если рыба и водилась в речке, присутствия своего она ничем не выдала. Безрезультатно побросав спиннинг минут сорок, я заскучал и пошел проводить Романа.

Окруженный зыбким гудящим ореолом комаров и мошки, доктор стоял по колено в сырому ягеле и, воинственно выставив окладистую бороду, вываживал какую-то рыбину: кончик его спиннинга пружинисто, в такт рывкам, изгибался.

— Уже третья,— сообщил Роман, выбрасывая на берег щучку весом не более полукилограмма.— Присоединяйся.

Я не заставил себя долго упрашивать и вскоре убедился, что щурыта берут здесь безотказно, а вот их бабушки и дедушки от знакомства с нами упорно отказываются. Натаскав десятка полтора фунтовых «шнурков», мы заверили друг друга, что мелкая щука несравненно вкуснее крупной, и двинулись готовить ужин.

Ночи в Заполярье во второй половине июля еще не черные, но уже и не белые. Они скорее серовато-голубые или перламутровые; когда такая ночь опускается, тундру затягивает, словно вышедший из фокуса негатив, дрожащей полупрозрачной дымкой, и эта пелена порой совсем безмолвна, даже твой собственный голос вязнет в ее ватном теле, а иногда делятся разговорчивой и многозвучной, и тогда опытный охотник различит в ней тявканье песца, всхлипы совы, кашель росомахи...

Мы сидели с Романом у костра, ждали, когда снятая с огня уха дойдет на углях, и вслушивались в дремлющую тундру. Тундра молчала, и тишина оттого казалась абсолютной, безграничной, всеобъемлющей. Не зря такую тишину называют звенящей, подумал я. Мне даже показалось, что в ней и правда звучат далекие, почти неразличимые колокольчики.

— Колокольчики...— не то спросил, не то сообщил мне Роман.

И тут я осознал, что перезвон мне не причудился, а реально существует. И бубенчики, кому бы они ни принадлежали, движутся в нашу сторону.

— Похоже, у нас будут гости, Рома.

Доктор покосился на прислоненное к палатке ружье и ничего не ответил.

Колокольчики шли прямо на нас, и я тщетно пытался разобрать, сколько их, пока в сумерках не обрисовались силуэты человека и двух оленей.

Оставив оленей поодаль, человек не спеша и как-то по-хозяйски подошел к костру, молча уселся на землю. Достал из-за пазухи трубку, прикурил от головешки. Так же молча, не глядя на нас, полностью погрузился в курение. Это был пожилой ненец лет пятидесяти, одетый в летнюю потрепанную малицу, сверкающие на коленях штаны из ровдуги * и облысевшие от возраста пимы. Лицо его, усталое и морщинистое, излучало наслаждение, глаза сошлись в узенькие щелочки; весь мир, казалось, сосредоточился для него в трубке, исторгавшей клубы черного и довольно зловонного дыма.

Мы переглянулись с доктором. Северный этикет нам был немного знаком: сперва угощение, потом беседа. Роман указал взглядом на уху, и я разлил ее на троих — доктору и ненцу в миски, себе в крышку от котелка. Ни слова не говоря, подал гостю уху, пододвинул хлеб, чеснок.

Ненец так же молча принял миску, зачерпнул ложкой, попробовал... и звучно сплюнул в сторону. Затем встал, отошел на несколько шагов и выплеснул содержимое миски. Вернулся. Сел. И с брезгливостью произнес:

---

* Замша из оленьей шкуры.

— Сяторей *. Не рыба.

Я разозлился, на мой вкус уха получилась отменная, но спорить не стал — человек прямодушно высказал свое мнение, что ж теперь... Пока мы с Романом ели уху, ненец терпеливо и задумчиво жевал хлеб с чесноком, храня молчание, и оживился, только когда заварился чай.

За чаем и познакомились; выяснилось: наш ночной гость оленевод, пасет с бригадой большое колхозное стадо где-то здесь, на севере Канина, и зовут его Николай Апицын.

— Отчего же у тебя фамилия русская? — поинтересовался доктор.

— Почему русская, — не согласился Николай. — От Апицы идем, из рода Вэры. Ученый из Ленинграда приезжал, говорил, еще четыреста лет назад писали: был на Канине ненец Апица...

Еще минут двадцать Апицын, в котором проснулась словоохотливость, рассказывал о своих предках, и вдруг безо всякой видимой причины заявил:

— Зря сюда приехали. Плохое место. Болота. Гнус. Холодно.

— Чем же плохо? — рассудительно возразил доктор. — От гнуса мазь есть. Костюмы у нас теплые. Палатка. Дров много. В озере рыба.

— Хо! Разве сяторей — рыба? В ручье есть рыба, правда. Хариус. Но его тру-удно поймать. Сильно осторожная рыба.

Я обрадовался:

— Ну вот, даже хариус водится! Мы здесь отлично отдохнем.

Апицын снова замолчал, смиряясь, судя по всему, с тем, что место нам все равно нравится. Затем с явной неохотой уступил:

— Отдыхайте. Только уходить от Харьзовского ручья не надо.

— Почему это не надо? — начал заводиться я. Что это за дела: прешел, уху охаял, а теперь с места согнать пытается. — Захотим, на другой ручей пойдем.

— Не надо уходить далеко, — повторил Апицын.

— Но почему??

— Сиртя тут живут... — неохотно пробормотал ненец.

— Сиртя? — переспросил Роман. Он, как и я, слышал это слово впервые. — А это что еще такое?

— Маленькие люди такие. Шаманы. Сильные шаманы. Выдутана **.

— Сказка, — фыркнул доктор.

— Как сказка! Сиртя раньше много было в тундре, тысячи. Сейчас совсем мало. Однако, есть. Ненцы к ним иногда ходят, когда болеют. Или когда про завтра спросить надо.

— Значит, сиртя людям помогают? — зацепился дотошный Роман.

— Помогают, помогают...

— Так отчего же место, где живут эти сиртя, плохое?

Ненец смущился:

— Говорят так... Олень туда не ходит, ягель не растет вокруг сиртя-

* Щука (*neneç*).

** У ненцев шаман высшей категории. Выдутана лечили тяжелобольных, предсказывали будущее. Камлание выдутана сопровождалось невероятными трюками, например, они якобы могли протыкать себя хореем.

мя*. Если человек без дела придет, помереть может. Подальше от сирты надо ходить.

Чего-то не договаривал Апицын, темнил.

— Ну а сам ты зачем в эти «плохие» места пришел? Просто так, что ли?

— Зачем просто так. Хэхэ пришел проведать,— сообщил Апицын и снова принялся набивать трубку.

Что означает «хэхэ», я понятия не имел. Даже не был уверен, что оленевод просто не морочил нам головы. Но Апицын произнес «хэхэ» как нечто само собой разумеющееся, и невеждой показаться мне не хотелось.

— И далеко еще идти? — решил задать я наводящий вопрос.— Вон уже море. Или заблудился?

— Как заблудился? Ненец в тундре не заблудится. Пришел уже.

Я обвел взглядом сидящих у костра, высвеченное бликами огня пятно побережья, но так и не угадал, кого или что имел в виду Апицын под словом «хэхэ». Любопытство мое разгоралось все больше.

— И когда же ты будешь хэхэ проводывать?

— Сейчас и буду. Докурю и проведаю.

— А нам можно?

— Пойдем,— разрешил Апицын.— Фонарик есть? Возьми.

Мы отошли от костра по берегу метров на сто пятьдесят, не более, как оленевод поднял руку: «Тут!»

Роман включил фонарик, посветил перед ненцем. Николай Апицын с каким-то странным, то ли ошеломленным, то ли очень-очень почтительным видом глядел на большой, почти в человеческий рост, валун. Темная от ночной сырости поверхность хэхэ тускло поблескивала в свете фонаря, но ни знаков, ни петроглифических рисунков на камне не было заметно. Роман опустил луч ниже — и мы оба чуть не ахнули.

Под валуном кучей, вnavал, лежали рогатые оленьи черепа. Их тут были десятки — побелевшие от времени, почти рассыпавшиеся, и относительно свежие, положенные к хэхэ не столь уж давно. На некоторых рогах висели пестрые лоскутки материи, подвязанные к отросткам. Тут же стоял ржавый чугунок, служивший, видимо, емкостью для более мелких подношений, валялись осколки стекла.

Не обращая на нас никакого внимания, Николай семь раз обошел вокруг камня, опустился на колени, высыпал горсть чего-то — как мне показалось, табака — в чугунок. Затем достал плоскую фляжку конька, скрутил пробку и вылил содержимое на камень. После чего повернулся к нам:

— Все, идите обратно. С хэхэ говорить буду.

Пораженные увиденным, мы как во сне вернулись к дотгевающему костру, налили еще чаю. Апицын не возвращался. Стало зябко, и мы забрались в палатку.

— Завтра снимешь кадр века,— сказал доктор, зарываясь в спальник.— «Рома и Вова у хэхэ». Первый приз обеспечен.

---

* Чум сирты (*neneç*).

— Слюнь три раза,— сказал я.— И так, слышал же, место плохое...
— Суеверия. Будем устранять хирургически,— пробормотал Роман и захрапел.

Встали мы рано, с рассветом, но Апицына уже не было. Видимо, «проводав» своего хэхэ, ненец сразу тронулся в обратный путь.

С моря, нагоняя сиреневые облака, порывами задувал холодный ветер, и оттого утро казалось сырьим и промозглым, захотелось обратно в палатку. Против такой «спросонной» пасмурности лучшее средство — горячий чай. Я быстро раздул вчерашние угли, подложил дров, зачерпнул из ручья котелок воды. Через несколько минут чай вскипал, доктор, озабоченный до синевы на губах, жадно хлебнул из кружки и прыснул чаем в сторону, словно попробовал бог весть чего:

— Шуточки у тебя, фотограф...

— Да вы что, говорились все? — обиделся было я. Но, глотнув чая, поступил так же, как Роман. Жидкость в кружке, куда я положил четыре куска сахара, имела омерзительный горько-сладко-соленый вкус.

Выражение моего лица убедило Романа, что он не стал жертвой ро-зыгрыша. Доктор подошел к ручью, окунул в воду палец, облизнулся. И скривился:

— Воду в прибрежных ручьях,уважаемый фотограф, желательно набирать, когда она еще пресная!

Тут и я увидел; был самый разгар прилива, воды прибыло уже метра на полтора, и ручей, вечером бодро бежавший к морю, стоял сейчас совсем тихо и даже, казалось, двигался немного вспять. Можно было сходить за водой к озеру или подняться выше по ручью, но желание чаевничать пропало, и мы разошлись на рыбалку: доктор обратно на озеро, а я снова на речку. Слова ненца о том, что ее зовут Харьзовский ручей, задели мое рыбацкое самолюбие.

В кармане у меня лежала коробочка со слепнями, предусмотрительно заготовленными еще в Шойне. Я отправился вверх по течению до первого переката, под которым голубело прозрачное плесо — на Севере их называют «кулово», — и бросил одного слепня в ручей. Стремнина благополучно перенесла его через перекат, закрутила в водовороте в начале улова к середине. И вдруг слепень исчез, только булькнуло что-то на том месте, где он был. Я повторил эксперимент, и опять слепень исчез на середине улова, но на этот раз я успел заметить, как мелькнул под ним темный продолговатый силуэт.

Где-то под сердцем щекотнул приятный холодок предвкушения, я торопливо отстегнул от лески вчерашнюю блесну, поставил одинарный крючок, наживил овода. Спланил его, готовый в любой момент к поклевке, до середины улова. Ничего. Еще раз. И снова впустую. И снова. Как я ни подергивал леску, как ни «играл» насадкой, хариус на мои хитрости не поддавался.

Долго выносить подобное издевательство — дело трудное, чреватое стрессами, и потому, вполголоса сообщив хариусам, что я о них думаю, я собрался к Роману на озеро за «синицей в руках». Смотал спиннинг. Повернулся. И мне захотелось протереть глаза.

На холмике метрах в пятидесяти от меня стояла девочка лет двенад-

зати в ненецкой одежде и смотрела в мою сторону. Ни взрослых, ни оленей рядом с ней не было.

— Ты одна? — оторопело спросил я первое, что пришло в голову.

Не удосуживая себя ответом, девочка негромко произнесла:

— Позови доктора.

Странно, но я незамедлительно выполнил ее просьбу-приказ.

— Рома! — заорал я. — К тебе посетитель!

— Ну чего шумишь? — недовольно отозвался с озера доктор, однако минуту спустя появился, таша снизку таких же, как вчера, фунтовых шурпят. Заметив девочку, он застегнул латаную выцветшую штормовку на две пуговицы, опустил рыбу на мох. — Вы ко мне?

— Дедушка умирает, — сказала девочка.

— Где? — почему-то спросил Роман. — Гм-м...

— Там... — Девочка неопределенно махнула рукой в сторону тундры.

— А что с ним? — уже более профессионально, справившись с удивлением, осведомился Роман.

— Плохо. Рука не шевелится, нога не шевелится. Кушать не хочет. Помирать хочет.

— И давно?

— Третий день.

— Хорошо, — кивнул Роман. Хотя лично я ничего хорошего в ситуации не видел. — Сейчас соберусь.

Я юркнул вслед за ним в палатку.

— Ты это серьезно?

— А ты как думал... — Роман деловито вывернул свой рюкзак мне на спальник, а потом еще и встрихнул, высыпав на мое лежбище облако крошек, пыли и луковой шелухи.

— Чем же ты собираешься врачевать, Айболит несчастный? У тебя, кроме бинта и йода, нет, наверное, ничего.

— Кое-что найдется. — Из кучи баракха Роман выудил белую пенопластовую коробку, сунул обратно в рюкзак. — Первая помощь. Хотя вряд ли от нее будет толк. У деда верней всего инсульт. Дело швах.

— Так какого же... — начал я, но осекся. За месяц плавания с Романом пора было бы понять, что отговаривать его идти к больному по меньшей мере глупо. Я выбрался из палатки и подошел к девочке. — Далеко до твоего дедушки?

— К вечеру приDEM. — Девочка говорила голосом, лишенным каких-либо интонаций, раскосые глаза ее смотрели словно насеквоздь тебя, ничего не замечая, и от этой бесстрастности делалось как-то не по себе.

— Понимаешь, нам обязательно надо завтра уехать. Завтра вечером за нами приедут, — на всякий случай соврал я, мотодору мы ждали только послезавтра утром.

— Завтра вечером доктор вернется.

— Почему — «доктор»? Мы же вдвоем.

— Ты не пойдешь.

— Вот как? И кто же мне запретит? — возмутился я. Но девочка не удостоила меня ответом. — Ты слышал, Рома! — апеллировал я к доктору. — Что это дитя заявляет! Я — не поеду!

Роман высунул из палатки бороду, затем показался сам. Рюкзак уже висел у него за плечами. Вид Роман имел сосредоточенный, целеустремленный — такой вид принимают врачи, входя к тяжелобольному. Никакого напускного оптимизма, фальшивой бодрости, лишь готовность сделать все, что в его медицинских силах. Тактика эта обыкновенно внушает больному безоговорочную уверенность в своем враче, и каждое его слово, указание он принимает как откровение. Поэтому, когда Роман строго поглядел на девочку, кашлянул и произнес: «Гм-м, а, собственно, почему?», я решил, что спор окончен. Но девочка снова покачала головой:

- Нет, нельзя. Пойдешь ты один.
- Ну что ж, Вова... — сдался доктор. — Придется тебе подождать.
- Выбрались, называется, на рыбалку в кои веки... Да что мне тут одному делать-то? — уже вслед крикнул я им в сердцах, не рассчитывая на ответ. Но девочка неожиданно откликнулась.
- Лови рыбу, — сказала она, обернувшись.
- Какую? Сяторей — не рыба, — вспомнил я и пнул ни в чем не повинных щурят на земле.
- Зачем сяторей. Хорьоз лови в реке.
- Ха! Если бы. Не ловится хариус.
- Будет ловиться, — пообещала девочка. Доктор помахал мне, и вскоре они скрылись из виду, растворившись в серо-зеленом тундровом мареве.

Досадуя на злой рыбакский рок, преследующий меня в этой экспедиции, на то, что из-за неудачного времени суток не удалось сфотографировать ни оленевода Апицына, ни странную, не по-детски уверенную в себе девочку-ненку, невесть откуда прознавшую про доктора, я вернулся к перекату. Машинально забросил крючок с пожухлым слепнем в струю. Знакомым маршрутом слепня вынесло в улово, на спокойную воду, он подплыл к середине и там, булькнув, исчез. Кончик спиннинга отозвался резким рывком, я подсек с непростительным опозданием — и все же рыба не сошла. Это был хариус — король северных рек, фиолетово-спинный красавец с высоким, как парус, пятнистым радужным плавником.

Весь этот день и следующий рыбалка была фантастической. Я прерывал ловлю, лишь чтобы перекусить на скорую руку, поймать несколько мух, жуков или слепней, и снова начинал проходку сверху вниз по ручью, из каждого улова выуживая по два-три тяжелых, отливающих всеми цветами радуги хариуса. К возвращению доктора я приготовил царский ужин: хариус, копченный во мху. Есть такой старый, почти забытый охотничий способ. Делаешь яму, разводишь в ней костер. Когда дрова прогорят, наваливаешь на угли сырых веток, желательно можжевеловых, а сверху — два куска дерна, мохом или травой друг к другу, так, чтобы слегка подсоленная рыба лежала между ними как в бутерброде. Четыре часа — и от рыбного копченого духа начинает кружиться голова...

Доктор вернулся в сумерки, один, без провожатых, был он задумчив и несколько рассеян, на вопросы отвечал односложно. Однако деликатесный ужин оценил и, смолотив десяток хариусов, обмяк, отошел, разговорился.

Рассказ Романа я записал в дневник только через двое суток, уже на борту шхуны, и какие-то детали, возможно, упустил, однако суть услышанного в тот вечер от него изложена в целом правильно. Это подтвердил, прочитав мои записи, и сам доктор. Хочу заметить также, что после редактирования из рукописи кое-что ушло, однако никаких новых «живописных» деталей не прибавилось.

Итак, вот что после ужина на Харьзовом ручье рассказал доктор Роман Тимофеевич Алексеев.

* * *

Доктор шел за девочкой и мысленно проклинал час и день, когда согласился принять участие в экспедиции во время отпуска. Проводил бы сейчас свой законный очередной у тетки на Конде, ягоды бы собирал, рыбу ловил, за девушками ухаживал... А тут с утра до вечера как на работе: дела, дела... Вот, думалось, наконец-то повезло, вырвались на рыбалку с Володей Карповым — нет, опять все бросай и топай через тундру к умирающему деду.

Роман попытался заговорить с девочкой, идти молча было скучно, но та отвечала нехотя, скучно, не поворачивая головы. Вскоре желание задавать вопросы пропало: шли они быстро, по сырому вязкому мху, и усталость делалась все ощущимее.

Чтобы как-то отвлечься, Роман принял разглядывать одежду девочки, и чем больше он присматривался к ее на первый взгляд грубому, на «живую нитку» сшитому из кусков оленьей замши костюму, тем нарядней и практичней находил его.

На девочке была легкая просторная паница до бедер, нижнюю полу которой оторачивали несколько чередующихся полосок темно-коричневого и белого меха. В швах паницы покачивались вшитые разноцветные суконные лоскутки. Такие же суконные полоски, только красные, галунами украшали ее широкие штаны. Штанины были заправлены в пимы — легкие; мягкие, настоящие сапожки-скороходы, под которыми ягель почти не проминался. Пимам доктор прямо-таки воззавидовал: его собственные резиновые сапоги, приобретенные перед самым отъездом, весом были под стать рыцарским доспехам и, что самое неприятное, начали сбивать ему пятки.

Пора сделать и привал, думал Роман, но, глядя на воздушную поступь девочки, короткие косички, подпрыгивающие в такт ее шагам, шел и шел следом, почему-то стесняясь признать собственную усталость. «Черт знает что,— бормотал себе под нос Роман, поглядывая на часы,— уже скоро полдень, идем три часа, а этой пигалице хоть бы хны. А ведь весь путь она уже прошла пешком накануне!»

Часом позже Роман сдался.

— Послушайте, вундеркинд! — остановился он.— Не пора ли подзаправиться? — И, не дожидаясь ответа, уселся на рюкзак.

Девочка повернулась, из-под паницы извлекла кожаный мешочек.

— Ha! — протянула она горсть сухих бурых ягод. И посмотрела на

Романа с укоризной. Судя по ее виду, она тоже изрядно устала. На лице пот оставил грязные разводы, глаза порозовели.

— Сядь! — велел Роман. — Отдохни.

— Нет, — покачала головой девочка. — Дедушка...

Еще часа через два ходьбы ландшафт начал меняться: тундровая равнина захолмилась, вздыбилась, выгнулась скалистым хребтом, черными склонами перегородив путь.

— Туда? — уныло кивнул в сторону скал Роман. Перспектива попрактиковаться в альпинизме его нисколько не привлекала.

— Туда, — подтвердила девочка. И в ответ на вздох доктора обнадежила: — Уже скоро.

Поминай недобрым словом свою злосчастную судьбу, и сапоги, и медицинский диплом, доктор обреченно полез по камням.

Подъем действительно длился недолго, но, когда они выбрались на относительно ровное каменное плато, Роману показалось, что сил не хватит даже на шаг. Он лег, устроив горящие ступни на булыжник, и закрыл глаза. Не хотелось ни идти, ни говорить, ни думать, а только лежать вот так, наслаждаясь покоем, и свежим воздухом, и тонким, холодящим горло запахом тундры... И еще — жевать кисловатые ягоды, которые девочка насыпала ему в ладонь. Ягоды, несомненно, имели тонизирующий эффект.

— Что это? — спросил Роман, не открывая глаз.

— Морошка. Вкусно?

— Угу. Кстати, тебя как зовут? Пора и познакомиться.

— Пуйме. А тебя — Роман.

— Верно. Но откуда... — хотел удивиться Роман тому, что девочка знает его имя, потом вспомнил, что она могла слышать, как к нему обращается Володя. Потом он было решил спросить, откуда ей стало известно, что на берегу появился доктор и что из них двоих доктор именно он, а не Володя, но не успел, Пуйме позвала его:

— Пойдем, Роман, дедушка один...

Они снова взбирались на гребни, спускались в распадки, перепрыгивали через ручьи. На ягеле, словно на страницах гигантской бледно-зеленой книги, кабаллистическими узорами отпечатались следы лап и копыт, в зарослях стланника хлопали крыльями большие серые птицы, а в ручьях плескали крапчатые форелью хвосты, однако Роман не имел уже ни сил, ни желания присматриваться к чудесам, которые нежданно-негаданно рассыпала перед ним якобы скучная тундра. Только однажды они задержались на несколько минут. Пуйме остановилась у бегущего сверху ручья, доктор подождал, пока девочка напьется, потом сам припал к ледяной, обжигающей рот струе. Для этого пришлось наклонить голову боком, и взгляд сам собой скользнул вверх, к тому месту, откуда по камню сбегала вода. От увиденного Роман поперхнулся, закашлялся. На камне, накрывая струю клыкастой верхней челюстью, лежал большой звериный череп.

- Оригинальный фонтанарий... Медведь?
- Ингней. Росомаха. Это место называется Сиртя-яха *. Отсюда совсем близко.

Название показалось доктору знакомым, задуматься — и он бы вспомнил, что вчера Апицын говорил о сирте, но задумываться было некогда, они опять шли по распадку: девочка — бесшумно, словно порхая над каменистыми осыпями, Роман — тяжело, грузно, глядя себе под ноги и время от времени нарочно, с непонятным мстительным удовольствием, спихивал камни вниз по склону.

За шумом собственной поступи Роман не рассыпал плеска, и только когда Пуйме сказала «Пришли!», а лицо приятно защекотала холодная водяная пыль, он поднял голову.

Они стояли перед самым настоящим водопадом, который низвергался в речку с тридцатиметровой высоты. Падая со скалы, водопад разбивался о ступени каменных карнизов, отчего поток, подобно огням святого Эльма, окруживала ослепительно-голубая аура мельчайших брызг. Гора, с которой падала река, стеной тянулась и влево, и вправо, и проходов в ней заметно не было.

— Куда «пришли»? — непонимающе спросил доктор.

— Домой! — Впервые за весь день в тусклом, бесстрастном голосе девочки зазвучала радость. Пуйме впрыгнула на выступ скалы, проворно — словно и не было позади десятков километров пути — вскарабкалась на уровень середины водопада и... исчезла.

Роман уже ничему не удивлялся. Сосредоточив остатки сил на том, чтобы не соскользнуть с сырых камней, он полез вслед за Пуйме и под одним из карнизов, там, где водопад отделялся от скалы, прикрывая ее сверкающей струящейся шторой, обнаружил лаз. Где-то в глубине шелестели шаги девочки, и, вздохнув, Роман грузно опустился на четвереньки — при его росте другого способа двигаться по тоннелю не было. Ползти пришлось недолго, через несколько метров коридор почти под прямым углом сделал поворот, расширился, позволив, хотя бы согнувшись, идти стоя, и вывел Романа в просторную и явно обжитую пещеру: после многих часов в тундре, на свежайшем воздухе, его обоняние буквально оглушили запахи золы, сухих трав, пищи. И болезни. Большой лежал в левом дальнем углу пещеры, куда едва проникал свет, слабо брезживший из-за то ли прикрытой двери, то ли занавешенного окна напротив лаза. Здесь же, прислонившись к неровной стене грота, неприметно стояла Пуйме: «Это дедушка...»

Роман подошел к больному, взял его за запястье. Рука была холодная, маленькая, да и сам старичок словно сошел из сказки про гномов: седенький, морщинистый, он лежал в странной кровати, выдолбленной в полутораметровом камне и засыпанной древесной трухой. Пульс едва прощупывался. Узкие, почти лишенные ресниц глаза были закрыты, желтое скуластое лицо неподвижно. Роман достал стетоскоп, послушал сердце, проверил конечности на реакцию. Заочный диагноз, увы, подтвердился: левая сторона полностью парализована, у деда явный инсульт. И весь-

* Река сиртя (*исенеу*).

ма обширный. В городе, в блоке интенсивной терапии, еще были бы какие-то шансы, хоть и слабые, но тут, в тундре...

Роман извлек из походной аптечки разовый шприц, ампулу эуфиллина — единственное сосудорасширяющее, которое он захватил с собой. Потерявшая чувствительность плоть никак не отозвалась на укол. Роман достал блокнот.

- Как зовут твоего дедушку?
- Сэрхасава. Сэрхасава Сиртя.
- Возраст?
- Старый, очень старый. Зачем пишешь?
- Положено. В Шойне оформят... гм... справку.
- Он умрет?

Роман замялся, раздумывая, как сказать ребенку о неизбежном, но Пуйме глядела на него требовательно и спокойно, а в голосе ее не было слез. Доктор кивнул.

— Может, сегодня, может, через три дня. Точно не знаю, зависит от организма.

- Я знаю. Дедушка говорит, завтра.

Роман невольно посмотрел на больного. Тот лежал в прежней позе, неподвижно и совершенно беззвучно.

— Дедушка сам доктор, все знает,— заверила девочка.— Дедушка не хотел, чтобы я за тобой ходила, а я пошла. Напрасно.

— Извини, Пуйме,— покачал головой Роман, думая, что люди всегда одинаковы в этом: где бы они ни жили, чем ни занимались, никто не хочет мириться со смертью, и виноват всегда врач.— Извини. Но твоему дедушке уже не помочь. Послезавтра мы с другом вернемся в Шойну, и за вами пришлют вертолет. У тебя родители в Шойне?

— У меня никого нет,— ровным голосом произнесла девочка. Доктор замолчал, покашливая в бороду и слегка поеживаясь то ли от неловкости, то ли от того, что в разгоряченное ходьбой тело начала змейкой заползать прохлада. В пещере было свежо. Словно прочитав его мысли, Пуйме отошла от стены и из темноты подтащила к очагу охапку хвороста.— Много ходили, сейчас кушать будем. Отдыхай пока.

Роман с удовольствием опустился на одну из оленевых шкур, разбросанных по полу пещеры, другую свернул и пристроил как подушку. Голод он испытывал волчий и порадовался, что, судя по проворности Пуйме, ужина ждать придется недолго. Девочка в считанные минуты успела пристроить над выложенным камнями очагом котелок, откуда-то из кладовой принесла тушку вяленого подкопченного гуся и теперь, с одной спички разведя огонь, рубила гусятину длинным трехгранным ножом. Лениво наблюдая за ее ловкими, умелыми движениями, доктор наконец спросил:

— Кстати, Пуйме, откуда ты вообще узнала, что мы высадились у этого... как его... Харьковского ручья?

- Услышала.
- От Алицыны?

— Зачем? Так услышала. Сама. Дедушка тоже слышал.
— Вот как...— Роман откинулся на оленьи шкуры и блаженно прикрыл глаза. Необычность ситуации начинала его интриговать. Пещера за водопадом посреди тундры, каменное ложе, старик отшельник, похожий на сказочного гнома,— знахарь-шаман, по всей видимости, его маленькая внучка, которая утверждает, что слышит то, чего нет... Или это у нее такая игра, детская фантазия?

— Пуйме,— решил подыграть Роман,— а ты случайно не слышишь, как там мой товарищ?

— Хорошо,— сообщила Пуйме, не отрываясь от разделки гуся.— Он поймал много рыбы и лег спать.

— Я бы тоже подремал, Пуйме... Ты меня позови, если что...

Роман только начал погружаться в тягучую, обволакивающую дремоту, в которой так уютно пахло костром, и потрескивали дрова, и напевал что-то водопад за толщей каменных стен, как Пуйме тронула его за плечо:

— Дедушка хочет с тобой говорить.

Роман не без труда заставил себя встать, подошел к старику. Сэрхасава СиртЯ лежал точно так же, как и час назад, с закрытыми глазами, и казался без сознания. Полагать, что в его состоянии стариk может или хочет что-либо сказать, было по меньшей мере наивно.

— Возьми его за руку,— велела девочка.

Роман коснулся безжизненной левой руки, намереваясь проверить пульс, но Пуйме остановила его:

— Не за эту, за другую.

Правое запястье у старика было чуть теплее — что, в общем, ничего не меняло.

— Крепче возьми!

Роман чуть крепче сжал пальцы, уже сердясь на себя за потакание глупым детским фантазиям. Пора сказать ей, что здесь не место и не время для игр, подумал Роман, открыл было рот и...

Словно разрядом тока обожгло его пальцы, обхватившие тощее старческое запястье, и рука, которая, казалось, не принадлежала более этому миру, дрогнула, согнулась слегка в локте, шевельнула кистью.

Не понимая, что происходит, Роман перевел взгляд на лицо умирающего и едва не отпрянул, встретив ответный взгляд: Сэрхасава СиртЯ смотрел на него широко открытым правым глазом. Глаз был водянисто-голубой, будто размытый старостью, мудрый и проницательный.

— Вы меня слышите? — громко спросил Роман. И, хотя губы старика почти не шелохнулись, услышал отчетливое и даже ироничное:

— Я слышу тебя очень хорошо, можешь не кричать. Болезнь забрала мое тело, но не разум.

— Ваша внучка сказала, что вы доктор?

— Это так. Я уже лечил людей, когда твои родители были младенцами. И видел много смертей. И потому знаю: мне не помочь. Не огорчайся. Ты хороший врач. Ты многим здесь удивлен, но ни о чем не спрашивашь. Больной для тебя важней собственного любопытства.

— Вам не следует столько разговаривать, надо беречь силы.

— Зачем беречь? Нум * ждет, завтра к нему пойду. А сегодня жизнь надо вспоминать. Долго жил, хорошо...

Сколько же ему лет, подумал Роман. Восемьдесят? Сто? И тут же услышал в ответ:

— Старый совсем. Пуйме еще не было, а у меня в уголках глаз уже лебеди сели... Лет сто живу, думаю.

Телепатия, подумал Роман, стараясь сохранить спокойствие, самая обыкновенная телепатия. Самый обыкновенный шаман, который владеет самой обыкновенной телепатией. Ему захотелось ущипнуть себя и проснуться, и все же он знал, что происходящее с ним сейчас — не сон, и, несмотря на обстоятельства, надо действовать рационально. Проще.

— Ты шаман? — решившись, напрямую спросил он.

— Так ненцы меня называют, — хихикнул дед.

— А ты не ненец разве?

— Сиртя я. Сиртя давно здесь жили, еще до ненцев. Помаленьку умерли все, мало осталось.

— Так что же ты в глуши забрался, в пещеру? От людей спрятаться?

— Зачем прятаться. У каждого свое место в жизни, своя работа. У меня здесь дел много-ого! Людей лечить надо, когда приходят? Надо. Нуму молиться надо? Надо. Священное Ухо охранять надо? Тадебце ** кормить надо? Надо...

Молитвы, духи и священные уши мало интересовали Романа, но вот то, что шаман-сиртя — опытный лекарь, вдруг кольнуло его горьким предчувствием неизбежной и невосполнимой утраты. Ему представилось, что вместе с этим шаманом, может быть, последним представителем своего племени, человеком несомненно редкого опыта, силы ума, — вместе с ним скоро исчезнут бесследно уникальные знания, хотя бы даже гомеопатические. Господи, сколько же секретов народной медицины утеряно из-за такой вот глупой культовости, мистической самоизоляции. Эх, дед, дед...

— Кто же твои дела вместо тебя станет делать?

— Пуйме и станет.

— Этот ребенок малый? — удивился Роман. И сразу напомнил себе, что девочку надо обязательно забрать в поселок, устроить в школу-интернат. Он обернулся... и обомлел. Под котлом трещал сухим хворостом огонь, тепло костра ощущалось даже в углу, где лежал старик. А возле очага было просто жарко. Потому Пуйме уже скинула паници и стояла, помешивая в котелке варево, обнаженная по пояс. Тело, которое увидел доктор в отблесках пламени, не было детским: перед ним стояла, нимало его не смущаясь, взрослая, полностью сформировавшаяся девушка. Роман понял теперь, в чем заключался диссонанс между поведением Пуйме и ее обликом; ей было не меньше двадцати лет, как он ошибочно предположил, а никак не меньше двадцати. Лишь рост у нее был детский, метр десять, от силы метр двадцать. Впрочем, и дед не выше. Может, генотип такой у сиртят?

* В ненецкой мифологии — верховное бестелесное существо, творец Земли и всего на ней существующего.

** Духи (*neneç*).

— Сиртя — человек маленький,— подтвердил его мысли Сэрхасава.— Зато шаман большой.

— И Пуйме?

— И Пуйме. Большой шаман. Выдугана. Хорошо камлает. Всех табедце знает... Ид'ерв знает, Яв-Мал знает, Я-Небя *.... Мысленный голос старика ослаб, перешел в невнятный шепот.

— Дедушка устал,— сказала Пуйме.— Иди поешь. Пусть он пока отдохнет.

Деревянной поварешкой на длинной изогнутой ручке Пуйме выловила из котла гусиное мясо, одну миску — солдатскую, алюминиевую — наполнила почти до краев, поставила перед Романом. В другую, эмалированную, поменьше, положила лишь несколько кусочков. Заправила бульон двумя пригоршнями муки, передвинула котелок к краю огня, на его место повесила большой медный чайник с узким и изогнутым, как журавлинная шея, носиком. И только после этого села на шкуры напротив Романа, протянув ему тяжелую серебряную ложку с двуглавым орлом и вензелями на черенке.

После целых суток на одних сущеных ягодах соблюсти северный этикет — за едой держать языки за зубами — Роману не стоило ни малейшего труда. Гусятину он проглотил с волчьим аппетитом, на жирной пахучей похлебке сбавил темп и перевел дух только за черным и горьким, как хина, чаем.

— Ты собираешься здесь остаться? — спросил он.

— Да,— кивнула Пуйме.— Буду жить в сиртя-мя, как жил дедушка.

— Но ты же молодая, красивая. Неужели ты веришь, такое отшельничество кому-то нужно?

— Долг сиртя — лечить людей, молиться и охранять Священное Ухо.

— Это я уже слышал,— поморщился доктор.— Ну, хорошо. Допустим, все это очень важно. Но где твои ученики? У Сэрхасавы была ты. А у тебя? Кому ты передашь свои обязанности? Ведь сиртя больше нет.

— Кровь народа сиртя смешалась с кровью ненцев. У ненцев иногда рождаются совсем маленькие белолицые дети. Их показывают выдугана. Из них шаман отбирает настоящих сиртя и много лет учит. Так было и со мной...

— Пуйме, сейчас другое время! Шаманов больше нет. Ненцы лечатся у врачей в больницах. Часто к тебе сюда приходят?

— Редко,— грустно согласилась Пуйме.

— Ну вот. И даже если у кого и родится ребенок-сиртя, сегодняшние ненцы не отдадут его тебе.

— Может, и не отдадут,— вздохнула Пуйме.— Может, я сама рожу.— Девушка сказала это просто, как нечто само собой разумеющееся, и Роман, уже привыкший к ее наготе, снова увидел стройную шею, мягкие женственные плечи, высокую упругую грудь... Несмотря на рост, Пуйме отнюдь не походила на карлика, все в ней было пропорционально и ладно. В том, что она родит много детей, можно было не сомневаться.—

---

* Дух воды; дух верховий рек; мать земля — покровительница женщин (ненец.).

А если среди моих детей не родится ни один сиртя... Что ж, значит, таково желание Нума.

Пуйме отставила кружку с чаем, наклонила голову, прислушиваясь.

— Дедушка отдохнул,—сказала она,—сейчас начнет вспоминать. Иди, будешь дальше слушать. Зовет.

Роман вернулся к постели больного, взял его за руку. И снова ощутил горячее «электрическое» покалывание в пальцах. И снова губы парализованного старика почти незаметно шевельнулись, и Роман вновь то ли увидел, то ли услышал полуслова-полуобразы, которые разворачивались перед его мысленным взором, словно плохо озвученный фильм из ярких, отчетливых эпизодов...

* * *

...— Пи-ить...— послышалось, как слабый стон, Роману. Он отпустил запястье старика и оглядел пещеру: где-то Пуйме набирала воду? В пещере было темно, угли в гаснущем очаге мерцали багровыми звериными глазами, почти не давая света, и предметы в этом полумраке скорее угадывались, чем были видны. «Пуйме, где вода?» — позвал Роман, но никто не ответил. Решив в темноте воду не искать, он плеснул в кружку чуть теплого чая и ложкой влил старику в неподвижные, словно резиновые, губы. Подумал, не взять ли его снова за руку — как в интересном кино, хотелось узнать, «что дальше», — но не решился. Неизвестно, желает ли дед продолжить сеанс.

Роман сделал больному еще инъекцию эуфиллина, затем подошел к шкурке, занавешивающей второй вход, откинул полу. В лицо, в ноздри ударила прохладная тундровая свежесть, вымывая из легких затхлый дух пещеры. Доктор шагнул за порог и оказался на просторном карнизе скалистого склона, залитого тусклым перламутровым светом северной ночи.

В отличие от уступа с водопадом, по которому накануне они с Пуйме карабкались в пещеру, этот откос противоположной стороны горы был отлог и, насколько позволяло судить освещение, представлял собой внутренний склон цирка, в центре которого поблескивало серебристой рябью круглое, как блюдоце, горное озеро. Или скорее озерцо: отражение луны, желтым ольховым листом плавающее посередине, закрывало едва ли не треть поверхности.

В озере что-то плеснуло. Рыба, подумал Роман. Но звук повторился, и еще, и еще; интервалы между всплесками были ровными. Роман напряг зрение и различил на воде крохотную лодочонку, которая двигалась к середине озера. Подплыв к отражению луны, лодка остановилась, сделала вокруг него семь кругов и повернула обратно к берегу. А вскоре внизу послышались легкие шаги, и на карниз перед входом в пещеру поднялась Пуйме.

— Сэрхасава просил пить,—сказал Роман.— Я не нашел воду и дал ему чай. Не знал, что здесь рядом озеро, можно было принести свежей воды.

— Мы не пьем из озера Н'а*. Вода мертвая. Рыбы нет. Одни утки-гуси садятся.

* В ненецкой мифологии дух болезни и смерти, сын Нума.

- А что же ты там сейчас делала?
- С Ухом говорила.
- И что же ты сказала Уху?
- Сказала, дедушка умирает. Завтра одна останусь. Спросила, не желаешь ли чего Ухо.

— Ну и как? — Роман спрашивал с нарочитой насмешливостью, он пытался проникнуться иронией к тому, что творилось вокруг — шаманы-отшельники в конце двадцатого века, культ Священного Уха, хэхэ, лилипуты сиртя: бред какой-то, сон, наваждение,— и все же не мог справиться с растущей внутренней напряженностью. Он чувствовал, как подсознание мобилизует все его психологические резервы, изготавливается к тому, чтобы принять как реальность любую ситуацию, самую непредсказуемую,дикую, фантастическую.— Что ответило тебе Ухо?

- Ничего не ответило.
- Неразговорчивое, однако, у вас Ухо. Оно всегда так молчаливо?
- Пуйме пожала плечами:
- Со мной не говорило, с дедушкой Сэрхасавой не говорило. С его дедушкой говорило один раз. Ухо не любит говорить, слушать любят.
- А откуда оно взялось в озере, это Ухо? Духи принесли?
- Зачем духи — сиртя принесли. Да-авно! Принесли, положили в озеро. И охраняют с тех пор.

— От кого охраняют? Не от гусей же?

— Сама не знаю,— простодушно ответила Пуйме.— И дедушка не знает. Надо охранять, и все.— Она замолчала, прислушиваясь.— Опять девушка вспоминать хочет.— И добавила, угадав неохоту Романа возвращаться в душную пещеру:— Можно и здесь теперь. Подожди! — Она вынесла из пещеры оленью шкуру, постелила на камни, села. Жестом привлекла Романа сесть рядом.— Дай руку! — Девушка легонько сжала его ладонь у основания большого пальца, в точке, которую по курсу иглотерапии Роман запомнил как «хэ-гу».— Вместе будем слушать...

...На этот раз Роман был Взглядом, Единым Оком, тысячами глаз одновременно: мужских и женских, старых, слезящихся от возраста, и молодых, только присматривающихся к жизни; глаза открывались, жадно взглядывались в мир, улыбались, жмурились в ужасе, ласкали, жгли, лопались, ненавидели, обливались кровью, выслеживали, обожали, уговаривали, призывали... И все это был он...

Вот его город, древний Нери, объятый пламенем: рушатся дворцы, пеплом опадают листья с садов на площадях, во все стороны бегут потерявшие разум, обезумевшие люди. Дрожит земля, небо окутано густым смрадным дымом, и нет больше солнца — его проглотил злой Н'а, вырвавшийся из своих подземных чертогов...

Вот кипящие волны, как ненасытные акулы они набрасываются на берега, отгрызают от суши кусок за куском, кусок за куском, они все ближе, ближе, и нет спасения от их безжалостных, облепленных белой пеной пастей...

А вот опять взгляд из поднебесья, но нет уже четырех конти-

нентов, слагающих земной Круг, нет страны скрелингов Игма, нет лесной страны Орт, нет владений баргов. Нет больше рек, великих, могучих, некогда разделявших континенты, и даже священной черной горы Сумер уже нет — боги покинули ее, уступив силам зла, и она ушла под воду вместе с другими землями. Повсюду теперь клокочет, ревет, бушует неистовый Океан — ему не терпится завершить свой пир, уничтожить последнее, что осталось от когда-то великого материка: несколько клочков чудом уцелевшей суши и жалкие цепочки скалистых островов на месте высокогорных хребтов, где укрылись спасшиеся...

— Тебе пора уходить,— тронула его за плечо Пуйме.— Утро.

Роман открыл глаза, и первое, о чем он подумал, было: а не приснилось ли ему все? Солнце желтой лампочкой висело над горизонтом, косями прохладными лучами поглаживая склоны гор, со всех сторон окруживших темное, идеально круглое озеро. Спать больше не хотелось. Значит, решил Роман, я выспался. А раз так, это в самом деле был только сон.

Он легко вскочил на ноги, с удовольствием потянулся, разминая затекшие мышцы.

— Ну, как там дедушка?

— Дедушка спит.

— Пойду посмотрю его.

— Не надо.

— Может, укол...

— Не надо,— твердо повторила Пуйме.— Тебе пора уходить. Далеко идти.

Роман в нерешительности пожал плечами. С одной стороны, помочь деду его инъекции уже не могли. Сэрхасава был, как говорится, за пределами медицинской помощи. Да и к Володе Карпову, в самом деле, пора возвращаться. С другой — уходить, не сделав хоть что-то, хотя бы символически...

— Хорошо, как знаешь. Я оставлю тебе несколько ампул, ты уколы умеешь делать?

— Нет.

— Ну тогда надпиши горлышко, вот пилка, отобьешь и добавишь в чуть теплый чай. Даешь, когда дедушка проснется, и еще одну вечером. Две ампулы в день. А завтра я пришло помочь.

— Нет! — неожиданно жестко приказала девушка.— Сэрхасава Сиртя завтра все равно умрет. А мне помогать не надо.— Видя, что доктор еще колеблется, она добавила: — И дороги сюда никто не знает.

И тут до доктора дошло с опозданием, что и ему ни за что не найти дороги.

— Послушай! — ошеломленно произнес он.— А как же я? Ты меня проводишь? Пойдешь со мной еще раз?

Пуйме покачала головой:

— Я не пойду. Но провожу. Ты не заблудишься.

Она вынесла из пещеры горячий чайник, налила в кружку буро-зеленой резко пахнущей жидкости.

— Выпей.

Ни о чем уже не споря, Роман сперва пригубил отвар, убедился, что вкус горек, но не лишен приятности, допил кружку. И отправился в обратный путь.

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

Памятник

Станислав Петрович Царевский умер в яркий полдень, когда взлетающий звездолет «Диоген» стоял на столбе невидимого, но жаркого пламени, а безбрежный вой двигателей, работавших на форсаже, заглушал все звуки. Последние слова Генерального директора остались на ленте командного магнитофона: Царевский сказал: «Почему чернота? Уберите...» И этот последний из миллионов приказов, отданных им за сорок лет, не был выполнен...

Помню, как я впервые увидел Царевского. Он пришел к нам на лекцию по экономике космического фрахта — сейчас я решительно не помню, почему пришел именно он, уже тогда беспредельно занятый, ведь именно в те годы, тридцать лет назад, начинал создаваться проект «Глубина». Царевский был ненамного старше нас, сидевших в аудитории. Мгновенно и без видимых усилий он приворожил всех скрупым, совершенно неэмоциональным рассказом об особенностях рейсов в поясе астероидов. Все было точно выверено, за цифрами следовали доказательства, за доказательствами, для разрядки, шутки, которые были всем известны, но пришедшиеся к месту, они и звучали по-новому, а потом опять цифры, почему-то прочно оседавшие в памяти — интонацией он брал, что ли? В его речи не было вопросительных предложений, никаких сослагательных наклонений, любая фраза звучала беспрекословным утверждением, и это выглядело естественным, как львиный рык у царя зверей. В то время мы не знали о Царевском ничего и повалили в деканат требовать, чтобы именно он дочитал нам весь курс. Конечно, это было невозможно, но от декана я тогда впервые услышал — проект «Глубина». Проникновение в дальний космос, выход за пределы Солнечной системы.

Сейчас, когда звездный флот Земли насчитывал тысячи машин, а число колонизированных планетных систем перевалило за два десятка, сама возможность постановки вопроса «летать или не летать» кажется странной. Она казалась странной и тридцать лет назад, потому что тогда всем было ясно — не летать. Еще не были освоены все планеты в Системе, да и о планетах ли должно было думать человечество, только покончившее с войнами и еще не решившее — строить всемирную федерацию или ос-

тавить систему государств со всеми ее недостатками и с возможностью конфронтаций. Человечество не всемогуще, и в каждый момент истории не способно угинаться за всеми возможностями сразу — приходится выбирать. Тридцать лет назад люди решали задачи искоренения — искоренить все болезни, искоренить голод, искоренить последние проявления империализма и многое еще. Среди престижных профессий значилась профессия агронома, а не космонавта. В эту эпоху и ворвался Царевский, как пришелец из иного времени. Он был руководителем одного из КБ космической техники, занимался модификациями генераторов Кедрина.

Гениальность Царевского все признали десять лет спустя, когда будто бы исподволь, незаметно, а на самом деле в ракетнофорсированном темпе выросла система «Глубина», и как-то вдруг, а на самом деле медленно и исподволь оказалось экономически выгодным создание всемирной федерации народов, решающих задачу человечества, ставшую главной, — освоение звездных миров. СП был гением организации. Он знал цель, видел ее лучше, чем кто бы то ни было, и умел повести за собой даже тех, кто считал эту цель недостижимой или просто ненужной...

Во второй раз я увидел Царевского, когда попал к нему в кабинет для разноса. Я работал на внутренних трассах, возил пассажиров на Марс и вот уж не ведал, как и где моя «Заря» могла задеть интересы КБ «Глубина». Когда я вернулся на Землю, меня попросили безотлагательно явиться в контору Царевского. Озадаченный странной формулировкой, я явился. СП посмотрел на меня, насупившись, и сказал: «В сто пятнадцатом радиусе вы нарушили коммуникации линий накачки». — «Линейный фал оказался на траверзе, что я мог сделать? — удивленно спросил я. — У меня пассажирский корабль, и возможности маневра весьма...» — «Возможности маневра мне известны, — прервал Царевский, — вы должны были дать реверс на боковые и пустить экран. Если бы вы работали у меня, я бы вас выгнал. Но вы у меня не работаете, и потому мне пришлось решать обратную задачу — я беру вас к себе».

Больше всего меня поразил не совершенно неожиданный кульбит в моей биографии, а то, что СП указал на единственную возможность спасти попавшийся на пути «Заря» фал, которая мне из-за недостатка времени и в голову тогда не пришла. Решать-то нужно было за доли секунды. Сначала я подумал, что у Царевского, когда ему доложили об аварии, были в запасе дни, потому что он и придумал выход. Потом я понял, что СП посвятил моей персоне не больше тех самых долей секунды. Жизнь его была расписана так плотно, как ни у кого больше, включая командиров звездных разведчиков в минуты перехода в сверхсвет.

Так я стал сначала старпомом, а потом и командиром-исследователем на звездолетах малого тоннажа. Когда моя работа в «Глубине» катастрофически не ладилась и я серьезно подумывал об уходе (причина была личной — я женился, и Марта не могла смыкнуться с моими отлучками и постоянным риском), именно Царевский опять принял участие в моей судьбе. Думаю, что и это решение заняло у него не больше секунды. Мы встретились невзначай в коридоре космопорта, и что-то сработало в его мозгу... Мгновенно узнав меня и вспомнив все, связанное со мной, что он когда-либо слышал, СП остановил меня и сказал: «Марта Швейцер —

ваша жена. Она астрофизик. Завтра утверждается экипаж на «Гемму», вы пойдете командиром, Швейцер — старпомом. Вам понятно». Поскольку это был не вопрос, а утверждение, я промолчал, а неделю спустя мы с Мартой были одни на миллионы километров и тренировались перед полетом к звезде Барнarda. Метод подбора экипажей, мгновенный, волевой, казавшийся чистым волонтизмом, был тем не менее вполне оправдан. Во всяком случае, никогда не один экипаж системы «Глубина» не давал сбоев.

Я могу долго и восторженно рассказывать, как «Глубина» из пионерского и, можно сказать, комнатного предприятия стала постепенно основной инженерной и исследовательской задачей человечества, мишенью, на которую нацелено все. Если бы не СП, то мы и сейчас, имея все средства для достижения звезд, вряд ли летали бы дальше Плутона. Конечно, историю делают не личности, историю делают массы, но для того, чтобы удивительно вовремя понять, что сейчас именно сюда нужно нацелить труд людей, удивительно точно выбрать момент, цель, средства — для этого нужна личность. История свое возьмет, но — темп!

Многие не выдерживали, уходили из «Глубины» в более спокойные институты и КБ, но шло время, и оказывалось, что даже самые спокойные из них подчиняются нуждам проекта, целям проекта, и опять Царевский становился главой. Но значительно больше, чем ушедших, было людей, которые рвались работать с СП, видеть его, сталкиваться с ним, принимать на свою голову разносы и выговоры. Таково было жесткое обаяние творческой личности, суровое притягивающее обаяние гения. СП воспитывал незримо, от него будто волны расходились: он влиял на своих помощников, они — на своих, и так до самых последних техников, хотя, насколько я могу судить, в «Глубине» никогда не было «последних техников», каждый из них мог при необходимости выдать совершенно несусветное, но единственно верное решение сложной задачи, и тогда волны двигались всipyть, доходили до Царевского, и тот говорил «хорошо!» или «значит, работать можем!», и похвала эта стоила всех почетных грамот и премий.

Представляю, что станут говорить о Царевском лет двести спустя, когда все будут видеть только грандиозные, на многие парсеки, следы его деятельности, и слышать легенды, которые наверняка переживут все архивные документы и официальные мемуары. Только это и останется, да еще памятник.

О памятнике речь.

* * *

Мы с Мартой стартовали на «Диогене», и это, провожая нас в самую дальнюю из экспедиций «Глубины», Царевский отдал свой последний и неисполненный приказ. Уйдя до старта, «Диоген» ринулся в сверхсвет, и лишь три месяца спустя, добравшись до цели, мы узнали о том, что произошло на космодроме. На этот раз мы шли не вдвоем с Мартой, нас было семеро, и целью полета было исследование сверхплотных молекулярных межзвездных облаков.

Сверхплотных — это по нашим астрофизическим понятиям. Тысяча

молекул в кубическом сантиметре — почти пустота. Здесь рождались звезды. Если бы мы могли жить миллионы лет, то проследили бы, как это происходит в природе: сжимается газ, распадаются молекулы, возникают холодные еще шары: но недра становятся теплее, и вот разгорается звезда. Не одна — десятки, сотни, ведь звезды рождаются не поодиночке. А мы видели лишь две стадии этого процесса: самое начало (облако, в которое мы влетели, только начало сжиматься) и самый конец (за пределами облака уже горели ослепительно три изумрудно-зеленых гиганта, молодые и полные нерастраченных сил).

Я говорю об этом потому, что межзвездные молекулярные облака имеют непосредственное отношение к делу. Мы собирались тогда в клубе звездолета. Каждый из нас в свое время сталкивался с СП и каждый имел свое представление об этом человеке. Общей была мысль: что станет с «Глубиной»? Конечно, не одна личность Царевского заставила людей лететь к звездам, и не нам суждено было стать последними звездолетчиками. Все пойдет своим чередом, но, как нам представлялось, проект непременно сбьется с темпа. Слова, сказанные на прощальном митинге («понесем эстафету», «продолжим линию»...), не убеждали. Мало подхватить эстафетную палочку, нужно еще суметь не выпустить ее из рук.

Мы смотрели митинг по стерео, шла прямая передача на внеземные станции. Сообщение о том, что объявлен конкурс на проект памятника Царевскому, прошло сначала мимо моего сознания. Лишь на другое утро, когда мы начали работу по штатной программе, я вспомнил этот завершающий штрих митинга.

Памятник. Где-то на Земле в центре огромной площади будет стоять каменный или металлический Генеральный директор системы «Глубина». На планете прекрасные скульпторы, они сумеют передать и силу духа СП, и уважение к нему, но никогда не передадут масштабов сделанного. Царевский вывел людей к звездам — сфера обитания человечества скачком увеличилась в тысячу миллиардов раз! Кто сможет изобразить этот факт, так, чтобы он вызвал трепет, оцепенение, содрогание — все те эмоции, которые испытывали первые звездолетчики, когда, достигнув системы Проксимы, оглянулись назад и не различили родного дома, родной звезды среди тысяч других таких же?

Памятник. Если говорить серьезно (а недели через две я думал об этом вполне серьезно), то главной особенностью памятника СП должна быть многофункциональность. Глыба камня или металла — абсурд. Прежде всего, у сооружения, каким бы оно ни было, должна быть явная полезная функция. Я вылавливал в сообщениях с Земли те крохи, что касались объявленного конкурса. Общий смысл был ясен — речь шла о скульптурах, варьировались формы, размеры да место установки... Было даже предложение вырубить памятник из цельного монолита на терминаторе Меркурия, где наиболее выигрышна игра светотеней.

Месяц спустя «Диоген» перебазировался в самую сердцевину облака, где плотность достигала миллионов молекул в кубическом сантиметре. Числоказалось таким огромным, что Марта уверяла даже, что сквозь облако стало трудно смотреть, свет звезд мерцаet. Все понимали, что это лишь игра воображения, но по вполне понятным причинам мы приняли

игру, пытаясь уловить, изменился ли цвет трех зеленоватых гигантов, к которым мы приблизились на полпарсека.

Я собрал экипаж и спросил:

— Есть у нас художник?

Мне нужен был очень хороший художник, желательно талантливый. Я объяснил, чего хочу, и в экипаже мгновенно нашлись шесть талантливых художников — все, исключая меня. Если бы мне понадобились талантливые композиторы, нашлись бы и они: таланты возникали при одном упоминании имени Царевского.

Я подозреваю, что на «Диогене» все думали о памятнике, но мысль пришла ко мне, и экипаж бросился претворять ее со всем пылом, на какой был способен, если учесть загруженность штатными и нештатными программами. Мы едва успели сделать все к сроку, и, когда «Диоген» стартовал к Солнцу, мы оставили в центре облака один из бортовых членок, нашпигованный аппаратурой вовсе не астрофизического свойства. Не знаю, как художники, но конструкторы у меня на борту были талантливые, и здесь влияние КБ Царевского было не косвенным, а вполне реальным.

Когда мы вернулись домой, срок конкурса еще не истек, и я от имени экипажа представил проект. Должны пройти двести лет, чтобы свет от молекулярного облака, где мы провели полгода, достиг Земли. Через двести лет все увидят то, чему мы отдали месяцы труда. Мы показали фильм, который засиялся перед тем, как «Диоген» вошел в сверхсвет.

Облако на стереоэкране казалось перистым и почти прозрачным. Звезды просвечивали сквозь него, как сквозь неплотный тюлевый занавес. Все было неподвижно в кадре, как и должно быть: нужно ждать миллионы лет, чтобы заметить изменения в мире, где сроки жизни — почти вечность. Так и должно быть...

Что это? Яркая точка возникла на сероватом фоне облака. Еще одна. И еще. Точки слились, это уже не точки, это линия, она бежит по облаку, забирая вглубь и выскользывая на поверхность, создавая объемное изображение. Шли часы, и в хаосе линий проявилось лицо. Высокий лоб, острые скулы, тяжелые надбровные дуги, четкая линия рта с опущенными углами. Генеральный директор системы «Глубина» Станислав Петрович Царевский смотрел из космической дали. Три световых месяца, больше миллиарда мегаметров — такой величины было облако, такой же величины был и рисунок. Три месяца нужно было свету, чтобы очертить нужные контуры, но рисунок проявился как на фотопластинке весь, сразу, и в этом заключалась главная, но, впрочем, чисто инженерная трудность. Задача была не так уж сложна, когда знаешь до тонкостей структуру облака. Нужно только наладить инжектор с программированным сканированием. А вот как удалось сделать сам рисунок, пришлось объяснять.

Голограмма. Когда я произнес это слово в клубе «Диогена», меня поняли сразу. Ведь облако, которое мы исследовали, состояло из возбужденных молекул. Свет трех зеленых гигантов нагнетал в облако энергию, молекулы эту энергию поглощали, но сами излучать не спешили — чтобы молекула самопроизвольно отдала энергию, должны пройти тысячелетия, если нет какого-нибудь толчка, вызывающего световую лавину.

Нужно было заставить облако излучать, и излучать так, как нужно нам. Для решения первой задачи достаточно корабельного лазера, работающего на частоте поглощения молекулы гидроксила. Для решения второй задачи мы поставили программное устройство.

Что такое луч корабельного лазера для облака, масса которого больше, чем масса Солнца? Ничто, конечно, но ведь и облако — тоже лазер. Оно само усилило те слабые сигналы, которые наш челнок добрых три месяца посыпал по нужным направлениям. Сигнал становился все сильнее, и когда выходил из облака, сила его была огромна, даже на противоположном крае Галактики можно было разглядеть лицо Царевского.

Но только, если смотреть со стороны Солнечной системы. С любой другой стороны не было видно ничего, ведь наш лазер, как и положено, давал строго направленное излучение. Но все, кто находился на линии, соединявшей облако с Землей, могли видеть, видят и будут видеть, пока цел наш челнок и пока светят зеленые гиганты, огромный портрет СП. Более того, через двести лет, когда луч дойдет до Земли, все увидят, как шевелятся губы Царевского, как ветер развеивает его волосы, и СП оживает, и взгляд его будет устремлен на тех, кто станет смотреть на него. Не на людей — нет, на тех, других, кто, кроме людей, возможно, населяет космос.

В этом и было истинное назначение памятника, его смысл, иначе не стоило трудиться. Нет разницы — монумент размером с гору, с планету или со звездой. Но есть смысл, если это одновременно сигнал, призыв ко всем, кто населяет Галактику, — смотрите, вот мы, ищите нас вдоль луча, по которому идет сигнал — ищите нас, вот мы какие!

Первую премию нам присудили, но получили мы ее три года спустя, когда «Диоген» вернулся на Землю, облетев несколько ближайших к Солнцу молекулярных облаков и установив в каждом надежно запрограммированный излучатель. На фоне далеких звезд, на фоне искристой галактической черноты проявлялись голограммы. Каждая из них была посланием цивилизациям, населяющим космос. И каждая была памятником Царевскому.

Надежным и вечным.

Борис Зотов

Происшествие на Невском

Научно-фантастическая повесть

Глава 1

Торопливо заканчивая возню в своем крошечном садике, Холмов то и дело поглядывал на небо. С Финского залива тянуло ветром, и серая полоска туч над водой разбухала на глазах. Холмов отставил лейку и бросился переодеваться: опаздывать на работу в первый же день было невозможно.

Он нежно поцеловал сонные Ольгины глаза и через пять минут уже стоял около вертолета на бетонном пятаке. Здесь прохладный воздушный поток был ощущимее, срывая с лопастей и обшивки капли утренней росы.

— Видимость два километра, ветер западный пять метров,—прокрипел в динамике голос дежурного — отставного воздушного волка дяди Миши,— если хочешь лететь, Ростислав, не тяни. Через пятнадцать минут закроемся.

Холмов снял стояночные крепления, залез в холодную кабину и запустил тест-программу. На экране тотчас вспыхнули и побежали зелено-ватные строки. Приятный голос компьютера, известный каждому летающему человеку как голос «девушки Нади», дублировал результаты проверки по всем системам.

Внезапно электронный ангел-хранитель сурово предупредил:

— Ресурс топливного преобразователя — один час работы.

Этот же текст высветился на дисплее тревожно мигающим красным. От Черной Речки до Ленинграда было около двадцати—двадцати пяти минут лета. Железное пилотское правило — иметь на борту не меньше двукратного запаса топлива — выдерживалось тютелька в тютельку. К тому же в нагрудном кармане Холмова лежал запасной преобразователь воды в экологически чистое кислородно-водородное топливо. Он удостоверился, что свинцовый цилиндр размерами с большой палец, или попросту «боб», на месте, и решительно нажал на клавишу стартера.

Холмов любил движение, и не просто движение, а именно взлет: мягкий щелест мотора, упругое боковое покачивание, странно легко уходящую вниз землю. И даже искусственный голос «девушки Нади»: «Проверка закончена. Все системы в порядке. Температура воздуха за бортом — плюс двенадцать градусов. Счастливого полета».

С высоты четыреста метров Холмов бросил прощальный взгляд на свой дом. Отсюда шестигранник напоминал усеченную ступенчатую пирамиду древних ацтеков. Такие пирамиды стали появляться около всех больших городов в самом начале третьего тысячелетия, вбирая отливную волну осатаневших от воя, пыли и всей прочей урбанистики жителей. В ступенчатых четырех-пятиэтажных домах было спокойно, удобно: окна и передние двери каждой квартиры выходили в садик; подогреваемые теплом низлежащего жилья карликовые яблони здесь плодоносили дивно; на грядках не переводился зеленый лучок и пахучий укропчик, редиска и петрушка. Внутренний нежилой объем пирамид использовался для бассейнов, спортивных залов, саун, магазинов и прочей obsługi.

Собранный в два летних месяца из доставленных грузовыми дирижаблями готовых квартир дом заселяли студенты, аспиранты и молодые преподаватели. Народ с положением предпочитал отдельные коттеджи или хотя бы английские трехэтажные дома-квартиры, вытянувшиеся длинными плоскими змейками вдоль всей приморской скоростной магистрали. Холмов глянул под ноги: блестящие жучки ползли по трассе в несколько рядов. Лесная спальня возвращала городу на Неве его работников.

Приткнул Холмов свой одноместный воздушный мотоцикл удачно, близко — на стоянку возле Марсова поля. Времени было достаточно. На-

правляясь к Невскому пешком, Холмов не спеша перебирал в памяти историю своего не совсем обычного трудоустройства.

Дело завязалось весной, когда Холмов выступал на заседании студенческого научного общества. На беду, председательствовал профессор Федоров, очень крепкий, жилистый и въедливый старик. Ему давно пора было на покой, но он по своей воле уходить не желал, везде энергично заседал и выступал, давя регалиями и старыми заслугами, как асфальтовый каток. Его нелепицами возмущались, но только заглазно: Федоров во всех советах и комиссиях пустил крепчайшие корни — коршуном атаковал каждого покушавшегося на его престиж. Эта черта вцементировалась в федоровский характер, как острый осколок стекла, еще во времена застоя. Он привык считать науку большим круглым пирогом, к которому можно пробиться только скопом, кланом, командой.

Холмов попал в число недругов профессора на пятом семестре. Ростислав не выполнил ни одного из неписанных правил поведения настоящего пятерочника: сидел далеко от профессорской кафедры, лекций не записывал и на консультации не ходил. Предмет он легко усваивал и так.

Во время обсуждения холмовского доклада Федоров с пафосом довершил разгром:

— Интересы народного хозяйства требуют внедрения научных разработок. А где у Холмова практическая реализация, где внедрение? Идей каких угодно в состоянии набросать каждый. На математических моделях можно доказать что угодно. Научились, понимаете ли, лепить и гонять на машинах программы. Вот вы, товарищ Холмов, сделайте свою установку в металле, тогда посмотрим.

После Федорова обычно не выступали. А тут неожиданно на трибуну поднялся, вернее, колобком вкатился никому не ведомый странный мужичонка. Был он не старше тридцати пяти, но лыс, причем лысину пытался прикрыть прядями, заимствованными чуть ли не с затылка. Круглые голубые глазки сияли неизвестно какой радостью.

— Позвольте с вами решительно не согласиться,— безбоязненно посмотрел он на сразу позеленевшего от ярости председателя,— если от каждого ученого требовать, чтобы он был и слесарем, и толкачом своих научных идей, мы далеко не уйдем. Ученый, генерирующий идеи, редко бывает хорошим толкачом. А хороший слесарь еще реже бывает настоящим исследователем. Так зачем же требовать от молодого специалиста почти невозможного?

Он сошел с трибуны и снова забился куда-то в угол. А после заседаний поймал Холмова за локоть и увлек в пустую аудиторию, где и усадил за стол.

— Потолкуем,— сказал он и бесцеремонно перешел на «ты»,— ты зови меня Христофором, отчество все равно не выговоришь — отец у меня бурят. А фамилия — Шулун, запомнил? Я заведую лабораторией проблем искусственного интеллекта ...— И он назвал престижнейший институт, стеклянное здание которого на Петергофском шоссе знала вся страна.

— Твой метод позволяет поднять степень упаковки информации в распознающих системах на один-два порядка? — допытывался Христофор.

— Даже больше, но тут есть непонятная глубина...

Ростислав вспомнил, как еще в родной Холмовке школьником на спор пытался достать до дна в пруду. Жутко было плыть в чернильную тьму и в сковывающий конечности могильный холод, пронизывать пласт за пластом и потом внезапно ощутить, что ориентировка потеряна и что плывешь в бесконечность...

Почти такое же чувство он испытал на четвертом курсе, когда отожженная модель наконец заработала и компьютер стал давать неожиданные результаты и вообще повел себя как живое мыслящее существо. Тогда-то он и понял, как близко подобрался к глубинной тайне, предельному порогу между живым и мертвым, и даже отшатнулся от нее в странном и сильном потрясении.

Он отогнал воспоминания и буднично ответил:

— Тут я еще не добрался до дна. Если для кодирования обычной картинки на телевизоре требуется шестьсот двадцать пять тысяч чисел, то мой алгоритм спрессовывает ее без потери информации в пятьдесят чисел, а в принципе достаточно и десяти. Но вероятность распознавания плывет, она колеблется и равна единице только в простых случаях. Это естественно, но иногда машина выдает также вещи, которые не лезут ни в какие ворота.

Христофор задумался, а через минуту как бы подвел итог:

— Тут, видимо, есть подступ к раскрытию секрета баснословной информационной емкости человеческого мозга. Подступ реальный. Ты дай-ка мне свою программу, мы ее погоняем на нашем новом компьютере. Мы твою идею используем несколько иначе. А сам ты, мил друг, не пойдешь ли к нам работать? Ведь ты на выпускном?

— Меня уже распределили. Как быть?

— Это наша забота,— махнул рукой Христофор,— защищай диплом спокойно. А к осени у нас будет смонтирована одна установка — закачаешься!

Глава 2

Адрес, полученный от Христофора Шулуна, вел на Невском проспекте к массивному зданию, расположенному в его самой интересной части — почти напротив Гостиного двора. Когда Холмов вышел на площадь Искусств, кончился мелкий и нудный дождь, зарядивший еще на подлете к городу. В наклонных солнечных столбах сразу прорезались краски ранней осени, и в лужах золотой монетной россыпью засияли сброшенные кустами листья. Лицо бронзового поэта тоже прояснилось. Его загадочной полуулыбкой девятнадцатый «железный» век подзадоривал и напутствовал Холмова: мы сделали, что могли, покажите же и вы себя достойными сынами отечества.

Холмов прошел мимо в незапамятные времена превращенной в бассейн для водолазных тренировок церкви и вошел в сырой колодец соседнего двора. Дверь черного хода в углу неприятно зияла ободранным дерматином. На лестнице пахло кошками и застарелой пылью. К шестому этажу неплохо тренированный Холмов все же едва переводил дыхание — высоковаты были этажи старого закала. Но по указаниям Шу-

луна требовалось подняться еще выше. Все это было странноватым. Зачем солидной научной фирме какой-то заброшенный чердак?

Перед обитой железом широкой и низкой дверью Холмов взглянул на часы. До начала работы оставалось пятнадцать минут. Но дверь открылась, на пороге возник Шулун.

— Прошу, прошу,—зазывно махнул он рукой, отступив в сторону,—а я тебя вычислил. Думаю, придет без четверти — молодые сотрудники считают подхалимажем приход раньше этого срока, а позже нельзя: начальство сочтет за нерадивость.

Шулун провел Холмова под локоток через темный и гладкий коридор и ввел в большое помещение под скатом крыши. Отсюда уже было слышно гудение Невского, сюда поступало довольно много света через длинный застекленный проем, который делил скат крыши на две части. Первая часть начиналась от вертикального высокого брандмауэра и кончалась вертикальным же оконным проемом. Вторая часть ската начиналась на уровне человеческого лица и клином сходилась к фасадной стене здания. В этой клинообразной нише царил полумрак, угадывались какие-то чуланчики, диванчики и еще что-то сломанное, неимоверно пыльное, развинченное и забытое. Основной же объем был чисто подметен и пуст, если не считать узкого и высокого старинного книжного шкафа, а у торцевой стены и изрядных гирлянд паутины на некогда белом потолке. И еще, резко контрастируя со всем остальным, стоял здесь терминал электронно-вычислительной машины. Конструкция Холмову показалась не совсем обычной.

— Располагайся,—радушно усаживал нового сотрудника в одно из двух винтовых функциональных кресел Шулун.—Хочешь жареных желудей? Больше всего на свете люблю жареные дубовые желуди. В них прорва белка и масса тонизирующих веществ. Надоедает, знаешь ли, дозированное компьютером питание. Видишь, от излишеств у меня уже намечается брюшко...

Он бросил на Холмова исследующий взгляд:

— Похрустим желудями и заодно поговорим о деле. Вот этот терминал сверхскоростным цифровым радиоканалом связан с нашим новым компьютером в главном здании института. Производительность его...

И тут Христофор назвал цифру, превосходящую всякое вероятие.

— Ага, дошло? — осведомился Христофор.— Так точно, теперь твоя неуклюжая программка заиграла, стала кирпичиком мощнейшей распознающей системы. Вот, смотри: над дисплеем, под этим колпаком, мы разместили сканирующее устройство. Ты знаком с теорией слабых взаимодействий?

— Только с элементарными основами. Знаю, что любое проявление жизни оставляет информационные следы на окружающих предметах. Электромагнитные и механические колебания воздействуют на вещество и производят в нем соответствующие изменения. Но я не представляю, как это можно использовать. Разве что...

Холмов внезапно задумался, смолк на полуслове.

— Именно! — не дожидаясь конца фразы, широко улыбнулся Шулун.— Именно это мы и используем. Коль скоро на любом предмете записываются всяческие возмущения среды, можно записанное прочитать, рас-

шифровать, а затем и снова преобразовать в звук и объемное изображение. Вот почему для первичных экспериментов пришлось отыскать этот чердак — его не ремонтировали со времен царя Гороха. Эти стены сущий клад, они видели и помнят многое.

— Но для таких экспериментов нужна гигантская емкость памяти машины и фантастическое быстродействие,— обескураженно выдавил из себя Холмов.

— Чем мы как раз и располагаем уже сейчас, так сказать, в настоящий момент. Мы сканируем, считываем послойно информацию и вводим ее в компьютер. Распознавающая программа выдает результаты на синтезатор речи и на динамический голограмм. Возникает движущаяся трехмерная озвученная картинка. Мы уже прочитали и записали на пленку верхние слои — эдак лет на тридцать-сорок назад. Вот табличка оператора со всеми кодами включений — потом полюбопытствуешь. Ну, теперь понял, что к нам в рот мухи не залетают? Работаем...

— Все это безумно интересно, и я рад, что моя студенческая программа распознавания пригодилась,— промямлил Холмов,— но в чем моя задача, я не понимаю, хоть к стенке ставь.

— Эх, молодость,— подмигнул Христофор,— не видишь: я же действую по наставлениям Козьмы Пруткова — не козырят, не козырят, не козырят... Козырят! Так вот — о самом главном.

Христофор вскочил настолько резко, что взвизнули пружины хитрого анатомического кресла. Он выпрямился, подтянул живот и величественным жестом запахнул воображаемую мантию. Полуприкрыл глаза, отчего они превратились в щелочки, и начал вещать утробно:

— Начало двадцати первого столетия ознаменовалось величайшими научными открытиями в области вечных вопросов бытия человеческого: Жизни, Смерти, Времени и Пространства.

Тут же сбросил маску, сел, отодвинул тарелку с желудями.

— Вот что, Ростислав,— жестко сказал он,— мы столкнулись с явлениями непонятной природы, а в непонятном всегда таится угроза. У тебя с Ольгой-то как?

Холмов никак не мог привыкнуть к зигзагам, к броскам мысли Христофора и молчал. Оказывается, Шулун изучал его и знает даже интимную сторону его жизни.

...На Ольгу он «положил глаз» еще на первом курсе, да и не он один. Безупречно сложенная миниатюрная платиновая блондинка своими распущенными по плечам волосами притягивала взгляды аудитории.

— Так насколько у вас серьезно? — требовательно повторил вопрос Христофор.— Я не ради праздного любопытства интересуюсь. Тут у нас один товарищ во время экспериментального информационного путешествия пережил такой шок, что еле откачали. Поэтому лучше сразу предупредить.

При этом Шулун ловко оттолкнулся ножкой и завертелся в кресле волчком.

«А шеф-то — сложный человек», — вывел про себя Холмов. Его отношения с Ольгой определились вчера, когда она сама пришла в его холостяцкую квартиру. И осталась на ночь.

— Мы конкретно еще ничего с Ольгой не решили,— выдавил он из себя, когда Христофор затормозил кресло;— юридически я свободен.

— Это хорошо. Ты, конечно, знаешь, что время — форма движения материи. Время относительно и является функцией скорости и информационной энтропии. До поры все это было чистой теорией, но когда мы задействовали сверхмощный компьютер,— Христофор похлопал ладонью по серебристому кубу,— начались заметные проявления информационной природы времени. Понимаешь, о чем речь?

— Естественно. Когда в старину экспериментировали с маломощными химическими элементами и получали от них мизерный электроток, невозможно было судить об электросварке, о дуговых электролампах. А когда Петров собрал огромную батарею, электрическая дуга показала себя во всю силу.

— Нет, я в тебе не ошибся — голова работает как надо! — похвалил Шулун.— Все ты раскусываешь с лету. Именно: количество переходит в качество. Точно так же относительность времени проявляется лишь при околосветовых скоростях, а его информационные свойства — при гигантском сжатии обрабатываемых массивов данных. Но есть и негатив...

Он наклонился к Холмову, заставил и того пригнуться, и только после этого свистяще зашептал, будто речь шла о заговоре:

— Еще глубоко в двадцатом веке были известны неопровергимые факты пребывания на Земле представителей высоких цивилизаций. Грезили на инопланетян, но потом так же неопровергимо доказали: сие даже теоретически не мыслимо. Теперь забрезжила идея иного плана. Не были ли это посланцы из далекого будущего? А их, понимаешь, отлавливали сетями, пускали самонаводящиеся ракеты. Выводы делай сам.

Глава 3

«Я, нижеподписавшийся Холмов Ростислав Иванович, младший научный сотрудник лаборатории проблем искусственного интеллекта, даю настоящую расписку в том, что получил инструктаж по технике безопасности и полностью осведомлен о возможных опасных для здоровья и жизни последствиях испытаний информационно-временной человеко-машинной системы «Каппа», а также в том, что дал добровольное согласие на личное участие в указанных выше испытаниях».

— Все? — спросил Холмов, кончив писать.

— Почти. Пиши дальше: «Устройство аварийного возврата в текущее время получил».

— Но я ничего не получил.

— Пиши, сейчас получишь. И дату не забудь: 2 сентября 2011 года. Расписался?

Шулун сложил листок в папку и папку убрал в портфель, а из портфеля достал микрокалькулятор самой примитивной модели.

— А ты молодец,— вертя калькулятор в руках и без обычного ерничания заговорил Христофор,— я в тебе не ошибся. Знаешь, все ученыe делятся на категории. Есть такие дуболомы, как твой оппонент непотопляемый Федоров, заслуженнейший деятель и науки и техники враз. Я читал

его последнюю монографию — это позорище, на восемьдесят пять процентов плагиат. Отнес нашему заму по науке, тот высказался так: «В монографии Федорова много нового и правильного. Но все правильное не ново, а все новое неправильно». Категория вторая — талантливые чудаки, неудачники.

— Невеселая картина,— мотнул головой Холмов,— а что же третья категория?

— Скажу. Только возьми эту штуку и запомни: если почувствуешь недадное — грозящую опасность, например, или потерю ориентировки во времени, немедленно включай. В корпус калькулятора вмонтировано устройство перевода системы в нуль, для аварийного сброса всех программ. Давай введем твой персональный код. Скажем, РХ и год рождения. Ты с какого?

— Девяносто первого. В январе появился на свет.

— Чудно, уж тут не забудешь ни при каких обстоятельствах: РХ 1991. Готово. Бери свой информационный спасательный круг. Товарищ, который работал здесь до тебя, его не имел.— Христофор встал и с плохо скрытым облегчением потянулся.

— А третья категория? — напомнил Холмов.

— А третья категория — это мы. Я и мне подобные. Устройство наших голов не позволяет открывать новое, зато мы умеем разбираться в людях и имеем инюх, верхнее чутье на талант.

Холмов тяжело вздохнул:

— Хочу довести до ума свой алгоритм.

Христофор преобразился, засиял своей беззаботной улыбкой.

— Ну и умница,— с чувством пожал он руку Холмова.— Как говорил Наполеон, главное — начать сражение, ввязаться в бой. Я поехал в главное здание. В конце дня навещу, обсудим итоги.

Едва Шулун закрыл за собой дверь, Ростислав включил аппаратуру для прогрева и с помощью таймера поставил на исполнение контрольные тест-программы. Серебристый куб отозвался легким гудением. У Холмова было минут десять свободных. Он поднес кресло к нижнему скату, с кресла, поднатужившись, открыл фрамугу и вылез на крышу. Здесь было чрезвычайно приятно и открывались неожиданные ракурсы. «Христофор не так уж плох — по крайней мере, не какой-нибудь темнила», — размышлял Холмов, вглядываясь в аспидные блестящие грани угловой башенки на соседнем доме бывшей кампании Зингер.

День разгулялся вовсю: солнце, голубое небо, реденькие белые облака. Похоже, накатывалось на Ленинград бабье лето. Холмов, вдыхая присененный морем воздух полной грудью, полюбовался еще немного адмиралтейской иглой и спрыгнул вниз. Глухо звякнула оконная фрамуга, отсекая уличный шум.

Начинать эксперимент было рано, на дисплее еще мелькали промежуточные результаты проверок. Видимо, барабанил селекторный канал связи с центральной машиной. Холмов, хрустя желудем, подошел к одиночно стоящему шкафу — интересный оказался шкафик, в стиле врубелевско-шехтельевского модерна, со стеклами в переплете из скрещенных дубовых стрел. За стеклами на полках лежали толстенные под-

шивки журналов в потерпенных картонных переплетах, старые газеты, еще какие-то книги и бумаги. Шкаф открылся легко, будто им пользовались по десять раз на дню. Холмов выбрал себе годовую подшивку «Нивы» за 1911 год и отнес ее на рабочий стол оператора, мимоходом убедившись, что связи с центральным процессором еще нет.

Рассеянно листая желтые страницы — отголоски давно отшумевших политических страсти, Холмов задерживал внимание на научно-технических новинках того времени. Бесправолочный телеграф, пробеги довольно неуклюжих автомобилей... Много внимания уделялось «воздухоплаванию». Мелькали снимки: «Аппарат Блерио после приземления в Англии», «Дирижабль «Лебедь» отечественной конструкции над Невским проспектом», «Члены императорской фамилии на торжественном открытии воздухоплавательной школы в Гатчине». Холмов задержал взгляд на фотографии молодого человека в светлой тужурке, склонившегося над заставленным довольно сложными электронными приборами столом. Свет лился сверху, через отвесный оконный проем в наклонной крыше! Да, точно — сто лет назад на этом самом чердаке была научная лаборатория. Подпись под снимком гласила: «Студент электротехнического факультета Санкт-Петербургского императорского политехнического института П. Н. Линдберг изобрел способ управления взрывом на расстоянии. На нашем фото: изобретатель в своей лаборатории за подготовкой аппарата к очередному опыту».

Холмов подумал, что установка Линдберга — одна из первых систем дистанционного управления. Вероятней всего, широко применявшейся во время второй мировой войны радиоуправляемый взрыватель для всякого рода фугасов и мин. Линдберг опережал развитие техники на добрых три десятка лет. В этот момент Холмова отвлек вкрадчивый синтезированный голос терминала:

- Система «Каппа» готова к диалогу. Центральный процессор в вашем распоряжении.
- Дайте на просмотр то, что было уже записано в памяти системы.
- У нас запись дискретная, порциями через десять лет. 2001 год, 1991-й и так далее, до 1941-го включительно.
- Дайте по минуте на каждое десятилетие...
- Готово.

Холмов удивился — реакция операционной системы компьютера была неимоверно быстрой.

Тут же померк свет, чердак оказался заваленным линялыми стягами, рваными транспарантами, фанерными щитами и осыпавшимися лозунгами, гирляндами крашеных и битых электрических фонарей. Струящийся через заросшие пылью и паутиной стекла слабый солнечный свет бродил по каким-то нахально улыбающимся, грубо размалеванным картонным рожкам: на чердаке сваливали отработавшее свое оформление карнавальных шествий и массовых действий.

Качество стереоизображения было приличным. Когда на дисплее вспыхнуло «1981 год», картинка стала дополняться звуками. Чердак уже не был так запущен и захламлен. На стенах висели этюды и эскизы маслом и даже кустарные панно из пучков крашеных ниток. Перед моль-

бертом сидела миловидная женщина и писала по приколотым к стенке этюдам осенний пейзаж. Холмов услышал скрип старого расшатанного полукресла, на котором сидела художница, и даже шуршание кисти по холсту. Потом раздался звонок, и в мастерскую был впущен мужчина лет пятидесяти, очень плотный и с седыми висками. Он без церемоний оглядел по-богемному непрятязательный, развороженный стол и достал из портфеля бутылку водки.

До Холмова донеслось удивленное:

— Ты разве не на машине?

— Кой черт,— мужчина сел и начал устало массировать пальцами веки,— третий месяц жду очереди только на калькуляцию. Еще полгода, как минимум, протянут с самим ремонтом.

— Ничего, привыкай к гортранспорту,— не без насмешки сказала художница,— пусть и тебе немножко намнут бока.

Холмов, понимая, что это запись, не мог отделаться от эффекта приставия и боялся управлять работой «каппы» голосом. Он быстро перешел на кнопочную коммутацию и задал еще несколько порций воспроизведения через равные промежутки времени.

— А ты, Марина, все пишешь березки да болотца? — кивнул в сторону мольберта гость, цокая бутылочным горлом о края стаканов.

Рука его вдруг зависла в воздухе с наклоненной бутылкой:

— О! У тебя что-то новое. Перешла на фантастические пейзажи?

— Я была на выставке Гущина. Он работал во Франции, потом вернулся умирать в Саратов,— глухо сказала Марина,— некоторые гущинские вещи меня потрясли. Он будто что-то мог разглядеть, понимаешь, неземное, точнее — нынешнее, из какого-то отдаленного будущего...

Мужчина поднял стакан:

— Из Франции, говоришь? А у нас один архитектор уехал в Вену и неплохо там устроился. А ведь малый — середнячок. Вот и я думаю... Поехдем, а?

Художница отхлебнула из стакана и, не закусывая, прижала тыльную сторону ладони ко рту. РаSTERянно спросила:

— Но как же это — уехать? И все?

— А как уезжают и уезжают,— грубо сказал он,— что, все изменники, что ли? Я ведь не с Россией хочу порвать, а с нынешней бестолковостью и хамством, со стоянием в очередях, с бесконечным враньем и обещаниями. Я устал ждать, пока меня оценят...

Ответ Марины «каппа» отсекла. Следующую порцию воспроизведения компьютер выдал с еще большим эффектом иллюзорности — самоподстройка, введенная, очевидно, в программу, работала за счет накопившейся статистики. Было видно даже, как от выпитой водки у женщины набухли подглазные мешки. Ее хорошенъкая головка тяжело клонилась набок. Мужчина, искоса взглянув на тахту, положил руку на шею Марины под стянутые тугим узлом волосы. Она поежилась:

— У меня ощущение, что на нас смотрят. Вот странно.

Холмов влажным пальцем ткнул клавишу перемотки. Он понял, что проскочил целое десятилетие, когда увидел большую бригаду деловитых школьников, с азартом строивших модель космического корабля. «Время

Гагарина: шестьдесят первый год», — прошептал он, подкручивая аппаратуру: в этом более глубоком слое взаимодействие оставило не такие сильные следы, компьютерная система работала со сбоями, рывками. Все же можно было понять, что помещение оборудовано, как подростковый клуб, — кто-то «качал пресс» на шведской стенке, в углу резались в шашки. Звук был слабый.

Холмов углубился во время сороковых годов, переключив «каппу» на максимальную производительность. Перед глазами его замаячили неясные силуэты, вспышки лилового света чередовались с полной темнотой. Хриплый, хватающий за сердце вой сирены и устрашающий грохот взрывов рвал барабанные перепонки, стеклянный водопад звенел на асфальте Невского, гремели сорванные листы кровельного железа. Чердак скрипел и охал, и все здание ходило ходуном, как старый корабль в штормовом море. Мертвый свет шарящих по небу прожекторов слабо подсветил темную внутренность чердака. Холмов содрогнулся: прямо перед ним раскачивался, шаркая по стене, изуродованный, развороченный человеческий торс. Изображение было смазанным и от этого еще более жутким. Рядом на полу смутно белели, словно в кошмарном сне, оторванные руки и ноги. Еще дальше, как догадался наконец Холмов, громоздились кучей сломанные кости и протезы, куски гипсовых панцирей, снятых с изувеченных людей, умерших или выживших. Весь чердак был наполнен, забит горем, непомерным людским страданием. Близкий разрыв бомбы тряхнул здание, кошмарный госпитальный хлам будто ожила, и гипсовый торс качнулся прямо на Холмова. Он автоматически мгновенно протянул руку к терминалу, но рука погрузилась в пустоту: терминала не было. Тогда он отшатнулся от торса, как от призрака, и выхватил из нагрудного кармана спасательную коробочку Христофора.

Глава 4

У привыкшего видеть сражения минувшего в образе атакующих самолетов и танков Холмова еще подрагивали руки. «Недаром зневший что к чему закаленный боец Верещагин апофеоз войны изобразил в виде груды черепов, — беззвучно шептал Ростислав, — ах, Христофор...»

Постепенно он успокоился. Годовая подшивка «Нивы» по-прежнему лежала на столе, открытая на той же странице. Холмов всмотрелся: аппаратура Линдберга не была похожа ни на один из известных физических приборов, которые могли быть использованы для телеуправления. Стоило бы взглянуть, — решил заинтересованный исследователь. Но было ясно, что с помощью «каппы» в ее теперешнем состоянии это невозможно. Сто лет — не шутка. У Холмова давно лежала на сердце одна математическая идея, и фантастические возможности нового компьютера позволили надеяться на успех ее воплощения в жизнь.

Он вызвал на экран укрупненную схему программы распознавания — алгоритм нулевого уровня. Вывел на принтер блок реставрации стереоизображения и сопровождающего звука. Идея Холмова заключалась в том, чтобы заставить машину перебирать случайным образом все возможные способы реконструкции утраченных частей картинок и тут же оценивать

их качества. Для каждой мельчайшей детали компьютер должен найти наилучший из известных математических методов. Громадное быстродействие машины позволяло выполнить всю довольно сложную процедуру реконструкции за какие-то микросекунды, и человеческий глаз мог видеть только конечный результат — качественное, четкое изображение.

Когда Холмов скомпилировал и отладил блок, был уже полдень. Солнце простреливало Невский прямо по его оси. Пробившийся на чердак луч косым пятном лег на левую створку книжного шкафа. Приходилось прерываться на обед, да и Ольга, вероятно, ждала звонка и отчета о впечатлениях первого дня самостоятельной работы. В то же время подкатывало желание немедленно попробовать обновленную программу «каппы». А может быть, желуди, подставленные хитрым полузиатом Христофором, действительно в достатке снабжали организм калориями и микрозлементами.

Холмов счел своим долгом организовать раздел памяти машины специально для записи результатов испытаний и продиктовал «каппе» ровным голосом:

— Обследован временной интервал до начала сороковых годов прошлого века включительно. Качество динамического стереоизображения и звука до уровня семидесятых годов — хорошее, до уровня шестидесятых годов — удовлетворительное. Далее система не обеспечивает устойчивой работы, поэтому внесены изменения в блок реконструкции. Старый вариант временно перезаписан на резервное поле памяти. Особое внимание пользователей системы обращено на эффект присутствия оператора в исследуемом временном диапазоне. Причины этого явления предположительно могут лежать либо в особой области человеческого сознания, изучения парapsихологией, либо в области информационной деформации времени.

Холмов подумал и добавил:

— Либо указанный эффект может являться результатом взаимодействия психологических и машинно-информационных факторов.

Сердце его начало вдруг бешено колотиться, а голос срываться, когда «каппа» доложила о полной готовности. Он, будто бросаясь в ледяную воду, запросил сразу год постройки дома — самый ранний временной слой и тут же почувствовал, что сознание гаснет. Спустя не более секунды глаза Холмова резанула белизна свежекрашеных стен и потолка. Оконные стекла сияли хрустальным блеском. Оранжевый луч солнца играл на стрельчатом переплете книжного шкафа. На столе перед Холмовым вместо терминала стояли ему неизвестные приборы.

Ростислав быстро освоился: склонился над столом, пытаясь понять принцип действия установки, и не понял.

— Как вы сюда попали и что вам угодно? — раздался голос за его спиной.

Холмов вскочил, повернулся и увидел перед собой стройного шатена в светло-серой суконной тужурке и черных отутюженных брюках. На плечах золотыми пятнами лежали студенческие вензеля. Судя по фотографии из «Нивы», это и был сам П. Н. Линдберг.

— Как я сюда попал — длинная история,— усмехнулся Холмов.

— А вы покороче, любезнейший,— с довольно настойчивыми интонациями сказал изобретатель.

Ростислав приуныл. Как и на каком уровне объясняться с человеком другой эпохи? Да еще коротко!

— Если я вам скажу, что пришел сюда не с улицы, а из другого века, поверите? Нет, не думайте — с психикой у меня все в порядке. Могу перечислить достижения моего времени,— нащупав эту, как ему казалось, верную тропу, Холмов оживился и заспешил: — Например: в космическом пространстве мы летаем, уже на Луне и на Марсе побывали; энергией атомных ядер овладели, наши ледоколы годами крашат полярный лед без грамма угля или нефти...

Глаза Линдberга заметно расширились, хотя в остальном он сохранил холодную сдержанность.

— Даже обычную воду мы умеем превращать в топливо,— продолжал нажимать Ростислав,— вот с помощью такой штуки. Разве это не вещественное доказательство?

Холмов поспешил достал из нагрудного кармана преобразователь — «боб», а заодно — старинный японский шахматный автомат «Каспаров». Машина эта скрашивала ему нудные лекции Федорова. Линдберг почему-то обратил внимание не на преобразователь, а на электронную игрушку, хотя внешне она почти ничем не отличалась от обычного блокнотика.

— Играет с начинающими, но может сразиться и с мастером,— пояснил Ростислав,— тут восемь классов. Для сильной игры автомат требует времени. Я обычно устанавливаю третий класс и играю блиц. Миниатюрная машина отвечает практически мгновенно. Хорошая тренировка! Не желаете?

Холмов снял крышку и показал фигурки, вставленные в отверстия шахматной доски.

— Не сейчас,— рука студента потянулась к преобразователю,— а это что такое?

— А это расщепляет молекулы воды. Надеюсь,— Ростислав вынул из пластмассового цилиндрического контейнера «боб» и повертел им перед носом Линдберга,— этого будет достаточно?

— Ах, вот оно что,— студент сел, аккуратно подтянул брюки,— но все же...

Не давая собеседнику опомниться, Холмов продолжал наседать:

— Неужели вы думаете, что для представителя цивилизации нашего уровня попасть сюда, на чердак, сложнее, чем, скажем, на Марс? Просто я не сумею вам объяснить информационную относительность времени. И вообще молчу о достижениях в области переработки информации.

— Информаций? Такого слова в нашем обиходе нет,— поджал губы Линдберг,— значит, вы из...

— Очередного тысячелетия,— любезно подсказал Холмов,— временно, разумеется, временно. Меня, если быть откровенным, заинтересовали ваши опыты. И вот я здесь...

— Извините, я перебью. Неужели все-таки Марс? Ай да Синичка, он меня обошел! Синицей я зову моего приятеля студента Сикорского: он бредит воздухоплаванием. Кстати, немалого достиг.

Теперь вклинился Холмов:

— Воздухоплавание и Сикорский здесь ни при чем. Освоение космоса пошло другими путями. Реактивное движение, слыхали? Космические поезда, управляемые компьютерами?

Студент покачал головой.

— Ну-да, мы действительно люди разных миров.— Он с достоинством представился: — Павел Николаевич Линдберг, студент-политехник.

Холмов назвал себя, и они скрепили знакомство рукопожатием.

— Цель моего... так сказать, визита — ознакомление с этим устройством в порядке, что ли, обмена опытом; в «Ниве» я увидел фотографию,— вдохновенно начал Ростислав, а студент будто про себя подтвердил: «Был у меня на днях проныра-корреспондент» и усмехнулся,— увидел фотографию и не сумел понять хотя бы принципа действия приборов...

Линдберг весело закончил за него:

— И захотели посмотреть на человека, который опередил развитие науки более, чем на столетие. Извините, но принцип своей установки я обязан держать в строгом секрете. Да-с, есть на то высшие соображения, и посвящать вас в них я не имею права. Если желаете, покажу портативный вариант в действии. Но не здесь.

Холмов кивком дал согласие.

— Только вам придется переодеться, иначе первый же полицейский сволочь такого красавца под белы руки в участок, а то и в городовую часть. Там вам покажут двадцать первый век. Вы ведь обычный человек из того же теста, что и все мы?

— Из мяса и костей. Просто совокупность атомов, составляющих мое «я», рекомбинирована для данного отрезка времени. В этом, грубо предположительно, суть информационного путешествия.

Линдберг нырнул в нишу и поманил за собой Холмова.

— Мы одного роста. Переоденьтесь в мое запасное платье. Здесь есть и рубашка и галстук,— показал он на вешалку.

Холмов снял с себя серебристый функциональный костюм с прессованными гофр-складками на коленных и локтевых сгибах, содержание карманов быстро переложил в новое одеяние. Через две минуты Линдберг осматривал его в студенческой форме, удивленно целя:

— Оказывается, одежда сильно меняет внешность. Мы похожи друг на друга, как близнецы. Скажите по чести — у вас в роду не было случаем Линдбергов?

Холмов, к своему стыду, родословной своей дальше деда не знал и пробормотал что-то уклончиво. Линдберг тем временем совал в портфель какие-то свертки и детали установки, лежавшие на столе. После этого он решительным тоном объявил, что готов ехать, и предложил спуститься на Невский. Холмов, выйдя на проспект, отметил, что он за сто лет изменился, но не кардинально. Пока Линдберг на мостовой высматривал свободного извозчика, мимо Ростислава прошел господин в черной пиджачной паре и котелке, с черным же зонтом в руках и со странно изуродованым носом — треугольным, сплющенным, с одной заросшей ноздрей. Вообще все петербуржцы, казалось, одевались исключи-

тельно в темное платье, но этот прохожий запомнился Холмову. И еще плавно прошли две очень красивые дамы, тоже в темных и длинных юбках. Они отвлекли внимание Ростислава.

Линдберг уже махал рукой из закрытой пролетки:

— Садитесь же, Холмов!

Рысачок бодро зацокал копытами, пролетка заколыхалась на мягких рессорах. Линдберг велел извозчику ехать на Петроградскую и далее по Приморскому шоссе за город. Отвалившись на пухлую кожаную обивку, Линдберг несколько минут молчал, изучая лицо Холмова.

— Я не хочу спрашивать об известном вам, очевидно, ближайшем будущем России и мира,— заговорил он неполным голосом, на что Холмов лишь молча кивнул,— это, знаете ли, отняло бы у жизни ее главную прелест — непредсказуемость. Я понимаю, как марксист, всю заданность революционного катарсиса, в очищающем пламене которого непременно должна сгинуть без следа власть мирового денежного мешка. Тут все ясно без оракулов. Девяносто пятый год был лишь прелюдией.

Пролетка ехала по самой середине Дворцового моста; золотой змейкой плясал в неспокойной Неве шпиль Петропавловки, высота и положение этой точки позволяли обозревать все самые изысканные архитектурные ансамбли города, его всезахватывающую прелест.

— Но просто как русский человек,— с тревогой в глазах продолжал Линдберг,— заклинаю: скажите, все это сохранилось?

— Сохранилось, хотя в трудные времена не просто это было.

— Слава богу,— облегченно выдохнул студент,— значит, Петербург стоит. И помирать-то не страшно.

— Да, только он переименован.

— Вот это напрасно,— живо возразил Линдберг,— города, как и люди, должны всю жизнь носить имена, данные при рождении. Неужели же не построены, при ваших-то великих достижениях, новые города по законам иной красоты, достойные имен вождей и героев своей эпохи?

— Да, это есть тоже.

— А позвольте еще пару вопросов. Изжиты ли голод и нищета, истерзавшие несчастный наш народ?

— Голода, повальных пандемий и эпидемий давно нет и в помине.

— Стало быть, исчезло воровство и пьянство, прекратилась проституция?

Холмов кашлянул в кулак:

— Видишь ли, Паша, не так все оказалось элементарно... Взгляни-ка лучше туда: по-моему, этот экипаж увязался за нами еще на Невском.

Линдберг посмотрел в маленькое оконце, сказал сквозь зубы:

— Сейчас проверим. Извозчик! Гони, дам полтинник на овес.

— Слушаюсь, барин. Ну-у, дракон! Пошел!

Хлопнули вожжи, пролетка шумно запрыгала по камням. Хватаясь за что попало, чтобы не вылететь на мостовую, Линдберг прокричал:

— Похоже, вы правы, Холмов, не отстают. С тех пор как этот журналистишка вломился ко мне в лабораторию, житья нет.

— Я, положим, скоро вас покину,— обиделся Холмов, вновь переходя на «вы»,— вы же меня сами пригласили на испытания.

— Сейчас приедем. Мы уже на Приморском.

Серая вода залива лизала головки гранитных валунов. Справа от дороги зеленой сплошной стеной стояли молодые сосны. Пахло хвоей и горячим конским телом. Линдберг остановил экипаж у начала лесной тропы и велел извозчику ждать. Преследователи, если они были ими, остались у городской черты, не желая обнаруживать себя слишком явно на пустынном шоссе. Чайки с ребячьими криками кружились над прибрежными, с гребешками, волнами.

Линдберг, захватив с собой портфель, повел Холмова вверх от моря через глухую чащу. Минут через пять у оврага лес кончился. Противоположная сторона желтела скальными выходами. На дне скакал с камня на камень жиденький ручеек. Место было дикое, нехоженое.

— Здесь,— объявил изобретатель, доставая из портфеля металлическую трубку, похожую по размерам на детский калейдоскоп, и пригоршню разнокалиберных пистолетных патронов.

Трубку Линдберг вставил в какую-то толстую катушку с рукояткой, а патроны широким взмахом руки обратил в латунный град, глуко простиравший по каменным стенкам.

— Внимание,— сказал он напряженно, как и всякий экспериментатор при демонстрации своего детища, и повел трубкой в ту сторону, куда забросил патроны. Ущелье тут же отозвалось треском выстрелов. Холмов видел, как фонтанчиком взметнулась вода, полетела гранитная пыль. Одна из пуль майским жуком фыркнула около исследователей.

— Фортуна нам улыбнулась.— Линдберг достал из портфеля сверток с брикетами взрывчатки.— Видите: никаких капсюлей, никаких датчиков. Взрывчатое вещество как таковое. Его можно бить молотком, кромсать, даже плавить. Без детонатора оно инертно. Сейчас мы попробуем на нем этот дистанционный взрыватель.

Холмов воспротивился:

— Все-то шашки не бросайте. Достаточно одной. А что, если она попадет в глубокую трещину или под валун — прибор дастанет?

— Абсолютно уверен.— Линдберг далеко забросил брикет и рукой отодвинул Холмова подальше от края оврага.

Другой рукой он направил трубку вслед за взрывчаткой. Ухнул, сотрясая скалы, взрыв, и многократное эхо разнеслось по лесам и болотам перешейка. С дерева на дерево метались испуганные сороки. Остро пахнуло газами, химией.

— Ну, как? — спросил бледный от гордости Линдберг.

— Потрясающе. А каков радиус действия прибора?

— Это зависит от мощности. Пока уверенно десятки и в лучшем случае — сотни шагов. Но уже через год я надеюсь создать установку с исключительными возможностями.

Линдберг приблизился к Холмову и взял его за лацканы студенческой куртки.

— Вы осознаете? Земной шар не знал ничего подобного. Войны между народами отныне будут невозможны. Мои установки обратят в пыль арсеналы, поднимут на воздух броненосцы, обезвредят и превратят в

детские игрушки пулеметы. Желающим драться останется разве что размакивать секирами. Мир без оружия — вот что грядет, Холмов!

Глаза Линдберга лихорадочно сияли. Это была его минута. Холмов не имел права ее красить, тем более что ядерное и лазерное оружие, или хотя бы электромагнитные пушки были делом далекого будущего. О них не стоило и толковать. Вслух он сказал:

— Да, это грандиозно...

На обратном пути оба молчали, хотя упорно думали об одном и том же: почему эпохальное открытие не стало достоянием всего мира, общедоступным средством разоружения человечества. Однако, зная о надвигающейся войне, Холмов догадывался, на каком примерно отрезке времени открытие Линдберга было похоронено, но сам Линдберг этого знать не мог.

Глава 5

В лаборатории на Невском Холмов хотел уже переодеваться и даже достал из кармана коробочку, Христофором утром под расписку выданную. Он стал прощаться. Неожиданно Линдберг заявил, что обдумал положение и, решившись, приоткроет идею своего изобретения. Но в этот момент задребезжал звонок.

Линдберг залился розовой краской.

— Это ко мне. Я жду посетительницу, — заикаясь сказал он, — важное дело. Подождите, пожалуйста, в соседней комнате, а потом мы с вами закончим. Прошу обязательно.

— Понимаю, святое дело. — Холмов, старательно скрывавший улыбку, через неприметную дверь в торцевой стене был выпущен Линдбергом в следующий отсек чердака.

Помещение имело точно такой же вид, как и лаборатория, только было поменьше. Линдберг оборудовал здесь силовую часть: машинный преобразователь частоты, ртутный выпрямитель, распределительный шкаф с амперметрами, вольтметрами и рубильниками. Из отсека вели две обитые войлоком двери — для шумоизоляции. Ртутный выпрямитель Холмов видел только на картинках книжек по истории техники, он подошел к стоящему в нише прибору и начал его разглядывать. И отчетливо услышал голоса из только что покинутой лаборатории. Резонатором и проводником звука оказался проложенный под полом короб — канал для силовых кабелей, питающих научную аппаратуру.

— Не понимаю, чем обязан вашему визиту, — раздраженно говорил Линдберг, — ведь я уже ответил: не поеду.

Ему отвечал отнюдь не женский голос, а голос зрелого мужчины с легким иностранным акцентом:

— Но, господин Линдберг, я просил вас подумать еще. Серьезно. И, надеюсь, что вы все же примете наше предложение.

После довольно длинной паузы голос продолжал настаивать:

— Не понимаю, что может делать крупный изобретатель в этой бедной стране. Какая тут может быть наука, если все моторы скрежещут, краны безобразно текут, а все стены кривые, как пропеллер.

— Господин Макферсон,— резко перебил его Линдберг,— вы забываете, что я русский, и позволяете себе в оскорбительном тоне отзываться о моей стране. Я этого терпеть не намерен.

— Извините, я только назвал вещи своими именами. Судя по вашей фамилии...

Линдберг опять перебил:

— Со времен Петра Великого кости моих предков лежат в русской земле. Кроме фамилии, ничто шведского во мне нет. И не стоит больше об этом.

— Вы молоды, и мне искренне вас жаль,— продолжал Макферсон с деланной задушевностью,— в Америке вы не работали бы на чердаке. По одному только знаку вам доставляли бы моментально любое оборудование самого высшего класса. Занятие любимым делом, почет, деньги, комфорт — разве это отвергают? Даже упрямец Сикорский обещал подумать. Не будьте столь безрассудны. Боитесь ностальгии? В любой момент возьмете отпуск!

— Разговор идет по кругу. Я полагаю, что тема исчерпана.

Холмов услышал скрежет резко отодвигаемых стульев. Уже невнятно донеслись последние слова враз потерявшего утитвость гостя:

— Вам придется пожалеть... не было бы поздно...

Когда Линдберг, рывком открыв плотно подогнанную дверь, появился в силовой, по его лицу еще шли красные пятна.

— Извините,— отдуваясь, пробормотал он,— это была не дама, а один исключительно назойливый господин.

Холмов носком ботинка ковырнул металлический настил кабельного канала.

— Я тоже извиняюсь,— сказал он,— но мне некуда было деться — по этому коробу сюда передается почти каждый шорох. Имейте в виду на будущее. На всякий случай.

— Так вы все знаете? Тем лучше,— глаза Линдберга блестели и были почти безумны.— Этот господин очень опасен. У таких, как он, за словом идет дело. И эта слежка на протяжении последних дней... Хотя мои бумаги спрятаны и даже заминированы, я боюсь покинуть лабораторию — от этих господ в любую минуту можно ожидать чего угодно. Ростислав Иванович, помогите! Нужно немедленно переправить бумаги в более надежное место. Вас я прошу об одной невероятно ценной услуге: дойдите до почтамта и вызовите по телефону Сикорского. Вот карточка с его номером. В правом боковом кармане тужурки лежит кошелек.

Отказать Холмов не мог. Он только спросил:

— А если Сикорского нет на месте?

Студент на секунду задумался.

— Тогда звоните по этому телефону,— решительно сказал он, записывая на карточке еще один номер,— спросите Ольгу Вольскую.

Линдберг поспешно отпер вторую дверь силового отсека.

— Здесь же подниметесь — за тем входом, вероятно, наблюдают. Скорее, почтамт в двух шагах.

— Знаю,— буркнул Холмов, надевая на ходу студенческую фуражку. Сикорского на месте не оказалось — он уехал за город испытывать

мотор для своих новых аэросаней. Холмов назвал телефонной барышне другой номер.

— Слушаю,— раздалось в трубке. Голос был удивительно похож звонкостью и чистотой на голос его Ольги. Холмов кратко объяснил, в чем дело.

— У тебя, Павел, от волнения даже голос изменился,— отметила трубка,— конечно же, беру лихача и еду немедленно.

Пускаться в объяснения с Ольгой по поводу голоса Холмов не стал. Он ощущал угнетение, как бывает обычно перед неприятным происшествием, и, лавируя между прохожими, почти бегом бросился по Невскому к знакомому дому. Около подворотни опять бросился в глаза тип с расплющенным носом.

...В первый момент ему показалось, что лаборатория пуста. Неплотно прикрытая дверь главного входа покачивалась на петлях. В нижней части брандмауэра чернело прямоугольное, размером в два кирпича, отверстие. Раньше — в этом Холмов был абсолютно уверен — его не было. В застойном чердачном воздухе чувствовался ни с чем не сравнимый остроладкий запах свежих пороховых газов.

Холмов сделал еще шаг и за загроможденным приборами столом, в глубокой тени, увидел лежащего ничком Линдберга. Сизый револьвер крепко сжимала вытянутая в сторону правая рука. Небольшое пятно кашающейся почти черной крови расплылось на полу под головой. Каких-либо признаков жизни не обнаруживалось. Ростислав присел на корточки около тела, вернее оценивая ситуацию.

Он разглядел пулевое отверстие над краем левого глаза. Смерть, вероятно, наступила раньше, чем Линдберг рухнул на пол. Застрелить себя в левую часть головы правой рукой было возможно, но не нужно. Да и видимые причины для самоубийства отсутствовали. Холмов закусил нижнюю губу и встал. Происшествие на Невском уводило его слишком далеко от первоначальных задач эксперимента. Смутило еще и появившееся в стене отверстие. Полномочий ввязываться в дело с неясными последствиями, осложненное явным убийством, Ростислав не имел решительно никаких. И все же не без внутренней борьбы он достал заветный прибор и набрал первых два символа из своего буквенно-цифрового кода.

С появлением в лаборатории вызванной срочным звонком приятельницы Линдберга Холмов от изумления о приборчике просто забыл. Шурша на стремительном ходу длинным платьем, к нему приближалась изящная девушка в черной плоской шляпке на пышных платиновых волосах. Через редкую вуаль сквозило лицо Ольги — *его* Ольги. Только выйдя из мгновенного оцепенения, Ростислав заметил: эта Ольга была чуточку полнее и шире в бедрах.

— Что случилось, Павел? — тревожно спросила она у Холмова и тут же вскрикнула, увидев распростертное на полу тело.

— Павел Николаевич Линдберг,— как можно строже и тверже сказал Холмов,— мертв. И помочь ему уже нельзя.

Он ждал, что она заплачет, но Ольга не заплакала, а смотрела на него с отвращением. Зрачки ее глаз сузились и кололи через вуаль, как иголки.

— Ах вот оно что,— девушка сделала шаг назад и раскрыла малень-

кую бисерную сумочку,— вы решили убить Павла и завладеть его именем и секретами. Двойник-убийца!

В ее руке плясал маленький никелированный браунинг.

Холмов успел свободной рукой (в другой он держал прибор) перехватить и вырвать оружие.

— Напрасно вы это,— мрачно сказал он,— не сходите с ума. Я не убивал Линдберга. Убийство произошло в мое отсутствие — я как раз по просьбе Павла звонил вам по телефону. Он опасался слежки и даже нападения и послал меня запасным ходом. Я сам не понял как следует, что случилось. И с Линдбергом познакомился только два часа назад.

Ольга откинула вуаль. Ее потемневшие голубые глаза казались стеклянными от непролитых слез.

— Во время вашего звонка я почувствовала странность: с ним был разговор — и не с ним. Боже, и в эти секунды его убивали... Сердце мне подсказывало: мертв... — Она опустила голову и достала из сумочки платок.

— У меня была мысль о самоубийстве,— начал было Холмов,— когда я увидел наган...

Но Ольга отрицательно качнула головой и показала на браунинг.

— Вот его оружие. Он ходил с ним на баррикады в пятом году. Еще гимназистом. А когда начались обыски и аресты, он сперва ни за что не хотел с ним расстаться. Я насили уговорила его отдать мне пистолет под честное слово возвратить в минуту опасности. А в руке Павла револьвер чужой, его подсунули эти подлецы, чтобы сошло за самоубийство.

Девушка переносила испытание стойко и в истерику впадать не собиралась.

— Вчера он оповестил друзей о своих опасениях,— продолжала она медленно,— и просил по первому звонку принять и перепрятать его бумаги.

Холмов глазами указал на стену:

— Здесь что-то выломано.

— Там была металлическая шкатулка. В ней Павел держал свои тетради; а ключ носил в кармане на цепочке такой, чтоб не потерять.

— На этой? — Холмов поднял с пола обрывок черненой стальной цепочки от дешевых карманных часов.

— Да. Они обобрали его дочиста. Послушайте, нужно немедленно разыскать преступников.

Голос его зазвенел, в глазах загорелось упорство.

— Павел сделал открытие мирового значения,— сказала она.— Если оно попадет в руки безответственных или спящивших людей, может случиться непоправимое, понимаете?

Холмов замялся, он чувствовал двойственность своего положения, всю его эфемерность — словом, разрывался на части.

— Есть некая необыкновенность в моем присутствии здесь. Я все понимаю, но... не все в моей власти. У меня есть другие тоже обязательства,— извиняющимся тоном произнес он.

При этих словах Ольгу все-таки прорвало потоком слез, но она быстро взяла себя в руки и метнула в Ростислава две убийственные молнии:

— Убит человек, выкраден государственный секрет. Следы преступни-

ков еще не остыли. В таком положении может не подать помощи только мерзавец. Или просто-напросто жалкий трус!

Быстрее всяких электронных импульсов в Холмове взметнулась кровь его предков, штурмовавших Перекоп, бесстрашно шедших на пулеметы вермахта, отважных холмовских партизан... Он забыл обо всем, и кулак его сжался с такой силой, что спасательная коробочка хрустнула и превратилась в бесформенный комок из пластика, микросхем и проводов. Так или иначе, а выбор был сделан.

— Хорошо, я остаюсь. Но как и где искать преступников, не представляю. Случайно мне стала известна фамилия человека, с которым недавно разговаривал Линдберг здесь, в лаборатории.

Ольга опять была хладнокровна и вся подобралась по-боевому, ее образ совершенно слился с образом той Ольги, из другого и теперь уже закрытого целым веком времени.

— Если обратиться в участок, тупые полицейские чины немедленно сунут нас в каталажку как подозрительных,—чуть помедлив, заявила Вольская,— но без властей мы убийц действительно не найдем. Вот если вы пойдете к министру внутренних дел и представитесь Линдбергом, чтобы не запутывать дело...

Холмов перебил:

— Понял вас, но пробуюсь ли я к министру?

— По срочному-то делу особой государственной важности? — переспросила Ольга.— Не может не принять. Баррикады пятого года кое-чему научили царскую бюрократию. Но умоляю: быстрее, быстрее, быстрее!

Только сбегая по лестнице, Холмов сообразил сунуть во внутренний карман тужурки браунинг. Его рука наткнулась на книжку в твердом переплете. Книжка оказалась студенческим билетом Линдberга.

Глава 6

Серое здание министерства внутренних дел двумя фасадами выходило на Гороховую улицу и к Адмиралтейству. Бородатый старик в галунах и с плевненской медалью на груди распахнул дубовую дверь перед Холмовым. В вестибюле ему преградил путь господин в штатском, с фигурой и повадками циркового борца:

— Что вам угодно?

— Мне угодно видеть господина министра по совершенно безотлагательному делу,— отчетливо выговорил Холмов.

— Иван! — Голова, лежащая прямо на широком крахмальном воротничке, повернулась к швейцару.— Проводи господина студента в приемную.

Приемная лежала двумя маршрутами лестницы выше. В цельные, без переплетов стекла виднелись желтеющие, роняющие уже листья деревья адмиралтейского сквера.

Навстречу Холмову учтиво поднялся элегантный брюнет с маленькими усиками и лакированным прямым пробором.

— Чем могу быть вам полезным? — спросил франт, дружески пожимая Холмову руку.

— Только одним. Я изобретатель Линдберг. Мне необходимо немедленно переговорить с министром. Дело особой важности,— подчеркнул Ростислав.

— Читал о ваших трудах в «Ниве». Как же! Однако его превосходительство сейчас на докладе вне стен министерства. Угодно подождать или вас удовлетворит беседа с товарищем министра?

Терять времени было нельзя, и Холмов угрюмо дал согласие. Секретарь исчез за одной из высоких импозантных дверей и, выйдя оттуда, просиял:

— Князь Святополк-Мирский примет вас.

Потом тихо и доверительно спросил:

— Скажите по чести — оружие есть?

Холмов достал браунинг. Секретарь оскалился еще шире:

— Из таких игрушек гимназисты пытались стрелять в семеновцев. На расстоянии двадцать шагов пули отскакивали от шинелей. Но пока, с вашего разрешения, я оставлю его у себя. Порядок-с!

Говоря это, франт ловко притирался к Холмову, похлопывал, щупал взглядом — проверял, нет ли настоящего ствола, пригодного для результативного покушения.

— Я не террорист,— теряя терпение, заверил Холмов и был впущен по пышным бесшумным коврам в кабинет.

Александр Александрович Святополк-Мирский оказался очень молодым человеком с бледным и измученным лицом. Он выслушал Холмова, не перебивая и не задавая вопросов. Потом подбил итог двумя фразами:

— Мне кажется, вы несколько преувеличиваете значение пропавшего секрета. Но я доложу министру непременно, мы все тщательнейше проверим и подумаем, как быть, какие принять меры.

— А время, время! — пошел было в атаку Холмов, но князь уже встал с выражением свинцовой непроницаемости на лице.

«Спихотехника и отфутболивание на высочайшем уровне,— негодовал про себя Ростислав,— нет, с министерством каши не сваришь».

В приемной его осенило что-то всплывшее в памяти, и он спросил у секретаря:

— Нужно на секунду заглянуть в справочник «Весь Петербург». У вас есть?

Секретарь выдвинул ящик стола.

— Разумеется, вот свежий.

На 410-й странице Холмов нашел то, что искал: «Макферсон Реджинальд, главный представитель фирмы «Америкэн Сайенс энд Текнолоджи Компани» (АМСТЕК) в Санкт-Петербурге. Адрес конторы: Невский, 19. Телефон 8-00-16. Склад там же».

Забрав свой пистолет, Холмов вылетел на улицу. По Невскому свистел ветер, крося прохожих водяною пылью. Через десять минут он уже стоял перед матовой стеклянной дверью с серебряным фирменным знаком из корон, зубчатых колес, виноградных лоз, молний и лент. Черная табличка рядом с дверью гласила: АМСТЕК.

Единственный кантонерский служащий – енотовидный старикин в скрутке с нарукавниками – оказался страшным тянульщиком и выжигой, крутил и вертел, якобы ничего не зная. Холмов догадался: надо дать. К счастью, в линдберговском кошельке оказалось несколько введенных в обращение Витте монет десятирублевого достоинства. Две золотых десятки – месячное жалованье кантонерщика – развязали ему язык. Как и предполагалось, господин Макферсон в этот момент уже находился на борту вот-вот отпывающего в Америку парохода.

Поминутно поглядывая на часы и кляня медлительность конной тяги, Холмов на извозчике поспешил в гавань. Он ловил себя на мысли, что все это происходит не с ним, а с другим человеком – и горячий конский круп, прыгающий перед глазами, и синяя, мокрая к плечам, спина извозчика, и никелированный браунинг в кармане чужой тужурки. Только набережная Невы своей успокоительной вневременной данносностью и опрокинутые в небо золотые чаши Исаакия поддерживали относительное равновесие духа, необходимое для предстоящей борьбы.

Пролетка разбрзгала последнюю лужу и остановилась. Лошадь устала махнула головой. Холмов щедро расплатился и стал соображать, как пробраться на пароход.

Белый борт трехпалубного океанского судна возвышался над причалом гладкой неприступной крепостной стеной. Прорваться без билета по парадному трапу и думать было нечего. Там стоял вахтенный начальник и целый наряд дюжих матросов. Процальные эмоции вспыхивали и гасли на берегу, провожающие отсекались уже здесь. Холмов прошелся вдоль причала. К носу и корме с берега тянулись толстенные швартовные канаты, но «заяц» на них был бы тотчас замечен. Оставалась возможность завладеть какой-нибудь лодкой и подъехать, на счастье, с другой стороны корабля. Там мог оказаться висящий канат или забытый веревочный трап. Но пароход уже издал хриплый коровий рев, до отхода оставались считанные минуты. Ближе к корме, под самой надписью «Св. Николай Мирликийский», люди в парусиновых робах после гудка засуетились как нахлестанные, торопясь сгрузить с ломовой подводы ящики и бочонки. Холмов подошел ближе. Через открытый квадратный порт на уровне причала в пароходное нутро вели легкие деревянные сходни. Таскали, видимо, последнюю партию продуктов. Оставалось выбрать удобный момент. О дальнейшем Холмов сейчас не думал. Он привык к алгоритмизации, к расчленению сложных задач на последовательную цепочку простых.

Глава 7

Макферсону казалось, что он все взвесил и продумал до мелочей. Убийство студента-изобретателя в его планы не входило. И не из нравственных соображений – мораль у мистера Макферсона была, но особого свойства. Он убежденно считал нравственным любое действие, если оно приносило пользу АМСТЕК. Компания и ее интересы в его сознании сливались с интересами всей нации, всего американского народа. А ради этого Реджинальд Энтони Макферсон готов был абсолютно на все. Просто ему требовалась голова Линдберга, но не труп.

План операции, таким образом, имел целью лишь тайный вывоз талантливого молодого ученого вместе с его документами и хотя бы частью аппаратуры. Само собой, Макферсон для себя лично рассчитывал отхватить солидный куш — АМСТЕК умела достойно поощрять людей толковых и предприимчивых,— не к юбилейным датам, а за конкретные дела. Радужные дали сказочно быстро приближались, вырисовывались контуры собственного дела и виллы на Лонг Палм Бич — настоящего престижного деревянного дома в Майами, в краю вечного лета под кокосовым небом.

Когда при первом разговоре Макферсон понял, что студент упорен и добром в Америку не поедет, он решил действовать круто, ломая любые преграды — нахрапом, не считаясь с расходами. В пароходной компании он узнал, когда идет судно до Нью-Йорка, и заказал полулюкс для себя и Линдberга (естественно, на фальшивые документы) и еще двухместную каюту третьего класса для агентов-телохранителей. При этом предусмотрительно настоял, чтобы эта каюта находилась точно под его апартаментами. За хорошие деньги Макферсон нанял новейший автомобиль Красного Креста якобы для перевозки на «Николая» пострадавшего на пожаре человека, обожженное лицо которого будут восстанавливать лучшие в мире американские хирурги.

Второй разговор с Линдбергом был чистой формальностью, точнее — доразведкой объекта нападения. Убедившись, что исследователь на месте и один, Макферсон вышел на Невский и кивком головы ввел в дело агентов. Они были проинструктированы заранее и тотчас рванулись по лестнице, как спущенные с цепи овчарки. Агентам вменялось приставить ко лбу упрямца револьверный ствол и последний раз спросить русским языком, хочет он ехать или нет, и в случае отказа слегка оглушить, усыпить хлороформом, замотать бинтами и затем, захватив бумаги и приборы, отправить все вместе в океанское плавание.

Таков был план. Поначалу агентам улыбнулась удача. В момент, когда они, выбив замок, внезапно ворвались в лабораторию, Линдберг еще сидел на корточках около только что запертого сейфа-тайника. Надобность в поисках, в выступлении стен отпадала, эта часть задачи решалась легко.

Но когда агенты, размахивая оружием, кинулись к Линдбергу, произошло нечто непредвиденное. Студент резко встал и нажал на столе на какую-то кнопку. При этом оба револьвера ударили залпом, будто взорвавшись, и невиданная по силе и резкости отдача вырвала их из рук агентов. Пули же разлетелись по чердаку куда попало. Одна из них и сразила изобретателя.

Агенты не сумели в спешке разобраться со сложным замком и отпереть сейф и просто выпустили его ломиком-фомкой из стены. Прихватили портфель Линдберга, покидав в него без разбора кое-что из приборов поменьше, и ринулись вниз.

Макферсон был в напряжении и выстрелил услыхал. Наверняка их слышали и в доме. Хоть Невский продолжал жить своей жизнью и на глухую стрельбу никак не отозвался, Макферсон занервничал и с появлением

нием обескураженных агентов отпустил карету Красного Креста, что-то соглав об изменении состояния больного.

Он успокоился только на пароходе после третьего гудка, когда затрепетала под ногами палуба и город стал разворачиваться и упливать назад. Через десяток минут Санкт-Петербург превратился в неровный каменный налет на плоском безрадостном берегу. Было время предужинного аперитива, в буфете то и дело хлопали двери.

Макферсон решил отпустить вожжи и немного расслабиться. Через минуту он сидел у высокой стойки.

В конце концов, решил представитель фирмы АМСТЕК, хватив третий рюмаш крепкой водки, он сделал все, что мог, и едет не с пустыми руками: специалисты разберутся с бумагами Линдберга, а смерть изобретателя не на его, Реджинальда, совести, остальное же будет в порядке. И дальше начнутся сплошные приятности.

После ужина с хорошей телячьей отбивной он шел в свой поллюкс с изрядным шумком в голове и не заметил следившего за ним Холмова. Оставленного в каюте на время ужина телохранителя он отпустил и в приятной истоме рухнул на диван.

Холмов подождал, пока агент спустился на палубу третьего класса, и осмотрел свое оружие. Все шесть маленьких патронов были на месте. Он оттянул затвор, дослал патрон в патронник и пошел к каюте Макферсона, держа руку с готовым к стрельбе пистолетом в кармане брюк. Толкнул дверь, но она оказалась уже запертой изнутри опытным американцем. Тогда он постучал: надо было что-то решать.

— Кто еще там? — недовольно рявкнул Макферсон.

— Павел Линдберг, — неожиданно для себя самого вырвалось у Ростислава.

Пробормотав, «что за неуместные шутки», Макферсон распахнул дверь.

Реджинальд Макферсон внешне был хороши — лобастый, черноглазый, спортивно-крепкий. И нервы, надо полагать, имел железные, но нервы и у него в первые секунды сдали, нижняя челюсть задергалась и глаза увеличились вдвое.

— А... а... а,— пытался он заговорить, — а мои... кретины вас... доложили мне... упал снопом и готов...

Неожиданно он рассмеялся диким смехом — алкоголь свое взял — и повалился на диванчик, высоко подняв колени.

— Готов... А он не был готов. Только прикладывался... Нет, при-ки-ды-вал-ся, — выдавливая из себя эти слова, американец сначала болтал висящими в воздухе ногами, а потом опустил их на пол.

— Да, это есть ситуация, — Макферсон уже выходил из шока, — однако вы очень правильно поступили, что нашли меня на корабле. Я глубочайше рад. В России вам, с вашей светлой головой, Павел Николаевич, делать нечего. Ваше изобретение года три будут рассматривать разные комиссии и еще столько же займет организация примитивного азиатского производства. А потом, потеряв терпение и съедаемый завистниками, вы все равно побежите к нам. АМСТЕК же за шесть недель наладит выпуск первоклассных приборов...

Холмов облизнул сухие губы и как мог твердо перебил:

— Вы ошибаетесь. Я сойду в ближайшем порту. Где шкатулка, которую укради ваши люди?

— Мальчишка, — с неприятным смешком сказал Макферсон, — попробуйте теперь у меня отнять ваши секреты.

И он выбросил в сторону Холмова кукиш: — Дудки!

— Своловь, — не сдержался Ростислав, прицеливаясь, — где бумаги?

Макферсон не то чтобы испугался, он просто как-то осел: появилась определенность, в которой решало действие. А это он умел и к тому же прекрасно понимал, что столкнулся с дилетантом. Так гроссмейстер видит новичка уже в момент расстановки фигур на шахматной доске и возит его носом по щебенке и размазывает по стене с особым наслаждением.

Макферсон дважды ударил каблуками в пол, изображая восторг:

— Вот это по-американски, я понимаю. Что же, придется уступить силе. Пушка шесть и пятьдесят миллиметра — это же корабельный калибр! Извините за шутку, юноша, я готов вернуть ваше сокровище. Только оно хранится не здесь. Я объясню...

На мгновение Ростислав дал себе поверить, что все кончится хорошо: он отвоевает у супостата тетради Линдберга, сумеет вернуться в Петербург и найти Ольгу... Добрые люди обычно за такие секунды платят дорого; поплатился и Холмов, проигравший американцу двадцать две секунды.

За его спиной щелкнула дверь, и тут же будто бревно обрушилось на голову двойника Линдберга. Пистолет выпал из его руки.

Агенты, примчавшиеся по условному сигналу Макферсона, нанесли удары одновременно и подхватили расслабленное тело Холмова под руки.

Глава 8

Машинная дрожь, от которой ездили по столику пустые грязные тарелки в каюте третьего класса и ныло в зубах, привела Холмова в сознание. Тотчас перед его глазами закачался увесистый кулак:

— Молчать... Раскроешь пасть — влеплю между глаз. По второму разу не проведешь, господин хороший. Чуть что — и к рыбам.

Холмов приоткрыл глаза. Он полулежал в углу, в помещении не больше кабинки грузового лифта. Руки были связаны. Кулак ему показывал и грозил тот самый, примеченный еще на Невском, с треугольным носом. Другой агент — постарше, с лицом в грубых красных складках — молча курил и следил за Холмовым выкаченными водянистыми глазами.

— Где сейчас идет пароход? — пытаясь сориентироваться и пренебрегая угрозой, спросил Ростислав.

— У-у, — замахнулся агент.

— Брось, Никита, — лениво заметил старший, — лишь бы не шумел, а так пусть шлепает губами, это не беда.

Никита нехотя отошел и тоже сел.

— Уж больно прыток студентик, — сказал он с ненавистью, — опять, того и гляди, отчубчит невесть чего. Ух, я их в девятьсот пятом-то годе... Да и этого, Авдеич, я бы...

— Бодливой корове господь рогов не дает,— с насмешкой оборвал его Авдеич,— сходи лучше в буфет, принеси пару пива. Хорошее здесь, однако, держат пивко на «Мирликийском».

Он бросил окурок в медную плевательницу, сильно отхаркался и сплюнул туда же. У Холмова гудела голова, однако ярость, кипевшая в нем после неудачи, после его бездарного промаха с изворотливым Макферсоном, придавала ему силы. Надо было исправлять допущенную ошибку.

— Мужики, вы хоть знаете, что помогаете американцу выкрасть русский военный секрет? — спросил Ростислав.

Агенты переглянулись.

— Заткни глотку,— грубо сказал Никита,— мы служим с разрешения управы, против властей никогда не шли.

Холмов сопоставил эту фразу с другой — с оброненным агентом упоминанием о событиях девяносто пятого года. Выходило, Авдеич с Никитой шпики, подсунуты Макферсону царской охранкой. Иначе откуда полицейский опыт и ненависть к студентам-революционерам? Но отсюда следовало также, что в охранке знали о каждом шаге американца. Знали и не препятствовали сманиванию талантливых изобретателей Сикорского и Линдberга. Не понимали? Были «заинтересованы»?

И еще один печальный вывод сделал Холмов—Линдберг: вряд ли удастся перетянуть агентов на свою сторону. Нужно было, однако, готовить почву для следующего хода.

— Значит, с разрешения служите,— медленно заговорил он,— понимаю: начальство предложило — как отказаться... Тем паче Авдеичу осталось до пенсии тянуть годика два, у Никиты тоже заботы, хотя и другие. Служить ему еще, конечно, как медному котелку, да зато дома небось трое птенчиков с раскрытыми ртами...

— Четверо у меня было — одного бог взял,— выпучил глаза Никита,— да студент все знает!

— А АМСТЕК платит здорово,— продолжал Холмов,— так или не так?

— По четыре золотых Витъкиных червонца каждое первое число,— солидно подтвердил Авдеич,— на целых четыре рублика больше, чем у подпоручика армейского-с. Вот так.

— Ну, так слушайте. Когда французы бежали из Москвы, Наполеон — Наполеон! — приказал взорвать колокольню Ивана Великого. А она выдержала. Тогда он велел знак православной веры снять. И хотя император предлагал награду, никто из французов не взялся за эту грязную работу. А вот один русский вызвался, запросил три рубля, полез наверх и спилил крест.

Никита почесал за ухом.

— Три рубля, видать, тогда большие были деньги. А сейчас — пара сапогов,— заметил он.

— Ничего ты не понял, друг любезный Никита. Стало быть, не с твоей физикой об этаких материях рассуждать,— сказал Авдеич,— господин студент христопропдавцами нас хочет выставить, укоряет нашей службой, в глаза тычет.

— Мы по закону деньги получаем,— ощерился Никита,— тоже защит-

ник веры выискался. Он ведь, Авдеич, на бунт нас подбивает. Агитатор! Да он, наверное, иудей?

— Давно вижу студента скроль аж до печенок. Однако пусть про высокие материи излагает,— издевательски подмигнул Авдеич,— а то карты надоели, а еще ехать и ехать.

— Между прочим,— приподнялся на локтях Холмов,— того русского Наполеон приказал расстрелять. Предателям везде одна дорога. А вы никуда не денетесь.

— Поговори, поговори,— с ноткой угрозы сказал старший,— а мы послушаем.

— Никуда не денетесь. Я почему сразу спросил, где плывем, да с вами хотел по-хорошему договориться? Не знаете. Так знайте: у меня в ящике такая мина — полпарохода в ключья разнесет. Все вместе пойдем рыб кормить, и собачья ваша служба не понадобится больше,— со злобным торжеством закончил Ростислав.

У Авдеича побелели крылья сизого его носа. Никита заскулил:

— Господи, а я плаваю как топор.

Холмов прикрикнул на него, не давая опомниться:

— Беги к своему хозяину и скажи, что в сейфе мина с химическим взрывателем. Сейчас кислота уже переедает остатки предохранителя. Малейшее шевеление — взрыв. А нет, так все равно через некоторое время все взлетит на воздух.

Никита метнулся к двери.

— Да скажи, что только я могу снять мину,— крикнул ему вдогонку Холмов.

...Макферсон после инцидента, когда агенты уволокли вниз оглушенного Линдберга, сел в привыченное к полу кресло и задумчиво раскурил толстую манильскую сигару. Внезапное появление на корабле воскресшего из мертвых студента сбивало игру на неясный боковой путь. Что-то здесь было не так, а Макферсон любил ясность. Он встал, достал из шкафа выкрашенную из лаборатории на Невском шкатулку и поставил ее перед собой на полированный стол. Послушал — тикиания часовогомеханизма не было. Вложил было ключ в скважину, но отпирать вдруг передумал, а стал вытряхивать из портфеля Линдberга добычу: конденсаторы, резисторы, катушки, батарейки и прочую стандартную электротехническую дребедень. На дне портфеля обнаружилась трубка со стеклышиками на концах, как у калейдоскопа, и еще — довольно массивная катушка с рукояткой.. Макферсон стал исследовать загадочную трубку и услышал торопливые шаги, нервный стук в дверь и голос Никиты:

— Мистер, мистер, скорее!

Макферсон отпер дверь:

— Что такое?

Никита жарко зашептал:

— В ящике — химическая мина. Рванет — костей не соберем. Но студент вызывается обезвредить.

— Ведите, да смотрите в оба,— вникнув в дело, выпалил американец,— живо!

Агенты развязали Холмову руки и поставили стоймя.

— Идти можешь? — грубо спросил Авдеич.

Ростислав потер ушибленную голову. На затылке налилась здоровая шишка, но тело повиновалось, как обычно.

— Нормально, — крякнул он.

— Пошли, пошли, — торопили и подталкивали телохранители.

Макферсон встретил его с подчеркнутым радушением:

— Как вы себя чувствуете? Вы сами виноваты, не нужно было шутить с оружием. И, хотя вы, юноша, полностью в наших руках, я решил предложить новые условия...

— Условия буду ставить я, — решительно прервал его Холмов, — и два раза повторять не стану — сами знаете, что такое химический взрыватель: он может сработать через десять часов, а может и через два. Это значит в любую секунду. А у вас в каюте тепло, это повышает скорость химических реакций.

Макферсон вздрогнул:

— Говорите же...

— Дело в том, что я не Линдберг. Я его коллега и товарищ, мы просто очень похожи. Я в курсе его дел, знаю и о мине. Мне случайно удалось услышать ваш разговор в лаборатории из соседнего помещения: и ваши посылы, и угрозы. Когда я увидел мертвого Линдberга, то срочно вызвал надежного человека и написал свои свидетельские показания. Если со мной что-либо случится и я не вернусь в Петербург, показания будут переданы следствию. В этом случае вас ждет сибирская катарга, мистер Макферсон. Но если вы отадите бумаги...

— Хорошо, — нетерпеливо сказал американец, косясь на шкатулку, — пусть будет ничья. Разминируйте и забирайте отсюда эти вещи, только скорее. Но деньги, документы и пистолет я верну вам только на берегу. Так будет надежнее.

— Идет. Выходите из каюты и оставьте мне какой-нибудь острый нож. Я приступаю, придется резать провода.

Макферсон быстро достал из ящика стола вместо ножа наручники. Холмов не успел опомниться, как оказался прищелкнутым одной рукой к вертикальной медной штанге, служащей, очевидно, поручнем во время сильной качки.

— Извините, но я должен убедиться, что вся эта история с миной и прочим — не блеф, — сказал Макферсон, передавая Ростиславу очень хороший перочинный многоголовый нож, — да и нечего вам разгуливать по моей каюте. И запомните: без фокусов, иначе я обойдусь с вами сурово.

Он явно не верил Холмову. В свою очередь, Холмов не верил представителю фирмы АМСТЕК. Противники просто сделали по одному выжидательному ходу, пытаясь загнать друг друга в цейтнот, когда флагшки шахматных часов висят и неизбежны грубые ошибки, а за ними и финал.

Линдберг перед своей гибелью говорил о мине, но тогда Холмову не пришло в голову поинтересоваться типом взрывателя. Холмов помнил только, что всякая попытка открыть сейф вызовет срабатывание заряда. Он внимательно осмотрел плоский металлический сейф с торчащим ключом. Должен же был сам Линдберг как-то его открывать! Ящик с пятью гранями еще шелушился цементной крошкой. Со стороны ниши, в кото-

рую он был раньше вмазан, доступ к устройству отключения взрывателя практически не был возможен. Оставалась сама дверца. Исследуя ее, Холмов обнаружил утопленные и потом закрашенные головки двух маленьких винтов. Как электрик, Линдберг не обошелся здесь без кнопочного выключателя. Такие выключатели спустя несколько десятилетий стали выпускаться миллионами штук для автоматического включения и выключения света в автомобилях, холодильниках и так далее. Но для начала века это была, в общем, новинка.

И все же риск оставался большим, и Ростиславу пришлось приказать себе успокоиться. Он осторожно подтянул сейф ближе к краю стола, чтобы наручник позволил пустить в ход вторую руку, и лезвием ножа, просунутым в щель сбоку, отжал кнопку. Оставалось свободной рукой повернуть ключ и открыть дверцу. Не дыша, чтобы не соскользнул нож, Холмов потянулся к проводке, идущему от кнопки к электродетонатору. Он тянулся к нему будто к хвосту сидящей на травинке стрекозы. Провод оказался припаянным и рваться не хотел. Дергать его не годилось ни в коем случае — левая рука с ножом уже затекла от напряжения и потеряла чувствительность. Весь покрытый липким потом, Холмов переминал проволоку пальцами правой руки. После десяти перегибов проволока сдалась.

Переведя дыхание, он вытрях из сейфа увязанные шпагатом три фунтовые шашки взрывчатки, маленькое пневматическое реле для постановки заряда на боевой взвод, сухую электробатарею и две тетради в парусиновых обложках. Больше ничего в шкатулке не оказалось, да больше Холмову ничего и не требовалось. Первая часть задачи была решена, оставалось уничтожить портативный прибор и тетради или попытаться выбраться с ними из блокированной со всех сторон каноты.

Холмов решил прорываться; смертельный риск, только что оставленный позади, действовал возбуждающе. Так благополучно приземлившись парашютист хочет немедленно испытать себя снова. Карусель идей вертелась в его голове, но путной ни одной. Однако ни взрываться, ни сдаваться на милость Макферсона он не желал и стал приглядываться к полулюксу. Кабинет-гостиная со столом и диваном переходила в задернутую малиновым бархатным занавесом спальню. Из спальни дверь вела в туалетные покои. Холмов попытался дотянуться до иллюминатора, за которым китайской тушью уже стутилась тьма, но наручник его не пустил.

Зато всплыла идея. Простая и эффективная идея, подсказанная в одном старом фильме, виденном Холмовым в год какого-то юбилея. Он быстро открутил кусок шашки и сделал на ней полукольцевую кумулятивную выемку. Потом привязал к штанге у самого пола, вставил детонатор и собрал взрывную электроцепь. Кумулятивная струя маленького заряда должна была перерезать проклятую штангу не хуже автогена и самому Холмову, усевшемуся с ногами на стол, повредить не могла. Он подготовил все остальное: сунул за пазуху линдберговские тетради, осмотрел и собрал из частей портативный прибор точно в той последовательности, как делал это сам изобретатель несколько часов назад под Петербургом во время испытаний. Во избежание детонации основной заряд Ростислав швырнулся подальше от греха — к двери и тут же замкнул цепь. Взрыв

оказался все же оглушающим — сказался замкнутый объем. Свет погас. Холмов в кромешной тьме скользнул на пол, отогнул штангу, освободился и скользнул к двери, прикрываясь портьерой.

Тут же дверь в каюту распахнулась и на пороге возникли телохранители Макферсона.

— Видать, студент того, готов,— морщась от газов и озираясь, проронил Авдеич, вступив в каюту.

— Отпрыгался, отпрыгался,— радостно подхватил Никита,— и где же он, голубец, не видно ни бельмеса.

Вслед за агентами в полосу света вошел Макферсон.

— Стоять на месте,— грозно сбоку скомандовал Холмов,— мина у вас под ногами, можете убедиться! Макферсон, если шевельнете хоть пальцем, чтобы меня задержать, взрывом вас размажет по потолку.

Он придинулся ко входу и еще раз предупредил:

— Действие прибора вам известно. Он достанет и за сто метров. Не поворачиваться.

— Я не хотел нарушать соглашение,— Макферсон попытался все же извлечь из положения хоть минимум,— вы свободны.

— Не высывать носа из каюты,— предупредил еще раз Холмов,— буду следить из коридора и взорву всех троих к чертям собачьим.

По коридору он шел пятясь, следил за ненадежной бандой. К счастью, в этот час в вообще-то малолюдном первом классе публики не было, только в конце у выхода мелькнула белая фигура стюарда. Холмов оказался у кругого трапа и, срывааясь на каблуках, опрометью рванул вниз. На палубе третьего класса он не задержался.

Внезапно проснувшийся в Холмове классовый инстинкт гнал его все дальше от люков, баров и музыкальных салонов для богатых. В зеркалах он мельком видел свое белое и перекошенное отчаянной решимостью лицо. Уже где-то близко мощно стучали машины, до звона содрогая переборки. Крутясь на закоулках переходов и трапов, безоговорочно бежал на этот стук Ростислав.

Он рванул на себя одну из выкрашенных белой краской дверей со строгой надписью «Посторонним вход запрещен» и оказался на узком балкончике с решетчатым полом. Машинное нутро парохода являло собой картину ада. Слабо освещенная железная коробка была наполнена змеиным шипением пара, грохотом поршней и шатунов, ревом пламени раскаленных топок. В неистовом жару и угольной пыли метались полуоголые люди, и багровые отсветы пламени лизали их блестящие от пота тела.

Увидев постороннего, к нему двинулся один из кочегаров.

— Эй, сюда не положено! — крикнул он.— Ступайте себе!

Холмов спустился на несколько ступенек.

— Товарищ,— напряг он голос,— товарищ, мне нужна помощь...

Кочегар смотрел недоверчиво, даже угрожающе на одетого в отлично пошитую тонкосуконную тужурку студента. Сукненко и вензеля императорского института относили пришельца скорее к белоподкладочникам — сынкам богатеев, чем к студентам-революционерам.

— Ишь, товарищ...— Кочегар оскалился в недоброй улыбке. Мускулы

каменными шарами перекатывались под лоснящейся, вымазанной копотью и угольной пылью кожей.

Холмову отступать было некуда, а доказывать родство с пролетарскими предками — некогда. Открываясь, он еще настойчивей сказал:

— Товарищ, меня будут искать. Наверное, уже ищут. Двое из охранки, третий — американец, сукин сын...

И показал замкнутое на запястье стальное кольцо наручника.

Это произвело впечатление.

— Ладно, пойдем к угольным ямам,— все еще настороженно, но уже с оттенком сочувствия заявил кочегар,— потолкуем с ребятами и будем решать.

Глава 9

Моряки спрятали Холмова в кормовом шкиперском ящике. Прошло несколько однообразных дней. Свободные от вахты машинисты и кочегары из посвященных приносили в тесноватое помещение горячий чай, хлеб, миску борща. Передавали и пароходные новости. Переход от острых ощущений к спокойному самосозерцанию был приятен; вынужденное заточение Ростислав переносил философски. Часто возникал перед ним образ Ольги — будто вспыхивал в темном углу овал ее лица, возникали глаза и твердые коралловые губы. Губы, которые умели быть и ласковыми, и горячими... Но странно — на облик его Ольги тут же накладывались черты и скользящий через вуаль тревожно-требовательный взгляд другой Ольги — Вольской. И в сознании Ростислава два образа все чаще сливались в один. Он мечтал будто о своем третьем тысячелетии, а видел только петербургское: опрокинутые в небо чаши Исаакия и золотую змейку петропавловского шпиля в дымчатой невской воде — пляшущую, скользящую в вечность... И сам себе больше казался Линдбергом, чем Холмовым. Да и как могло быть иначе? Единственная спасательная шлюпка — прибор Шулуня. А его нет — он превращен в обломки, стало быть, о возврате в свои пространственно-временные координаты не приходилось и думать.

Холмов—Линдберг за эти дни свыksся с Атлантикой, отделенной только слоем железа голщиной в палец. Океана он не видел, зато по ни на минуту не прекращающимся ударам чувствовал его силу и буйство. Свыksся он и с бухтами канатов и с цепями, лежащими здесь ржавыми кучами. Свыksся даже с крысатами, прибегавшими полюбопытствовать при свете мизерной лампочки на необычного пассажира. Спал Холмов в гамаке и крыс не боялся, укрывался старым матросским бушлатом. Тетради Линдберга он бережно держал при себе, а вот прибор не уберег: что-то в приборе сильно понравилось крысам, и они изгрызли его дотла.

Браслет наручника с левой руки в первый же день спилил ему напильником могучий кочегар Иван, тот самый, которого Ростислав назвал товарищем. Он и оказался верным товарищем. Вот только конспирацию не соблюдал: палуба сильно гремела под его ногами.

Как-то в очередной раз Иван пришел с другим матросом тревожный. Говорил по-ярославски, на «о».

— Понимаешь, Ростислав, какая петрушка: наш человек радист рассказал: передавал он радиограмму про тебя — мол, едет террорист на судне с бомбами. Полиция у них настырная, наверняка в порту перевернет «Николая» от клотика до киля. Найдут. Мы тут меж собой посоветовались и решили: бежать надо тебе.

— Куда ж бежать? До Нью-Йорка идем без остановок. Да и как убежишь — вплавь далеко, а шлюпку не спустишь, это целая история, да и не даст никто.

Тут заговорил другой матрос, тряхнув черным чубом:

— Э, не журись, казак. Мы придумали кое-что. Подрассчитали — смыться тебе надо под вечер и поближе к берегу. Притормозить придется пароходик, да это уже наша печаль: уголь пойдет плохой или сломается что.

— И придумывать не надо,— угрюмо вставил кочегар,— в паропроводах свищ на свище. Надрываемся, держа давление в котлах, понимаешь.

— Вот, казак, слыхал? В темноте с верхней палубы стащим по-тихому махонькую лодочку — то ли пробковую, то ли каучуковую надувалочку спасательную; значит, ход стопорим, будто оказия какая... Это чтобы тебя не захлестнуло или, не дай бог, под винты не затянуло...

— Пора на вахту нам,— поднялся Иван,— так ты понял, Ростислав? К вечеру будь готов.

— Хорошо, мне лишь бы до берега добраться, уйти от этого черта Макферсона подальше.

Чернявый матрос дружески положил руку на плечо Холмова:

— Ничего, обойдется. Поплыvешь в Америку сизым селезнем.

К вечеру Холмов был готов. То есть надел поверх тужурки просторный бушлат. Пароход сбавил ход. Атлантика теперь не так яростно штурмовала железное тело парохода.

За Холмовым пришел чернявый, потащил за руку полутемными коридорами и вывел к небольшой площадке, на которой Иван заканчивал надувать резиновую лодку.

Прибежал третий матрос:

— Скорее, механик ругается на чем свет стоит, требует хода и штрафами грозится.

— А пошел он, кровосос,— сказал Иван, скидывая в лодку весла, багажу с водой и сверток с сухарями.

Чернявый дал Холмову три луковицы:

— Лучок дает бодрость и обостряет зрение. Ну, казак, в добрый час...

В откинутую створку грузового борта Холмов увидел наконец близкое черное зеркало воды и мечущиеся в нем яркие звезды. Лодка тихо шлепнулась об воду. Держась за трос, он спустился в легкое судно и тут же почувствовал, что лодка отпущена и удаляется от борта. Машины на «Николае» не грохотали, слабый аварийный свет лился из иллюминаторов и капитанской рубки. Но через минуту свет вспыхнул ослепительно, под кормой вздулся бурун. У Холмова от свежего воздуха голова шла кругом, но он работал веслами как мог. По плоским валам скакал луч прожектора, приближаясь к лодке. Беглец бросился на деревянную решетку, уложенную поверх дна. Лодка провалилась в промежуток между

волнами, луч скользнул дальше. А через минуту набравший полный ход корабль ушел уже далеко.

Через полчаса Холмову стало жарко. Он устал грести. Ковши обеих Медведиц, в Ленинграде стоящие почти над головой, здесь едва не черпали океанскую воду. Ветер дул с северо-востока, это устраивало. Холмов продел весла в рукава бушлата и закрепил подобие паруса вертикально. Океан мерно качал легкую лодку. Ни берега, ни огней. Очень хотелось спать, но спать Ростислав себе позволить не мог: боялся прозевать какое-нибудь судно или угодить под него. Так прошла длинная сентябрьская ночь. Несколько раз на горизонте появлялись огни, но Холмов даже не кричал, понимая, что крик завязнет в поле водяных холмов.

Утром показался берег. Поднимающееся солнце приятно грело спину. Холмов опустил руку за борт. Вода оказалась прозрачной — на удивление и почти по-летнему теплой. После завтрака он постирал в океане давно нуждающуюся в этом рубашку, а потом и носки. То и другое моментально высушило солнцем и ветром. Он хотел даже окунуться; увидел чуть поодаль скошенный назад треугольный плавник акулы, усомнился и купание отставил.

На медленно приближающемся берегу уже различались брошенные горстями рафинадных кубиков дома. В полукилометре пропыхтела под стук дизеля рыбачья черная шхуна, выграбаясь против ветра в океан. Но теперь она была не нужна.

Вдоль всего побережья тянулись причалы, склады, бараки, коттеджи. Холмов облюбовал участок поскокайнее и направил лодку к нему. Над маленьким причалом он увидел щит с надписью «Приват», но делать было нечего. Из дощатой ярко окрашенной будки вышел негр в голубой холщовой робе и такой же шапочке с длинным козырьком. Он принял конец брошенного Холмовым троса и умело привязал лодку. Негр с почтением посмотрел на горящие на солнце студенческие эполеты и попытался разобрать название корабля, написанное вокруг борта лодки крупной славянской вязью. Но не разобрал. Славянин Холмов и сам не смог бы прочитать название, окажись он на месте американца. По-английски он говорил тоже неважно; больше на пальцах объяснил, что пароход потерпел крушение.

— Оверкиль,— сочувственно кивнул негр,— иес, иес.

Негр провел спасшегося на берег, где рядом с лодкой стоял врытый в землю стол со скамейками.

— Хангри? — спросил он.

Если что хотел Ростислав сейчас, то как следует высаться на нормальной постели, которую не колотят со страшной силой океан. Но ничего так не сближает людей, как общая трапеза, а предстояло как-то приспособливаться к местным условиям, хотя бы на время. Ростислав принес из лодки сухарики и пару оставшихся луковиц, а негр выставил на стол мягкий соленый сыр и две бутылки пива. Они славно перекусили. Рядом, на необыкновенно яркой зеленой траве, пасся круглолобый бычок. За высоким металлическим забором в сотне шагов суетились матросы, бегая по сходням двух небольших военных светло-серых судов — миноносцев или тральщиков. Рядом с ними легко покачивался на воде красавец катер с летучими обводами корпуса.

Негр перехватил его взгляд.

— Спид, спид,— оскалился он, махнул рукой в сторону океана и показал три пальца.— Юроп, андэстэнд?

И Холмов понял, что скорость у катера такая, что он в состоянии перемахнуть Атлантику за трое суток.

Дальше к западу — за причалами, кранами и складами — поднимался на террасах и курился желтоватой дымкой какой-то крупный город.

Негр подсказал со значением:

— Балтимор.

Течение и ветер отнесли лодку к югу, в штат Мэриленд,— сообразил Холмов, в свое время неплохо успевавший по географии. Теперь он точно знал, как поступит. Но прежде хотелось хоть немного отдохнуть. Он наклонил голову на руки. Солнце грело затылок мягко и нежно, как будто на нем лежала кошка. «Где-то сейчас Ольга, что делает?» — подумалось ему. Образы двух девушек в его сознании уже слились прочно, и с этим единым образом он заснул.

Глава 10

За этот день Христофор Шулун, как он выражался, «иззаседался весь» или не раз «ходил отсвечивать лысиной». Он защищал своих сотрудников от бесполезных трат времени, как наседка цыплят. Такая тактика оправдывала себя втройне: сам Шулун был на виду, представительство лаборатории и какой-то процент нужной информации обеспечивался, а ребята двигали вперед науку спокойно, без дерготни.

В доме на Невском он сумел оказаться только в последние минуты рабочего дня. «Каппа» слабо гудела. В кресле оператора системы спал Холмов, уткнув голову в руки. Нежаркие солнечные лучи лежали на взъерошенном затылке нового сотрудника. «Перенервничал парень перед выходом на самостоятельную работу», — улыбнулся Шулун и не стал его будить. Он вызвал на экран отчет «каппы» за день. Сделано было удивительно много; внесенные изменения позволяли гораздо лучше и чище воспроизводить объемные изображения распознанных объектов. Открывалась возможность прямого инструментального изучения прошлого в исторических местах. В принципе — хоть казнь стрельцов на Красной площади. Феноменальная «каппа» зафиксировала два случая, когда Холмов прибегнул к экстренному возврату из информационных путешествий, причем вторая попытка оказалась незавершенной.

Шулун выключил систему. Потер виски и задумался. Случаи с Холмовым и его предшественником ясно говорили: возможности «каппы» больше, чем предполагалось, и теория информационной относительности времени может получить экспериментальное подтверждение, дело это не пустое. Вырисовывались контуры потрясающего доклада на Совете. Он, пожалуй, начнет с каскада тщательно подобранных фактов, пойдет плясать от печки — от древних изображений пришельцев из будущего в скандроподобной функциональной одежде. Потом перейдет к другим доказательствам контактов между людьми разных эпох... Забыв о Холмове,

Христофор решил посидеть еще часок-другой, покопаться в материалах, «перелопатить» еще одну стопу журналов.

Перенеся из шкафа на стол очередную порцию старых изданий, Шулун погрузился в работу. Вскоре он наткнулся на заметку в «Ниве» об изобретении Линдберга и «взял ее на карандаш». Переписал он на всякий случай и другое сообщение журнала, которое обнаружил в одном из последующих номеров. Сообщение называлось «Происшествие на Невском проспекте» и гласило:

«Изобретатель способа управления взрывом на расстоянии г. Линдберг, о работах которого мы сообщали на страницах нашего журнала, найден в своей лаборатории на Невском проспекте застреленным.

Департамент полиции ведет энергичное расследование этого прискорбного происшествия».

Было уже около семи вечера, когда Холмов зашевелился и поднял голову.

— Извините,— встрепенулся он, потирая замятую щеку.

— Ничего, в нерабочее время спать не возбраняется. А я уже у «каппы» все узнал. Хороший блочок ты вставил в алгоритм, одобряю. Слушай, а почему ты второй раз не закончил набор кода на аварийном приборе?

— Почему? — мучительно задумался Холмов.— Да, что-то было такое...— Он полез в нагрудный карман и достал горсть обломков.

Шулун изумленно покачал головой. У Холмова краской наливались уши.

— Ладно, бывает,— решил замять дело завлаб,— программа есть, перезапишем ее и только. Забудь, не бери в голову. Вот лучше послушай, что я тут раскопал под заголовком «Таинственное исчезновение»:

«По сообщениям заокеанских газет, в военно-морскую лабораторию США в Балтиморе явился некий молодой человек, с трудом изъясняющийся по-английски. Он предложил способ превращения воды в моторное топливо. Была создана комиссия из специалистов. Изобретателю предоставили быстроходный катер, оснащенный мощным двигателем. На вопрос, какой водой — морской или пресной — заправить баки, молодой человек сказал, что это безразлично. Он попросил только членов комиссии на короткое время покинуть моторное отделение, это пожелание было удовлетворено.

Спустя минуту, к удивлению специалистов, двигатель легко запустился и начал работать очень мягко. Эксперимент продолжался около шести часов. Все это время катер с комиссией на борту бороздил воды Чезапикского залива, работая на одной воде без грамма топлива.

Для продолжения испытаний изобретатель не явился. На следующую ночь и катер бесследно исчез при таинственных обстоятельствах».

— Ну, что на это скажешь, молодой гений? — спросил Христофор, закончив чтение.

Холмов ничего не мог ответить — он держался за горло, сдавленное внезапным спазмом. Потом судорожным движением все же протолкнул в себя воздух. Встревоженный Шулун, забыв о своем вопросе и докладе, схватил его за локоть.

— Что такое? Ты чего — спортсмен, здоровый парень и — на тебе.

— Не знаю,— почти нормальным тоном сказал Ростислав,— вспышка

перед глазами с такими разноцветными искрами... И будто нечем дышать — проваливаешься в бездонный омут. Ну, будто тонешь, понимаете...

Шулун отодвинул бумаги и решительно встал.

— Все, все. Разбегаемся. Насиловать организм нельзя. На воздух, на воздух.

Они обесточили помещение, поставили его на охранную сигнализацию и спустились на Невский, начинавший уже жить вечерней жизнью.

По пути к Марсову полю Холмов вспомнил о «бобе», который следовало непременно заменить. Он осмотрел все карманы. Преобразователя нигде не было.

ЮРИЙ ЛЕДНЕВ,

ГЕНРИХ ОКУНЕВИЧ

ШЕДЕВР НАУКИ,

ИЛИ

Монстр по имени Корко

Бланк проснулся от грохота. Соскочив с дивана, он подбежал к окну. В стекла ударной волной бился стрекочущий рокот вертолета. Снаружи мелькнула большая тень Корко. В тот же момент, один за другим, хлопнули три сухих выстрела.

Одеваясь на ходу, Бланк выскочил на лестничную площадку. Пока вызванный им лифт поднялся на стотридцатый этаж и опустился на первый, прошло несколько самых томительных в его жизни секунд.

Выбежав на улицу, он сразу же увидел распластанное тело. Полицейский вертолет с обвисшими лопастями стоял рядом. Бланк кинулся к Корко и прильнул к его холмистому боку: сердцебиение не ощущалось. Но, видимо, почувяв Бланка, монстр приподнял свою лохматую голову и последний разглянул на ученого. В этом взгляде были и укор, и предсмертная тоска, и прощание. Они отзывались в душе Бланка чувством непоправимой вины.

— Отойдите от зверя,— властно потребовал полицейский и потянул Бланка за локоть.— Посторонним сюда нельзя!

— А он не посторонний,— сказал кто-то из толпы. Другой с ехидством добавил:

— Он, так сказать, его родитель.

Бланк уходил от ужасного места, закрывая ладонями глаза, полные слез.

После вступительных формальностей суд приступил к разбору дела.

СУДЬЯ. Суд начинает допрос свидетелей и потерпевших, которые подали иски на возмещение убытков, причиненных им фирмой «Саймон и сыновья». Первый вопрос задается потерпевшему мсье Карпо. Мсье Карпо, что вы можете рассказать суду о случившемся?

КАРПО. Это было три дня назад. Мы с женой Дианой на только что купленном автомобиле — учтите: машина дорогая, покрыта белой радиолокационной краской — поехали прокатиться. Только мы выбрались на шоссе, поставили машину на автоуправление, только Диана прижалась ко мне, как на капот сел этот зверюга и заглянул в машину через стекло. Диана с перепугу потеряла сознание. Поверьте, ужаснее той морды я в жизни не видел!

БЛАНК. Корко совсем не страшен! Вам показалось...

СУДЬЯ. Мистер Бланк, прошу вас не перебивать. Продолжайте, мсье Карпо.

КАРПО. Я отвез жену в больницу, сообщил в полицию о происшествии, потом отдал машину в ремонт. Прошу возместить мне убытки... за порчу радиолокационного покрытия и за психическую травму жены. Все!

СУДЬЯ. Вопрос ко второму владельцу машины, мистеру Блоху. Что произошло с вами в тот день на шоссе?

БЛОХ. Мы с Сузи отправились на моей машине за город...

СУДЬЯ. А где ваша Сузи? Она здесь?

БЛОХ. М-мм... Сузи не моя. У нее есть муж. По этой причине Сузи не может присутствовать на суде. Вы понимаете, господин судья?

СУДЬЯ. Понимаю. Продолжайте.

БЛОХ. Итак, едем. Сузи, крошка, смеется от удовольствия! Вдруг видим: летит на нас это чудовище! Сузи от страха выпустила руль, и о дорожную загородку у машины ободрало весь бок. Учтите: радиолокационная краска очень дорогая! Я требую уплатить за ремонт машины и за риск. Ведь мы могли вместе с крошкой Сузи погибнуть!

СУДЬЯ. Почему же ваша машина врезалась в загородку? Разве робот-шофер был неисправен?

БЛОХ. Дело в том, суд должен принять во внимание... Ну, словом, Сузи — такая баловница! Отключила автомат и своими нежными ручками стала... управлять... автомобилем. Если бы вы слышали, господин судья, как она смеялась тогда, моя киска!

СУДЬЯ. По-моему, тут ничего смешного нет, мистер Блох. Вы действительно могли погибнуть. Разве можно доверять руль женщине?

БЛОХ. Вот я и говорю: мы с Сузи могли запросто погибнуть из-за проклятого монстра! Я требую оплатить иск!.. За покушение на нашу жизнь и еще за белую радиолокационную краску, которой придется заново покрывать машину.

БЛАНК. У меня тоже белая машина с радиолокационным покрытием.

СУДЬЯ. Ничего удивительного! Сейчас все хотят иметь такую машину. Это безопасно и модно. Так, не будем отвлекаться от сути!..

БЛАНК. Корко был шедевром биоинженерной науки. Зря его убили!

СУДЬЯ. Суд это выяснит, мистер Бланк. Представитель полиции, почему вы решили уничтожить монстра?

КОМИССАР ПОЛИЦИИ. Я, комиссар полиции, лично руководил операцией. Все выполнено безупречно! Извольте не беспокоиться, господин судья!

СУДЬЯ. И все-таки... Расскажите подробнее.

КОМИССАР. Нам сообщили, что на трассе с интенсивным движением какое-то чудовище давит машины и калечит людей. Необходимо было принять меры. Я лично связался с прокурором по экстренным общественным ситуациям, и он дал мне санкцию на немедленное уничтожение возмутителя спокойствия. Мы обнаружили его в тот момент, когда он кружил над городом, выискивая очередную жертву...

БЛАНК. Вы его убили над моим домом!

КОМИССАР. В суд представлен и наш иск на покрытие расходов по ликвидации монстра и доставку трупа его в крематорий.

СУДЬЯ. Суд учитет это. Теперь вопрос к сторожу фирмы «Саймон и сыновья» синьору Базилио.

БАЗИЛИО. Я здесь, ваша милость!

СУДЬЯ. Синьор Базилио, вы работаете сторожем на ферме у мистера Саймона и были назначены, э... согласились за дополнительную плату ухаживать за монстром по кличке Корко?

БАЗИЛИО. Совершенно верно, ваша милость! Только за дополнительную! Так бы я ни за что не согласился!

СУДЬЯ. В вашем иске не все понятно. Почек — хуже не бывает. Что вам практически сделал монстр?

БАЗИЛИО. Сейчас я расскажу все по порядку, ваша милость. Значит, когда привезли к нам на ферму это проклятое чудовище, он мне сразу не понравился.

СУДЬЯ. Почему же?

БАЗИЛИО. Он был страшным, ужасным зверем! Жутко некрасив! Уродина!

БЛАНК. Неправда! Корко был прекрасен! Красота — относительное понятие...

СУДЬЯ. Мистер Бланк, я прошу вас не мешать суду! Продолжайте, синьор Базилио.

БАЗИЛИО. Столько я от него натерпелся, ваша милость, что и не расскажешь. От одного его взгляда можно было умереть, ей-богу! Он и глядел-то на всех: как бы сожрать кого, проглотить с потрохами...

БЛАНК. Корко — травоядное животное. Он был добрым и кротким.

СУДЬЯ. Мистер Бланк, я еще раз предупреждаю вас! Кстати, почему монстра назвали Корко?

БЛАНК. Корко — это его генетический шифр: «кор» — «корова», «к» — «курица», «о» — «овца». Отсюда — молоко, яйца, шерсть.

СУДЬЯ. Понятно. Продолжайте, Базилио.

БАЗИЛИО. Когда я ткнул его вилкой...

СУДЬЯ. Чем?!

БАЗИЛИО. Вилка — это такой длинный железный прут, острый. Я его сам сделал.

СУДЬЯ. Для чего?

БАЗИЛИО. Чтобы управлять этим проклятым монстром. Так вот, тыкаю я ему вилкой в бок...

СУДЬЯ. С какой целью?

БАЗИЛИО. Чтобы он скорее снес третью яйцо. Я очень торопился, меня ждал дома приятель, мы с ним собирались посидеть за бутылочкой, а этот проклятый зверина снес два яйца, а третью — не хочет...

БЛАНК. Он не мог нести яйца подряд, одно за другим, это противовестественно!

СУДЬЯ. Мистер Бланк!.. Продолжайте, синьор Базилио.

БАЗИЛИО. Значит, тыкаю я ему вилкой в нос...

СУДЬЯ. В бок, вы хотите сказать?

БАЗИЛИО. В бок я уже тыкал. Теперь — в нос. Да. Тычу ему в нос и кричу: «А ну, тварь ты несчастная, неси скорее яйцо! А то заколю на смерть!» А он только ворчит что-то да отворачивается. Я изловчился — и ему прямо в глаз!

БЛАНК. Это же бесчеловечно!

СУДЬЯ. Пожалуйста, мистер Бланк, помолчите! Нам надо установить истину. Давайте короче, синьор сторож!

БАЗИЛИО. А он все равно не слушается. Такая уж он упрямая скотина, ваша милость. Ну, я тогда шибко рассердился. Вбегаю к нему в клетку и давай его лупить по башке этим железным прутом... вилкой, значит...

БЛАНК. Господи...

БАЗИЛИО. А он как заревет. Потом выскочил из клетки и полетел! Чуть не задел меня своим крылом и когтистой лапой. Я так испугался, ваша милость, когда увидел, что к клетке бежит мистер Саймон! Я сразу лег на землю и притворился мертвым. Лежу, а сам думаю: неужели меня уволит мистер Саймон? Но, слава богу, пронесло! Вот я и требую от этих научных господ: пусть они мне заплатят, как положено, за мой моральный испуг и еще за травму души! Верно я излагаю иск, ваша милость?

СУДЬЯ. Хватит. Садитесь. Теперь вопрос к мистеру Саймону, владельцу фирмы «Саймон и сыновья». По вашему заказу институт сельскохозяйственной генетики изготовил и продал вам монстра по кличке Корко?

САЙМОН. Да, я купил у них этого монстра.

СУДЬЯ. Значит, вы являетесь его хозяином и обязаны нести полную ответственность за все его действия. Суд считает: вы обязаны оплатить по иском потерпевших от монстра.

ЗАЩИТНИК САЙМОНА. Простите, господин судья, но фирма отказывается от уплаты.

СУДЬЯ. Почему? Если фирма купила монстра, значит, она стала его хозяином и должна отвечать за него по всем юридическим законам.

ЗАЩИТНИК САЙМОНА. Потому что монстр, заказанный фирмой, был изготовлен институтом с большими отступлениями от программы, обусловленной контрактом. Мало того, фирма сама является потерпев-

шей и вносит иск на уплату ей за убытки, связанные с приобретением и содержанием монстра, а также с издержками, понесенными фирмой в связи с побегом монстра.

СУДЬЯ (удивленно). Вот как! А кто же, по-вашему, должен платить по иском за ремонт крыши дома, покраску машин, лечение пострадавшей женщины, потерпевшему... гм... сторожу, полиции за ликвидацию монстра и его транспортировку, суду за издергки? Да еще и вам? Кто?

ЗАЩИТНИК САЙМОНА. Естественно, тот, кто произвел на свет монстра с нарушениями программы, оговоренной контрактом между фирмой и институтом сельскохозяйственной генетики.

СУДЬЯ. Вопрос к директору института, доктору Сану. Доктор, вы принимали заказ от фирмы?

ДОКТОР САН. Да! И передал его в лабораторию мистера Бланка для выполнения по программе, обусловленной контрактом.

СУДЬЯ. Мистер Бланк, расскажите, как вы выполняли заказ фирмы?

БЛАНК. Директор института доктор Сан пришел в лабораторию и сказал мне: «Необходимо срочно изготовить по заказу такое домашнее животное, чтобы от него можно было получать в сутки не менее сорока литров молока, трех яиц по восемьсот граммов каждое и тонкой шерсти не менее килограмма».

СУДЬЯ. Доктор Сан, вы подтверждаете это?

ДОКТОР САН. Да. Институт получил именно такой заказ.

СУДЬЯ. Мистер Саймон, это действительно так?

САЙМОН. Да, нам требовалось такое домашнее животное, чтобы оно давало молоко, яйца, шерсть и занимало на ферме мало места.

СУДЬЯ. И вас удовлетворяло животное, изготовленное для вас институтом?

САЙМОН. Еще как! Он один заменял отару овец, выводок птиц и двух коров, а занимал довольно маленькую клетку. Питался разными отходами, как мусорная машина...

СУДЬЯ. Как он вел себя на ферме?

САЙМОН. Его не слышно было. Стоит у себя в клетке и жует.

СУДЬЯ. Вот видите, вы удачно приобрели себе это полезное животное, а теперь хотите от него отказаться, от своей собственности.

ЗАЩИТНИК САЙМОНА. Я протестую! Согласно статье номер 22999 закона о покупках, всякая приобретенная вещь имеет гарантию не менее года. Если в течение гарантированного срока выявятся дефекты, неприемлемые для хозяина вещи, то покупка аннулируется, деньги возвращаются.

ЗАЩИТНИК БЛАНКА. Монстр выполнен по заказу и к закону о покупках не подходит. Статья закона о выполнении контрактов гласит: заказ по контракту считается выполненным, если все статьи контракта исполнены точно и в срок.

ЗАЩИТНИК САЙМОНА. Да. Но шесть нарушений программы, которые выявились потом, не были оговорены контрактом!

СУДЬЯ. Конкретно? Перечислите!

ЗАЩИТНИК САЙМОНА. Контрактом не было обусловлено, чтобы монстр летал – раз, нападал на обслуживающий персонал – два, сбегал от

хозяина – три, давил автомобили – четыре, пугал людей – пять, проламывал крыши – шесть.

СУДЬЯ. Ученый Бланк, почему при исполнении вами заказа были допущены перечисленные аномалии?

БЛАНК. Это было неизбежно.

СУДЬЯ. Почему?

БЛАНК. Любой школьник из учебника по генной инженерии знает, что вывести исключительно чистую биологическую особь по строго ограниченным параметрам невозможно из-за нестабильности генома, являющегося совокупностью генов заданного организма. Животное – это вам не заводная игрушка! Определенные сегменты ДНК микрируют по спирали. Поэтому и неизбежны различные мутации. Это – первый закон генной инженерии.

СУДЬЯ. Вы хотите сказать, что не предполагали, какие будут отклонения от программы?

БЛАНК. Их предугадать невозможно.

СУДЬЯ. Но ученый обязан предвидеть! На то он и ученый!

БЛАНК. Только наивные полагают, что ученые могут все предусмотреть! К каждому научному открытию ведет неизведанный путь.

БАЗИЛИО. Ваша милость, мне бы поскорее денежки получить. А то тяжко слушать ваши ученые речи. В голове каша от них.

СУДЬЯ. Да, мы немного отвлеклись от главного. Так... за поведение монстра наука ответственности не несет. У нее, как говорится, – презумпция невиновности. Фирма, которая купила монстра у института, отказывается признать его своей собственностью. Она нашла шесть нарушений контракта. А сам монстр уничтожен...

КОМИССАР ПОЛИЦИИ. Как опасный для общества зверь...

БЛАНК. Неправда! Корко не был опасен для общества. Корко искал меня. Я ездил на белой машине с радиолокационным покрытием. Поэтому он и садился на белые машины. Конечно, жаль, что он нашел меня слишком поздно. Полиция же явно поспешила.

СУДЬЯ. Версия интересная...

БЛАНК. Корко искал меня – это факт!

ЗАЩИТНИК САЙМОНА. Я хочу обратить внимание суда на очень важную деталь: побег монстра, по всей вероятности, был запрограммирован. Мистер Бланк сам сейчас утверждал, что монстр искал его.

БЛАНК. Он искал защиты. Корко бежал от жестокого с ним обращения. Он спасался от изуввера-сторожа Базилио, который оказался уже всякого зверя. Корко привык у нас в лаборатории к ласковому обращению и не выдержал побоев. Инстинкт повел его в такой ситуации ко мне.

СУДЬЯ. Это ясно. Но неясно другое – кто будет платить потерпевшим? Кто?

Молчание.

Мистер Саймон, вы отказываетесь признать себя владельцем монстра по кличке Корко?

САЙМОН. Отказываюсь. И требую возмещения убытков, понесенных фирмой.

СУДЬЯ. Доктор Сан, вы отказываетесь признать свой институт хозяином монстра?

ДОКТОР САН. Естественно! Институт продал монстра фирме «Саймон и сыновья», у нас есть акт о продаже.

СУДЬЯ. Странная получается картина! Совершено нарушение юридических законов. Есть потерпевшие. А виновных не найдешь! Кто-то из вас, господа, должен взять на себя ответственность за поступки монстра. Или разделить эту ответственность?

БЛАНК. Я сознательно признаю свою вину за действия Корко. «Мы в ответе за тех, кого приручили», — это сказал добрый человек еще в двадцатом веке.

СУДЬЯ. Мистер Бланк, вы берете на себя оплату исков и расходы по суду?

БЛАНК. Да.

СУДЬЯ. Суд окончен. Все свободны.

К Бланку подходит возмущенный доктор Сан.

ДОКТОР САН. Мистер Бланк, я возмущен вашим поступком! Ваше заявление об ответственности ученого за свой труд абсурдно! По законам общественной морали я, как руководитель научного учреждения, не имею права держать в штате сотрудника, которому суд вынес обвинение. Это порочит честь и репутацию института. Вы уволены!

Доктор Сан уходит. К Бланку подходит сияющий Саймон.

САЙМОН. Мистер Бланк, что я услышал! Вас уволили из института. Это прекрасно! Не отчаивайтесь, мистер Бланк! Моя фирма снимает свой иск и готова оплатить за вас все расходы по делу монстра. Да, да! Но с одним условием: вы переходите работать в мою фирму. Я построю для вас научную лабораторию, которая будет лучшей в мире! На торговле монстрами мы заработкаем с вами огромные деньги! Мистер Бланк, соглашайтесь?! Вот вам бланк контракта. Скорее заполните его и подпишите! Я согласен на любые условия!

Бланк молчит. К нему подходит Базилио.

БАЗИЛИО. Мистер Бланк, мне надо скорее получить с вас. Суд решил.

БЛАНК (словно очнувшись). Мистер Саймон, я соглашусь работать у вас при условии, если вы уберете к чертям собачьим этого дебила, эту жуткую скотину Базилио!

САЙМОН. Я согласен, мистер Бланк! Синьор Базилио, вы уволены! Идите в контору и получите пособие в связи с увольнением. Да заодно и по вашему иску к мистеру Бланку! Мистер Бланк, если вы захотите, я сам буду ухаживать за монстрами! Подпишите контракт, мистер Бланк!

Конокрад из параллельного

— ...Нет, Вольдемар, мне, пожалуй, уже хватит, не наливай. Так вот, понимаешь, тот мир, который мы называем параллельным,— он не совсем параллельный, он соприкасается с нашим. В принципе это наш же мир, только чуть смещенный в пространстве и времени. Вот верующие видения видят — это ведь оттуда видения. Или НЛО, или барабашки разные, привидения. Все — есть, и не надо над этим смеяться.

— Я не смеюсь,— сказал Вольдемар, гоняя вилкой горошину по тарелке.— Я просто не верю. Ни в бога, ни в инопланетян, ни в твой параллельный мир. Ну где он, покажи мне его!

— Мы для этого сюда и пришли. Через двадцать минут мы выйдем к реке...

Вольдемар вскинул руку с часами к глазам, стал пьяненько таращиться на стрелки, соображая, видимо, где — часовая, где — минутная. Наконец сообразил:

— Нет, еще двадцать две минуты.— Щелкнул пальцами над головой: — Человек!

Официант не спеша, гордо и независимо подходит к нам.

— Человек, повтори. Коньячку два по сто пятьдесят, ну и там, сам знаешь что.

— «Белой лошади» уже нет. Могу предложить...

Вольдемар не дает ему договорить, достает из кармана рубашки деньги, не считая, роняет их веером над столом. Деньги не успевают осесть на скатерть, исчезают под взмахом салфетки официанта. Он теперь не говорит, а воркует:

— «Де воляй», беф-брезе, консоме с профитролями?

— Давай, мильй, давай. А еще — на десерт бы чего-нибудь попикантней. Ну там, Машу, Глашу, а?

— Позвоним, подъедут. Хорошие девочки, но цену себе знают.

— Сторгуюсь,— Вольдемар откидывается на спинку стула и улыбается, на этот раз мне:

— Вот ведь как! Волшебную ночь обещал мне ты, а получается, что я ее создаю. Ты спрашивал, могу ли я ездить на коне, а коня, то бишь, «Белую лошадь», добыл опять-таки я. Ты что-то там о молодой цыганочке говорил, а я тебе на выбор: хочешь, черненькую, хочешь, беленькую...

Мы сидим в ночном ресторанчике, расположеннном за городом, на самом берегу реки. Когда стихает озверевший оркестр и перестают дробить пол танцующие, слышно, как бьет в берег вода. И еще: если очень-очень прислушаться, можно различить удары копыт о гальку. Это Смоль ждет меня.

Официант заставляет закусками стол, Вольдемар сразу же тянется к коньяку и недовольно морщится, услышав мое: «Пора!»

— Куда пора? Еще две... полторы минуты. И потом, неудобно же: приедут дамы, а нас нет. Постой, куда ты? Врешь, ты ведь первым хочешь девочек встретить. Ну черт с тобой, выбирай первым, не возражаю...

* * *

Летняя ночь легкая, как вино. Я шагаю вдоль речки по мокрому песку. На песчаной косе, уходящей далеко в воду, меня ждет Всадник.

— Ты почему один? — спрашивает он.

— Я ошибся в другое. Но хватит об этом. Наверное, надо быстрее садиться в седла? Мы ведь рядом с рестораном.

— У тебя сильна инерция страха, — улыбается Всадник. — Нас и здесь никто не увидит. А если бы и увидели, какое тебе дело до этого?!

Я сажусь в седло. Бес вселяется в коня, он нетерпеливо перебирает копытами, косит глазом: мол, не пора ли? Порыв ветра срывает с неба звезду, та падает в воду.

Пора.

Я вонзаю шпоры в бока Смоля, и он мчится по степи. Рядом — Всадник. Третий конь, без седока, растворяется в ночи.

* * *

Ветер настраивает листву на дубах, как скрипач струны, потому перелесок заполнен музыкой. Откуда такой ветер? Ведь ночью и ветра засыпают.

— Ветер странствий, — услышал мой немой вопрос Всадник. Он едет рядом, стремя в стремя. Луна освещает его лицо. Оно мне знакомо: запавшие глаза, нос с горбинкой, смазанная линия губ. Незнаком лишь шрам на левой щеке, грубый, как корявая чешуя сосновой коры.

— Откуда у вас этот шрам?

— Разве не помнишь? — спрашивает Всадник, и мне на миг становится тревожно. Но это чувство проходит, как только наши лошади поворачивают на чуть заметную лесную тропу. Мы мчимся по ней, ветви царят лицам, хватают за плечи. Вслед хохочет филин, загораются лунной краской деревья.

Мне хорошо. Мне так хорошо, что хочется плакать.

— Это уже параллельный? — кричу я.

Всадник вместо ответа говорит:

— Теперь тебе направо, я буду ждать здесь.

* * *

Смоль замирает неожиданно, я едва не вылетаю из седла. Поляна, костер, кибитка, обшитая разноцветными лоскутками. У огня сидит старая цыганка, ворочает угли. Я спрыгиваю на землю и становлюсь напротив нее:

- Заговори меня от беды и пули.
- Ты приходишь сюда второй раз,— не поднимая головы, говорит она.— Кем ты хочешь стать в нашей жизни теперь?
- Как и прежде, конокрадом.
- Зачем тебе это, крестовый? Коней уже давно никто не покупает.
- Мне не нужны деньги, я хочу испытать себя. Только пройдя испытание, я смогу понять ваш мир.
- Хорошо,— говорит старуха.— Иди вдоль ручья и встретишь мою дочь, Азу. Она заговорит тебя от беды и пули. Но передай ей, пусть оставит уязвимой твою правую руку.
- Зачем?
- Так надо, крестовый. За все платить надо. И потом, не так страшно потерять руку, как веру. Если ты опять забудешь мои слова, у тебя останется всего одна попытка вернуться в этот мир. Всего одна.

* * *

У Азы черные огромные глаза и холодные ладошки. Она гладит меня по левой щеке, будто хочет найти там что-то.

- Ты опять пришел к нам? Хочешь узнать, о чем шепчет трава и почем фунт лиха? Желаю тебе непогод.
  - Чего ты еще пожелаешь, Аза?
  - Чтобы ты все-таки стал конокрадом.
  - Я украду лучший табун, что есть в этих местах, и приведу его тебе.
- Приведу, чего бы это ни стоило.
- Даже руки?
  - Чуть не забыл. Мать велела тебе передать...
  - Знаю, знаю. Хорошо, что ты вспомнил. Не так страшно потерять руку, как веру.
  - Не говори со мной загадками. При чем здесь вера?
  - Я отвечу, но сначала ответь ты: зачем приходишь в наш мир?
  - Я устал жить в своем. Я хочу мчаться на лошади, я хочу дорог и костров.
  - А если лошадь споткнется, дорога пропадет, костер обожжет?
  - Пусть лучше так!
  - Прошлый раз ты говорил эти же слова,— грустно замечает она.— Но когда пуля должна была обжечь твою щеку...
  - Я не помню этого.
  - Ты не хочешь этого помнить. Ты видел сегодня своего двойника, Всадника? Рана досталась ему. Помни: свой долг нельзя оплачивать чужими деньгами. Так велика ли плата — рука за веру?

* * *

Вместе с Всадником ужами скользим по высокой траве. Мое тело никогда еще не было таким сильным, каждая мышца дрожит от возбуждения, кипит застоявшаяся кровь. Я, наверное, рожден для этого мира, рожден конокрадом...

— Держись правее,— шепчет Всадник.— Там лучшие скакуны табуна. Путы режь так, чтоб не поранить им ноги. Держи кинжал.

Я у копыт рослого белого коня. Он по-звериному скалит зубы, и дрожь охватывает его от копыт до холки. Тихо ты, дуралей, не надо бояться меня, я конокрад, твой друг. Я сниму тебе путы, и ты станешь таким же свободным, как и я. Мы будем с тобой выдумывать тропы, и Аза вплетет в твою гриву траву, которая убережет тебя от беды и пули. Беги, расчесывай гриву гребенкой сосны...

— Нас заметили,— кричит Всадник, прыгая в седло своего коня.— Спасайся, иначе... иначе...

Смоль рядом. Через мгновение я уже скачу. Поют вокруг пули. Они не страшны мне. Скоро меня и ветру не догнать!

Но петля обвивается вокруг тела и сбрасывает меня с седла. От падения я совсем не чувствую боли. Но слышу, как вскрикивает Всадник.

* * *

— Кто ты и откуда?

Что им ответить? Все, как было?

Значит, так. Черт меня дернул в слезливый пакостный день поехать в лес, заплутать там в трех соснах и, как я это довольно часто делал в последнее время, начать проклинать судьбу, никемную и путаную свою жизнь. Жизнь, скупую на события, сонную, тягучую, в которой вчера равно завтра, и нет просвета для взгляда и мысли... Наверное, я все это говорил слишком громко, потому что человек, вдруг возникший в мокром сером тумане впереди, направился прямо ко мне и, остановившись не напротив, а сбоку,— я было хотел повернуться к нему, но он неправдоподобно быстро, как на киноэкране, ускользнул в сторону и опять замер на линии плеч,— сказал: «Если хочешь... Я жду тебя завтра у реки». Так я получил три попытки для того, чтобы изменить жизнь. В первый раз мне не повезло: мы не успели освободить табун, нас заметили. Мы уходили в степь, и рой пуль жужжал за спиной. Тогда у меня уязвимой была лишь щека, и я почувствовал, что пуля обязательно вольется в нее, и закричал, и... Но теперь я не повторю ошибки, я не боюсь пули.

— Кто ты и откуда?

— Это так важно для вас? — смеюсь, глядя на них.

Они все на одно лицо. Они поразительно похожи на Всадника, разве что сонливой глаза. Скорее всего и они мои двойники, и они — это я, только в иной ипостаси.

— Важно,— слышу тусклые суровые голоса.

— Я не желаю отвечать, я не боюсь вашего наказания! И теперь вы уже не удержите меня от полной свободы! Будете меня вешать или расстреливать? Веревка порвется, а пуля не пробьет сердца.

— Мы поступим по-другому, как вору, отрубим тебе правую руку...

Пот бисером выступил на лбу:

— Не-е-ет!

— Да перестань ты кричать!

Открываю глаза. Яркие огни ресторана, река в двух шагах. Надо мной Вольдемар.

— Ты чего это после одной рюмки отключился? Валеящийся на песке. Еле нашел тебя. Слаб ты, братец, слаб.

— Я не пьян, я не спал, я... Ты никого тут больше не видел?

— Чувствую, опять сказки мне готов рассказать, да? Ну и чудак! Оставь это на потом, а сейчас к столику пойдем, нас уже ждут. Знаешь, официант не надул: девочки что надо! Берешь себе черненькую, она, мне кажется, на цыганку твою похожа, о которой ты мне голову морочил.

Мы идем к ресторану. Здесь, вдали от города, кажется, что это светящийся сказочный дворец. Отблески электрического огня разносятся далеко от здания и освещают песчаную косу, уходящую далеко в реку.

— Смотри,— говорит Вольдемар.— Смотри, что это за чудак с лошадью стоит? Вон, на косе? Однорукий, щека разорвана... Чего он на нас плятится, чего ему надо?

Знаю: теперь у меня осталась третья, последняя попытка. Мне невыносимо трудно поднять голову и посмотреть на Всадника.

БАНГУОЛИС БАЛАШИВИЧЮС

Лояльный гражданин

Научно-фантастический рассказ *

1

И в тот день после обеда Рате, подтягиваемая ликующим Урсом, вышла на прогулку. А когда она вернулась, робот-прислуга вручил ей толстый конверт. Рате вскрыла послание, вытащила толстую пластиковою карточку и, едва глянув на текст, плюхнулась на стул.

2

Тетрас Джонтис, директор станции акклиматизации водорослей Дейнеры, после обеда вернулся на работу, насыпывая популярную песенку «Не уходи, моя милашка...». Ресторан «Дейнера» славился прекрасной кухней и безупречным обслуживанием (и клиенты, и кельнеры — только мужчины). Кроме того, сегодня Джонтис наконец-то встретился с одним нужным человеком из Центрального Координационного Управления...

* Рассказ печатается с небольшим сокращением.

Наша конституция утверждает, что положение любого человека в обществе — его повышение или понижение в должности, если употреблять это бранное слово — карьера, — зависит только от деловых качеств и способностей конкретного лица. Это величайшее достижение цивилизации Кванки: электронный мозг Координационной службы знает о каждом ее жителе все и каждому воздает по заслугам.

Тетрас Джонтис считался лояльным гражданином, однако наивным его никто не называл. Тетрас уважал электронный мозг, но не верил, что и здесь нельзя прибегнуть к помощи друзей или добрых знакомых. Да, о деловых качествах человека судит электронный мозг. Говорят, он беспристрастен, правдив, неподкупен и так далее — как любая хорошо отлаженная машина. Однако кто обслуживает все оборудование, кто вводит в электронный мозг данные о том или другом гражданине, о его работе и личной жизни? Люди! А ведь любого из нас можно охарактеризовать и чуть лучше, и чуть хуже, можно некоторые заслуги забыть или посчитать их недостойными внимания, а некоторые грешки — вспомнить...

Вот и Бладас Дианас, человек, с которым сегодня обедал Джонтис, работал техником при электронном мозге. Встретились они совершенно случайно, хотя следует заметить, что Джонтис не просто так целый месяц ходил только в «Дейнеру». Он знал привычку техника каждый день обедать в другом ресторане и верно рассчитал, что рано или поздно тот заглянет и сюда. И наконец-то Джонтису повезло, как везет каждому, кто упорно идет к своей цели. Непринужденная беседа, хорошие манеры — кажется, техник остался доволен встречей. Между вторым и десертом Тетрас разузнал, где Бладас Дианас собирается обедать в ближайшие дни. Завтра и послезавтра — пока еще нет, торопиться не следует, а вот потом Джонтис случайно заглянет в «Бому». Пообедать... Одна встреча, вторая, третья. Через месяц можно будет техника и домой пригласить. Вот тогда-то, в домашней обстановочке, Тетрас и поговорит о своей карьере — как бы между прочим. Засиделся он в кресле директора этих вонючих водорослей, хочется, как говорится, расти: есть теплые места, которые теперь занимают люди, нисколько не умнее и не деловитее его, Тетраса Джонтиса. Они только поизвортливее...

Тетрас вернулся в свой кабинет, но за письменный стол не торопился. Он никогда не перерабатывался, кроме того, знал, что медики рекомендуют после обеда хотя бы с полчасика погулять. Вот Тетрас и вышагивал — от стены к окну и обратно, ходил неторопливо, солидно, заложив руки за спину, с гордо поднятой головой. Начальнику нельзя расслабляться, неважно, видят тебя подчиненные или нет; привычка — вторая натура, поэтому следует всегда вести себя так, как подобает человеку твоего положения.

Спокойную прогулку Тетраса прервал щелчок правительенной линии. На столе появился толстый конверт, и Тетрас рысцой потрусил к нему. Он вытащил из конверта голубую карточку, глянул на нее и застыл. Потом, рукой придерживаясь за стол, не глядя нашел кресло. .

Это было вежливое приглашение явиться в Центральное Координационное Управление.

Тетрас осторожно положил карточку на стол и приказал себе успо-

коиться. Пока что ничего плохого не случилось и скорее всего не случится. Плохие вести обычно сообщают письмом, на беседу не приглашают. Зачем начальству портить себе нервы, наблюдая за отрицательными эмоциями распекаемого?.. Нет, теперь, когда каждый житель Кванки обязан беречь здоровье, такого не бывает.

Тетрас опять взял в руки карточку. Теперь он уже успокоился и смог прочитать слова, напечатанные мелким шрифтом.

Он приглашен к Самому Начальнику Управления!

Это добрый знак. Его ждет повышение. Остается узнать — какое?

Вот когда Тетрас Джонтис от души пожалел, что не начал охотиться за техником Бладасом несколько раньше. Сегодня не пришлось бы волноваться.

До назначенного времени оставался целый час, однако Тетрас Джонтис поторопился ехать. Опаздывать в Центральное Координационное Управление не смеет никто.

3

В длинном коридоре Управления царствовала (воспользуемся метким штампом) кладбищенская тишина: то ли двери, белеющие по обе стороны коридора через каждые несколько метров, то ли чиновники сидели очень тихо; конечно, если теперь не обеденный перерыв; Тетрас Джонтис бывал в этом здании пять лет тому назад, когда его назначили директором станции, а ведь за это время все не раз перестраивалось.

Тетрас Джонтис ступал тихо, чтобы не нарушить благоговейную тишину. Дорогу он знал...

Кстати, и всем нам известно, что по традиции кабинет начальника следует искать в конце коридора. Шут его знает, почему так повелось: то ли чтобы подчиненные, сидящие поближе к входу, уберегли начальство от докучливых посетителей, то ли чтобы интересант, шагая по длинному коридору, успел проникнуться подобающим уважением к человеку, управляемому всем этим почтенным, сложным, а главное — очень нужным ему учреждением.

Открыв тяжелые двойные двери (тоже давняя традиция) и переступив через порог, Тетрас Джонтис оказался в просторной пустой комнате. Толстый ковер покрывал паркетный пол, по бокам, выстроенные по линейке, стояли стулья, готовые принять целую армию посетителей, а на стене напротив дверей висел робот-секретарь. Едва лишь Тетрас переступил порог, как экран робота засветился и показалась улыбающаяся брюнетка. Это был добрый знак: Тетрас знал, что в приемных больших начальников посетителей обычно встречают блондинки, и только дляуважаемых интересантов подбираются картинки, соответствующие их индивидуальному вкусу.

— Почтенный Ванас Ливанас ждет вас,— мелодично прозвучало в приемной, хотя брюнетка на экране даже не открыла рта.

Странно, подумал Тетрас, в такой организации — и устаревшая модель, без синхронизации звука и изображения. Значит, начальство Управления выше таких мелочей.

Жизнь прекрасно вышколила Тетраса, научила, как где себя вести,

поэтому его лицо никогда не выдавало подлинных мыслей своего хозяина, когда он общался с начальством. А изредка — и когда с подчиненными.

Щелкнул механизм, блокирующий дверь, и она распахнулась. Тетрас Джонтис вошел в кабинет начальника Центрального Координационного Управления.

Почтенный Ванас Ливанас встретил его стоя. Негигиеничная церемония рукопожатия была отменена лет пятьдесят тому назад, поэтому начальник только ласково кивнул и гостеприимно показал на кресло по другую сторону широкого стола.

— Пять лет безупречного руководства лабораторией акклиматизации водорослей Дейнери, уважаемый Татрас Джонтис? — осведомился Ванас Ливанас, глядя сквозь Тетраса на дисплей.

Электронный мозг Координационной службы фиксирует мельчайшие подробности жизни каждого человека, скажем, сколько калорий он употребляет или в срок ли рассчитывается с государством, оплачивая счета; что уж тут говорить о служебных делах. Поэтому Джонтис понял, что начальнику подтверждения не нужны, но все равно торопливо кивнул.

— Потом вы пять лет успешно руководили станцией акклиматизации водорослей Дейнери. — Теперь уж Ванас Ливанас вонзил взгляд прямо в Джонтиса.

Тетрас снова поспешно кивнул, распрямляя плечи и выпячивая грудь: да, он честно трудился, успешно руководил, под его началом станция планомерно акклиматизировала, смертность водорослей доведена до минимума, качество повышенено... Однако он достоин большего. Кажется, почтенный Ванас Ливанас понимает, что Тетрас Джонтис — деловой человек, что ему уже тесно на старом месте, водоросли для него — слишком мелкий объект. Тетрас Джонтис заслуживает чего-нибудь покрупнее...

— В нашем прекрасном городе много сообразительных, деловых людей, — словно читая мысли Тетраса, продолжил Ванас Ливанас. — Однако из тысяч кандидатов электронный мозг выбрал именно вас, уважаемый Тетрас Джонтис. Не спрашивайте меня, какие ваши личные качества перевесили чашу в вашу пользу: электронный мозг своих решений не комментирует. Важен сам факт: мозг выбрал вас на пост Координатора города.

Тетрас Джонтис мечтал стать директором научно-исследовательского института акклиматизации водорослей Дейнери, иногда подумывал о месте директора какого-нибудь крупного магазина или даже (вершина всех мечтаний!) заведующего базой. Но Координатором города! Человеком, которому подвластны и институты, и магазины, и даже базы! Тетрас вместе со всеми лояльными гражданами скрబел по поводу смерти Координатора города, знал о предстоящих выборах на вакантный пост, однако ему даже не снилось...

Надо сказать, что электронный мозг выбирает Координатора из числа всех постоянных жителей города. Здесь не имеет значения занимаемая должность кандидата, не требуется специальное образование. Главное и единственное, по сути дела, условие — чтобы до этого человек занимал руководящий пост. Если кандидат успешно руководил, скажем, базой,

значит, он справится и с обязанностями Координатора. Остальное мелочи: кандидат должен быть вежливым, культурным, представительным на вид... но ведь все начальники такие.

Так что Джонтис оказался именно таким человеком.

— В нашей славной Кванке каждый гражданин занимает должность, соответствующую его способностям,— говорил Ванас Ливанас, провожая Тетраса до порога.— Я рад, что вы достойны поста Координатора. Верю, что на нем вы будете так же производительно и успешно работать на благо всех жителей города.

Тетрас Джонтис вышел из кабинета, забыв поблагодарить за хорошую новость. А может, он уже почувствовал себя Координатором города, человеком, которому благодарны все, а он сам никому и ни за что не должен?

К сожалению, случается, что Координатор бывает вынужден уйти со своего поста. Кто смещает его? Наверное, тот самый электронный мозг. Придется заняться им...

Коридор Управления и теперь был пуст, и лишь возле стеклянных, только с одной стороны прозрачных дверей тихо беседовали двое. Когда Тетрас приблизился к ним, они замолчали и посмотрели на Тетраса, как ему показалось, с сочувствием. Неужели эти простачки подумали, что Тетрас получил взбучку? Разве они не видели, как он счастлив?

4

На станцию акклиматизации водорослей Дейнеры Тетрас Джонтис возвращаться не стал, посчитав, что теперь куда важнее — обрадовать жену, а бумажки никуда не денутся, их можно будет и завтра передать... Почему завтра, почему передать? Координатор города такой ерундой заниматься не станет!

Домой Тетрас прямо-таки летел — и в прямом, и в переносном смысле: едва он вышел из Управления, как ему тут же любезно предложили легкий гравилет. А когда он вышел из машины у своего дома, пилот вежливо осведомился, в котором часу завтра он должен прибыть за уважаемым Координатором.

Жена Тетраса сидела дома и ждала мужа. Так и должно было быть, ведь деловые качества и способности Тетраса позволяли его жене не работать. Однако теперь, когда Тетрас стал Координатором, придется и жене подыскать работу. Не в деньгах дело, Джонтисам их хватало и будет хватать; жене такого начальника полагается занимать почетный пост, она обязана регулярно общаться с простыми людьми, повышая авторитет мужа.

— Координатор города!..— этими словами Тетрас начал свою речь, ими и закончил, пересчитав все достоинства будущей должности; нет, конечно, не все, ведь их так много.— Да, Координатор города! Разве я мог мечтать об этом?

И лишь теперь, нарадовавшись сам, муж заметил, что жена сидит, понурив голову, что она плохо слушает и думает о чем-то своем, даже не улыбается и, кажется, приготовилась заплакать.

— Что с тобой? — забеспокоился он.— Заболела? — Иная мысль не могла прийти в голову Тетраса: если жена не радуется вместе с мужем, значит, она больна.

Рате покачала головой.

— Теперь я понимаю,— тихо проговорила она.— Теперь я понимаю, почему сегодня...— Она замолчала.

— Что — сегодня? — Тетрас наклонился, погладил ее волосы и покровительственно засмеялся.— Сегодня — пусть. Подождем до завтра и тогда разделемся со всеми неприятностями. Не забывай: Координатор города может все.

— Этого даже Координатор не изменит,— сказала Рате и подала мужу красную карточку.

Тетрас двумя пальцами брезгливо взял карточку и прочитал:

«В течение года со дня получения настоящего извещения вы обязаны родить ребенка».

Осторожно положив карточку на стол, Тетрас даже не посмотрел на жену. Он прекрасно знал, что Демографический Комитет — самостоятельная организация с жестокими законами. Даже Координатор города не имеет права вмешиваться в его дела, и ничего изменить нельзя.

Демографический Комитет был создан в те незапамятные времена, когда мода на детей совсем прошла и возникла опасность, что вскоре в Кванке останутся одни старики, а потом — даже тех не останется... Сегодня Комитет имеет свои отделения во всех Районах Кванки, он наделен чрезвычайными полномочиями. Не выполнить приказ Демографического Комитета смеет только человек, которому нечего терять — ни хорошей работы, ни положения в обществе, потому что отказавшийся опускается на самое дно.

Если Джонгисы не согласятся завести ребенка, Тетрасу придется пойти чернорабочим — ничего больше делать он не умеет, только руководить, а руководить ему не разрешат... Нет, такой вариант неприемлем. Надо найти выход, удовлетворяющий их обоих — и мужа, и жену. Тетрасу нельзя терять пост Координатора города (при этом он потеряет и свою бывшую работу), но терпеть дома ребенка...

— Не переживай, Рате,— сказал Тетрас.— Что-нибудь придумаем.

— Я целый день думала,— прикрыв лицо ладонями, глухо отзывалась жена.

Это, конечно, была ~~неправда~~: конверт с красной карточкой Рате получила всего три часа назад. Но ведь женщины никогда не врут, просто они обладают буйной фантазией и любят приукрасить.

— Твои родственники,— многозначительно сказал Тетрас.— Я думаю о родственниках с твоей стороны. Нельзя ли тут зацепиться?

Рате недоуменно посмотрела на мужа.

— Не было ли среди них алкоголиков? — спрашивал Тетрас.— Или кретинов?

Рате покраснела.

— Не сердись, но это был бы лучший выход,— объяснил муж.— Я сегодня радовался бы, если б среди моих предков нашелся хоть один горький пьяница или преступник-рецидивист.

— Я о таких не слышала... но ведь они все проверили,— грустно отозвалась Рате.

«Они» — это Демографический Комитет, который таких ошибок не делает. Перед тем как отправить красную карточку, они скрупулезно проверяют здоровье будущих родителей, и не только их самих, но и предков. Это совсем несложно, ведь у Комитета тоже есть электронный мозг, связанный с поликлиниками, которые обязательно должны регулярно посещаться всеми гражданами, и Комитету известно, кто чем болел, кто в чем отличился. Поэтому здоровым гражданам, получившим красную карточку, уже не выкрутиться, не свалить беду на возможные рецидивы мнимых болезней. Демографический Комитет — отлично отрегулированный механизм, работающий без сбоев, потому что он связан с другими государственными механизмами. Таким образом государство печется о здоровье своих будущих граждан. Правда (к счастью), не все ждут приказов Демографического Комитета, и почему-то в большинстве это — не занимающие никаких высоких должностей, они обзаводятся наследниками, не ломая себе голову, хватит ли времени и средств на их воспитание, не будут ли они мешать жить; ну, а алкоголики, те уж рожают детей, не только не дожидаясь указаний или разрешений сверху, но и вообще без всякого счета...

Не следовало Тетрасу Джонтису расстраивать жену обещаниями. Он знал все это, но еще надеялся... Пока живет человек, до тех пор он на что-то надеется, хотя и так часто приходится разочаровываться... Тетрас не придумал, что еще сказать жене. Он встал и медленно вышел в другую комнату.

5

За окном был двор. Тетрас смотрел на бетонированный прямоугольник, окруженный со всех сторон железобетонными коробками, такими же, как и тот дом, в котором жили Джонтисы. На дворе было пусто и тихо. В домах вокруг двора, на котором не росли ни деревья, ни даже трава, не было детей. Взрослым тоже не хотелось выходить во двор. И зачем туда выходить, если даже посидеть негде?

Координатор города не будет жить в таком бетонном гробу... Тетрас подумал, что для него уже наверняка приготовлен особняк, и не где-нибудь, а в респектабельном районе, на западе, возле парка или кладбища. Там живут все большие начальники, там не слышен гул товарных гравилетов, и дым совсем не чувствуется, потому что заводов близко нет, а ветер чаще всего дует с запада, со стороны леса. Тетрас несколько раз бывал в западном районе. Прекрасное место — мечта каждого гражданина... Только вот детей там многовато, больше, чем в других местах, конечно, за исключением рабочих кварталов.

Да, Рате права: выбор Тетраса Координатором города и красная карточка — не случайное совпадение. Один электронный мозг сообщил о своем решении другому, и вот вам результат.

Жаль, рано еще; Тетрас посоветовал бы жене пойти спать. Говорят, утром вечера мудренее...

Завтра думать будет поздно. Завтра Тетрас начинает работать на но-

вом месте и приказал подать гравилет чуть пораньше. А самое главное — завтра Рате должна дать ответ. Конкретно: да или нет. Если нет, Тетрасу даже не стоит начинать новую работу, ибо чем выше поднимешься, тем больше будет падать. А если да, тогда Рате придется рожать. С Демографическим Комитетом в жмуруки не поиграешь, пройдет полгода, и он запросит поликлинику...

Кто-то мягко ткнулся в бок Тетраса.

— Это ты, Урс? — спросил Тетрас.— Видишь, брат, какие собачьи дела.

Он погладил ласкающегося пса, посмотрел в его преданные глаза и захотел пожаловаться ему на судьбу... Сдержался. Это было бы слишком сентиментально: жаловаться единственному настоящему другу, который все понимает, только ответить не может. Или это природа так придумала — чтобы понимающие не могли говорить?

Тетрас Джонтис опять пошел к жене. Собирался сказать ей что-нибудь приятное, развлечь, успокоить ее и себя... но едва лишь он переступил порог, как взгляд остановился на красной карточке, лежащей на столе. Она пылала огнем. Тетрас подсел к столу, взял карточку в руки. Она была толстая, упругая и прохладная, даже холодная, хотя в комнате было тепло. И на улице теперь тепло, днем солнышко как следует припекает. Тетрас готов поклясться, что ему было жарко еще до того, как его вызвали в Центральное Координационное Управление. А вот карточка холодная. Интересно, из чего она сделана,— странная какая-то, вроде пласти массовая... Да неужели теперь стоит забивать себе голову такой ерундой? Не хочется думать о том, что написано на этой карточке, вот и стараешься отвлечься...

Рате все еще сидела в той же позе, в какой оставил ее Тетрас.

— Рате,— сказал Тетрас, не выпуская карточку из рук,— а может, мы сумели бы?...

— Что — сумели бы? — насторожилась жена.

— Приспособиться к ребенку.

Рате только прижала ладони к вискам.

— Что ты говоришь? Что ты говоришь? — заголосила она.— Тогда все рухнет. Все, к чему мы привыкли. Никакой жизни не будет...

Тетрас промолчал. Рате права, говорить тут нечего. Не год — целое десятилетие они вили свое гнездышко. Не в материальном смысле; их гнездышко — это привычки, уклад, образ жизни, а все вместе это и называется счастьем.

— Но ведь другие как-то принарываются,— еще пытался спорить Тетрас, но так робко и нерешительно, что Рате даже не ответила мужу.

Тетрас прикусил губу. Он не мог найти подходящих слов и ждал, что еще скажет жена.

— Вспомни, хоть у одного из наших друзей есть дети? — заговорила Рате.— Ты знаешь таких? Мы спросили бы, счастливы ли они?

Среди близких друзей Тетраса таких не было. А обращаться просто к знакомым — разве они скажут правду, если даже на друзей иногда нельзя положиться?

— В западном районе у всех есть дети,— защищался Тетрас.— Или почти у всех.

— Вот поэтому...— Рате с ненавистью посмотрела на красную карточку.

— Да, бездетные не могут занимать высоких постов. Таков неписанный закон. А может, писаный. Возьми любую газету: если сфотографированы члены правительства, рядом с ними обязательно стоят дети.

— Откуда ты знаешь, что это не чужие? — иронически спросила Рате.

Какая-то спасительная мысль мышкой заскреблась в голове Тетраса. Рядом была ниточка, ведущая из лабиринта. Сейчас надо схватить мышку за хвост, и она покажет выход...

Но тут Рате сказала:

— Хорошо, ты привыкнешь, мы оба привыкнем. Ведь когда ты станешь Координатором города, нам все равно придется менять образ жизни.

— Наконец-то ты сообразила,— обрадовался Тетрас, и все другие мысли словно ветром сдуло.

— Ведь тебе только кажется, что ты способен привыкнуть к ребенку,— с железной женской логикой продолжала Рате.— Только кажется. А я никогда не привыкну. Вечно крик, болезни, ссоры, беспорядок...

— Мы взяли бы робота-няню.

— Не уговаривай, не утруждай себя понапрасну. Главное — я никогда не соглашусь выглядеть так некрасиво. Толстой... Ведь это не на день, не на неделю. Говорят, что это портит фигуру, она уже не восстанавливается...

Тетрас прожил с Рате десять лет, поэтому знал, когда стоит утруждать себя, а когда нет. Он понял, что не сумеет уговорить жену.

Тетрас встал и поспешно вышел. В другой комнате прижал лоб к холодному оконному стеклу. Замер. Мертвая тишина стояла в доме Джонтисов. Такая же, как в коридоре Центрального Координационного Управления: кладбищенская.

А если ребенок? Тогда ни тишины, ни покоя. Кажется, дети даже по ночам кричат. Как Тетрас будет работать Координатором города, если не сможет отдохнуть, выспаться? И днем — ребенка на привязи держать не станешь, он будет бегать по всем комнатам, мешать. Никакого порядка. И шум, вечный шум.

Или, скажем, приходят гости. К Координатору города они часто будут приходить. Высокие! Накрытый стол, тихая музыка, утонченная беседа... и тут в комнату влетает орущий ребенок...

Нет, не подумали высшие власти, что Координатору города прежде всего требуется покой — для блага всех жителей города. Ему требуется покой, чтобы другие могли спокойно растиль своих детей.

Вдруг дверь резко распахнулась и снова закрылась со стуком. Рате улыбалась, а Тетрас смотрел на жену, выпучив глаза.

— Ты... ты согласна? — это была первая мысль, пришедшая мужу в голову. Спросил Тетрас и испугался: вдруг он уговорил жену, вдруг она согласится? Тетрас уже признался себе, что не хочет этого; он просто не видит выхода.

— Меня надо было выбирать Координатором, а не тебя, — гордо сказала Рате. — Я придумала.

— Что еще ты придумала? — ничего не понимающий Тетрас уже вздохнул с облегчением и решил, что ему следует разозлиться: — Электронный мозг лучше знает, кого куда выбирать, поэтому лучше не возникай...

— А ты выбирай выражения... Вставай. Поедешь к своему новому знакомому из Координационного Управления, поговоришь с ним, — категорично приказала Рате. — Выкручиваются как-то люди, ты же сам говорил, что даже в западном районе не у всех есть дети.

— Бладас Дианас — не юрист, а техник, — по инерции возразил Тетрас.

— Техник электронного мозга, а не какая-нибудь шавка, — уточнила Рате. — Одевайся. Я уже вызвала такси.

И Тетрас не раздумывая стал одеваться. Он всегда ощущал прилив сил, когда путь для достижения желанной цели казался ясным и конкретным, и, наоборот, становился вялым и сонным, когда этот путь таял в тумане, когда требовалось поломать голову. В таких случаях его обычно выручала жена — конечно, только в семейных делах, потому что на работе у Тетраса был заместитель. А теперь все было ясно: поехать и поговорить!

Тетрас Джонтис, с завтрашнего дня Координатор города, не спеша вышел на улицу, с достоинством сел в ожидающий его гравильт и, назав пилоту адрес, умиротворенно закрыл глаза.

Нет, Тетрас не из простачков, его голыми руками не возьмешь. И адрес техника он узнал заблаговременно. Подстраховался! Как будто чувствовал, что адрес понадобится ему раньше, чем техник сам пригласит его в гости.

Поднявшись над крышами, гравильт повернулся в сторону западного района. Этого Тетрас не ждал. Конечно, в городе уйма улиц и улочек, названия всех не запомнишь, но чтобы техник жил рядом с начальством...

А ведь Тетрас должен был догадаться! Многие ли могут позволить себе каждый день обедать в лучших ресторанах (Тетрасу пришлось раскошелиться, чтобы встретиться с техником в интимной обстановке), многие ли так свободно ориентируются в меню, заказывают такие дорогие блюда (ведь Тетрас не из бедняков, но все дни, за исключением последнего, он поднимался из-за стола голодный, даже голоднее, чем пришел, потому что растягивал свой скромный заказ на целый час). А как техник одевается! Сразу видно, что он ходит к лучшему портному города, к которому не каждый желающий попадет. Разве такой человек будет жить рядом с простыми смертными?

С другой стороны – у многих денег куры не клюют, однако попасть в западный район они не могут. И пусть утверждают, что техники государством не правят, что этим занимается электронный мозг; почему тогда техники живут в западном районе?

Да, Тетрас, люди правду говорят: все зависит от тех, кто присматривает за мозгом,—от техников. Какому начальнику хочется, чтобы мозг ни с того ни с сего «забраковал» его? А застраховаться от таких неприятностей лучше всего заранее, вот каждый и старается угодить техникам.

Таковы порядки. И ты, Тетрас, став Координатором города, их не изменишь. Не станешь менять, не захочешь терять свое место. Если, конечно, еще станешь Координатором,—добавил Тетрас про себя и вышел из гравилета, приземлившегося возле нарядного здания. Квартира в реставрированном особняке двадцатого века, занимающая три этажа. Живет техник...

Тетрас Джонтис подошел к воротам и нажал на кнопку. Представил-ся. На вопрос, по какому он делу, ответить не смог, только хмыкнул, а потом объяснил, что дело это конфиденциальное, поэтому он хочет побеседовать с уважаемым хозяином с глазу на глаз.

Ворота без скрипа раздвинулись, и Тетрас Джонтис по дорожке, усыпанной мраморной крошкой, пошел к парадному входу. Шел и чувствовал, как за ним внимательно наблюдает робот-охранник.

7

Робот-мажордом встретил Тетраса Джонтиса у входа и проводил его по пустому коридору до лестницы и по ней — до кабинета хозяина. Здесь ничто не напоминало о профессии Бладаса Дианаса, разве что только техническая литература. Однако Тетрас даже не посмотрел на полочку с информационными блоками. Его взгляд бегал по стенам, увешанным картинами в богатых рамках, по хрусталию, сверкающему в застекленных шкафах, остановился на массивном старинном столе — красное дерево, не иначе... Вот такую мебель и Тетрас заведет себе. И позолоченные рамы для картин. И вообще...

Лишь теперь Тетрас заметил в кабинете и самого хозяина.

Бладас Дианас стоял за широким столом из красного дерева и улыбался. Он заметил, как растерялся гость, оказавшись в такой роскошной обстановке, и не торопил его.

Усевшись в кресло, любезно предложенное хозяином, Тетрас рассказал все по порядку — и о своем визите в Центральное Координационное Управление, и о красной карточке, которую получила жена. Он уже хотел изложить свою просьбу, как вдруг замолчал: а вдруг это противоречит законам и о таком нелояльном поведении Тетраса Джонтиса техник донесет электронному мозгу?

Бладас Дианас побарабанил пальцами по столу.

— Если я правильно понял вас,— сказал он, не дождавшись, когда Тетрас осмелится изложить свою просьбу,— пост Координатора города для вас — желанный. А вот детей заводить вы не желаете.

- Да, уважаемый Бладас Дианас. Однако...
- Оба ваших желания понятны и естественны,— успокоил Тетраса техник.

Тетрас с облегчением вздохнул: он не сказал ничего лишнего. Думать можно все, и поворчать можно, когда тебя слышит только жена или собственная собака, но вести себя надо как полагается...

- Закон допускает такую возможность,— продолжал Бладас Дианас.— Вам следует найти заместительницу.

— Простите? Я не понял...

— Конечно, не официальную. Найдите семью, которая согласится иметь ребенка, и дело в шляпе,— засмеялся хозяин.— Они заменят вас, но при единственном условии: в семье уже должно быть не менее двух детей. Тогда вы сообщите о своей «находке» в Демографический Комитет, семья тоже письменно подтвердит свое согласие, и после этого Демографический Комитет навсегда оставит вас в покое...

— А где найти такую семью? — робко спросил Тетрас.

— Кофе? Коньяк? — предложил Бладас Дианас.

Тетрас не успел отказаться, как в дверь уже вкатилась тележка с подносом. Видимо, техник заранее, когда гость еще только подходил к парной двери, дал указание своим автоматам. Тетрасу пришлось взять рюмку.

— К сожалению, тут я бессилен помочь вам,— подождав, пока Тетрас пригубит рюмку, словно подсластив свой ответ коньяком, огорчил гостя Бладас.— Не знаюсь с такими.

— Времени мало...— Тетрас, обжигаясь, пил кофе.— Завтра надо дать ответ.

— Да, мало. Государству выгодно, когда больше детей, поэтому требуется отвечать незамедлительно. Но обычно люди заранее предусматривают такой вариант.

Тетрас Джонтис грустно кивнул и встал. Он торопился.

— У нас уже была на примете подходящая семья, когда мы получили красную карточку,— говорил Бладас Дианас, провожая гостя по лестнице.— Как видите, нам удалось найти такую. Но больше детей они не желают.

— А может?..— в глазах Тетраса засветилась надежда.

— Нет, я гарантирую.— Хозяин улыбнулся.— Им больше ничто не требуется.

— А... что обычно требует такая семья? — спросил Тетрас и подумал, что он зря теряет время на разговоры, ведь сначала надо найти «заместительницу». Но опять же: если найдешь — уже будешь знать, что предлагать.

— Разные бывают продавцы, разные и покупатели.— Бладас Дианас снова загадочно улыбнулся.— Спрос и предложение — основа коммерции... А в вашем случае главным будет то, что с просьбой обращается будущий Координатор города...

Задавая вопрос, Тетрас надеялся хотя бы узнать, как отблагодарили своих добродетелей Бладас Дианас, однако техник не понял этого — или не пожелал выдавать секрет. А спросить напрямик Тетрас не посмел.

Уже с порога Тетрас, спохватившись, повернулся к хозяину:

— Простите, а чем я отблагодарю вас за совет?

— Это мелочь. В будущем мы еще не раз встретимся... если вы станете Координатором города.

Загадочная улыбка техника электронного мозга Бладаса Дианаса провожала Тетраса, пока он шел по тропинке до ворот, потом сел в гравильт (в этом районе таксисты послушно ждали пассажиров) и, сказав пилоту свой адрес, закрыл глаза.

Гравильт пролетел несколько кварталов, когда Тетрас решил позвонить жене. А вдруг, пока он вернется домой, Рате что-нибудь придумает, вдруг она свяжется с друзьями и найдет такую семью. Времени у них совсем мало, поздно уже, а беспокоить людей после полуночи... Хуже всего, что с сонными труднее договориться.

8

Рате встретила мужа в прихожей и даже рот открыть ему не позволила, сразу выпалила:

— Иди в комнату и приготовься. Он уже едет.

— Кто он? — не понял Тетрас.

— Я нашла человека, который согласился заменить нас. Это Сакас Райтис.

Тетрас вспомнил маленького тридцатилетнего мужчину с прилизанными волосами, прикрывающими раннюю плесть, с вечным цветком в петлице тщательно отутюженного пиджака. Кажется, когда-то Рате училась вместе с ним, с тех пор они и знакомы... Сакас Райтис был человеком другого круга, и прежде всего потому, что имел троих детей. Тетрас считал, что Сакас даже при желании не мог бы ходить на всякие встречи и пирушки, где как раз и завязываются полезные знакомства. Тетрас даже не знал, где работает Сакас. А служба у того была неплохая, потому что только пособием, которое государство выплачивает за детей (хотя оно приличное, половина зарплаты Тетраса), не объяснишь широкий образ жизни Сакаса. Однако вот что странно: хотя Сакас, кажется, нигде не бывал, но все его знали, эта фамилия часто звучала в разговоре: «Сакас Райтис сделает, Сакас Райтис это может...» Даже Тетрас здоровался с ним, и ведь не только потому, что они живут в одном районе; мало ли соседей, которых Тетрас не знает и знать не желает?

Но что потребует («попросит» в данном случае не годится) Сакас Райтис? Денег? У Джонтисов сбережений нет. Если Райтис согласится получить эту сумму по частям, тогда позже, когда Тетрас начнет получать зарплату Координатора... А может, он захочет получить другое теплое местечко? И это не проблема, Тетрас не сомневается, что Координатор сумеет сделать все: Бладас Дианас поможет! Если только Райтис поверит ему на слово. Записку давать нельзя...

Раздался звонок, и Рате, поправляя прическу, бросилась к двери.

— В гостиную его нечего приглашать, — зло буркнул Тетрас. — На кухне поговорим.

Рате только покачала плечами. Тетрас и сам сообразил, что говорит

глупости, однако никак не мог перебороть неожиданно возникшее чувство брезгливости к человеку, который может так много...

Тетрас услышал, как открылась наружная дверь и Рате сказала гостю:

— Мы ждем вас. Пожалуйте в гостиную.

Она вошла в комнату вслед за гостем и строго подмигнула мужу: молчи, так надо.

Тетрас и сам знал, что так надо.

Сакас Райтис прошагал прямо в гостиную.

Чувствует себя как дома, подумал Тетрас. Если бы у меня было любимое кресло, он обязательно уселся бы в него... В голову лезли ненужные мысли. При чем тут какое-то кресло?

— ...Где трое, там и четверо,— говорил гость.— Только поначалу трудно, а потом они, кажется, сами растут.

— Святая истина! — горячо согласился Тетрас. Если для Райтиса все так просто, может быть, он не станет требовать чего-то особенного, может быть, они договорятся по-соседски.— У вас как раз трое, будет четвертый...

— Э! — засмеялся Райтис.— Вижу, вы хотите все взвалить на меня, а сами — в кусты.

— Мы поможем вам,— пообещала Рате.

— Помощь в туманном будущем мне не нужна. Знаете, наобещает человек золотые горы, а потом позабудет. Подумает: зачем? Обойдется...

Тетрас протестующе замахал руками, глянул на жену — не молчи, объясняй, что мы не такие. Рате ласково наклонилась к Райтису, однако тот лишь отодвинулся.

— Я хочу все получить немедленно,— твердо сказал он.

— А ваша жена согласится с вашими условиями? — спросила Рате.

— Чего хочу я, того хочет и моя жена.

— Хорошо,— Тетрас уже начал злиться, хотя прекрасно понимал, что нельзя показывать свое раздражение.— Говорите коротко и ясно: чего и сколько.

— Ваш товар — ваша цена.

Тетрас несколько растерялся: он приготовился торговаться, а тут... Ну разве не издевательство называть это его товаром?

— Кое-какие деньги у нас есть, мы не нищие,— издалека начал Тетрас, сообразив, что теперь он без труда сможет получить кредит.— А потом, когда я стану Координатором города, появится больше возможностей отблагодарить...

Гость не выдержал:

— Вижу, цену придется установить мне. Это будет справедливо: ведь я беру у вас ненужный товар, который будет только мешать мне.

— Говорите,— Тетрас энергично потер лицо ладонями, стараясь скрыть волнение.

— Боюсь испугать.

— Я не трус.

— Приятно иметь дело с настоящим мужчиной.— Райтис помолчал.— Вы, наверно, не знаете, что любую должность можно передать другому человеку. Вашу тоже. Короче: я хочу быть Координатором города.

Последовала длинная пауза. Гость поднялся.

— Есть три варианта,— сказал он и принял не спеша загибать пальцы.— Или вы родите ребенка и станете Координатором города, или откажетесь выполнять приказ и потеряете все, или откажетесь от места Координатора в мою пользу и останетесь на прежней работе... А теперь я прощаюсь: дел много. Позвоните мне, когда решите. Только не забывайте: ответ вы должны дать до утра.

Райтиса проводила Рате — Тетрас даже не пошевелился. У него не было сил. Как бы он поступил, если б у него не дрожали ноги? Вышвырнул бы Райтиса за дверь? Нет, скорее всего вежливо проводил бы и попросил бы подождать до утра...

Потом Тетрас вспомнил странную улыбку Бладаса Дианаса. Вот почему так многозначительно усмехался техник: он знал, что можно потребовать от Тетраса! Техникам такое не грозит, чтобы стать техником, надо не один год учиться, а Координатором города... оказывается, управляет тот, кто поизвортливее. Что ж, все логично, руководителю требуется именно это качество.

Вернулась Рате. Постояла, не дождалась от Тетраса ни одного слова и пошла на кухню заказывать завтрак. По привычке.

9

Во втором часу ночи Тетрас вскочил на ноги. Он стоял на полу возле кровати и часто моргал.

— Что с тобой? — Рате села в постели и включила свет.

— Подожди... — Муж потер лоб.

— Тебе что-то приснилось?

— Ты Анду знаешь? Анду Кайнайку?

Рате вспыхнула:

— Так она тебе приснилась? Тебе снятся такие женщины?

— Погоди, Рате. Это наше спасение. Ты знаешь, сколько у нее детей?

— И все без отца.— Рате никак не могла понять, куда клонит муж.

Кстати, любая женщина, ночью услышавшая от мужа имя Анды Кайнайке, реагировала бы точно так же. Слава Анды гремела на весь район. Женщины славу Анды считали незавидной (мужчины свое мнение держали при себе). У нее было четверо детей, все, как говорили соседи, от разных отцов, и, наверное, только сама мать знала, кто чей отец. Но скорее всего Анда не забивала себе голову такой ерундой.

— Я побегу к ней. Это недалеко.— Тетрас поспешно одевался.

Рате сидела, прижав руки к груди.

— С ума сошел,— простонала она.

— Четверо у нее уже есть, вдруг она согласится и пятого родить,— не слушая жену, лихорадочно объяснял Тетрас.— Я ничего не пожалею, а Координатором города она точно не захочет стать. Ей и так всего хватает.— Здесь Тетрас подумал, что нелегко будет уговорить женщину, у которой все есть, но тут же успокоил себя: — Ничего, как-нибудь... А ты спи.

Дверь захлопнулась, и Рате осталась одна.

А Тетрас пробежал по своей улице и повернул налево. Здесь было довольно темно: в целях экономии электроэнергии по указанию городских властей после полуночи в некоторых районах горел только каждый второй фонарь. Тетрас бежал, стараясь не топать и держаться поближе к заборам, чтобы его не видели, хотя тут можно было столкнуться с воркующей парочкой или изнывающими от скуки юнцами. А такие столкновения редко бывают приятными.

Дорога поднималась в гору. Тетрас почувствовал, что он приближается к цели: здесь уже не было канализации, и в нос ударили специфический запах. Дело в том, что единственными сооружениями, для постройки которых не требовались разрешение властей и проект, были сортиры, поэтому каждый возводил их там, где ему удобнее: поближе к тропинке, подальше от собственных окон.

Тетрасу сильно повезло: он не встретил ни одного человека. Можно сказать, что ему повезло дважды: собираясь к Анде, Тетрас подготовился долго стучаться, будить людей, а прибежал к ее дому — и увидел светлые окна.

Дверь тут же распахнулась перед Тетрасом, едва он сказал, что ему нужна Анда. Тетрас вошел в темную прихожую, стукнулся о какой-то жесткий предмет и, переступив через порог, немного прищурился. Только немножко, потому что свет засиженной мухами лампочки был довольно тусклый.

Мать Анды, впустившая Тетраса, куда-то исчезла.

За столом сидели трое: Анда и два мужика. Точнее, мужики полулежали на столе, они тяжело подняли головы от тарелок с объедками, глянули на Тетраса мутными глазами и снова уснули.

Анда долго смотрела на Тетраса. Наконец узнала.

— Сосе-ед... — протянула. — Садись. Выпьешь? Наверно, впервые у меня?

— Я по делу, — попытался отказаться Тетрас.

— Раз по делу, тогда пей. — Анда нетвердой рукой наполнила стакан розовой жидкостью.

Тетрас был готов к любым испытаниям, он должен был преодолеть все преграды, поэтому резко поднял стакан и, задержав дыхание, выпил. И даже не поперхнулся.

— Закуси! — посоветовала Анда.

Тетрас не разглядел на столе ничего съедобного.

— Вот хлеб. Ведь не жрать пришел.

— Поговорить надо. — Тетрас нерешительно посмотрел на посапывающих мужиков.

— Эти уже ни на что не годятся, — пренебрежительно сказала Анда и наклонилась к Тетрасу.

Путаясь и запинаясь, Тетрас поделился своей бедой. Конечно, он не проговорился, что взамен за такую услугу можно потребовать его место. Говорил, уставившись в свои ботинки. А когда кончил и поднял взгляд, увидел, что Анда криво усмехается.

— По нашим бабам пришел? — вдруг заорал один мужик и, пытаясь встать, схватился за бутылку. — Изуродую!

Анда спокойно схватила дружка за шиворот, вырвала бутылку и осторожно поставила ее на стол. Потом приподняла мужика и, ногой выбив из-под него стул, толкнула в угол. Тот мешком рухнул на пол.

— Дрыхни, если пить не умеешь,— зло сказала Анда.— Ходит тут всякая шваль...

Тетрас тяжело дышал. Анда посмотрела на него с сочувствием:

— Впервые в такой компашке? Не бойся, с этими я справлюсь.

— Я не боюсь... Что же ты ответишь? Я бы ничего не пожалел.

— А что я с тебя возьму? За детей получаю больше, чем ты за то, что в конторе задницей стул протираешь. Государство платит. За то, что не дура, в одиночках хожу. Зачем надрываться? Мужиков — сколько хочешь, и прибирать за ними не надо. Денег мало будет — еще рожу, а что там бабы болтают — мне наплевать. От зависти они!.. Ну, что ты можешь мне дать?

Тетрас молча встал.

— Погоди, не торопись. Не горит.— Анда посмотрела на мужиков — на хранившего в углу, на пускающего пузыри в тарелку и подошла к Тетрасу.— Идем. Не бойся, они не проснутся.

Анда крепко взяла его за руку, и Тетрас послушно последовал за ней. Он оправдался перед собой, что подчиняется силе.

А когда рассвело, Анда подсела к столу и притянула к себе засаленную тетрадку.

— Ручка у тебя есть? — спросила у Тетраса.— Давай ее сюда, конторщик. Да слезай с кровати, не стесняйся. Напишу я тебе обязательство, а ты неси его в это управление и чеши на работу. Координируй мою жизнь.

Тетрас молча стоял за спиной у Анды, пока она писала обязательство в течение года родить ребенка в счет Тетраса Джонтиса. Потом Тетрас аккуратно сложил вырванный из тетради листок, сунул его в карман пиджака, висевшего на спинке стула, и стал одеваться.

— Но все равно: если что потребуется, говори, я в долг не останусь,— на прощание сказал Тетрас.

— А ты уже рассчитался. Это ж мечта — иметь в своей коллекции Координатора города. Будет чем похвастаться... Не бойся, не буду, все равно никто не поверит.

Анда рассмеялась. Ее смех провожал Тетраса, пока он прошел через другую комнату, где теперь оба мужика мирно хранили в углу, пока на ощупь нашел дорогу через темную прихожую. Этот смех он еще слышал и на улице.

Когда Тетрас вернулся домой, его встретил Урс. Пес обляял хозяина, словно не узнав его.

Рате дома не было.

Тетрас не знал, что думать. Он несколько раз обошел все комнаты, потом сел в спальню и уставился на пустую кровать.

Рате вернулась через час. Бросив плащ на стул, она подала мужу сложенный пополам листок бумаги.

Это тоже было обязательство родить ребенка в пользу Джонтисов. Под ним подписался какой-то Вендуэс Ишкис.

И тут загудел видеотелефон. К нему подошел Тетрас.

— Все уложено, уважаемый Координатор,— бодро говорил Бладас Дианас.— Сегодня я пришел на работу чуть пораньше и связался с одним техником из Демографического Комитета...— Тут Бладас сделал многозначительную паузу.— После просмотра данных выяснились некоторые новые детали. Словом, вы можете спокойно работать. Демографический Комитет не имеет к вам никаких претензий.

10

С тех пор прошел год, и неизвестно, вспоминает ли теперь эту ночь Тетрас Джонтис: ведь он, как и его жена Рате, способен быстро забывать неприятные вещи (правда, никто не знает, приятны или нет ему эти воспоминания). Сегодня Тетрас Джонтис успешно трудится на посту Координатора города, он повышает благосостояние жителей и борется за высокую мораль. Рате стала вице-президентом Спортивного Общества и теперь открывает все важные соревнования, а потом поднимается в ложу, где сидит справа от своего мужа. Анда Кайнайке родила мальчика... Нет, и все-таки злые эти бабы: они болтают, что Анда назвала ребенка Тетрасом, хотя так зовут ее третьего сына, и это чистое совпадение. Зато Анда Кайнайке получила право носить на груди эмалированную бляху и везде проходить без очереди, а на спортивные соревнования — бесплатно.

О Вендусе Ишкисе Тетрас больше никогда ничего не слышал.

Уже год, как жизнь Джонтисов тихо струится по новому руслу.

Перевод с литовского автора

ЮРИЙ НИКИТИН

Странная планета

Сквозь темные провалы и звездные вихри, через разорванное полотно космоса и гравитационные ямы корабль добрался к планете, что столетие не давала покоя астрономам и астронавигаторам.

В главной рубке сгрудились все члены экипажа. Капитан нависал над пультом, его длинные желтые пальцы прыгали по клавишам.

— Идем на планету,— сообщил он хмуро.— Выжидать смешно. Нас они засекли давно.

— А как они нас встретят?

— От нас не зависит,— ответил капитан подчеркнуто бесстрастно.— Идем с чистым сердцем, идем к Старшим Братьям, что еще?

Корабль рванулся через пространство, крошечный диск планеты быстро вырос, заполнил экран.

На двенадцати обзорных экранах угрожающе быстро выросли циклические сооружения, замелькали призрачные дворцы, созданные словно из лунного света, по зеленой траве прыгало зверье и носились стрекозы, сканирующий луч поймал мрачные исполинские заводы под землей, что тянулись по всей толще базальта: огромные плавучие города, яркие, как попугаи, покрывали океаны...

— Да-а,— сказал штурман ошеломленно,— они смогли бы нашу Землю взять в два счета! Внезапный удар из космоса каким-нибудь своим сверхоружием, и — земляне кверху лапками.

— Не болтай глупости,— бросил капитан сердито.— Следи за посадкой, у тебя руки трясутся...

Экипаж разошелся по грузовому отсеку, подготавливая вездеход к десанту на планету.

— Сели,— объявил штурман с нервным смешком.— Ну, здравствуй, сверхцивилизация!..

Рассматривали панораму окрестностей, переданную зондом; капитан смотрел на часы, хмурился. Справа километрах в двух темнеют многоугольные башни, слева в три ряда горбятся прижатые к земле массивные сооружения, дальше тоже тянутся постройки, вышки.

— Два часа с момента посадки, а нас не замечают.

Психолог ответил осторожно:

— Любопытства не проявляют, нам дана свобода действий.

Капитан смотрел в иллюминатор:

— Я предпочел бы оскорбительную опеку... Ладно. Вездеход готов?

Группа «А» — на выход! Поведу лично.

Штурман остался возле капитана:

— Как же... Вам нельзя покидать корабль!

— Здесь мы на виду, как голенькие.

Штурман молча наблюдал, как вездеход выезжал по пандусу на зеленую лужайку.

Вместе с капитаном в вездеходе были Максимов и Даша.

Максимов — мозг корабля, а Даша — медик.

Если Леонов и Даниленко во время полета самозабвенно резались в шахматы, то Максимова не интересовали ни женщины, ни игры, ни спорт — только философские проблемы и прогнозирование. Он решал最难的任务, перед которыми становились в тупик специалисты корабля.

Однажды он огородил штурмана:

— Сколько лет прожил Адам после своего сотворения?

— Что за чепуха,— отмахнулся штурман.— Это же схоластия!

— Верно,— согласился Максимов.— Зато на какую высоту вознесли логику, какой уровень абстракции!

Таков был Максимов, сидящий сейчас на заднем сиденье вездехода.

Даша в последнее время держится возле Максимова и сейчас сидит слишком уж близко, а вездеход трясет на каких-то ухабах.

Механик, опытный десантник, ведет машину, побелев от напряжения.

Башни Города приближались, вырастали. В небе возникали летательные аппараты, похожие на дирижабли или на больших стрекоз.

Колеса вездехода скрежетнули по твердому, и механик спешно выпустил мягкие колеса. Ровная дорога, по ней проносились квадратные непроницаемые для взгляда машины, похожие на слитки металла.

Капитан затянул пояс туже, выпятил и без того широкую грудь.

— Они прут на нас, словно мы невидимые.

Механик осторожно вывел машину на край дороги. Сверкающие слитки все так же неслись мимо.

Несколько машин с дороги унеслись вверх на высоту пятого этажа: одна прилипла к стене дома и растворилась.

— Встречные нас не замечают! — сказала Даша.

Механик включил тормоз. Капитан откинул люк, легко выпрыгнул. Широкий ремень плотно обжимал в поясе, во всем теле играло грозное веселье.

Капитан вышел через люк на дорогу и поднял руку перед приближающимся квадратным слитком. Сверкающий металлом монолит резко остановился перед капитаном.

Даша затаила дыхание, и даже Максимов напряженно ждал.

— Приветствую! — произнес капитан какому-то гиганту, вышедшему из своей машины.

Гигант сделал знак рукой, что можно было понять так: «Прямо и направо. Там башня».

Они доехали до здания, которое сверкало гранями на солнце. Это было хранилище информации. Подобное библиотеке.

Капитан взял на себя охрану вездехода.

Даше импонировала суровая решительность, непреклонность капитана, но ей по-девичьи нравился Максимов с его абсолютным неприятием дисциплины. Теперь им предстояло войти в здание информации. Удивляло, что вокруг сновали какие-то стальные машины, а жителей города не было видно.

Даша и Максимов вошли в просторный зал информации.

Зал огромный, экраны и какие-то механизмы сияли у стен. Торжественная тишина. Ни единого посетителя. Вот странно! В окно было видно, как капитан прохаживался взад-вперед возле вездехода.

Вдруг в коридоре послышался тяжелый топот. Даша и Максимов прижались к стене. В зал вбежали гиганты, одетые в золотистые формы.

— Что им нужно? — охнула Даша.

Ничего не замечая, пробежал золотокожий гигант. От него исходил жар, он ударил железным ломом по экрану информария. Ухнуло, посыпались осколки.

— Не понимаю, — прошептал Максимов.

По залу гремело, взрывалось, остервенелые люди крушили аппаратуру, рвали провода, ломали приборы, под ногами жутко хрустели кристаллы.

На стену брызнула цветная жидкость: где-то кричали непонятно организмы...

Максимов прижал Дашу к себе, заслоняя ее от разъяренных разбойников. Но те не обращали на них внимания, рушили механизмы, стреляя-

ли, били по экранам металлическими прутьями. Обрушилась стена, зияла пробоина, загорелся пол...

— Что это? — простонала Даша. — Такая жизнь?

— Тихо-тихо, — шептал Максимов, выводя Дашу на улицу.

— Не понимаю...

— Да замолчи же!

Горело железо. Крыша здания вспыхнула багровым.

Два местных богатыря шли по двору, у одного из них болтался по ветру разорванный рукав.

— Куда мы попали?

— Наблюдай, — тихо проговорил Максимов.

Вернувшись на вездеход к кораблю, вошли внутрь. Капитан собрал совещание. Все встали вокруг него в салоне.

— Внимание!.. Чрезвычайное положение. На планете свирепствует жесточайшая... война.

Механик перебил его:

— Почему война? Кто с кем воюет?

— Не знаю, — ответил капитан.

— Нет никакой войны!.. — сказал механик. — Наша группа побывала в другом регионе планеты, там спокойно.

— Нет, — сказал капитан, — здесь война.

Воцарилась тишина, лишь Максимов выпрямился в кресле:

— Нас никто не тронул...

Капитан сказал жестко, как припечатал:

— Не возражать! Кто испортил компьютер в вездеходе?

Максимов огрызнулся:

— Никто не трогал.

— Ладно, — сказал капитан. — От вездехода далеко не уходить. Я снова пойду в город.

Даша бросилась за ним. Ее волосы рассыпались по плечам.

— Готов вездеход? — спросил капитан.

Механик кивнул:

— Так точно.

Город был покинут людьми. Но вот стали попадаться трупы. Юное лицо с закрытыми глазами. Тела с разбросанными руками, покалеченные женщины и старики. Здесь было побоище. Кто же с кем сражался? Погром? Разбой? Месть?

— Они сошли с ума, — сказала Даша. — Наверное, какая-то эпидемия. Ярость пробудилась в них, они начали убивать друг друга.

— Не верю, — сказал капитан мрачно. — Что-то иное...

Максимов молчал, но попросил высадить его возле красочного парка, где вокруг цветочной клумбы собирались люди. Капитан заколебался, но место выглядело донельзя мирным.

— Останови.

За Максимовым, не спрашивая разрешения, выпрыгнула Даша.

Максимов уловил какой-то смысл в знаках, которые появлялись в небе: люди не обращали внимания на по-особому одетых землян. Они разговаривали на непонятном языке.

Даша заметила женщину, которая махала кому-то руками. Подошла к ней. Женщина пошла в дом; Даша последовала за ней. Женщина, увидев на стене картину, рванула полотно, уронила его на пол и стала топтать обутыми в красивые туфли ногами. Она схватила книги и начала вырывать листки, разбрасывая их по полу. Грохнулась на пол и разлетелась на куски статуэтка.

На улице собралась толпа, ими овладело грозное веселье. Со смехом начали сбивать со стен барельефы, швырять камни в окна. Уронили каменное изваяние с постамента.

Группа выволокла на площадь громадный компьютер, били его прутьями, словно это было живое существо. Молодая женщина, которую заприметила Даша, вновь вышла на улицу и воткнула стальной прут в бок какой-то машины.

— Да что же тут творится? — спросила Даша Максимова.

— Культура гибнет! — вздохнул тот.

— Продолжайте наблюдение, — сказал капитан. — Громят машины, нас не замечают.

Даша услышала — в наушниках щелкнуло, и знакомый голос крикнул с нотками отчаяния:

— Готовьте корабль к отлету! Наблюдаются внезапный и неконтролируемый всплеск антинауки, контркультуртргерства, взрыв антифункционализма, — это был голос капитана, он передавал команду на корабль.

Голова шла кругом, Даша хотела как-то поговорить с той женщиной, которую она выбрала в толпе.

В скверике неподалеку от информария, куда пошел Максимов, собралась группа. Все внимательно слушали высокого мужчину, он вскочил на возвышение и заговорил быстро, не давая себя остановить, Даша не знала их языка.

Но тут блеснула короткая плазменная вспышка. Оратор пошатнулся, в груди его насквозь зияла дыра.

Капитан был во дворе, он толкнул Дашу, предлагая бежать отсюда.

— Зачем? — удивилась она на бегу.

— Прибавь ходу, как бы они не погнались...

— Они сумасшедшие... В городе всеобщее помешательство, — объяснил Максимов, спешивший следом — за капитаном и Дашей.

Они вбежали в какое-то здание, поднялись вверх по лестнице. Максимов сел прямо на пол.

— Коля! — вскрикнула Даша. — Что с тобой?

Она бросилась ему на шею, заглянула в лицо. Голова Максимова упала на грудь.

— Что с Максимовым? — испуганно спросила Даша капитана.

— Узнаем на корабле, — капитан взваливал тело штурмана себе на плечи. Ринулся к выходу. Даша шла сзади.

На улице они вскочили в вездеход, где уже ждал обеспокоенный механик.

Наглоухо задраили люк. Машина понеслась к кораблю.

Медики встретили их у трапа корабля, тут же унесли Максимова в люк.

Механик, кашлянув, прочистил горло и сказал:

— У них тут война.

— Нет,— возразил капитан.— Что-то иное.

— Сумасшествие,— повторил механик.

И вдруг все увидели, как к их вездеходу бежит та самая женщина, которую Даша видела недавно на улице. Она торопилась к кораблю. И тут сзади нее раздался хлопок.

— Ее убили? — вскрикнула Даша.

Все кинулись в люк корабля. Только капитан остался на площадке возле вездехода. Он видел, как убитая женщина взмахнула руками, как упала лицом в траву. И желание узнать тайну толкнуло капитана к погибшей женщине странного горящего города и загадочной планеты. Капитан остановился возле трупа, разглядывая красивое лицо убитой. Он приподнял ее голову и увидел, что череп пробит, а в нем сверкает кристаллическая начинка. Это был робот! Отпрянув на мгновение, капитан снова наклонился над недавно живым манекеном и осталенел. Никакой крови не было, хотя минуту-другую назад женщина казалась живой.

— Что же тут произошло?

ВАЛЕРИЙ ГУБИН

Случайное знакомство

Она была такая некрасивая, что некоторые мужчины невольно вздрагивали, вглядываясь в ее лицо. Толстый, весь в бугорках нос, маленькие, почти без ресниц глаза, пористая кожа, да к тому же странное фиолетовое пятно на левой щеке. Еще в школе из-за фамилии Морковина ее для краткости прозвали Репой, и это прозвище переползло за ней из класса в класс, а потом каким-то чудом в институт, хотя никто из одноклассников с ней вместе не учился дальше. После института она работала в поликлинике, училась в ординатуре, даже пробовала писать диссертацию, но бросила — не хватило душевных сил, мучило одиночество. Она давно уже примирилась со своей внешностью, с тем, что ей никогда не найти ни мужа, ни хотя бы временного спутника жизни, в силу ее тяжелого характера подруг она тоже не имела, и к тридцати пяти годам ее все чаще начали посещать мысли о том, что не худо было бы однажды прекратить самой это невыносимо тягостное, бессмысленное существование.

С этой же жуткой мыслью о самоубийстве она сидела однажды в скверике у театра, когда вдруг почувствовала, что на нее кто-то смотрит с соседней скамейки. Подняв глаза, увидела красивого пожилого мужчину, почти совсем седого, в коричневом замшевом пиджаке, который внимательно

тельно и даже серьезно смотрел на нее. Она досадливо поморщилась:

«Верно думает: «Ну и морда!»

И тут же услышала голос:

— Разрешите присесть рядом с вами?

Подняв голову, она увидела, что он уже стоит рядом, высокий, худощавый, и смотрит так приветливо, что у нее захолонуло сердце.

— Я осмелился подойти, потому что увидел ваше необычайно озабоченное лицо. Наверное, такие тревожные мысли посетили вас, что вы оказались как будто в тени туч, хотя вокруг солнце. Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Чем же вы мне можете помочь? — вздохнула она.

— Чем угодно. Давайте вместе бороться с вашим настроением. Сейчас пойдем, например, в ресторан, потанцуем, а потом будем песни петь, на весь зал, когда вокруг все напьются.

Она посмотрела на него: не издевается ли? Но у него было внимательное и участливое лицо, и говорил он серьезно, хоть и улыбался. В ресторане она не была с выпускного институтского вечера, не одной же туда идти, да и не было особого желания.

По дороге он бережно держал ее под руку, и ей казалось, с миром что-то случилось — изменился свет солнца и цвет домов, от волнения было трудно дышать, и она почти ничего не говорила.

«А, хоть десять минут так прожить, а потом пропадом».

Она тем не менее замечала, что почти все встречные женщины смотрят внимательно на ее спутника, а некоторые даже оглядываются вслед — то же самое продолжалось и в ресторане, где они танцевали, а потом он и в самом деле начал петь, довольно громко, когда уже ушел оркестр и погасили большой свет, изображая вдребезги пьяного человека, и она от души хохотала. Потом он проводил ее домой, сам напросился на чашку чая, сам попросил оставить его ночевать, и она, конечно, согласилась. Проснувшись в пять утра, она долго смотрела на него, и ей было страшно от внезапности свалившегося на нее неожиданного жуткого счастья. Он спал спокойно, как спят дети, и его дыхание было почти не слышно. Часы пробили уже девять, но она по-прежнему лежала, боясь пошевелиться, понимая, что он проснется, встанет и уйдет навсегда.

Но, проснувшись, он не пожелал никуда уходить, а, наоборот, попросил разрешения пожить у нее некоторое время.

— Вы с женой поссорились?

Он засмутился:

— Да нет, у меня, собственно, нет жены, есть, правда, семья, но там и не очень я нужен... да и мне здесь так хорошо, я обещаю не быть вам в тягость.

Она больше ни о чем не спрашивала, с радостью согласившись. И с этого мгновения время для нее остановилось. Она была совершенно счастлива, когда он был с ней, и дрожала от страха, когда он уходил по своим делам, ей казалось, что все уже кончилось и, может быть, никогда не было, настолько это все оказалось неожиданным и даже нереальным. Она не спрашивала его ни о том, где он живет, ни о работе, ни о семье, ей совсем не хотелось ничего знать об этом и временами даже казалось,

поскольку он сам ничего не рассказывал, что у него вообще нет ни работы, ни семьи, ни дома, что он вообще не существует сам по себе, а возникает только в ее присутствии только для нее.

Она взяла отпуск: впервые за несколько лет, и они ходили в рестораны, театры, на выставки, встречались с его друзьями, и она видела, с каким вниманием почти всегда относятся люди к ее другу, как будто он излучал теплоту и доброжелательность, видела, как все замолкали, когда он начинал говорить, словно какая-то искра пробегала меж людьми и заставляла их встрепенуться, хотя он ничего особенного обычно не говорил. Правда, иногда он все-таки говорил, и весьма странные вещи. Так, однажды, смотря какой-то фильм по телевизору, он сказал, лениво потягиваясь:

— Послушать их, так Достоевский был мрачным и нелюдимым человеком, а меж тем он часто смеялся и всегда устраивал какие-нибудь розыгрыши. Однажды ночью мы с ним возвращались с вечеринки, так он до смерти напугал городового, изображая пьяного генерала.

— Сколько же тебе лет,— ласково спросила она,— если ты с Достоевским встречался?

Он осекся на миг, а потом, справившись с минутным замешательством, сказал, что годы тут ни при чем, а Достоевский жил не так уж давно, если вдуматься. Потом, спустя неделю, он с увлечением рассказывал ей о зимней кампании 1815 года, о Париже, в котором он тогда впервые побывал и чуть не женился на какой-то француженке, а один раз, когда она спросила его о происхождении шрама на груди, он сказал, что это, кажется, след от удара шведской шпаги, он получил его при штурме Ревеля. Она спокойно относилась к подобным словам, считая это милым чудачеством с его стороны, желанием развлечь ее. Так прошел почти месяц, и ей уже начало казаться, что вся ее прошлая жизнь сжалась, свернулась, как засохший осенний лист, и только напоминает о себе иногда легким, уже не страшным шуршанием.

Она все время подглядывала за ним, пытаясь поймать неприязненный взгляд лица или гримасу досадливую — не могла же она ему действительно нравиться, такая страшная,— он очень добрый, но должен ведь когда-нибудь выдать себя. Но он всегда был настолько внимателен, ласков и приветлив, что она чувствовала, как у нее в груди постепенно начинает рассасываться тяжелый плотный ком многолетней тоски.

Они много гуляли по вечерам, и он рассказывал ей странные истории о звездах, о их влиянии на судьбы людей, о том, что все человеческие слова, крики и вздохи не затухают совсем, а в виде волн, колебаний уносятся к звездам и потом еще долго, тысячи лет путешествуют во Вселенной, поочередно отражаясь от звезд, и по-прежнему звучат, но все тише и тише, пока совсем не затихнут. Набравшись смелости, она громко прокричала его имя, и оно унеслось к звездам, и она подумала, что они уже успеют умереть, а ее слово будет жить и, может быть, не долетит еще до самой ближней звезды.

Как-то после одной такой прогулки он вечером пожаловался на сердце. Она забеспокоилась, сделала ему настой пустырника, напоила валерьянкой и, укутав одеялом, прилегла к краю и не шевелилась всю ночь,

стараясь его не беспокоить. Он быстро заснул, но потом среди ночи стал бормотать какие-то непонятные ей слова. Она осторожно погладила его по голове, он затих, и тогда она наконец тоже погрузилась в сон.

Проснулась она как будто от сильного толчка. Он лежал, как всегда, неподвижно на спине, но в лице его появилось что-то непонятное и жуткое — это она сразу заметила. Она прикоснулась к его лбу и мгновенно отдернула руку — лоб был ледяной. Она вскочила, легонько потрясла его, попробовала пульс, потом вскрикнула и заметалась по комнате. Он был мертв и умер часа два назад, когда она спала. На его лице застыла еле заметная гримаса боли — сердце не выдержало и остановилось. И он, видимо, даже не проснулся.

Она мучительно соображала, что ей делать — вызвать «Скорую», но тогда его заберут, совсем заберут, увезут, и она его больше никогда не увидит. Кто она ему — чужой человек. Нужно срочно что-то делать. Но она два или три часа просидела не двигаясь, смотря на него и глядя его руку с резко вздувшимися венами. Потом с трудом поднялась, взяла его одежду — ни документов, ни денег, ни бумаг. Она попыталась вспомнить фамилии его друзей, с которыми они встречались, но никаких фамилий они не называли.

— Не отдам, никому не отдам, — решила она наконец, — пусть хоть после смерти он будет мой, только мой. Да ему в последние дни никто и не нужен был, кроме меня.

Она раздela了他的衣服, перенесла на стол, обмыла. Она делала все это как во сне, все вокруг было смутным и неопределенным, как в сумерках, и только его лицо было необычайно ясным и бледным, видимым ей во всех деталях. Только лицо она и видела, надевая на него чистую, выстиранную ею рубаху, застегивая на нем его прекрасный пиджак, который ей так нравился. Она совсем не плакала, не было слез, только внутри было отчаянно холодно, так холодно, что слезы, наверное, замерзли, а в горле постоянно сильно першило. Закончив, она села у стола, прижалась щекой к его руке и так сидела неподвижно до тех пор, пока совсем не стемнело.

Потом она расстелила по полу ковер, перенесла его туда, достала с антресолей бог весть с каких времен хранившуюся там лопату, свернула ковер, оделась, стараясь не думать, хватит ли у нее сил поднять все это. Но сил хватило, то ли он был такой легкий, то ли отчаяние не позволило ей проявить слабость. Она вынесла свернутый ковер, положила его на скамейку у парадного и вышла на мокрую мостовую ловить машину. Она помнила, что недалеко до поворота на Орехово, метров триста в глубь леса, есть заброшенное кладбище, давно уже не охраняемое и никому не нужное. Машины не останавливаясь проносились мимо, она стояла около часа с поднятой рукой и чувствовала, как вода течет ей за общаг, как намокают рукав и все пальто становится тяжелым и плотным. Наконец рядом с ней притормозил какой-то фургон.

- Тебе куда, тетка? — высунулся из кабинки водитель.
- Мне в сторону Владимира, только я с вещами.
- Носит вас черт на ночь глядя, — проворчал тот, но вылез, открыл дверцу фургона, помог ей втащить рулон в кузов.
- И что ты там наложила, такая тяжесть?

Она не отвечала, он махнул рукой:

— Иди, садись в кабину, ты же вся вымокла!

Они ехали долго — час или два — по сторонам дороги стоял темный лес, дождь летел параллельно земле и стекал крупными блестящими каплями, и ей казалось, что они не едут на машине, а летят среди звезд, и те расступаются перед ними.

— Только бы не проехать,—вдруг испугалась она, но в то же мгновение шофер затормозил.

— Дальше мне налево, так что выходи здесь, может, поймаешь еще машину.

— Да, да, конечно, спасибо вам.—Она совала ему какие-то смятые деньги.

— А может, поедем до Орехова, что ты тут со своим ковром ночью делать будешь? Утром доберешься.

— Нет, нет, мне надо сегодня. Я доберусь, ничего со мной не случится,—вдруг он не послушается и увезет ее в город.

— Ну, как знаешь.

Они вдвоем вынесли ковер, положили его на обочину. Машина фыркнула и исчезла за стеной дождя. Еще несколько мгновений был виден красный огонек, потом он пропал, и все погрузилось во тьму.

Она в нерешительности постояла несколько минут, пока глаза не привыкли ко мраку, а потом заметила, что вовсе не так уж темно, как казалось из кабинки. Лес начинался сразу за дорожным рвом. Она подняла ковер, прижала его к груди и смело, как в пропасть, шагнула под деревья.

Долго шла между редкими соснами по усыпанной иголками земле, и каждое следующее, едва видимое во тьме деревоказалось ей стоящим человеком. Она ужасно боялась и даже временами скулила от страха, но все шла и шла вглубь, уверенная, что идет правильно. Наконец силы ее иссякли, она почти бросила рулон и опустилась возле него на колени прямо в мокрый мох, дожидаясь, когда вернется дыхание, и тут увидела замшевые покосившиеся кресты и сломанные могильные загородки. Дождь кончился, немного, самую малость посветлело. Она даже видела стоящую вдалеке между сосен одинокую березу. Достав лопату, она долго и неумело копала, опять выбилась из сил, сняла пальто, снова копала и плакала, не от горя, а от бессилия. Земля подавалась плохо, все время приходилось перерубать мелкие корни. Наконец, отбросив лопату, она стала руками брать сухую рассыпающуюся землю и отбрасывать в сторону.

Потом расстелила ковер, села рядом с телом. Его лицо было таким бледным и так хорошо видным в темноте, что, казалось, кто-то подсвечивал его изнутри. Она не помнила, сколько просидела так, и, когда очнулась, увидела, что уже заметно светает. Серые тени пролегли от деревьев, и одинокая береза заметно приблизилась к ним. Она поцеловала его в лоб, снова завернула в ковер, перетащила в неглубокую и очень узкую яму, стала засыпать сначала руками, потом вспомнила о лопате. Навалив небольшой холмик, она легла на него грудью, раскинув руки, и опять впала в забытье.

К дороге она шла очень долго и все удивлялась, какое расстояние

сумела пронести ковер ночью. На шоссе было пустынно в этот ранний час, она в полудреме медленно пошла по краю, не зная, правильно ли идет, в какой стороне Москва. Из оцепенения ее вывел шум мотора, возникший за спиной, она бросилась на середину и тут же услышала визг тормозов. Обернулась. Огромный синий самосвал стоял в трех метрах от нее, а высокочивший шофер злобно кричал:

— Тебе что, жить надоело?

Она повернулась и пошла к машине, он продолжал еще что-то кричать, но, увидев ее лицо, вдруг замолчал, а потом вежливо спросил:

— Вам до Москвы?

Она кивнула.

— Садитесь, у меня тепло, сразу согреетесь.

В кабине действительно было тепло, негромко играла музыка, и пахло кожей от новой обивки сиденья. Она молчала, тупо глядя перед собой на мокрую дорогу, и чувствовала, что шофер — молодой парень — все время с интересом посматривает на нее.

— У вас какое-то несчастье? — наконец спросил он.

Она кивнула и полезла за платком.

— Странно, что у таких красивых женщин и бывают несчастья.

Она враждебно посмотрела на него. Но парень даже не улыбался.

— Я серьезно говорю. Правда, я не так уж много прожил, но таких красивых женщин мне еще не приходилось встречать.

— Да, — вздохнула она, — сейчас я особенно красива.

— Не знаю, может, сейчас и особенно, только вот щека у вас в земле испачкана, вытряните. — Он повернулся к ней зеркало.

Она взглянула в него, и у нее бешено забилось сердце; это было ее лицо, и все-таки это была не она. На нее из зеркала смотрела очень красивая, невероятно красивая женщина со слегка запачканной в земле левой щекой.

АЛЕКСЕЙ РАСКОПЫТ

ПАЛАЧ

Фантастический рассказ

У меня заканчивался рабочий день, когда в кабинет вошел завотделом верхней одежды Крестовский. Он остановился у двери, словно не решаясь шагнуть дальше, чтобы не осквернить меня, владыку, своим дыханием.

— Александр Васильевич, — подхалимским голоском произнес он, — в магазин явился корреспондент газеты! Разыскивает вас, что прикажете?

Я усмехнулся. Крестовский переигрывал, изображая себя мелким сат-

рапом, а меня по меньшей мере царем Дарием. Приятно, конечно, но я бы предпочел игру тоньше. Мастер в таких делах Никольченко, завотделом импортной радиоаппаратуры.

— Что корреспонденту понадобилось? — поинтересовался я.— Карманный диктофон? Джинсы «Хемьяк»?

— Говорит, что хочет взять у вас интервью.

— Что ж,— ответил я,— корреспонденту тоже жрать охота. За публикацию получит свои пару червонцев.

Крестовский угодливо улыбнулся. За рабочий день он имел сотню червонцев. Половину я отбирал себе, как и у других заведующих отделами, еще червонцев двадцать я снимал с него для подарков базовикам, людям из треста и так далее. И все же у Крестовского оставалось достаточно, чтобы зубами держаться за место и люто ненавидеть каждого, кто мог бы оказаться соперником.

— Так что с ним делать?

— Пришлите ко мне,— решил я.— Хотя нет, я иду домой. Если захочет, прокачу до метро. За это время, если успеет, отвечу на вопросы. Не трусить, Крест! План перевыполняю регулярно, и покровители у нас сильные. Корреспондент, видимо, хочет установить контакт, ясно? Разве он первый? Помнишь, в прошлом году настоящий писатель отгрюхал статью в республиканской газете на целый разворот. Какие мы, дескать, замечательные труженики. За такое приятное я кое-что подбросил ему из дефицита.

Когда я вышел в помещение магазина, Крест указал на невысокого мужчину с бледным лицом, который сиротливо стоял возле кассы. Из-под шляпы этого человека выбивались космы неопределенного цвета. Судя по виду, он скучно питался, жил честно, не пытался оттолкнуть ближнего, не выхватывал лучший кусок, не затаптывал противника. Теперь, наверное, устал от жесткой праведности.

— Здравствуйте,— сказал я, с любопытством оглядывая пришельца.— Это вы из газеты? Что привело к нам?

— Внимание к службе быта,— сказал он торопливо, и я уловил подобострастие.— К тому же вы заинтересовали нас блестящие поставленной работой. Я послан, чтобы ознакомиться с вашей деятельностью.— Он замялся, добавляя: — И составить докладную записку.

Он не сказал «написать статью». Составить докладную записку — звучит весомее. От него, дескать, зависит, как посмотрят вышестоящие товарищи. Правда, я знаком и с другими, более изощренными методами набить себе цену.

— Я очень занят,— сообщил я.— Но могу уделить вам время, пока дождем к моему дому.

— Хорошо,— согласился он все так же торопливо.

Когда мы вышли на улицу, я скосил глаза на работника прессы. Он был потрясен, когда увидел мою машину.

Я открыл дверцу, нажал кнопку — бесшумно открылась дверца справа. Корреспондент опасливо опустился на сиденье рядом. Я заметил, как быстро он окинул взглядом суперкомфортабельный салон, вздрогнул, когда невидимый кондишен направил струю теплого воздуха ему на шею.

Я выругал на шоссе, а корреспондент все еще не мог задать первого вопроса. Даже не вытащил блокнот или диктофон. Взгляд растерянно прыгал по панели, где были вмонтированы микрокомпьютеры, которые регулировали температуру в салоне, следили за двигателями, определяя наилучший режим работы, выбирая оптимальный путь. Я тронул одну из клавиш, и засветились окошки видеомагнитофона, телевизора, видеофона. Корреспондент не знал, смотреть ли приключения Майти Мауса на одном экране или вестерн на другом. А на третьем беззвучно бензиновала самая модная рок-группа, и рука корреспондента даже дернулась, чтобы усилить звук.

Я посмеивался. Чтобы в полной мере оценить свое положение, нужно время от времени взглянуть на него глазами постороннего.

— У вас великолепная машина,— наконец проговорил корреспондент с благоговением.— Я даже не знал, что такие существуют!

— Хорошая машина,— согласился я.

— В ней даже можно жить! Этот видеомаг, компьютерная система... Эти машины продаются, поступают в ваш магазин?

Я засмеялся:

— Будем считать, что интервью началось? Нет, автомобили к нам не поступают. Для этого есть специализированный магазин. Там я купил эту коляску. Разумеется, безо всякой подмазки и блата. Хотя мы хорошо знакомы с директором того магазина. Это естественно, мы работаем в одном торге. Кроме того, живем в одном доме: я на первом этаже, он — на втором.

— А как?..— начал было корреспондент, но не закончил фразу.

Мы въехали на тихую улицу Черноглазовскую. Я притормозил у добродушного двухэтажного коттеджа, видневшегося среди деревьев. Едва машина приблизилась к решетчатым воротам, как они бесшумно отворились, мы заехали во двор. Вечнозеленая тuja, несколько стволов реликтовой пицундской сосны, фруктовые деревья. Кусты роз и самшита аккуратно подрезаны. Мне нравятся астры и георгины — они подступали к самой дорожке с обеих сторон.

Я вырубил все двигатели, сказал, открывая дверцу:

— Все, мы прибыли. Если есть желание, пойдемте ко мне. Я отвечу на остальные вопросы в домашней обстановке.

Корреспондент мгновенно выскоцил из машины. Глаза его радостно заблестели:

— Конечно же, конечно! Если позволите, я с радостью.

Я махнул рукой, пропуская его вперед. Он остановился на миг у подъезда, впечатленный солидной постройкой, оригинальностью архитектурного замысла. Немного осталось в Харькове таких домов, немногого.

Поднявшись на крыльцо, я отключил сигнализацию, открыл ключом дверь. Корреспондент остановился в прихожей, еще более ошеломленный, чем в автомобиле. Я начал снимать плащ, раздевался медленно, стараясь смотреть глазами моего гостя.

Весь этаж в моем распоряжении: естественно, большая прихожая, огромная кухня, просторные комнаты. Роскошная отделка. Я привык, мне нормально.

Я провел корреспондента в кабинет. И опять же постарался увидеть его глазами книжные стеллажи до потолка, забитые раритетными книгами, антикварную мебель, что я вывез из музеев, которую мои друзья списали как не соответствующую эпохе.

— Что пьете? — спросил я, открывая бар.— Джин, виски? Коньяк «Бурбон», «Наполеон»? «Камю»?

— Нет-нет,— замахал он руками.— Я и так злоупотребляю вашим гостеприимством. Вы не должны уделять мне столько внимания.

Я был польщен тем, как он держался, как потрясенно разговаривал, как благоговейно вступил в квартиру. А ведь я снимаю еще две квартиры для интимных встреч, и те квартиры оборудовал тоже неплохо.

— Значит,— проговорил я, усаживаясь, и кивнул ему на кресло напротив,— вас интересует, каким образом мы достигли высоких показателей?

— Не совсем это. Больше интересуете вы. Каким образом пришли к этому, почему выбрали именно такую трудную профессию?

Я закурил, внимательно осмотрел корреспондента. На мгновение ощущил жалость: что за жизнь у человека! Пишет о других, ищет интересные судьбы, а сам живет серо и неинтересно.

Сам не знаю, почему я так заговорил, что за внезапная откровенность заставила меня наклониться и доверительно сказать:

— Хотите правду? Конечно, опубликовать ее не удастся, но мне интересно видеть вашу реакцию. Если впечатлила даже автомашина, квартира, то моя судьба и вовсе заставит вас раскрыть рот и ходить в таком положении всю оставшуюся жизнь. Я расскажу, потом вы напишете обычную статью о перевыполнении плана, трудовом подъеме и успехах в соревновании между продавцами.

Корреспондент слушал почтительно, но в его глазах я впервые уловил огонек недоверия. Я отхлебнул вина и заговорил:

— Начнем с того, что я родился в 2142 году. Да-да, вы не ослышались, в ХХII веке. Закончил гипношколу, прошел курс брейнштурминга, работал материалистом. Каникулы проводил на дне Тихого океана, в отпуске бывал на Венере и кольцах Сатурна, посвящен в квадрозойство и сенсофагию. Имел друзей, у меня были женщины, хорошее положение. Собирался жениться, но не успел.

Корреспондент и в самом деле слушал, раскрыв рот. Но мне показалось, что удивление у него было наигранное, словно бы он мне хотел подыграть, а сам не верил ни на йоту.

— И что же? — спросил он осторожно, когда я замолчал.— Вы передумали жениться?

— Нет, но я был признан виновным в целом ряде серьезных преступлений. Суд приговорил меня к высшей мере наказания.

— Вот уж не думал, что в светлом будущем будут преступники.

— Они всегда будут. Разве что изменится понятие преступления. Итак, я был приговорен. Высшей мерой у нас является полная изоляция от общества.

— Ага, тюрьма. На какой срок?

— Пока не исправлюсь, по их мнению.

— Вы бежали из тюрьмы?

— Как видите, нет. Меня сослали в ХХ век. Из светлого интеллектуального мира бросили в дикий мир, где полно не только смертоносных болезней, но люди живут по горло в море подлости, предательств, бездущности. Я едва не умер от горя в первые же дни. Я не мог понять, почему люди так жестоки и двуличны. Я не ангел, но то, что я увидел в вашем мире... Да, видимо, на коротком отрезке от ХХ века до XXII человечество здорово себя почистило!

Мой собеседник сидел в кресле, опустив голову, внимательно слушал.

— Мне трудно сформулировать мою вину,— продолжал я,— трудно выразить вашими словами. Нет-нет, грабежей, убийств и прочей экзотики у нас нет, естественно. Наша криминалистика раскрывает абсолютно все преступления, к тому же у нас такие преступления невозможны. Меня осудили за неэтичное поведение. Даже это звучит грубо и неверно. Меня осудили за склонность к неэтичному поведению, за... Как бы это объяснить... Словом, за то, от чего у вас еще отмахиваются, у нас уже серьезное преступление.

— Не понял,— качнув головой, сказал мой гость.

— Поясню на примере. Существуют правила дорожного движения пока только для автомашин, и никто не догадывается, что с 2000 года будут введены пешеходные книжки. Пешеходам тоже будут прокальвать талоны, отбирать права и так далее. Мера вынужденная. Городское население возрастает, и если не упорядочить движение по улицам и переходам метро, то домой не скоро доберешься. А детей так и вовсе раздавят в суголовке в часы «пик». Так вот, у нас подобной проблемы нет. У вас до нее руки не дошли, висит масса неотложных дел. Вам надо спасать людей, куда уж обращать внимание на придавленный палец!

— Теперь улавливаю, с трудом, но улавливаю.

— Вот и отправили меня, осудив, к вам в жестокий ХХ век. Меня обвинили в нравственной глухоте. Не абсолютной, таких в нашем обществе быть не может, но все же я, по мнению коллег, бывал недостаточно нравственно чист. Выяснилось, что я дважды сограл, один раз поленился прийти на встречу, и товарищ прождал меня более десяти минут, и трижды не окказал помощи знакомым, когда те оказывались в затруднительных ситуациях.

Корреспондент поднял голову и посмотрел мне в глаза. Наверняка я лгал теперь чаще, чем говорил правду, хотя на встречи старался не опаздывать, но жизнь есть жизнь, а уж сколько раз увиливал от помощи!

— И за это сослали?

— Посадили,— уточнил я,— в ХХ век.

— На сколько лет?

— У нас не дают срок. Как только я осознаю вину, как только во мне произойдет нравственное перерождение, так сразу и выдернут меня из этой жути.

Собеседник все еще не понимал жестокости наказания, глядя на мое холеное лицо директора, на дорогой костюм, на перстни с бриллиантами, на весь мой шикарный кабинет.

— Простите, а в чем заключалось само наказание?

— Меня обвинили в недостаточной нравственности. Посылают в такой ужас, в такое место, где наши самые безнравственные личности показались бы ангелами! Ведь я попал в мир, где гремят малые войны, где террористы подкладывают бомбы под автобусы с детьми, где воздушные пираты захватывают самолеты с пассажирами, где на дне океанов лежат атомные подлодки с боевыми ракетами, над головой носятся тысячи спутников, начиненных термоядерными бомбами, и вся земля утыкана межконтинентальными ракетами! Вчера на улице перед моим магазином пьяный водитель сшиб женщину с ребенком. Я уже три года здесь, обываясь и то лежал полчаса в нервном шоке. А хулиганы, воры, гуляки, орующие песни среди ночи? Вы не можете представить, что это такое для человека ХХII века!

— И как же вы?..

— Взбунтовался, естественно. В первую же минуту кинулся защищать достоинство какого-то человека, который так и не понял, что его защищают, как не понял и того, что перед этим грязно оскорбили. Потом вмешивался еще и еще. Словом, через несколько минут или часов и меня вернули бы в мое время. Но вдруг у меня мелькнула мысль, которая сразу же отразилась на реакциях: а если не лезть в чужой монастырь со своим уставом? Ведь это их мир. В общем, появилась такая подленьевская установка внутри себя, которая все оправдывает, обосновывает и позволяет оставаться в стороне. Я заставил себя стерпеть, когда увидел парад подлости. Я смолчал, когда при мне унижали людей, когда сильные обирали слабых, когда низость торжествовала над честностью. Словом, позволил себе так, как обычный человек вашего времени, который не вмещается, чтобы не нажить неприятностей, думает в первую очередь о своем благополучии, исповедуя удобненькую мораль: лбом стену не пропишешь. А так как моя нравственная глухота острому интеллекту не помеха,— скорее помошь! — то я в короткий срок продвинулся от разнорабочего гастронома до директора комиссии.

— Завидую.

— Чему завидовать! Просто приспособился к местности, обстоятельствам. Падать легче, чем подниматься. Должен признаться, что хотя я приспособился к мерзостям этой жизни не сразу — лучшая моя часть бунтовала, то потом начал находить даже удовольствие. Как бы вам на примере... Скажем, вы попали в Древний Рим. Ужасающий разврат, дикие оргии, кровавые жертвоприношения, бои гладиаторов... Но если вы не на сцене Колизея, а в ложе патриция, и рабыни подносят вино, то вы можете посмотреть вниз, где сражаются гладиаторы, уже с другим чувством. А там, глядишь, со временем повернете большой палец вниз.

— Да,— согласился журналист,— патриции наверняка смотрели на Рим иначе, чем первые христиане, которых бросали на арену Колизея диким зверям на растерзание.

— Вот-вот. Я сумел оказаться патрицием в этом мире. И довольно быстро! И грязь не грязь, если она почти на каждом. Привыкаешь. Может быть, впервые правосудие дало сбой. Столкнувшись с подлостью, я ужасался недолго. Вместо того чтобы вылечь в себе остатки малонравствен-

ности, я впустил в себя, в свою душу несовершенства мира. Я зажил по его законам.

— Да,— вымолвил он тяжело,— правосудие дало сбой. Такое иногда случается. Но не настолько часто, чтобы дискредитировать шоковый мейтод.

— Откуда вы знаете? — засмеялся я.

— Знаю! — ответил он.

Этот тон насторожил меня. Я сунул руку в ящик стола, где лежал револьвер, но она застыла, стиснутая силовым полем. Пришелец смотрел на меня не злорадно, скорее печально. Я уже забыл, что люди моего мира не радуются при виде несчастий другого.

— Что вы хотите? — прошептал я, догадываясь, кто передо мной.

— Приговор остается в силе,— спокойно ответил проверяющий.— Отпустим вас в глубь веков еще на один уровень. Это жестоко, мы понимаем, но должны помочь вам победить себя в себе! Иначе кто заснет спокойно в нашем мире, зная, что у вас осталась половинка души?

Вихрь поднял нас и бросил через пространство и время. Когда силовой пузырь исчез, я стоял на бревенчатом помосте в княжем дворе. Вокруг стояла галдящая толпа, которую оттесняла от помоста плотная цепь стражников с причудливыми топорами на длинных рукоятях.

По узкому проходу меж стражей к помосту двигалась цепочка измученных и изнуренных людей в лохмотьях. У каждого руки были связаны за спиной, на ногах стучали тяжелые кандалы.

Впереди тяжело шел со связанными руками высокий худой человек. Рубашка из холста была изодрана на нем в клочья, на цепочке болтался серебряный крестик. В двух шагах от него шли еще трое, и по тому, как смотрели на впереди идущего, я понял, что это вожак, которого безмерно любят, чтят, за которым идут за правое дело до смертного конца.

У меня на лице был балахон из мешковины с прорезями для глаз. Моя правая рука опиралась на тяжелый топор с широким лезвием. Рядом была плаха. Левой рукой я с мучительным стоном взялся за рукоятку секиры, правую руку положил на плаху...

СЕРГЕЙ ЖИТОМИРСКИЙ

ВЕРНУТЬСЯ В ТОТ ЖЕ МИР

Галя пустила шаротрон, приложив ладони к его истертym панелям. Так делалось, чтобы свободная рука случайно не попала в эфиронный вихрь. Руке бы это, правда, вреда не причинило, но известно, что в свое время хозяйки пугались, найдя в чаши сдублированные кончики собственных пальцев. Полупрозрачный вихрь отделился от колонки в центре чаши, неторопливо раздулся и исчез в стенках углубления. Галя ощутила при-

вычное дуновение — это чаша выдохнула сдублировавшийся воздух. Яблочки тоже сдублировались, их точные копии появились по ту сторону колонки. Галя сдвинула свою пару, снова пустила вихрь, сгребла восемь яблок в вазу и подошла к окну.

— Олег, Марина, завтракать!

Муж и старшая дочь, игравшие на полянке у ручья, сложили в сумку ракетки и воланы и наперегонки кинулись по песчаной дорожке к дому.

За столом Олег рассуждал о попытке Журавлевой перевести Евгения Онегина на современный русский язык. Он говорил, что стихи поэтессы вульгарны и кощунственны и что как бы ни изменялся язык, Пушкина надо читать в подлиннике. Галя не очень слушала.

— Кстати,— перебила она его,— ты обещал съездить к Орлову по поводу яхты. Вот сегодня бы и съездил.

— Почему именно сегодня? — запротестовал Олег.

— А сколько можно ждать? Все это — глупость какая-то. Где это видано, чтобы заказы отклоняли из-за перегрузки дубликаторов? Пусть твой Орлов сделает им внушение, чтобы не увиливали от работы. Ну, не хочешь ехать — позвони.

— Неудобно звонить по такому делу,— поморщился Олег,— все-таки это нарушение официального порядка.

— Совсем о сыне не думаешь,— Галя пожала плечами.— Пойми, математикам туризм совершенно необходим.

— Па,— вмешалась Марина,— по-моему, ма права. Игорек так старался, готовился, сдал на разряд, а тут — отказ. В его возрасте это может просто разрушить психику!

— Ну, хорошо, будь по-вашему,— сдался Олег.

День был разбит. Олег связался с Орловым, к его удивлению, тот сразу же согласился на встречу. Олег переоделся, пошел в гараж и прямо из лодки заказал линию до Дубны. Машина всплыла, двинулась к светлой щели ворот, створки со скрипом раскрылись под давлением ее силового поля. Воздушный кораблик выскользнул наружу и пошел вверх, чуть заметно рыская в поисках курса. Галя и Марина помахали вслед, дом исчез за лесистой возвышенностью, шорох ветра оповестил о достижении крейсерской скорости. Автор нашумевшей монографии «Физика в социально-экономической истории», досадуя, что поддался на уговоры женщин, понесся на север.

Дорога отнимала полчаса, их можно было бы использовать для дела, но Олег, откинувшись в кресле, просто глядел на плывущий навстречу простор. Он видел внизу бесконечные парки с россыпью пестрых домиков, массивы заповедных лесов, петляющие по заливным лугам реки с зарослями ив по берегам. Олег любовался землей и думал, что из всех физических открытий наибольшее влияние на человечество оказало, конечно, изобретение эфиронного дубликатора.

Дубликаторы назвали шаротронами в честь Игоря Шарова, не оцененных современниками ученого, который еще в середине XX века предложил эфиронную теорию микромира. Его гениальная догадка состояла в

том, что элементарные частицы есть не что иное, как вихри частиц вакуума – эфиронов, составляющих анизотропное расширяющееся поле. Два столетия спустя родилась эфиронная физика, подарившая миру удивительное открытие – эфиронный дублирующий вихрь. Этот макровихрь имел замечательное свойство запечатлевать в себе образ любой встреченной частицы. Ее отпечаток уносился вихрем, созревал и, наконец, материализовался в виде такой же частицы. Пятнадцать лет напряженной работы потребовалось для создания сканирующего вихря, который открыл возможность дублирования материальных тел. Год изобретения дубликатора – 2260-й считается временем начала второй технической революции.

Шаротрон позволил дублировать почти любые предметы, устройства, вещества, лишь бы они умещались в зоне действия вихря. Первые дубликаторы стоили непомерно дорого, но вскоре удалось наладить их дублирование на более крупных шаротронах, и применение этих приборов стало повсеместным. Энергия вихря пополнялась за счет деструкции частиц любой материи. Так вместе с проблемой производства была решена и проблема утилизации отходов. Дублированию подлежало все, правда, дубликаты живых организмов не оживали. Но задача дублирования жизни не имела практического значения, поскольку продукты питания дублировались без потери свойств. От сельского хозяйства уже не требовали урожайности, оно поставляло совсем немного продуктов высшего качества, которые потом тысячекратно дублировались. Домашний шаротрон стал необходимой частью обихода. В нем дублировалось все нужное – пища, одежда, книги, украшения. Хозяйки забыли, что такое стирка и мытье посуды. Грязные вещи летели в утилизатор, а едва возникала необходимость, в считанные минуты появлялись новые, сдублированные с герметически упакованных образцов.

Прекратились горные разработки, стали ненужными химические и металлургические заводы. Любое вещество можно было получить в любом количестве на дубликаторах. Были созданы шаротроны, выпускавшие профильные материалы какой угодно длины, путем приращивания вновь сдублированной части к предыдущей, оставленной на границе вихря. Машиностроение свернулось до бюро-мастерских, создававших образцы новых изделий. Только заводы крупных машин сохранили основные цехи. Зато распространились заводы-дубликаторы, часто не имевшие даже упаковочных отделений, которые дублировали самую различную продукцию по образцам «готовым к отправке». Совершенно изменились понятия о технологичности. Появились дизайнеры, которые тысячи раз дублировали одно и то же изделие на слегка дефектных шаротронах, отыскивая среди дубликатов образцы с полезными «мутациями», и с помощью одного лишь направленного отбора изменяли исходный образец до неузнаваемости.

Многие социологи утверждали, что свалившееся на людей изобилие станет губительным. Опасались, что уменьшение занятости и исчезновение необходимости добывать хлеб «в поте лица» вызовет эпидемии психических заболеваний, рост преступности, повальную наркоманию, быстрое вырождение культуры. В какой-то момент казалось, что эти мрач-

ные прогнозы сбываются. Но здоровое начало человечества победило. Несколько всемирных клубов сумели привлечь сотни миллионов прежних пассивных потребителей продукции «индустрии развлечений» к занятиям самообразованием, спортом, моделизмом, художественным творчеством. Ожидали демографического взрыва — произошло обратное. После нескольких десятилетий с преобладанием тенденции к сокращению населения оно стабилизировалось.

Не во всех областях произошло и сокращение затрат труда. Началась эпоха, названная экологической революцией. Строители меняли лицо земли. Исчезли индустриальные и сельскохозяйственные ландшафты, расширились заповедники. Распыление производства, сокращение перевозок и доступность воздушного мини-транспорта привело к отливу людей из городов в поселки-парки, вкрапленные в пространство «дикой» природы.

Показалась Москва, окруженная живописными искусственными холмами, сооруженными из груд строительного мусора, который остался после сноса районов массовой застройки. Теперь город мало где выходил за пределы так называемого Земляного вала. Его исторический центр, бережно сохраненный и отреставрированный, лежал в море зелени, из которой, как острова, поднимались ансамбли внешних архитектурных памятников. Над столицей проплывали стайки туристских лодок, Олег шел выше и мимо на север, над старинными водохранилищами и шлюзами канала к Волге. Лодка сбавила скорость, нырнула к домикам Дубны, нашла место на стоянке и села напротив главного корпуса Объединенного института.

Орлов выглядел плохо, по телефону это было не так заметно, и Олег уже не жалел, что приехал навестить приятеля. Они вместе кончали физтех, но Олег занялся историей науки, а Вадим пошел работать в Институт и прошел путь от лаборанта до директора. Вот уже шесть лет он занимал этот пост, возглавляя обширные физические исследования и курируя центр крупных дубликаторов, тот самый, который отклонил заявку Игоря.

— Молодец, что объявился,— сказал Вадим после обмена приветствиями,— а то я уже собирался тебя приглашать.

— Какое-нибудь дело?

— Да, хочу привлечь к одной работе,— Орлов откинулся в директорском кресле.— Только учи, то, что я расскажу,— не для распространения. Решение Постоянного Комитета,— добавил он, поймав недоуменный взгляд Олега.

То, что Орлов рассказал, не укладывалось в мозгу. Это было, как обвал, цунами, прогноз чудовищного землетрясения. Оказалось, уже несколько месяцев все физические институты Земли жили в лихорадке и только притворялись здоровыми. Началось с того, что Петр Альвареш, статистик из Принстона, заинтересовался скачкообразным характером случаев замены шаротронов. Ему удалось выяснить, что при этом почти одновременно выходили из строя машины какой-нибудь одной модели, больше того, работающих машин этой модели вообще не оставалось. Физики забеспокоились. Довольно быстро удалось обнаружить причину

явления — оказался нестабильным сплав, из которого отливались кольцевые сердечники. Обнаружилось, что он сохранял нужные свойства только около 112 лет, после чего происходило необратимое изменение его структуры. Но поскольку при дублировании полностью воспроизводилась и структура сердечников со всеми назревающими изменениями, а базовые модели создавались в свое время в течение довольно короткого срока, выходило, что через несколько лет в мире не останется ни одного работающего шаротрона.

Но самым печальным было то, что все попытки снова получить нужный сплав пока ни к чему ни привели. Было похоже, что через три-четыре года может разразиться грандиозная экономическая катастрофа. Пока, в ущерб другим заказам, все крупные дубликаторы перевели на дублирование шаротронов последних моделей, а фермам дали задания на увеличение семенного фонда.

— Ведь семена не дублируются,— закончил Орлов,— их надо вы-ра-щивать! А представь себе, что будет, когда придется выращивать всю пищу? Все материалы добывать? Буквально каждую вещь изготавливать?

— Зачем так мрачно,— возразил Олег.— Три года — не так уж мало.

Вадим горестно покачал головой:

— Ты оптимист. Мы были такими же пару месяцев назад, пока не погрузились в это болото. Видишь ли, дубликатор — вершина технологии целой эпохи. Чтобы достичь этого уровня, нужно чуть ли не снова пройти весь путь развития ядерной техники. Вспомни историю сплава. Мне представляется, что с ним никто не умел работать, кроме Горация Симонова. Он и отливал заготовки сердечников для всего мира здесь в шестом корпусе. Но то ли его отчеты не полны, то ли мы уже не знаем того, что ему казалось очевидным, то ли в его работе было слишком много интуиции, но пока никто не смог получить ничего даже отдаленно похожего на его результаты.

— Мне кажется, насчет монополии Симонова ты заблуждаешься,— сказал Олег.— Помнится, в начале семидесятых в Швеции была фирма «Электролюкс», которая хвалилась, что ее шарotron совершенно оригинален.

— Любопытно! — Орлов повернулся к пульту информационной системы и запросил данные по дубликаторам «Электролюкса». Но оказалось, система вообще не знает о существовании такой фирмы.

— Дай-ка я проверю по своему архиву,— предложил Олег.

Он позвонил домой. Подошел Игорь, который уже вернулся из Плавска. Гали не было — ушла на этюды,— и Олег попросил сына порыться в картотеке. Игорь переключил телефон на рабочую комнату отца и вскоре появился у старинного каталожного шкафа. Олег любил раскладывать пасьянсы из карточек, и работал по старинке. Игорь быстро нашел нужную карточку. В ней говорилось, что действующий шарotron фирмы «Электролюкс» находится в музее Улувстрема. Правда, сделан он был не в начале семидесятых годов прошлого века, а в 2262-м, то есть был одним из первых промышленных образцов.

— Действующий? — с недоверием и надеждой переспросил Орлов.

— Тут так сказано,— кивнул Игорь.

- А каким годом помечена карточка? — спохватился Олег.
- Триста семьдесят первым.
- Тогда все ясно,— сказал Орлов,— в семьдесят первом он еще мог работать. Все же я сейчас запрошу шведов.
- Постойте,— сказал Игорь,— тут есть приписка,— он перевернул карточку и прочел.— «Данные семьдесят седьмого года. Модель является модификацией шаротрона объединения «Сименс». Образец неисправлен».

— Вот так! — хмуро проговорил Орлов.— Я даже могу сказать, что он перестал работать в семьдесят четвертом и что при этом нарушилась фокусировка.

— Спасибо, мальчиш,— сказал Олег Игорю и отключился.— Да, что-то я напутал. Может, это не шведы были, а швейцарцы.

— И об оригинальности заявляли ради рекламы,— добавил Орлов.— Но искать надо. Тебе задание: обдумай, что и где можно найти по части технологии и самых последних моделей. Мы сейчас гоним машину сентябрь двести семьдесят третьего. Каждый месяц после этого — уже благо. Не мне тебе объяснять, что под словом «модель» я понимаю исходную начинку и отсчет веду от даты отливки сердечника. Когда будешь готов, свяжу тебя с нашей исторической группой. Но сперва сам, чтобы не идти на поводу. И, конечно, не забудь о сохранении тайны.

— Вот этого я не понимаю,— Олег поднялся,— по-моему, такие вещи нельзя скрывать. Если нам грозит беда, лучше встретить ее с открытыми глазами. К тому же секретность сужает круг исследователей.

— Ладно,— остановил его Орлов.— Это не наш вопрос. На очередной сессии Совета Земли и Совета Наций Комитет собирается обо всем доложить. Тогда уже будут готовы планы спасения на случай нашей неудачи.

Олег возвращался домой подавленный. Как историк, он понимал, что грозящая ломка производственной структуры общества может оказаться очень болезненной. Хорошо, если удастся избежать голода и сохранить единство человечества. А если нет? На какую ступень варварства они могут скатиться? Он смотрел вниз на ухоженную гостеприимную землю, и ему чудилось, что место рукотворной лесостепи уже заняли знакомые только по картинкам унылые пространства сельскохозяйственных угодий, кратеры карьеров, коробки бесконечных цехов. Неужели к этому придется вернуться?

Он думал, что неудачи физиков связаны не только с трудностью постичь кухню гениального Симонова, но и просто с утратой той части технического опыта, которая может передаваться только от человека к человеку и оказалась потерянной между строчками руководств за столетие господства дубликаторов. Звонок Гали перебил его мысли.

— Ну что,— спросила она,— Орлов согласился?

Олег не сразу понял, о чем она. Конечно, она находилась еще там, в безмятежном мире изобилия и семейных забот.

— Орлов? — Олег тряхнул головой.— Ему сейчас не до нас.

— Ты что, даже не сказал ему, зачем приезжал? Придется, видно, звонить мне самой.

— Не делай этого, прошу тебя.

— Ты — просишь меня? — Галя некорово засмеялась. — И у тебя хватает на это совести?

Она отключилась. Олег пожал плечами — пусть звонит. В конце концов, каждый волен звонить кому угодно. Она живет там, где ему уже не дано. Ему надо думать о другом — что искать, где искать, в каких архивах, музеях, собраниях могли сохраниться драгоценные сведения, которые позволили бы людям избежать катастрофы или хотя бы выиграть время.

Дома Олега встретила торжествующая Галя.

— Яхта будет, и разговор-то занял две минуты, — сообщила она.

— Невероятно, — изумился Олег, — что-то тут не так.

— Все так, — возразила Галя. — Просто ты предпочитаешь не жить, а выдумывать жизнь. Ты продумывал ситуацию, а я ее проверила. И вот, все решено, и Игорек может отправляться на свои драгоценные астероиды.

С крыльца сбежал сияющий Игорь.

— Звонили из Дубны, — воскликнул он, — лечу принимать яхту! Да не смотри так на меня, па, на первый раз у нас с Остапом маршрут несложный, месяца через три вернемся.

Олег со вздохом похлопал сына по плечу:

— Хорошо бы, малыш, тебе вернуться в тот же мир, из которого ты улетишь.

Игорь с тревогой повернулся к отцу:

— Что-то случилось? Ты нездоров? Может, мне не лететь?

— Лети, лети, — успокоила его Галя. — Просто твой отец расстроен, что я оказалась практичеснее его.

Игорь летел тем же путем, который совсем недавно проделал отец. Он чувствовал, что что-то все-таки случилось, что есть какая-то связь между странным напутствием отца, его непонятным звонком из кабинета академика и отмененным отказом сдублировать яхту. Но что же произошло? Юноша вспоминал подробности разговора, сопоставлял, строил догадки и думал, думал.

Яхта приближалась к станции «Планета 104», построенной больше ста лет назад и оставленной за ненадобностью после тридцатилетней эксплуатации. Игорь, исполнявший роль капитана, и его сокурсник Остап с судовой ролью матроса провели в космосе уже полтора месяца. Они успели посетить спутник Меркурия, помогли монтировать новый отсек, приняли участие в геологической экспедиции на поверхность и получили благодарность с занесением в спортивные книжки.

Второй этап оказался более сложным. Эфемериды станции давно не публиковались, ее поиски заняли много времени, и Остап нервничал, боясь, что это скажется на их спортивных результатах. Но когда он увидел станцию, похожую на колесо древней телеги с массивным ободом и толстыми спицами, то перестал ворчать, пораженный удивительным зрелищем. Сверкающее на солнце колесо неторопливо катилось

через космос. Они причалили к центру втулки. Станция была давно разгерметизирована. Напялив скафандры, друзья вошли внутрь. В капитанской рубке они нашли журнал посещений, взяли записку, оставленную три года назад австралийскими туристами, оставили свою.

— Ты все же молодец, что поменял маршрут,— сказал Остап Игорю, копавшемуся в документах.— Куда интересней побывать на эдаком чудище, чем на какой-нибудь марсианской турбазе.

— Акт экспедиции Института истории,— прочитал Игорь.— Наконец-то. Станция обследована в триста тридцать пятом году, ведомость оборудования... Ого, есть! А тут — «снято для музея...» Нет, не сняли.

— Слушай-ка, кончай, а? — сказал Остап.— Мы же в цейноте.

Игорь отложил пластинку акта и сказал, что им придется провести на станции еще несколько часов и обследовать склад.

— Да ведь он запечатан!

— Я распечатаю.

— Браконьер! Я не желаю участвовать в твоих выходках.

— Придется,— жестко проговорил Игорь.— Не забывай, что я капитан.

— Все-таки Марина правильно говорит, что ты хотя и копия отца, но внутри весь в мамочку.

— За мной, марш! — оборвал его Игорь.

По винтовой лестнице, бежавшей внутри спицы, они вернулись в центральный барабан, где царила почти полная невесомость. Игорь снял печать с дверей склада, которые оказались не запертыми. Туристы вошли в просторное помещение, занятое автоматическими стеллажами и напоминавшее гигантский улей. Игорь вел Остапа дальше и дальше, он что-то искал в лабиринте проходов среди нагромождения незнакомых механизмов.

— Что тебе тут понадобилось? — спросил Остап.

— Дубликаторы.

— Разве они в то время были?

— Представь себе. Именно здесь их впервые применили в космосе. И в ведомости они упомянуты.

— Вряд ли они могут быть тут. Всякий разумный человек разместил бы их ближе к центральной развязке.

— Верно,— согласился Игорь.

Они вернулись к центру барабана и действительно недалеко от входа в склад обнаружили отсек с двумя старинными дубликаторами.

— Теперь нужно проверить, работают ли они,— сказал Игорь.

— А почему бы им не работать? Не пойму, что ты затеял.

— Проверку,— отрезал Игорь.— Тащи сюда кабель от яхты, а я пока их отключу.

Остап выругался, но, зная упрямство друга, возражать не стал. Подключение оказалось долгим делом. Только через час Игорь сунул в чашку какой-то болт и с замиранием сердца приложил к панели одетую в перчатку руку. В колонке родился вихрь, привычно расширился, но, коснувшись болта, пропал. На втором дубликаторе повторилось то же.

— Смотри-ка, и правда не работают! — восхищенно воскликнул Остап.— А ты откуда узнал?

— Если верить академику Орлову, все шаротроны, сделанные в двести шестьдесят третьем, должны были скиснуть еще три года назад. Я-то надеялся, что они работают... И неисправность не та. Должна наступать расфокусировка, а тут — срыв вихря. Ну, что делать. Как говорят, дерзкий эксперимент не подтвердил смелой гипотезы. Сматывай канитель, пошли.

— Дураки, кретины! — вдруг закричал Остап. — Да в них просто нет балласта!

Он сам открыл утилизатор, сунул в воронку горсть болтов и снова пустил шаротрон. На этот раз болт исправно сдублировался.

— Гений! — в восторге проговорил Игорь, — дай я расцелую тебя! — И он постучал стеклом своего шлема по шлему друга.

Орлов, с которым связались яхтсмены, к неудовольствию Остапа, попросил их пока не покидать станции, чтобы яхта сыграла роль маяка. Через сутки прибыл скоростной корабль, который забрал дубликаторы. Его капитан от имени Института записал друзьям благодарность и оправдание задержки.

Находка оказалась спасительной. Материал сердечников на шаротронах с «Планеты 104» был почти не затронут старением. Дубликаторы на его основе могли служить многие десятилетия, человечество получило желанную отсрочку. Конечно, оставались трудности, связанные с перспективой остановки крупных дубликаторов, но ни голод, ни нехватка предметов первой необходимости Земле уже не грозили.

Пока Игорь с Остапом шли по кометной орбите к Венере, мир задним числом переживал и обсуждал перипетии несостоявшейся катастрофы. Остап, принимая передачи с Земли, только охал и опасливо поглядывал на Игоря. Факт доставки найденных шаротронов в Дубну пресса истолковала в том смысле, что нашедшие их туристы действовали по заданию Института. Им поэтому отводилась роль скромных исполнителей, против чего истинные спасители цивилизации не возражали. Через полтора месяца, когда маршрут был пройден, никто уже ими не интересовался. Они получили заслуженный спортивный разряд и вернулись к своим учебным делам.

Ослепительным днем в разгар золотой осени Орлов позвал семью Олега в гости. Они расположились над Волгой на террасе небольшого рубленого дома, где академик жил один. Улыбающийся Орлов принес огромное блюдо пирожков собственного изготовления. Галия открыла этюдник и стала набрасывать его портрет, Марина разглядывала фотографии резных украшений дома, которые только что сделала, Игорь рассказывал о своем путешествии.

— Объясните мне, молодой человек, — попросил Орлов, — что побудило вас отыскать и испытать эти дубликаторы? Звонок отца?

— Конечно, — ответил Игорь, — он был и толчком к размышлению и дал основную информацию. Я понял, что если уж речь пошла о старении

даже музейных образцов, то дело плохо, и замешаны какие-то глубокие причины. И я подумал, что вы, должно быть, проверили влияние всех факторов, кроме одного,— невесомости.

— Так и было, но почему?

— Да потому,— улыбнулся юноша,— что давно уже никто не летает без искусственной гравитации и о невесомости помнят одни только туристы.

— Похоже, вас не зря учат логике,— сказал Орлов.

— Между прочим,— вмешался Олег,— то, что Игорь, не имея почти никакой информации, чуть ли не чудом нашел выход из кризиса, лишний раз подтверждает мое мнение насчет секретности.

— Уже было,— остановил его академик,— и в твоих статьях, и у Сноу, и у Акумы. Кстати, я и сам держался тех же взглядов, но, согласись, был обязан подчиняться Комитету.

— Но все-таки, к счастью, вы не всегда ему подчинялись,— заметила Галия.— Ведь вы не имели права дублировать ничего, кроме шаротронов, а для нас сдублировали яхту, без которой Игорь ничего бы не нашел.

— Милая Галина Сергеевна,— ответил Орлов,— когда вы мне позвонили, я понял, что единственный способ создать для вашего мужа рабочую обстановку — это исполнить ваше желание. Но для этого мне не пришлось нарушать правил. Яхту для вас я не дублировал, а взял с институтской спортбазы. Сами мы к тому времени уже и думать забыли о туризме.

ВАДИМ ЭВЕНТОВ

Гений

По утрам из раскрытых окон дачи доносились звуки рояля. Виртуозная, сотканная из света и тени, волн контрастов, нежной лирики и огненных страстей музыка удивительным образом совмещала в себе классическую ясность с усложненностью форм и нервозностью нашего беспокойного века, в искрометных фортепианных пассажах и задумчивом пиано наливалась чье-то открытое миру сердце.

«Кто это играет?» — спрашивали приезжие, и жители дачного поселка горделиво, как о местной достопримечательности, отвечали: «Сын профессора Градополова. Наш вундеркинд!»

Если проходящий, понимавший толк в музыке, пытался удовлетворить свое любопытство дальнейшими расспросами, его ждало разочарование: местные жители мало что знали о юном даровании, отец его, профессор столичного Института генетики, купил у генеральской вдовы дачу, построил для сына на участке теннисный корт и, опасаясь дурного влияния поселковых рокеров и «металлистов», держал свое чадо чуть ли не взаперти.

И в самом деле, часто, когда умолкал рояль и радио разносило над поселком бойкие звуки шлягера, на площадке за высоким забором появлялся угловатый подросток в шортах, иногда его сопровождал сам профессор Градополов, вдвоем они разыгрывали несколько легких разминочных геймов, но чаще мальчик выходил на карт один и с монотонным постоянством адресовал удары мяча крашеной деревянной стенке.

Впрочем, Ганя не замечал своего одиночества, его день был занят разнообразными занятиями, которые предусмотрел для него отец. Профессор Градополов, страстный любитель музыки, собравший у себя обширную фонотеку, вел переписку и был лично знаком со многими выдающимися музыкантами. Судьба наградила профессора Градополова сыном, наделенным редчайшим дарованием. В четыре года маленький Ганя сочинил свою первую фортепианную пьесу, его успехи в композиции поражали учителей и знатоков музыки, сам Кабалевский с одобрением отзывался о его опытах и сулил Гане большое будущее.

Но главной страстью профессора Градополова была наука, ей он отдал всю свою жизнь. Открытия профессора в области генной инженерии упоминались в учебниках биологии, а его работы по репликации соматических клеток считались образцовыми. Однажды Ганя ездил к отцу в Институт генетики. Помощник отца по лаборатории, моложавый улыбчивый кандидат Навроцкий вызвался быть Ганиным гидом. С увлечением посвященного в таинства науки он рассказывал Гане о двойной спирали ДНК, аминокислотах, хромосомах и генах в заключение, желая поразить рассеянного экскурсанта, провел его в продолговатое с затемненными окнами помещение. Ртутные лампы под потолком лили холодный стерильный свет, вдоль белокашельной стены громоздились объемистые бочкообразные сосуды в паутине трубок и проводов.

— Взгляни-ка сюда!..

Навроцкий подошел к сосуду и щелкнул выключателем. На матовой поверхности камеры засветилось окошко. Ганя наклонился и увидел сквозь стекло погруженный в жидкость пульсирующий комок, обтянутый тончайшей полупрозрачной пленкой. Сквозь пленку проглядывала густая сеть кровеносных сосудов и темный орган, похожий на бьющееся сердце.

— Что это? — с интересом спросил Ганя.

— Зародыш китайского хомячка. Выращен из соматической клетки, взятой из кусочка кожной ткани. — Навроцкий сделал паузу, будто ожидал аплодисментов. Но аплодисментов не последовало. Выдающееся достижение отечественной генетики не произвело на Ганю должного впечатления. Ганя окинул рассеянным взглядом шеренгу бочкообразных сосудов и спросил:

— Ужасно интересно! А человека из кусочка кожи выращивать вы не пробовали?

Моложавый кандидат не заметил иронии.

— Мы не ставили подобной задачи, — серьезно ответил он. — В принципе это дело техники. Между соматическими клетками хомячка или человека нет существенной разницы.

Навроцкий с энтузиазмом стал рисовать перед Ганей перспективу получения взрослых особей из единственной клетки. Отправляясь в космическое путешествие на освоение далеких миров, вовсе не обязательно по примеру библейского Ноя брать с собой «всякой твари по паре», в пробирках будет храниться наследственный генофонд полезных животных, при желании с его помощью люди воспроизведут ценные стада. Что касается человека, то генофонд каждого из нас уникален. Умирая, можно завещать свой генофонд потомкам, человек в будущем может родиться как бы заново и прожить вторую жизнь. А уж генофонд выдающихся талантов просто бесценен — люди не имеют права его терять.

— Ты только представь, — увлеченно говорил Навроцкий, — что означает для человечества генофонд таких великих умов, как Галилей, Ньютона, Гёте или Толстой!

Ганя вообразил тянущуюся из глубины веков в бесконечные дали цепочку неотличимых друг от друга Галилеев, Ньютонов и Толстых и пожал плечами. Рассказ Навроцкого порядком ему надоел. Он тут же перевел округлую физиономию говорливого кандидата в музикальный образ, нарастающий по крещендо ряд синкопированных трезвучий, и зачмееялся своей находкой. Смех его обидел Навроцкого и заставил замолчать.

Ганя добросовестно обстреливал деревянную стенку, стараясь попасть мячом в центр желтого круга. Мастерским ударом из-за головы Ганя отбил отскочивший мяч, мяч пролетел над стенкой и упал за забором. Чтобы не искать его в зарослях сирени, Ганя подхватил другой мяч и продолжил тренировку. С улицы послышался стук, Ганя оставил ракетку и побежал к калитке.

У калитки стояла миловидная девушка с дорожной сумкой и, доверчиво улыбаясь, протягивала Гане теннисный мяч. Внезапно появившаяся белокурая фея дала толчок Ганиной фантазии, в душе его зазвучало легкое воздушное tremolo, будто грациозный мотылек затрепетал над раскрывшимся цветком.

— Это твой мячик?.. Я нашла его на дороге.

Девушка смотрела на Ганю ясным, чуть насмешливым взглядом, еще мгновение, и она исчезнет в лабиринтах переулков и уочек дачного поселка, и воздушное tremolo умолкнет, заглушенное повседневностью.

— Вы играете в теннис? — в отчаянии спросил Ганя, облизав пересохшие губы.

Девушка, принесшая мячик, покачала головой. В ее глазах мелькнула отчетлившая грустинка.

— Хотите попробовать?.. Пойдемте! Я вас научу.

Смуглые щеки феи тронул нежный румянец. Радостные мажорные аккорды подхватили воздушное tremolo.

— Хорошо, я попробую. У вас во дворе нет собаки? Я их очень боюсь.

В тот день расписанный по часам Ганин распорядок полетел к черту. Если у вас на корте появилась партнерша, быстро схватывающая премуд-

рости подрезки, крученою подачи и игры у сотки, вам уже не до занятий теорией музыки или французским. К концу второго часа упорной тренировки Ася, так звали девушку, выиграла у своего слишком горячего тренера первый гейм.

После игры, когда оба выбились из сил, Ганя пригласил Асю в дом. Гостья с любопытством разглядывала гостиную с огромным белым роялем, фотографии музыкантов с дарственными надписями, стеллажи с касетами, книги.

— Я тоже училась играть на «фоне». Ходила в студию,— простодушно сказала Ася и потрогала полированную поверхность белого «Беккера».— Говорят, ты здорово играешь. Сыграй что-нибудь.

— Я не сажусь за рояль после тенниса. Пальцы теряют беглость. Но если публика просит...

Ганя вскарабкался на крышку рояля, просторную, как полярная льдина, лег на живот лицом к клавишам и, перегнувшись, бойко отстучал дурашливый «Лежачий вальс».

— Браво! Тебе бы выступать в цирке! — насмешливо сказала Ася.— Только не хватает рыжего парика.

Ганя захочтал и, опрокинувшись на спину, завертелся на крышке рояля волчком. Асины слова привели его в восторг.

— Вот, держи! — Ганя спрыгнул на пол и, взяв из вазы шафрановое яблоко, сунул Асе. Он походил по комнате, рассеянно напевал и лукаво поглядывал на Асю, потом уже без всяких фокусов сел за рояль и, чуть откинувшись и приподняв голову, бережно коснулся пальцами клавиш.

При первых звуках, полных неизъяснимого очарования, Асины глаза изумленно расширились, она беззвучно выплюнула в ладошку надкусанный кусочек яблока и забылась. Ей представился тихий речной закат, рыбачья лодка у зеленой гряды камышей, заглядевшиеся в зеркало вод розовые облака — ей сделалось так хорошо и спокойно, как бывает в самые счастливые минуты жизни.

— Ганя, ты гений! — шепотом, словно боясь вспугнуть наставшую тишину и развеять обаяние сотканного музыкой мира, сказала Ася. Она смотрела на Ганю снизу вверх как на чудо.

Ганя засмеялся и крутнулся на стуле.

— Я это знаю. Такие, как я, рождаются раз в сто лет.

С того дня Ганя не был одинок на теннисном корте. Каждое утро после занятий музыкой он выбегал за калитку и дожидался, когда в зеленой теснине улицы покажется легкая стремительная фигурка. Ася издила махала рукой, Ганино сердце прыгало, как мячик, он не мог устоять на месте и летел навстречу. Потом оба спешили на корт, и Ганя, увлекшись игрой, забывал о том, что его ждет учитель французского и что заведенный отцом строгий распорядок опять безнадежно нарушен.

Однажды в конце упорного сета застывшая в ожидании подачи партнерша выпрямилась и опустила руки. Ганя пробил, добыл победное очко.

и радостно завопил. Оглянувшись, он увидел стоявшего позади отца – отец незаметно вошел в калитку и смотрел на него, нахмурив брови.

Все трое молчали. Профессор Градополов вступил на площадку. Ганю он просто не замечал, оттого слова его, адресованные Асе, звучали особенно обидно:

— Я прошу вас, юная особа, не задерживать моего сына. С малых лет я учу его дорожить временем. Своим и чужим тоже.

Ася покраснела как провинциальная школьница и собралась уходить. Ганино лицо покрылось пятнами, он швырнул ракетку на землю и в беспамятстве закричал:

— Оставь нас!.. Я буду играть на корте столько, сколько мне вздумается. Я уже не ребенок!

Ася возмутилась: кричать на отца!.. Это выходило за всякие рамки. Топнув ногой, она обозвала Ганю грубияном, скверно воспитанным мальчишкой и потребовала, чтобы он немедленно извинился.

Ганя страшно обиделся и убежал в дом – оттуда послышались смятенные звуки рояля. Пока Ганя давал выход своим чувствам, профессор Градополов о чем-то долго беседовал с Асей. Для Гани навсегда осталось тайной содержание их беседы, но с того злополучного дня он лишился партнерши на корте. Напрасно он простоявал у калитки, ожидая, когда покажется точеная фигурка в белой спортивной юбочке, – Ася больше не приходила. В одиночестве Ганя отправлялся на корт и лениво играл с мячом у стенки, но вскоре ему наскучивало, он возвращался в дом и поверял свою грусть роялью. Музыка его была полна беспокойства и тревожных предчувствий.

Беспокойство срывало его с места, он уходил из дома и бродил по поселку, втайне надежде встретить белокурую девушку. Поиски заканчивались ничем, жгучая тоска охватывала Ганю, он возвращался домой и, забившись в уголок сада, плакал как ребенок.

В один из вечеров Ганя засиделся за роялем, пытаясь уловить прихотливый музыкальный образ. Капризный образ распадался в нечетких размытых фразах, Ганя оставил попытку и в сердцах захлопнул крышки рояля. Резкий звук был так неожидан, что сидевший в гостиной профессор Градополов почувствовал неладное. Конечно, от его внимания не ускользнуло душевное состояние сына, он догадывался о причинах его подавленности и как отец собирался предпринять разумные меры, способные вернуть сыну прежнее равновесие.

— Ты переутомился, Ганя. Мы оба устали. На следующей неделе я беру отпуск – мы поедем в Зальцбург, на музыкальный фестиваль. Сам маэстро Карайян прислал нам приглашение. Он в восторге от твоего фортепианного концерта и просит разрешения включить его в свою программу.

Ганя до обидного равнодушно выслушал известие о предстоящей поездке. Профессор вздохнул. У мальчика трудный переходный возраст. Он, его отец, поглощенный наукой, уделяет сыну слишком мало внимания.

ния. Ганя растет без материнской заботы и ласки, у него нет настоящих друзей и привязанностей. Впрочем, одиночество — удел любой одаренной личности.

Профессор Градополов подошел к сыну и опустил руку ему на плечо.

— Все будет хорошо, мой мальчик! Главное, не раскисать! Я приеду на фестиваль, ты должен быть в форме. Возможно, маэстро Карайн устроит твой сольный концерт. Представляешь, играть под руководством такого дирижера!

Ганя безучастно молчал и, казалось, не слышал, о чем говорит ему отец. Глаза его были полны слез. Угловатым движением он высвободил плечо и, не сказав ни слова, вышел из комнаты.

День выдался пасмурным. Сизые тучи цеплялись за штыри телевизионных антенн, ветер хватал деревья в охапку и, сдувая капли, простирачивал землю дождевой дробью. В накинутом капюшоне Ганя брел по поселку, окидывая печальным взглядом пустующие дачные крылечки.

Под козырьком автобусной остановки бренчала гитара, ломкий голос пел про афганских «духов» и убитого под Гератом майора. Ганя подошел поближе. В центре тесного круга напрягал жилы солист в грязно-лиловой майке с косо бегущей от плеча к подреберью клишированным словечком «ВА ООКА», патлатые парни в джинсовых «варенках» внимали певцу. Пальцы с обломанными ногтями сдавили горло грифу, струны глухо брякнули и заглохли. «ВА ООКА» поднял голову, Ганя узнал Малкина, бывшего одноклассника, в безгрешные детские годы добросовестно терзавшего в музыкальной школе виолончель, а потом сменившего ее на бас-гитару в ансамбле «Витамин». Кажется, у Малкина в поселке жил дед.

— А, вундеркинд! Ты еще на загнулся от своей «классики»? Хочешь, угощу тебя роком?

Бывший одноклассник, оскалясь, затряс головой и ударил по струнам костяшками пальцев:

О, мани, мани! О, ай лав ю...
Не верю в Бога, а в Сатану.

Он резко оборвал и обжег Ганю ненавидящим взглядом!

— Я знаю, кого ты ищешь. Дохлый номер! Эта девочка не для тебя.

Малкин зло засмеялся и подмигнул приятелям.

— Ты знаешь Асию? Где она?

Ганя раздвинул кольцо «варенок» и придвинулся к Малкину.

— А это видел? — Малкин соорудил кукиш и сунул Гане под нос.— Твоя здесь не пляшет. Плевала Аська на тебя и твоего папашу профессора.

Малкин вскочил на скамье и, размахивая гитарой, заверещал:

— Знаете, откуда у этого ублюдка способности к музике? Папаша его,

генетик, выводит в пробирках разных гомункулов. Захотелось иметь одаренного сыночка. Купил в загранке за бешеные деньги волосок — может, от самого Моцарта,— и вырастил из него Ганьку.

— Ты врешь, мерзавец!

В глазах у Гани потемнело, не помня себя, он стащил Малкина со скамьи и вцепился в грязно-лиловую майку с косой надписью «ВА ООКА».

Малкин выронил гитару и стал отбиваться. Дружина патлатых взяла чужака в кольцо и устроила веселое игрище под названием «пятый угол».

Семеро молодцов, упражняясь в ловкости и силе, перебрасывали друг другу живую боксерскую грушу. Ганя не выдержал конца раунда, охнув, согнулся пополам и упал под ноги нападавших. Он лежал, закрыв голову руками, скавшись в уязвимый комочек. Кто сказал, что лежачего не бьют?.. Ганю били, свирепея от безнаказанности и вида беспомощной жертвы, били с оттяжкой по ребрам носками элегантных аидасовских кроссовок.

Где-то закричала женщина, кто-то вякнул «Шухер!», и «варенки» бросились врассыпную. Подошли какие-то люди, помогли Гане подняться и усадили на скамью. Ганя судорожно ловил ртом воздух и, запрокинув голову, пытался остановить кровь из разбитого носа. Он не замечал ничего вокруг и не чувствовал боли. Перед глазами его колыхался пульсирующий живой комок с полупрозрачной жидкостью в паутине синеватых прожилок. Гомункул! Человек из пробирки!.. Надо найти отца, развеять обрушившийся на него кошмар. Ганя вырвался из рук хлопотавших возле него людей и, прихрамывая, побежал к электричке.

Профессор Градополов, стоя у окна, разглядывал снимок. Кто-то из сотрудников заметил Ганю, разговоры умолкли, все обернулись и смотрели на нежданного гостя, в лице Гани было нечто такое, что заставило сотрудников испариться и оставить профессора наедине с сыном.

— Что случилось, Ганя? — Голос профессора был спокоен, оторванный ворот рубашки и синяк под глазом, результат какой-нибудь мальчишеской драки, еще не повод для паники у настоящих мужчин.

Профессор Градополов поднял крепкими пальцами Ганин подбородок и ждал ответа.

Ганя заглянул отцу в глаза и, напрягшись, выпалил звенящим голосом:

— Я не твой сын! Я из пробирки!

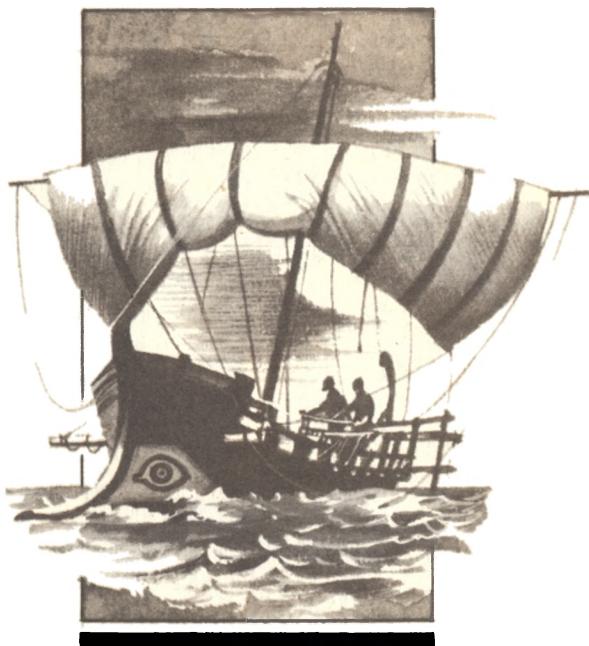
Профессор Градополов коснулся ладонью Ганиного лба и сухо сказал:

— Что за чушь ты городишь! Вырастить человека в пробирке — этого не может никто. Ты мой сын. Ты очень впечатлителен и стал жертвой каких-то негодяев... Вот, прими и успокойся... — Профессор Градополов протянул сыну таблетки и потрепал по плечу. — Ступай домой, отдохни. Я попрошу, чтобы тебя отвезли на служебной машине.

Ганя шел по бесконечному коридору мимо плотно прикрытых дверей, за которыми вершились таинственные эксперименты, загадочные, как сама жизнь. Вдруг в недрах коридора раздался странный звук: где-то кричал новорожденный ребенок, крик был жалкий, беспомощный и требовательный одновременно. Сердце у Гани оборвалось. В лаборатории отца новорожденный! Только что отец говорил ему совсем иное! Ганя толкнул одну из дверей. Дверь не подалась. Он забарабанил кулаками. Кто-то тронул Ганию за плечо. Над ним склонилась участливая физиономия кандидата Навроцкого.

— Ты ошибся дверью, Вольфганг! Там никого нет. Выход по коридору и направо.

Ганя посмотрел на Навроцкого слепым непонимающим взглядом и, зажав руками голову, с криком понесся прочь.

Г О Л О С А

М О Л О Д Ы Х

ФАНТАСТИКА

■ 1 9 9 1 ■

[REDACTED]

ДМИТРИЙ СТАРИКОВ

ПАТРУЛЬ

Уилс подошел к окну, распахнул створку, повеяло свежим ветерком, словно пытавшимся отвлечь от грустных мыслей. Уилс швырнул окурок с сорокового этажа едва заметным со стороны молниеносным движением, и тот медленно падал теперь. Наблюдая за ним, Уилс подумал:

«Когда-нибудь и мой корабль, оставив яркий след, распадется на частички, унося меня в потусторонний мир. Слишком неспокойно сейчас всюду. Но хотел бы я знать, какая сила заставит меня остаться в городе! Завтра отправлюсь в Космопорт и подпишу контракт еще на полгода. И с первой же сменой выйду на патрулирование. Надоело все. И город мне этот что кость поперек горла...»

Утром, позавтракав, он собрал свою походную сумку, неизменную спутницу всех его полетов, проверил старый любимый им кольт и вошел в лифт. Некоторое время спустя он мчался по автостраде, ведущей к Космопорту, и весь этот путь он мог бы проделать с закрытыми глазами. Впрочем, и контракт в бюро он мог бы подписать, не глядя,— так надоело ему в этом шумном, но бездушном городе.

Выходя из машины, он заметил светловолосого верзилу. Увидел его профиль, подошел. Это был Стоун, и он нравился Уилсу Колинзу, и оба чувствовали, что эта приязнь взаимна.

— А, Уилс,— мрачновато произнес Стоун.

— Привет, бродяга,— Колинз добродушно протянул ему пачку любимых всеми патрульными невитаминизированных сигарет. Их было почти невозможно достать, и, предложив их коллеге, Колинз тем самым проявил высшую степень уважения к нему. Ему уже приходилось летать со Стоуном.

Стоун закурил.

Колинз не стал ни о чем расспрашивать Стоуна, хотя вдруг понял: произошло что-то серьезное. Так уж повелось у них: если у кого-то тяжело на душе, лучше помолчи. Захочет, сам расскажет.

Несколько раз глубоко затянувшись, Стоун отшвырнул сигарету:

— Брук не вернулся! Брук!..

Внешне Колинз остался спокоен, только внутри у него что-то обворвалось.

— Вчера опять за третьей орбитой была заваруха,— сказал Стоун.—Кто-то снова прорывался там. Выбили двоих наших, и Брук бросился на помощь. Засек вначале две, потом еще две, а затем и пятую ракету. Ему бы провести наблюдение и ждать подмоги. Но ведь это же Брук — он и слушать не стал: двоих атаковал почти сразу же, оставшиеся мгновенно отреагировали, дав ответный залп. Брук потерял управление, но каким-то чудом сумел расправиться еще с двумя. И тут пятая ракета как раз со стороны кормовых дюз зашла и бортовыми, да еще и главной... почти в упор... Угодило то ли в ангар с горючим, то ли в боезапас, только от взрыва корабль словно испарился. И через мгновенье я сомневался, было ли все это или приснилось?

— Ты что, был там?

— Подоспел к самому занавесу. Не успело облако распасться, как я атаковал пятую. Повезло мне. Вот и все.

— Кто же эти пятеро?

— Даже не знаю,— Стоун помолчал.— Все дело в том, что корабли-то наши, почти как патрульные, но без опознавательных знаков. А вот откуда они и кто их вел, не знаю. Пусть над этим ломают свои крепкие головы там.— Он показал большим пальцем вверх. И, пожав Колинзу руку, он зашагал в сторону гостиницы. Внезапно Стоун остановился, обернулся и крикнул:

— Сегодня в баре собираются все старики, будем поминать Брука. Приходи!

Уилс смотрел вслед Стоуну. Раньше он не замечал, чтобы Стоун сутулился. Пилот всегда был строен и подтянут. И откуда-то из темных закоулков подсознания выплыло: «Да, дружище, ты стареешь. Когда я увидел тебя впервые, ты был совсем юным. И перед тобой были открыты все дороги, а ты выбрал этот путь. Как это страшно, неотвратимо, как убивает и медленно казнит нас время... за какие грехи? За какие грехи!»

Колинзу вспомнилось, как начинал он сам. Нынешний президент был тогда их шефом. И он всячески поощрял патрульных, понимая, что постоянный риск требует разрядки, сквозь пальцы взирая на их проделки. Но не поэтому Уилс пришел сюда. Его влекли широкие просторы космоса, ослепительные звезды, мешавшие спать ему по ночам!

Немало утекло времени, прежде чем он понял, как просчитался. Ему бы тогда уйти, ведь у него было все: и дом, и семья, и деньги. Была у него и дочка — милая белокурая девчушка, которую он безумно любил. Лизи. Она теперь повзрослела, превратилась в стройную и веселую красавицу, за которой ухаживают почти все мальчишки ее колледжа. Она живет с матерью, а Уилс расстался с ней. Недолго его бывшая жена Маргарет была одна. Вскоре вышла замуж за преуспевающего бизнесмена, и ныне он глава могущественной Компании космического оборудования. А это — костюмы с фирменным знаком, машины, звездолеты. Всюду эта компания. И может быть, лишь Министерство Вооруженных Сил не находилось пока в сфере ее воздействия. Хотя уже все явственнее просматривались симптомы, свидетельствующие о том, что щупальца спрута на-

чили проникать и в недра военного ведомства. Милая Маргарет знала, что делала, она получила все, что хотела,— дворцы, машины, изысканнейшие наряды.

«Когда же мы виделись с Лизи последний раз?— подумал Колинз.— Уже, наверное, полгода назад. Надо будет перед вылетом обязательно навестить их. Я не могу не думать о них, не могу не видеть их хотя бы изредка.— Уилс достал медальон, в котором был маленький снимок его бывшей семьи, и взглянул на Маргарет.— Сколько лет прошло, а я по-прежнему люблю ее, ведь я сентиментален, и этого я не стыжусь».

Лифт живо доставил Колинза на седьмой этаж здания Космопорта. Здесь и находилось бюро регистрации резервных патрульных. Заполнив бланк контракта и получив жетон, дающий право на проход в сектора стоянок патрульных ракет, Колинз решил навестить старого приятеля Пита Стредфорда, начальника Космопорта.

Негромко постучав, вошел в кабинет.

Пит сидел, откинувшись в кресле, попыхивая гаванской сигарой, и был, судя по глазам, где-то далеко.

— Что будешь пить? — не возвращаясь пока из своего далека, быстро спросил он.

— Ты же знаешь,— Колинз коснулся рукой груди.

— Ах, да,— деликатно улыбнулся Пит.

— А я вот...

И, немного помолчав, добавил:

— Послушай, Уилс, не ходи ты туда сейчас. Неспокойно там. Вот и Брук... знаешь?

— Знаю. Но контракт уже подписан.

— Раз ты идешь, то слушай. Справа от тебя Рэд Форресс. Ты знаешь его, такой ръжий детина, а справа новичок. Как его...— Пит порылся в бумагах и, ловко выудив одну, прочитал имя: — Джордж Смолл. Честно говоря, он меня несколько удивил. Только недавно закончил училище пилотов, а попросился сразу в дальнюю зону. Так что будь внимательней.

— Уж постараюсь.

— Людей не хватает. Не идут к нам, как раньше,— словно извиняясь, бормотал старый приятель.

Поболтав о чем-то, Колинз попрощался с ним и отправился к семнадцатому сектору, где стоял его корабль.

Резиновая дорожка, тихо шурша, несла его по бетонированному полю в глубь Космопорта. Неожиданно Уилс почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он оглянулся. И странное дело, среди десятков окон здания Космопорта он увидел то самое окно и за стеклом силуэт Пита. Тот смотрел ему вслед.

* * *

Космопорт был огромен, а семнадцатый сектор — его окраина. Так что, несмотря на автодорожки, Колинз добрался до ракеты только минут через десять. Когда он спрыгнул на бетонку, вокруг нее уже копошились роботы.

Уилс обошел ракету и лишь затем поднялся на борт. Внутри было все по-прежнему. Рубка управления и замерший пульт ждали его. Кресло, казалось, сохранило форму его тела, застыв в долгом ожидании.

И Колинз тут же устроился в кресле. Он почувствовал: это его дом. Все встало на свои места: он вернулся — значит, все в порядке.

Потом, увлекшись осмотром новой аппаратуры, Колинз не заметил, как пролетело время.

«Так и не повидался с Лизи и Маргарет,— с грустью подумал Уилс, подходя к бару, расположенному недалеко от здания Космопорта.— Может, это и к лучшему. Зачем перед дорогой расстраиваться? Деловое настроение отличный помощник».

Колинз решительно распахнул дверь и вошел в полутемный зал бара.

Старый бармен в рубашке с символической бабочкой приветливо встретил его, тут же начав смешивать любимый коктейль для пилота. Этот старик знал вкусы завсегдатаев. Колинз посмотрел на ловкие руки бармена, затем не торопясь оглядел зал. Это его жизнь, тоже часть его дома.

В углу напротив сидели ветераны патруля. Они словно ожидали кого-то, не спеша потягивая содержимое из огромных бокалов и тихо переговариваясь. Уилс взял свой коктейль, подошел к друзьям и, пожав каждому руку, сел около Стоуна.

Стоун поднялся, оглядел собравшихся, произнес:

— Наконец-то мы собирались вместе... Сколько же лет мы не собирались вот так? А ведь мы связаны общим делом, кажется, всю жизнь. Я уверен, если бы не гибель Брука, мы бы и сегодня были далеко друг от друга. Но мы потеряли товарища, который был одним из лучших. Случившееся может произойти с каждым из нас... Происходит что-то непонятное, это мы все почувствовали. Нас в этом винить нельзя. Но орбиты нарушаются все чаще и чаще. Все нападения хорошо продуманы и подчинены одному замыслу. Кто-то отлично осведомлен обо всем, что происходит у нас... Становится все опасней выходить на патрулирование кольцевых орбит. Особенно напряженная обстановка на Третьей. Даже большие деньги, которые мы получаем за каждый вылет, перестают окупать риск...— Стоун говорил простовато, все знали, что оратор он неважный, но слушали его всегда внимательно.

После бара ночной, уже отдавший дневной зной воздух казался даже слишком свежим, ощущался хвойный аромат, странные и таинственные запахи озера поодаль, дыхание росистых полян близ хвойной рощи.

Торопиться было некуда, до гостиницы было совсем недалеко. Поэтому Уилс решил немного побродить. Но, не успев отойти от бара, он услышал стук захлопнувшейся двери. Колинз оглянулся и увидел симпатичного юношу в совершенно новой форме лейтенанта Космофлота.

— Добрый вечер, мистер Колинз! — с уважением произнес юноша. Его вежливый тон понравился Уилсу, как, впрочем, и сам говоривший. Колинз кивнул парню:

— Привет.

— Мое имя Джордж Смолл,— представился молодой пилот.— Завтра выхожу на третью орбиту и буду вашим левым.

— Теперь все понятно,— улыбнулся Уилс и пожал руку Джорджу, затем внимательно посмотрел на него и спросил: — Послушай, парень, что тебя потянуло на третью? Что, жить надоело или решил подзаработать?

— Да, в общем-то, последнее. Мне действительно нужны деньги,— ответил Смолл довольно-таки твердо, но почему-то отвел глаза. Это не ускользнуло от пристального взгляда Уилса.

— Не стоит начинать со лжи, если хочешь, чтобы у нас было все нормально. Без доверия нельзя. Особенно когда знаешь, что от соседа зависит собственная жизнь.— Колинз смял и бросил только что закуренную сигарету, пошел к гостинице.

Но Смолл догнал его, решительно сказал:

— Я же сказал, мне действительно нужны деньги. Поверьте!

— Есть и другие варианты, с помощью которых можно заработать. К тому же заработать больше при меньшем риске.

— Вы правы. Только в наше время где не рискуешь жизнью, там идешь на сделку с совестью. А это не по мне.

«А ведь в молодости я был таким же»,— подумал Уилс.

— Зачем тебе деньги? Можешь, конечно, и не отвечать, но знаешь, лучше сразу узнать все. Тогда поверь, легче работать.

— Да я ничего не собираюсь от вас скрывать. Но все по порядку. Год назад я познакомился с девушкой.— Смолл на мгновение замолчал и улыбнулся, вероятно, будучи не в силах не окунуться в радостные для него воспоминания.— И вот когда мы решили пожениться, Лизи представила меня своей маме. Ею оказалась очень хорошая и добрая женщина, которая мне сразу понравилась. А узнав о нашем решении, она не возражала, только попросила не спешить и проверить свои чувства. Мы, конечно же, с нею согласились. Когда она узнала, что я буду нести службу в орбитальном патруле, с ней что-то произошло. Она побледнела, у нее задрожали пальцы, но, овладев собой, она произнесла, глядя куда-то в сторону: «Извините, Джордж, но моя дочь никогда не будет женой офицера орбитального патруля. Вы хороший человек, но принесете Лизи слишком много тягостных минут одиночества и горестного ожидания. А я хочу, чтобы дочь моя была счастлива!» Вот почему за те три года, что мне необходимо отслужить в патруле, я хочу обеспечить себя материально, а затем перевестись в другую службу Космофлота или же вообще уйти со службы. Я не хочу терять Лизи.

«А хочет ли Лизи потерять тебя?— подумал Колинз.— Ведь здесь стреляют и даже убивают». А вслух сказал:

— Я верю тебе, парень. А теперь иди отдыхай. Завтра будет тяжелый день. Это я тебе обещаю.

Пожелав Смоллу хорошенько выпспаться, Колинз не спешил последовать его примеру. У него поднялось настроение. Спать совершенно не хотелось. И Уилс не спеша побрел к небольшой рощице, расположенной у самой кромки бетонного поля.

Сойдя с бетона, он с наслаждением растянулся на траве и устремил взгляд ввысь. Ночь была прекрасна. Ничто не нарушало покоя, и только

теплый приветливый ветерок, иногда незаметно подкравшись, играл с ним. Но недолго. Словно запутавшись в волосах, он потихоньку затихал. Колинз ни о чем не думал. Он наслаждался, зная, что теперь совсем не скоро ему удастся вот так же лежать и вдыхать запахи Земли...

Застрекотавший в траве сверчок вернул Уилса к действительности. И он подумал, что одинаково сильно любит Землю и то бескрайнее пространство, которое ее окружает. Именно в этом и заключалась его трагедия. Живя на Земле, он с неимоверной силой тянулся в космос, но, оказавшись там, он начинал испытывать жгучую тоску по родному дому. Возвращение не приносило желаемого исцеления, лишь на некоторое время давая равновесие. А потом все начиналось снова. И так многие годы, почти всю жизнь.

В ракете по ночам ему снились луга вокруг родительского дома, затянутого на юго-западе страны. Но все-таки большую часть его снов и мыслей занимала Маргарет. Уилс проклинал свой характер, но поделать с собой ничего не мог. Полюбив один раз, он стал вечным пленником этого чувства, хотя понял это не сразу. Сколько раз он хотел после возвращения прийти к ней, объясниться, но не позволяла гордость! Ведь она ушла, когда ему было очень трудно. Оставив лишь коротенькую записку, слова которой до сих пор горят в его памяти: «Прости меня, милый мой! Я по-прежнему люблю только тебя. Но я устала мучиться. Я все время боюсь, что ты не вернешься, что я останусь одна. Поэтому и во имя счастья нашей Лизи я ухожу. Прости...»

Уилс отбросил томящие душу воспоминания и подумал о полете. Он был доволен ходом событий, рад тому, что завтра вылетает. А этот симпатичный и, видать, неглупый парень был ему явно по душе. «Вот бы иметь такого сына,— почему-то подумалось Уилсу.— Жаль будет, если с ним что-нибудь случится. Третья не любит слабых и не прощает ошибок. А Джордж еще так молод, у него мало опыта. Придется наблюдать за ним, и, конечно, если что-нибудь будет не так, я сделаю все,— решил Уилс.— А с Лизи у него будет все хорошо. Потом надо будет успокоить его. Надо же, а имя девушки, как у моей дочери. А мать ее ненавидит патрульных. Интересное совпадение. Неужели Смолл полюбил мою дочь? — Колинз усмехнулся.— Но так не бывает. А впрочем, почему бы и нет?»

* * *

Гостиничный телефон гудел хоть мягко, но настойчиво.

— Колинз слушает.

Пауза.

— С кем я разговариваю?

— Это не имеет никакого значения, мистер Колинз.

— Вот как?

— Попрошу вас, не перебивайте. У нас к вам небольшое, но высокооплачиваемое предложение. А именно, если при патрулировании что-нибудь произойдет, не ввязывайтесь, как это сделал бедняга Брук. Тогда с вами будет все в порядке. За это мы будем вам очень благодарны. А

благодарность наша, как я уже говорил, весьма весома. Ведь мы не хотим лишних жертв. Так что будьте благоразумны, дорогой мистер Колинз.

— Кто это мы? — стараясь говорить спокойно, спросил Уилс. Но в ответ послышались гудки.

Что-то темное и противное зашевелилось внутри. Неужели страх? — мелькнула мысль. Такого никогда не было, разве что в детстве, когда он прятался под одеяло от воображаемых чудищ. Но тогда его выручал сон. И это был выход. А где же выход сейчас? И тут кто-то едва слышно шепнул ему: «Они ведь сказали: не ввязывайтесь. Это и есть выход. До драк ли тебе? Послушай совета, делай как говорят». Уилс на мгновение заколебался: «Заткнись, мразь! Никогда не думал, что внутри меня живет такое. Я же сказал, что разберусь на месте. Значит, так оно и будет. Не люблю давления, никогда ни перед кем не гнул спины, так что и теперь буду действовать так, как посчитаю нужным!»

Настроение было паршивое. «Ну ничего,— думал Уилс,— как-нибудь и в этот раз выкрутимся. Мне не привыкать. Были случаи и поопасней. Потому и голова полна седин и сердце барахлит».

...Споткнувшись, Колинз заметил, что почти добрался до своего корабля.

Поднявшись в рубку и откинувшись в командирском кресле, Уилс успокоился и почувствовал прежнюю силу и уверенность. Вот они его ноги — это дюзы корабля. Вот они его кулаки — это пушки корабля. Он еще поборется, будет драться, как Брук, как любой из них. Они просто так не погибают. Служба в патруле закалила их всех. И они стали отличными солдатами. Не зря их готовили в лучших спецшколах планеты. Они предпочитали погибнуть в бою, пусть это будет яркая вспышка среди черной мглы, чем старческая смерть на мягких подушках среди этой грязи и нечисти.

У него осталось еще полчаса. Он одел легкий скафандр. Запустил все системы, проверил их на бортовом компьютере. О готовности корабля доложил в центр управления полетами. Затем связался с напарниками.

Два экрана — левый и правый. С правого смотрел угрюмый Форрес, а с левого молодой Смолл, который никак не мог сдержать радостную улыбку. Джордж был свеж, бодр и готов к любому полету. Уилс подмигнул ему и произнес, обращаясь к обоим:

— Итак, коллеги, готовы?

— Готовы.

— Отлично. Тогда слушайте меня внимательно. Перед нами стоит ответственная задача — это патрулирование и, в случае необходимости, оборона третьей орбиты. Вы прекрасно знаете, что расстояние между патрульными кораблями преодолевается за пятьдесят шесть секунд. Обращаю особое внимание на время сеансов связи. Не должно быть никаких отклонений от установленного графиком. В случае возникновения любого подозрения немедленно докладывать мне. Ну вот вроде бы и все: Хотелось только добавить, что среди нас новичок. И я уверен, что он нас не подведет, — и, обратившись к Джорджу, закончил: — Будь спокоен, не нервничай. Знай, что в случае чего мы тебя подстрахуем.

Его перебил рыжий Рэд:

— Послушай, Уилс, а как же инструкция, которая вроде бы не рекомендует ввязываться в бой в случае нападения на напарника. В этом случае предписано вести наблюдение с вызовом основных сил.

Уилс резко повернулся к правому экрану и впился в него взглядом. Лицо Рэда было спокойным, но Уилсу показалось, что во взгляде Форрекса мелькнуло что-то неуверенное. Но, наверное, просто показалось. И вдруг Колинза осенила догадка.

— Послушай, Форс, а тебе не звонили по телефону перед вылетом?

— Нет, а что?

— Да нет, просто так,— ответил Уилс и включил центр управления полетами. Ему ответила миловидная девушка, прелесть лица которой была затенена официальностью его выражения.

— Семнадцатый сектор. Разрешен вылет трем патрульным кораблям.

О готовности доложить.

— Первый готов.

— Второй готов.

— Третий готов.

— Ну что же, пора,— произнес Уилс и, нажав кнопку «Старт», закончил: — За мной!

Три корабля один за другим взмыли в утреннее синее небо. И, быстро уменьшаясь, исчезли, унеся с собою грохот огня, рвущегося из дюз.

И вот уже все затихло, будто ничего и не было. И только ветер шелестел листвой деревьев, расположенных недалеко от космодрома.

Стоявший в рощице человек был погружен в свои мысли. Но, взглянув вверх на кружашую, встревоженную стайку птиц, он подумал: «И как только эти птицы здесь живут?» А ответ прост. Как бы ни плоха была земля родителей, а она навсегда остается родиной для детей. Человек посмотрел туда, где только что светились три огонька, затем, развернувшись, пошел к машине. Прежде чем отправиться в путь, он снял трубку радиотелефона и набрал номер. Где-то за десятки, а может, и сотни километров ему кто-то ответил. Человек сказал:

— Они взлетели... Да, все трое... Возвращаться? Понял.

Положив трубку, он включил зажигание. Двигатель взревел и вынес машину на близлежащее шоссе.

* * *

Вот уже две недели промчались со дня вылета, а грозных нарушителей все не было. А было как раз наоборот — тихо и спокойно. Мило за милей прочесывали станции внешнего обзора, но экраны были пусты и молчаливы.

Рассматривая звезды, гипнотизировавшие своим блеском, Уилс с недоумением и горечью думал о происшедшем с Бруком. Колинз с недоверием и вместе с тем с любовью вглядывался в окружающее пространство. Он прекрасно понимал, что спокойствие это обманчиво, не зря же ему позвонили перед вылетом.

Внезапно над экраном видеорадиотелефона замерцал транспарантик «Вызов». «Интересно, какую новость мне сообщат на этот раз? — подумал

Уилс.—Вероятно, ничего хорошего». Поэтому Уилс не спешил отвечать. Когда же экран засветился, он увидел физиономию Пита и, показательно застонаив, закрыл ладонью глаза. В следующее мгновение из динамика донесся голос:

— Привет, Уилс! Как поживаешь?

— А, это ты. Ну, здравствуй,— приветствовал Колинз, отводя руку от глаз.— Рад видеть твое святое лицико.

— Как у вас погода,— в свою очередь, пошутил Пит,— светят ли еще звезды? Можешь немного расслабиться и отпустить свои нервы, а то они у тебя слишком сильно натянуты. Я даже здесь слышу их звон. Готовность номер один сняли. И вы с дублирования переходите на основное патрулирование. А предыдущая смена возвращается.

— Передай от меня привет этим парням! До встречи.

— Счастливо,— произнесло изображение Пита и медленно распалось.

Уилс откинулся в кресле и задумался: «Вот и готовность сняли и до конца патрулирования осталось полторы недели, а ничего не произошло. Может, кто-то со мною сыграл злую шутку, хотя кому это надо? Бред какой-то. Кто же на меня давит, кто эти люди? Они, конечно, очень сильны и могущественны, раз действуют на таком высоком уровне, затрагивая космические интересы. Переедут и не заметят. И все-таки я встал им поперек горла, выходит, что-то я значу». Уилсу стало немного приятно от мысли, что в нем признают какую-то силу. «До чего же человеческая натура себялюбива. И все же, кто это может быть,— рассуждал Колинз.— На планете не так уж много способных на подобное организаций. Главенствующая роль бесспорно занимает знакомая мне компания. Пожалуй, это единственная корпорация, способная снарядить такие мощные космические отряды. И как я раньше не подумал, ведь патрульные также изготавляются на заводах этой корпорации. Неужели я один задумался над этим?» И тут ему вспомнился разговор в портовом баре и предостережение Стоуна. Уилс попытался восстановить все сказанное в тот вечер. Память не подвела. В мозгу всплыли воспоминания: полумрак зала, тихая музыка, отделанные под кирпич стены бара и высокий мужчина. Он говорил о Бруке, о его убийцах, об их силе и мощи. А еще он говорил о том, что в Космопорте у них наверняка есть свой человек, который имеет доступ к совершенно секретной информации. «Интересно, если все это так, кто их человек? Похоже, что Стоуну что-то известно и он знает гораздо больше, чем говорит. Но и то, что он сказал, поставило его жизнь под угрозу, он очень рискует. Надо скорее с ним связаться, прямо сейчас. Блага есть такая возможность». Он может, используя спутниковую связь, позвонить любому по радиотелефону прямо домой.

Уилс порылся в справочнике и, отыскав нужный код, позвонил Стоуну. Секунд через пятьдесят экран видеотелефона осветился, но изображение не появилось. Уилс продолжал ждать. И через мгновение раздался щелчок, за которым механический голос робота-секретаря произнес: «Эдвард Стоун, Северо-Западный район, погиб 23 августа 2125 года в результате автомобильной катастрофы. Похоронен на Сармодском кладбище». Затем динамик, мягко загудев, отключился, вслед за ним потух и экран.

У Колинза на лбу выступили капельки пота, сердце билось, глухие удары отдавались в висках. Руки до боли в пальцах сжали подлокотники кресла. Уилс попытался взять себя в руки и успокоиться. Это удалось ему не сразу. Волнение проходило медленно, мысли путались. «Ясно — Стоуна убрали. Он много знал и слишком много рассказал. Теперь они наверняка восстанавливают его связи, чтобы выяснить объем разглашенной информации. Вот откуда он мог знать об их планах? Ответ может быть до ужаса прост — он был одним из них. И скорее всего участвовал в операции прорыва, когда погиб Брук. Это чудовищно, но он был одним из его убийц. Даже пускай не прямым, но это не уменьшает его вины. Так ли?» Что-то подсказывало ему: так!

Горькое разочарование настигло Уилса: «Не разбираюсь я в людях, несмотря на то, что прожил немало, да и повидал много на своем, прямо скажем, нелегком пути, а не смог отличить мерзавца от приятеля. Но если не торопясь во всем разобраться, то можно понять: на месте Стоуна мог оказаться любой. Может, Стоуна прижали к стенке и у него не было выхода? И в то же время от смог перебороть себя, попытался открыть глаза другим и мне в том числе. А я ничего не понял. Ведь я помню его взгляд. Он больше всего надеялся на меня, на мой опыт и разум. Он ждал от меня поддержки, я был для него последней надеждой. А я встал и ушел...»

От мрачных размышлений Уилса оторвал голос Джорджа:

— Как дела, мистер Колинз? Наступило время связи, а вы молчите. Я подумал, не случилось ли что.

Уилс взглянул на экран и увидел молодого пилота, тот, по-видимому, был в приподнятом настроении. Его улыбка, сверкая с экрана, заставила Колинза забыть все невзгоды. Уилс устало улыбнулся и ответил:

— Да вот задумался. Вспомнил былое, а скорее ошибки... А в общем, все хорошо. Хотя... — Он замолчал, окунувшись в горькие воспоминания. Но затем, решив что-то, продолжал: — Хотя нет, не все хорошо. Только что узнал, Стоун погиб. Автомобильная катастрофа. Поэтому и на связь не вышел.

Улыбка медленно сползла с лица Смолла. Он как бы не сразу понял, что сказал Уилс, и лишь спустя некоторое время ответил:

— А я его совсем не знал. Правда, в школе пилотов о нем много говорили после той истории, когда он захватил сразу трех нарушителей.

— Как же, прекрасно помню. Ведь я с ним несколько лет в одной упряжке. Хотя никогда очень близко не сходились, но уважали и очень доверяли друг другу. — Колинз замолчал, но затем произнес, обращаясь скорее к самому себе: — Ведь это он меня тогда нашел.

— Где нашел? — переспросил Джордж. Уилс посмотрел на экран, не видя Смолла.

— Расскажу как-нибудь, но только не сейчас, — и, переменив тему разговора, сказал: — А где же Рэд? Почему он молчит и не выходит на связь, давно пора!

Уилс попытался вызвать третьего патрульного, но тот не отвечал. Колинз повторил вызов второй, третий раз, но экран по-прежнему был пуст. Такого не может быть. Даже если Рэд погиб, то на других кораблях

патруля должен был быть получен сигнал бедствия — так устроены патрульные ракеты. «Куда же он запропастился? — размышлял Уилс.— Может...» — но додумать он не успел.

— В квадрате 17-08 обнаружена одиночная цель. Идет на пересечение курса,— взорваленно произнес Смолл.— Может, это Рэд?

— Исключено. Уже произведено опознавание, и цель классифицирована как «чужая», — ответил Колинз и подумал: «Неужели прорыв? Вряд ли, скорее всего какой-нибудь турист заблудился, ведь цель одиночная. А впрочем, нечего голову ломать, вот сейчас все и выясним».

— Идем на перехват. В случае неповиновения разрешаю применить оружие.

Дюзы кораблей взревели, извергая струи пламени, и понесли корабли патрульных к цели, отмеченной на экранах маленькой, быстро перемещающейся точкой. Уилс уверенно вел свой корабль, не переставая вызывать Рэда. Но тут заметил, что точка на экране изменила курс и начала медленно удаляться.

Колинз увеличил скорость, но расстояние продолжало увеличиваться. Когда Уилс выжал все что смог из своей ракеты, он понял, что нарушитель превосходит его в скорости. Колинз дал предупредительный залп, приказывая нарушителю остановиться. Но тот совершенно не реагировал, продолжая по-прежнему удаляться. «Ну это уже наглость», — решил пилот и, обратившись к Смоллу, сказал:

— Сейчас мы тебя проверим. Возможно, будет небольшая потасовка, так что у тебя есть возможность показать себя. Только смотри, не лезь на рожон — это ни к чему.

Соблюдая инструкцию, Уилс дал еще один предупредительный залп, пустив ракеты в непосредственной близости от цели. Но они ушли так же безответно. Тогда оставив в покое сигнальные ракеты, Уилс пустил в дело ракеты средней дальности, дав залп двумя из них. Траектории их полета, ярко высвечиваясь на экране, начали быстро приближаться к цели. Эти ракеты не уничтожают корабль полностью, а лишь двигательную установку, так как настроенные на тепловой след, производят небольшие разрушения в районе врага.

И когда нарушитель дал ответный залп заграждения, Уилс не удивился, тут же поставив импульсы радиопомех. И вовремя. Но ракеты также не достигли цели: одна была уничтожена ракетой заграждения, их траектории пересеклись, а вторая была уничтожена огнем бортовых пушек противника. И тут Колинз увидел, как откуда-то сбоку вынырнули еще четыре ракеты и устремились к нарушителю. Но только одна из них прошла сквозь шквальный огонь пушек и достигла цели. Этого было достаточно, и корабль нарушителя сбавил ход.

— Молодец, Джордж, — крикнул в микрофон Уилс. Он в пылу атаки совсем забыл про напарника. — Ты это ловко проделал, я в тебе не ошибся, если бы не твоя пилюля, он бы ушел. Но теперь все в порядке, возьмем его тепленьким.

Через несколько минут они были около нарушителя. На самом малом ходу Колинз начал обходить застывший корабль. На экране внешнего обзора появилась почерневшая, развороченная взрывом корма. Дальше

начали просматриваться знакомые обводы космического корабля. «Так и есть — патрульный,— тут же определил Уилс.— Интересно, даже бортовой номер есть». Колинз сделал максимальное увеличение, чтобы прочесть номер, и... схватился за голову. «Черт возьми, это же Рэд! Так вот куда он исчез»,— подумал Уилс и понял, что окончательно запутался.

Мысли лихорадочно метались в мозгу, мешая друг другу. Но Уилсу казалось, что он сейчас решает что-то очень важное. И от принятого решения зависит судьба патруля, выполнение задания. «Так, старина, не спиши и все хорошенько продумай»,— сам себя успокаивал Колинз. Он думал, а время неумолимо летело вперед, превращаясь из мгновений в столетия, в стену, которая становилась все выше и выше.

На экране появилось изображение Джорджа. Его губы шевелились — он что-то говорил, но Уилс не слушал. Он думал: «Ну зачем, зачем Рэд полез на наши пушки, почему не отвечал, зачем он убегал, увлекая нас за собой? Зачем? Стоп, а вот он и ответ. Он и уводил в сторону, да-да, конечно же, уводил от чего-то или от кого-то. Значит, надо срочноозвращаться обратно на маршрут».

Колинз, развернув корабль, дал полную тягу двигателям, да так, что корабль весь завибрировал. Одновременно Уилс сказал, обращаясь к немного опешившему Джорджу:

— Послушай, малыш, оставайся здесь, вызови Космопорт и доложи все как было. Потом находись снаружи и ни в коем случае не входи внутрь корабля Рэда. Как понял?

— Все понял. А вы?

Уилс, не дослушав его и выключив связь, уводил свой звездолет прочь от обгоревшего корабля предателя.

* * *

Когда он вернулся в район первого контакта с целью, то ничего не обнаружил. Он, правда, и не надеялся на то, чтобы сразу обнаружить нарушителей. Как говорится, вокруг была тишина и спокойствие. Но Уилс не верил этому спокойствию. И тогда он начал искать следы, как гончая, делая круги, постепенно увеличивая радиус. Экран молчал, ничто не выдавало недавнего присутствия врага. Все было тщетно.

Тогда Уилс решился на последнюю попытку. Он развернул корабль в сторону, противоположную направлению, на оставленные ракеты Джорджа и Рэда и, не снижая скорости, помчался вперед.

Колинз открыл навигационные карты, желая выяснить, куда приведет его этот путь. Посмотрел и с сомнением присвистнул. Перед ним лежали широкие просторы, заполненные отходами планеты. Это была огромная свалка. Мусор доставляли сюда многие годы, и здесь он начинал свой тысячелетний путь, падая на Звезду, которая все скигала на своей поверхности, освобождая людей от лишних хлопот.

«Здесь будет неимоверно сложно что-нибудь найти,— решил Уилс.— Среди этого хаоса разбросано множество астероидов и даже есть пара небольших планеток. Так что спрятаться тут можно многим и без особых трудностей. Остается надежда на то, что обнаружу их по следу, который

оставляет корабль. Но надо торопиться, так как и он скоро исчезнет».

И только Уилс подумал, как замерцал центральный экран, высвечивая еле заметный след на голубой поверхности. Уилс тут же включил память экрана, чтобы зафиксировать направление, и вовремя, след начал пропадать. Колинз снял координаты точки, где обрывался след, и опять обратился к карте. Полученное место оказалось около одной из двух планет, не имевшей даже названия, а лишь кодовый номер. «Так вот где они обитают», — обрадовался Уилс, почувствовав азарт охотника, загнавшего зверя в логово и знавшего, что теперь его жертва никуда не денется. Одновременно Уилс понимал, что одному лезть в это логово слишком опасно. «Надо немедленно связаться с Космопортом и Джорджем», — подумал Колинз и начал вызывать их. Но вместо милашки, обычно отвечающей из Космопорта, на экране появилось изображение лица неизвестного Колинзу мужчины. На Уилса смотрели холодные глаза, в которых была леденящая душу усмешка. Белая и сухая кожа обтягивала выступающие скулы, а узкие, почти отсутствующие губы, были плотно скожены. Уилсу казалось, что этот человек смотрит сквозь него. Колинз собрал всю силу воли и стал смотреть на незнакомца уверенно и спокойно.

Неожиданно для Уилса человек заговорил, и из динамика донесся мягкий, вежливый и в то же время пугающий голос: «Добрый вечер, мистер Колинз, — и, не дав Уилсу ответить, закончил: — Вы сейчас умрете...»

* * *

Джордж сделал все, как сказал Колинз. Он дождался прибытия кораблей спецслужб и теперь находился в томительном ожидании результатов осмотра звездолета Рэда. Спустя некоторое время с поисковой группы сообщили, что на борту корабля нарушителя нет ничего заслуживающего особого внимания, за исключением одного — Рэда на корабле нет. Кораблем управлял компьютер.

«Вот хитрец! — подумал о Рэде Джордж. — Ну что же, теперь надо срочно найти командира», — решил он и направил звездолет по следу корабля Колинза, не переставая вызывать того на связь. Но Уилс почему-то молчал.

* * *

Время остановилось, секунды тянулись неимоверно долго. Капельки пота застилали глаза, но Колинз не замечал этого. Он впился взглядом в экран, стараясь найти выход из создавшегося положения. Он был в кольце каких-то древних полуразвалившихся космических кораблей, хотя на верняка это был всего лишь камуфляж. Уилс и не заметил, когда корабли-призраки окружили его плотным кольцом. Теперь он понимал, что это хорошо продуманная организация обороны таинственной планетки. Сопротивляться было невозможно, вероятность того, что ему удастся вырваться, была практически равна нулю. И все же он не терял надежды. Он верил, что время его смерти еще не пришло.

И тут Уилс успокоился. Он неторопливо и уверенно начал готовить корабль к последнему бою. Враги молчали, явно издеваясь. «Ну что ж, как хотите,—решил Колинз,—тогда я начну первым». Он выбирал цель покрупнее, тщательно прицелился и дал залп одновременно всеми пушками, сразу же за этим выпустив ракеты. И тут началось... Не успели ракеты достигнуть цели, как корабли-призраки выпустили из своих орудий и аппаратов такое количество снарядов и ракет, что их хватило бы на дюжину патрульных кораблей. «Теперь пора»,—решил Уилс и нажал кнопку «Отделение». Перегрузка вдавила его в кресло, но через мгновение он уже управлял космическим катером, в который превратилась рубка его корабля. Чудом прорвавшись сквозь рой ракет, Уилс взял курс на планету, надеясь, что его не заметят. Но ему не повезло, его засекли. Хотя до планеты остались считанные секунды полета, вражеские ракеты достигли его катера раньше, чем он успел опуститься на поверхность. И когда он уже входил в плотные слои атмосферы, раздался грохот, катер потерял управление и начал быстро падать. Осталось последнее средство — катапультироваться, и, теряя сознание, Уилс воспользовался этой возможностью.

Он лежал на спине и смотрел вверх. Запекшаяся кровь твердой коркой покрыла израненное лицо. Веяло вечерней прохладой, шумели деревья, где-то пела неведомая птица.

Уилс попытался встать, но это оказалось не так просто. Руку пронзила острые боль, и он опять откинулся на спину, стараясь не застонать. Немного отойдя, Колинз огляделся. Он лежал на склоне невысокого, поросшего густой травой холма. У подножия зеркальной поверхностью сверкало небольшое озеро. Далее были также холмы, поросшие кустарником, и больше ничего.

Вид водной глади вызвал в нем нестерпимый прилив жажды. И тогда, превозмогая боль в руке, Уилс перевернулся на живот и начал потихоньку сползать вниз. Порядком измучившись и исцарапавшись о жесткие кусты, он наконец добрался до воды и с жадностью прильнул к ее холодящей поверхности.

Он пил задыхаясь, давясь, как будто от этого зависела его жизнь, а эту воду могли у него отнять. От судорожных глотков он подавился и закашлялся. Собственный хриплый кашель отрезвил его, привел в себя, и Уилс, успокоившись, отполз от воды.

Вода взбодрила его, придав немного силы. Он даже смог встать и оглядеться еще раз. Но небесное светило почти скрылось за непривычно близкой кромкой горизонта, поэтому в вечерних сумерках было трудно что-то рассмотреть. Тогда Колинз присел и задумался: «Предпринять сейчас что-либо нельзя, поэтому в первую очередь необходимо позаботиться о ночлеге». И, воспользовавшись последним отблеском дня, он направился к кустарнику, стараясь как можно дальше углубиться в его заросли, чтобы найти какую-нибудь укромную полянку, скрытую от посторонних глаз. И когда его поиски увенчались успехом и он с наслаждением растянулся на мягкой и нежной траве, последний луч света, на мгновение задержавшись, умчался за далекие горы. И день углас.

Свет наступившего утра разбудил чутко спящего Колинза. Сбросив остатки сна, Уилс почувствовал, как сильно он замерз. А надо было идти. Он с трудом встал, все тело болело, но не так, как вчера. Отдых и крепкий сон сделали свое дело. И он побрел к озеру, где утолил жажду прохладной и чистой водой.

Решая, куда направиться, он осмотрелся и неожиданно увидел плотину. Да, да, самую обыкновенную бетонную плотину, с одной стороны запирающую озеро, вернее, пруд. Колинз подошел к бетонному заграждению и оглядел его. Сооружение было вполне современным, с использованием автоматики. Сейчас шлюз был приоткрыт, и вода, тихо журча, устремлялась вперед по каналу, который белой лентой уходил вдаль, петляя и теряясь между холмами.

Уилс воспользовался каналом как путеводной нитью и побрел по его берегу.

Через некоторое время Колинз почувствовал какой-то знакомый и приятный запах, усиливающийся с каждым шагом. Неожиданно Уилс почувствовал, как этот запах начал дурманить его. Так и не разобравшись, что же это такое, он не стал далее испытывать судьбу, а захлопнул гермошлем и включил фильтр.

Вскоре холмы стали попадаться реже, а затем и вовсе пропали. Уилс вышел на огромную равнину и остановился как вкопанный. Ярко-красное поле простипалось до самого горизонта. Только за спиной Колинза да еще кое-где виднелись зеленые островки холмов. «Что же это такое?» — сам себя спрашивал Уилс, но по-прежнему не находил ответа. И, только приглядевшись, понял, что перед ним маки. Все это бескрайнее поле было покрыто маками. Они ровными рядами уходили вдаль, теряя форму и очертания, кроваво-красной массой заполняя все вокруг. Было видно, что маки росли не сами по себе, а кто-то ими засеял эту равнину.

И хотя источник запаха был найден, Колинз понял, что запутался еще сильнее. «Интересно, кому это понадобилось столько цветов? — спрашивал себя Уилс. — Что за странная прихоть — засеять планету цветами и именно маками. Да и планета выбрана с явным расчетом — подальше от посторонних глаз. Ведь и я сюда попал чисто случайно. Зачем все-таки на этой планете все поля и равнинны засеяны маками? Уж не собираются ли неизвестные предприниматели продавать выращенные цветы на других планетах. Это, конечно, глупейшая затея, ведь затраченные средства никогда не окупятся. Может, конечно, на планете находится какое-нибудь предприятие,рабатывающее маки во что-либо. Скорее всего так оно и есть. — Эту задачу Уилс решил, долго не мучаясь. — А неизвестный продукт — наркотики. Так оно и есть, на этой планете производят тонны наркотических веществ... Час от часу не легче, — с горечью размышлял Колинз. — Вырвался из лап смерти, чтобы влипнуть еще больше. Целая планета негодяев и подлецов...»

Додумать он не успел, сзади послышался нарастающий шум.

«Вертолет, — определил Уилс, — а я здесь как на ладони. Куда бежать? Как скрыться, ведь вокруг только маки...»

Внизу по-прежнему простидалось маковое поле. Красные участки сменились зелеными, на которых цветы были переработаны еще до цветения. Неполное использование возможностей планетки объяснялось спросом на конечный продукт и, конечно же, удерживанием высоких цен.

Кроул уверенно вел вертолет, стараясь, чтобы Дик как можно тщательней просматривал все происходящее внизу. Перед вылетом они получили несколько странный для их планеты приказ — найти человека. «Интересно, что это за тип? — рассуждал Кроул. — Как он сюда попал? Может, это кто-нибудь из своих, вышедший из повиновения. А впрочем, меня это не касается. Просто надо меньше думать и выполнять приказ».

А под ними все было спокойно, ни человека, ни даже следов. Уже подходил к концу третий час поисков, и вспыльчивый Дик начал нервничать:

— Да нет здесь никого! Какой идиот попрется в это сонное царство, — и, немного успокоившись, спросил у Кроула: — Может, вернемся?

Кроул, чертовски флегматичный иечно жующий парень, повернулся к нему и, посмотрев безразличным взглядом, в котором была тоскливая пустота, ответил:

— Еще завернем в оазис и пройдем над каналом. — И, отвернувшись, с полнейшим равнодушием заложил кругой вираж. Да так, что машина прошла над самой землей, а Дик чуть было не вывалился из кабины, чудом удержавшись в кресле.

— Осторожней! — только и крикнул он, зная, что Кроулу глубоко наплевать на его эмоции.

Оазис также оказался пуст. Но когда они пошли над каналом, то Дик сразу увидел цепочку следов, идущих вдоль берега.

— Стой! — тотчас крикнул он.

Машина камнем устремилась вниз, но за метр до земли резко остановилась и зависла. Кроул по-прежнему жевал и ждал дальнейших распоряжений.

— Пошли вдоль них, — приказал Дик. — Только потише.

Вертолет, монотонно шлепая лопастями, не спеша летел над каналом, повторяя его изгибы. Вот следы вышли на поле и свернули прочь от канала. Дик усмехнулся и подумал: «Далеко не уйдешь, сейчас мы тебя и схватим». И, взяв карабин, приготовился к встрече.

Неожиданно след оборвался. Кроул моментально среагировал, тут же задержав вертолет. Дик от удивления не мог сказать ни слова, а Кроул даже жевать перестал. Ничего подозрительного вокруг не было, след просто оборвался, и все. Казалось, будто шедший вдруг взял и взлетел.

Кроул с некоторой опаской посадил машину. Дик, не дожидаясь, пока вертолет коснется земли, выпрыгнул из кабины и, огляделвшись, подошел к следу. Фильтрующая маска мешала, и, чтобы получше рассмотреть отпечатки, Дик опустился на колени. След был совсем свежий.

И тут Дик почувствовал, что на него кто-то смотрит. Не подавая виду, стараясь как можно незаметнее, он положил ладонь на рукоять револьвера. Продолжая делать вид, что рассматривает след, он досчитал

до трех, резко выпрямился и, отпрыгнув в сторону, выхватил оружие.

Но вокруг никого не оказалось. «Черт возьми,— выругался Дик.— Нервишки пошаливают». Кроул только взглянул на него и опять углуился в свои раздумья, вдобавок, надев наушники, начал слушать музыку.

Дик опять огляделся, вложил револьвер в кобуру и, подняв карабин, направился по следу обратно к каналу.

Осторожно передвигаясь, держа оружие наготове, он вышел к воде. Следы все так же тянулись вдоль канала. Не обнаружив ничего подозрительного, Дик собрался было вернуться, но, вспомнив, что фляга пуста, решил воспользоваться возможностью и наполнить ее водой. И когда, нагнувшись, он собрался было набрать воды, то заметил на глубине какое-то темное тело. «Откуда здесь рыба? — первой мелькнула мысль, но, спохватившись, он все понял: — Так ведь это не рыба, это же...» Он схватился за револьвер, но было поздно. Из воды, как в кошмарном сне, вылетела рука, сжимавшая кольт, который тут же выплеснул в лицо Дику огненную струю и свинцовую смерть. «Как все глупо получилось...» — было последнее, что подумал Дик, и упал навзничь.

Вода канала взволновалась, и на ее поверхности показался Колинз. Он быстро выбрался на берег и схватил карабин, лежащий здесь же у воды. Затем, превозмогая приступ тошноты, взглянул на мертвого человека. Лицо было изуродовано, но крови видно не было — маки ведь тоже красивые.

Уилс видел, что в вертолете находилось двое, значит, второй все еще там. Вот только почему он не прибежал на выстрел. Ничего не оставалось делать, как пойти к вертолету и все выяснить. Так Колинз и сделал.

Пилот сидел в кабине вертолета, закрыв глаза, как ни в чем не бывало. Уилсу не составило особого труда подойти к нему сзади и, взведя курок, направить оружие на парня. Тот был в наушниках, поэтому ничего не слышал и только постоянно что-то жевал. Колинз стоял, не зная, что делать, стрелять в спину было не в его правилах, и тут он услышал:

— Не стреляйте.

От удивления у Колинза даже рука опустилась. Пилот обернулся и посмотрел на него.

— Всегда можно договориться,— сказав это, он выпрыгнул из вертолета.— Я слежу за вами от самого канала.

Колинз по-прежнему молчал, ожидая дальнейших действий пилота. И тот не заставил себя долго ждать.

— Забирайте машину,— предложил он,— но с условием. Вы должны кое-что передать туда,— закончил он и показал вверх.

— Хорошо,— не долго думая, согласился Уилс.

— Я так и думал,— ответил пилот и, достав из кабины небольшой пакет, протянул его Колинзу.— Адрес там написан, обратного, конечно, нет,— и замолчав, задумался. Но потом продолжил: — Вот еще что. Вы скажете дочке, что видели меня, что у меня все хорошо, что жив я и здоров. И что скоро приеду домой... Хотя вряд ли я когда-нибудь отсюда вырвусь.

— А если вам попробовать бежать вместе со мной,— предложил Уилс.

— Ничего не выйдет,— покачал головой пилот,— я в полной их власти и сам себе не хозяин,— и, показав Колинзу белый порошок, сказал: — Без

этого я никуда. Здесь мы все обречены.— Он на некоторое время замолчал, окунувшись в невеселые размышления. Но, встягнув головой, продолжил: — Теперь о вас. Времени в вашем распоряжении очень мало, поэтому слушайте внимательно. Надеюсь, управлять вертолетом умеете?— Колинз утвердительно кивнул головой.— Это упрощает дело. Лететь надо на юго-запад миль сорок. Там находится единственный планетный Космопорт. И единственный способ покинуть планету — это незаметно проникнуть на какой-нибудь готовый к вылету звездолет. Космопорт хорошо охраняется, так что попасть туда нелегко, хотя и возможно. Вертолетная площадка находится рядом с портом и отделена от него всего лишь стеной. В стене между двенадцатой и тринадцатой вышками находится дверь. Она не заперта. Дальше действуйте по своему усмотрению. Да вот еще что, корабли также охраняются. Ну вот вроде и все.

— Спасибо,— Колинз искренне поблагодарил пилота, крепко пожав ему руку.

Тот усмехнулся и произнес:

— Не думайте, что я сделал это ради вас. Ничуть. В первую очередь я сам заинтересован. И хватит об этом,— сказав, он похлопал Уилса по плечу и закончил: — Трогай!

Когда вертолет почти оторвался от земли, Уилс услышал сквозь шум винтов:

— Если будут вызывать по радио, то отвечайте, что все в порядке, либо посыпайте их ко всем чертям.

Шум усилился, вертолет завибрировал, взлетая, но Кроул крикнул еще громче:

— Мою дочку зовут Джорджия! Слышите, Джорджия!

Махнув в ответ рукой, Колинз развернул машину и взял курс на юго-запад, затем оглянулся и увидел одинокого человека, который стоял и смотрел ему вслед.

* * *

Поле внизу закончилось, и показалась дорога, идущая в ту же сторону, куда направлялся и Уилс. Впереди по дороге, сильно пыля, мчался крытый автофургон. Колинз быстро нагнал, а затем и оставил его позади.

Вдруг в кабине вертолета защелкал динамик, и затем послышалось:

— Кроул, с чем возвращаешься?

Уилс понял, что говорили из машины, но отвечать не спешил. А динамик бушевал вовсю, осыпая Кроула последними словами. Затем говоривший принялся за Дика, не зная, что тот остался далеко отсюда на берегу канала.

Неожиданно спросил кто-то другой:

— Почему не отвечает?

Колинзу показался знакомым этот спокойный и равнодушный голос. И Уилс вспомнил — это был человек с экрана. Пилот немного растерялся, но затем ответил:

— Все в порядке.

— Кто это говорит?

«Ну вот и все,— мелькнула мысль у Уилса.— Ну да ладно. Была не была». И он назвал имя одного из подвергшихся столь нелестным обращениям:

- Кроул говорит.
- Пусть ответит Дик.
- Сейчас,— ответил Колинз и на полной скорости рванулся к показавшемуся из-за холма поселку.

Он быстро нашел вертолетную площадку. На ней было все спокойно. «Может, не сообщили? — успокаивая себя, подумал Колинз.— Хотя вряд ли. Скорее всего ждут, когда я приземлюсь. Ну что же, придется рисковать». Он аккуратно посадил вертолет и, не дожидаясь, когда полностью прекратится вращение винтов, выпрыгнул из кабины и бросился к бетонной стене.

В это же время сзади послышался звук приближающегося автомобиля. Колинз оглянулся и увидел мчащуюся на него машину. До стены он явно не успевал. И тогда, больше не размышляя, Уилс бросился обратно в вертолет и запустил двигатель. Но вертолет сразу взлететь не может, а каждая секунда могла стоить ему жизни. И Колинз взялся за револьвер.

Рука дрожала, и машина прыгала в прорези прицела, неминуемо приближаясь. Указательный палец все сильнее и сильнее давил на спусковой крючок, а машина с каждым мгновением была все ближе и ближе. И вот в прорези обозначился силуэт водителя. Раздался выстрел. Автомобиль резко свернул, но все-таки слегка задел взлетающий вертолет.

Уилс с трудом выровнял машину и направил ее к Космопорту. Снизу послышались выстрелы. Две или три пули пробили днище и, неприятно жужжа, прошли совсем рядом. Следом поднимались другие вертолеты. И в завершение столь безрадостной картины сработала световая сигнализация, показывающая, что топливо израсходовано. «Отлично!» — горько усмехнулся Колинз.

Оставалось совсем немного — и двигатель начал давать перебои. Уилс попытался посадить машину как можно ближе к стоящим на взлетном поле космическим кораблям. Но вертолет, как раненый зверь, потерявший силы, рухнул на землю. Стойки шасси спасли его, лопнув с жутким визгом. От толчка Уилса выбросило на бетонные плиты космодрома. Но он, не почувствовав боли, бросился к ближайшему звездолету, отметив про себя, что это патрульный корабль.

Не ощущая веса, Колинз взлетел по трапу и, в упор выстрелив в грудь растерявшемуся охраннику, захлопнул входной люк. Оказавшись в рубке, он опустился в кресло и, проверив наличие топлива, запустил двигатели. К счастью, баки были заполнены до отказа.

...Вырвавшись из лап зловещей планеты, Колинз направил корабль к Земле, чтобы донести людям правду о надвигающейся опасности.

От преследователей он отдался быстро, уничтожив их при выходе из плотных слоев атмосферы. Но некоторое время спустя Уилс обнаружил еще одного, который быстро нагонял его. Колинз попробовал уклониться, прошел сложный маневр, но противник повторил его с уверенностью аса. «Это твердый орешек,— решил Уилс.— И еще неизвестно, кто выйдет победителем из этой дуэли». Колинз верил в себя, в свой опыт и мастерство.

«Что же, почему быть, того не миновать»,— подумал Уилс и развернулся

корабль навстречу врагу. Тот несколько опешил от действий Колинза, замешкался и на какую-то секунду опоздал со стартом боевых ракет. И это стоило бы ему жизни, если бы не его мастерство... Второй раз выпустить ракеты уже не успел никто. Но зато была использована бортовая артиллерия...

Корабль противника получил серьезные повреждения и теперь точно застыл совсем недалеко от Колинза. Но и Уилс чудом остался жив, хотя его звездолет стал как решето. И поэтому центральный пульт управления светился различного рода предупреждениями: «Пожар в четвертом отсеке», «Нарушена герметизация девятого отсека», «Отключена система водоснабжения». Что-то предпринять было просто невозможно.

Уилс сильно устал. Непреодолимо хотелось спать, веки слипались, и он чувствовал, что его все больше охватывает состояние безысходности. Необходимо было действовать, а ему было на все наплевать. Он откинулся в кресле и, закрыв глаза, на мгновение отключился.

Силы у него еще были. И когда взвыла сирена и загорелся ярко-красный транспарант «Опасность взрыва», Уилс, долго не раздумывая, облачился в скафандр, предназначенный для работ в открытом космосе, решив покинуть корабль. Рубка не катапультировалась, поэтому осталось последнее средство — выбраться наружу через шлюзкамеру. Так он и сделал, предварительно прихватив с собой малогабаритный ракетный двигатель, предназначенный для перемещений в открытом космосе. Когда же двигатель заработал на полную мощность, унося его прочь от корабля, который мог взорваться в любую секунду, Уилс, включив вмонтированный в скафандр радиомаяк, подумал: «Вот и спасся, для того чтобы прожить еще несколько часов...» Правда, была у него еще надежда на то, что кто-нибудь его услышит, но надежда очень, очень слабая.

Хотя Колинз ждал взрыва, он произошел внезапно и был настолько сильным, что даже, несмотря на большое расстояние, ударная волна, состоящая из образовавшихся при взрыве обломков и газов, настигла его, оглушая, давя и ломая его кости, резко увеличив скорость его полета. От перегрузки и боли Колинз потерял сознание.

* * *

Ему снился чудесный сон. Вот они с Марго на берегу небольшого озерка. Вокруг зеленый лес. Только кромка берега покрыта мягким желтым песком, горячим от ослепительного солнца. А над ними голубое небо, чистота которого не нарушена ни единным облачком. Но все-таки ярче всего светилась, даже ослепляла улыбка Маргарет. Он смотрел на нее, был счастлив, и больше ему ничего не надо...

Понемногу сон начал уходить, забирая с собой счастливую улыбку Маргарет.

Уилс открыл глаза и огляделся. Ему не составило большого труда определить, где он находится. Это был медицинский бокс патрульного корабля. Все вокруг было стерильно, и белизна каюты после сна больно резала глаза. «Интересно, к кому это я попал, к своим или к врагам?» — подумал Колинз.

Он попытался встать, но во всем теле была такая слабость, что у него ничего не получилось, и он, тяжело дыша, откинулся на подушку. Рядом была кнопка вызова. Немного подумав, Уилс нажал на нее и через мгновение услышал приближающийся топот. «Из рубки бежит», — определил Уилс.

Дверь распахнулась, и в каюту влетел счастливо улыбающийся Джордж.

— Ну, наконец! — воскликнул он. — Сколько же можно спать?

— А сколько это я сплю? — поинтересовался Уилс.

— Почти сутки.

— Да, но теперь я не сплю. И мой аппетит так разгулялся, что я готов съесть все, что еще осталось на этом корабле. Надеюсь, этими запасами я смогу уголить голод и жажду.

— Конечно, сэр, — воскликнул Джордж. — Сию секунду, — и, перекинув платок через руку, подражая стюардам, выскочил из бокса.

Через некоторое время Уилс, усердно работая челюстями, уже поглощал все то, что принес молодой пилот. Сам Смолл, поставив управление кораблем на автоматическое, сидел рядом с Уилсом в ожидании рассказа о его приключениях и удивлялся:

— Ну, и здоровье у вас!..

Когда наконец с едой было покончено, Колинз, с удовлетворением вздохнув и вытерев салфеткой губы, начал рассказ.

Смолл слушал внимательно и даже с некоторым напряжением. А когда, все рассказав, Уилс замолчал, он спросил:

— Но как вы докажете, что все это дело рук Корпорации?

— Планета, где я был, — ответил Колинз, — лучшее доказательство.

— Но там можно все уничтожить, — возразил Смолл.

Уилс задумался, но вскоре произнес:

— Необходимо вернуться к второму кораблю, я думаю, он все еще там. Надо сейчас же вызвать дополнительный патруль. И проделать это надо как можно быстрее.

* * *

«Неужели все? Боже, как глупо получилось. Зачем я погнался за Колинзом? Надо же было подумать, я просто идиот, ведь он управляет кораблем не хуже меня. Все, что произошло, — это расплата за самоуверенность. И расплата самая высокая. Корабль недвижим, связи нет, да и сам я протяну недолго, остались считанные минуты. Непонятно, как я до сих пор жив. Но перед тем, как я умру, необходимо позаботиться о документах, благо в чемоданчике есть самоликвидатор. Дело остается за малым — дотянуться до чемоданчика и нажать на кнопку».

С трудом оглянувшись, он увидел, что искал. «Вот он, рядом. Надо лишь протянуть руку, но как это сделать? Я чувствую, что наступают последние секунды... Но я должен, — невероятным усилием он сдвинул руку, — еще, еще немного... лишь бы...»

Он лежал в неестественной позе; голова запрокинута вправо, выпущенные глаза вылезли из орбит, из уголка рта шла уже засохшая дорожка

кровавой пены. Но самое дикое зрелище представляла его рука, которая, невероятно изогнувшись, тянулась, растопырив пальцы, к небольшому чемоданчику, лежавшему совсем рядом с ним. Казалось, что даже сейчас рука тянется, напряженно вибрируя, стараясь достичь цели.

Смолл при виде этого зрелища пошатнулся и выскочил из рубки. Уилс тоже стало не по себе. Какой-то неприятный комок подкатил к горлу. Он осторожно обошел труп, остановился около чемоданчика и наклонился, чтобы взять его. И тут он узнал человека, лежащего перед ним. Это был Рэд. Несмотря на окружающее, Уилс усмехнулся: «Ирония судьбы, мы опять все вместе. Сейчас наши патруль в полном составе». И, взяв чемоданчик, не оглядываясь, он вышел из рубки.

Через некоторое время звездолет Смолла отчалил от исковерканного корабля Рэда.

Оказавшись на своем корабле, Смолл и Колинз принялись за вскрытие чемоданчика. Уилс был знаком с такими штучками, как самоликвидатор, поэтому принял все меры предосторожности. Попотев полчаса, он вскрыл чемоданчик и извлек из его внутренностей содержащиеся там документы. Часть их была закодирована, но несколько бумаг было открытым текстом на имя директора Корпорации – Брэка Роула.

Уилс усмехнулся и подумал: «До чего все-таки тесен мир. Ведь Роул и есть муж Маргарет».

Положив документы на место, Уилс спросил у Смолла:

– Ты знаешь, для кого мы везем бомбу в этом саквояже?

– Конечно, нет.

– Для твоего будущего тестя, – произнес Колинз и взглянул в глаза юноше.

Смолл смутился и ничего не ответил.

Уилс продолжил:

– Ты, конечно, можешь отмалчиваться, это твое дело, но знай, что я отношусь к тебе очень хорошо, ты мне дорог. К тому же ты меня спас. А сейчас стоит вопрос: либо Лизи станет твоей женой, либо ты, разоблачив Роула... Все зависит от твоего ответа. Одно лишь добавлю, что, отказавшись от разглашения этих документов и всего того, что мне известно, я предам память погибших друзей. Поэтому я скажу все.

Взволнованный Смолл смотрел на Уилса, в его глазах светилось чувство.

– Спасибо. Огромное спасибо. Я даже не знаю, что вам ответить. Ведь я с малых лет хотел стать похожим на вас. В то время часто писали и показывали орбитальные патрули, их лучшие смены и экипажи. А особенно часто капитана Колинза. И вы стали для меня кумиром, как, впрочем, и для многих других мальчишек... Поэтому все то, что вы сказали, стало для меня лучшей наградой. Но ради бога не думайте, что я поступлю во вред вам. И несмотря ни на что, я буду с вами до конца, буду всегда поддерживать вас и не допущу, чтобы память ваших друзей была бы осквернена.

Сказав это, он бросился к Колинзу и обнял его. У старого пилота навернулась непрошеная слеза. Не зная, что и сказать, он только гладил юношу по голове и повторял: «Все хорошо, Джордж, все хорошо...»

Еще за сутки до посадки на родной планете Уилс, сняв фотокопии с документов, разослал их по различным адресам. Теперь, когда за дело вольются журналисты, поднимется такая шумиха, которую уже вряд ли смогут замять. К тому же, кроме газетчиков, документы получили и кое-кто из госаппарата и военного ведомства. За многие годы службы у Колинза повсюду появились друзья и знакомые, и многие могли его поддержать.

Космопорт был запружен народом и войсками. Были и представители правительства. Все ожидали прибытия патруля, который месяцы назад покинул этот космодром.

Люк, тихо шурша, откатил в сторону. В коридор влетел луч солнца, а вслед за ним хлынули запахи Земли. Уилс на мгновение закрыл глаза рукой, Джордж зажмурился, и оба, вдыхая свежий утренний воздух, счастливо улыбаясь, шагнули к трапу.

— Вот мы и дома,— произнес Уилс и, взглянув на ожидающих их людей, добавил: — Никогда меня не встречали так. Вероятно, сегодня мы пользуемся популярностью, как самые знаменитые кинозвезды.

У трапа уже ожидала машина, которая быстро доставила их к зданию Космопорта.

Уилс и Джордж вышли из машины и огляделись. К ним бросились репортеры, но плечистые полицейские сдержали их натиск. Несмотря на преграду, журналистысыпали их вопросами. Джордж смущенно молчал, а Уилс крикнул сквозь шум: «Все вопросы после, господа, нам необходимо немного отдохнуть. Извините».

И, уже не обращая внимания на вопросы, они двинулись по проходу, образованному двумя шеренгами полицейских. Неожиданно они увидели, как им навстречу бегут две женщины. Смолл сжал локоть Колинза, но Уилс никак не мог разглядеть, кто это. Может, соринка попала в глаз, а может, еще что.

Уилс увидел, что перед ними стоят Маргарет и Лизи.

Он растерялся и не нашел ничего лучшего, как спросить:

— Мои дорогие женщины, а как вы попали сюда?

Маргарет, взглянув ему в глаза, как-то просто ответила:

— Я им сказала, что я твоя жена,— и вопросительно посмотрела на Уилса.

Колинз оглянулся на Смолла, как бы ища у него поддержки. Но тот не отрываясь смотрел на Лизи. Тогда он повернулся обратно и увидел Пита Стредфорда, начальника космодрома, который стоял недалеко, держа что-то в руке. Он был сильно растрепан и мутными глазами смотрел на Уилса.

«Перебрал на радости»,— подумал Колинз и улыбнулся ему.

В то же мгновение сверкнула молния и что-то сильно ударило Уилса в грудь. Не веря своим глазам, Колинз смотрел на револьвер в руках Пита.

Раздался крик, но Уилс не слышал его. Он с тоской смотрел в глаза Маргарет, которая бросилась к нему, еще не осознавая случившегося.

Силы покидали его, но он крепко держал ладони этой женщины и что-то пытался сказать ей.

Ноги подкосились, и он опустился на колени. Красная дымка застилала все вокруг, как будто он вернулся на планету маков, последнее, что он увидел,— глаза Маргарет и слезы. «И все-таки я счастлив...» — подумал Уилс.

АЛЕКСАНДР ГОЛОВКОВ

Блондинка

Владислав Игоревич спал нагишом, укрывшись мягким, теплым одеялом, на большой, широкой кровати. Он любил телесный комфорт, и душа от этого у него была мягкой, молчаливой. Будильник он заводил на без четверти шесть. В шесть начинались передачи местного радио, от которых он просыпался окончательно.

— На работу проспишь,— послышался женский голос.

В его комнате никогда утром не бывало женщины. Он избегал любви, и страсти его избегали.

— Вставай, будильник прозвенел давно,— повторился голос уже с нотками раздражения.

За окном серел рассвет. Он подумал, что это голоса соседей за стенкой, протянул руку в изголовье и включил свет.

Одеяло свесилось на пол. Простыня сбилась в комок и лежала рядом, раздражая вялыми складками. Он хотел поправить ее.

— Отстань,— недовольно буркнула она.

Серьезным людям в жизни не везет. А Владислав Игоревич был серьезным. Или считал себя таковым. Какую ошибку он совершил в жизни?

В динамике зашипело, потом грянул первый аккорд, и хор подхватил гимн: «Союз нерушимый республик свободных...»

Простыня у него была одна. Привычная. Жалко ее было выбрасывать. По утрам он о ней не думал. Когда к вещам относишься тепло, вещи ожидают.

— Началась постельная лирика,— не узнавая своего голоса, произнес Безугллов. Он и не любил мистику, потому что там придумывают чепуху и верят.

Он встал и подошел к окну, чтобы определить, какое теперь время года. Вчера была весна. Если бы сегодня наступила осень... Он раздвинул гардины. Была весна. Весна, природа пробуждается... Поэтому ему помешался чей-то голос.

— Пойдешь на работу, подумай, как нам жить дальше,— сказала за спиной у него простыня.

— Чего? Чего? — он обернулся, надеясь, что ответа не услышит.

- Ты не находишь, что мы потеряли интерес друг к другу.
- Угу,— согласился Безуглов.
- Я так жить не могу,— вздохнула простыня.— Пора определиться...
- Это как?
- Не валяй дурака, ты прекрасно понимаешь, что я говорю о замужестве.
- О чём? — не понял Владислав Игоревич.
- Мне нужен документ.
- Разве мы супруги?
- Ты со мной спиши. Сколько лет!.. Ты муж...
- Не с тобой, а на тебе.
- Какая разница?
- Я не могу никому дать развод, потому что ни на ком не женат.
- Ах, так?! Тогда женись!
- Чтобы жениться, нужна женщина,— без претензии на оригинальность сказал Безуглов.
- А я, по-твоему, кто? — спросила простыня.
- Я прожил тридцать лет и три года,— овладев собой, ответил Владислав Игоревич.— И не слыхал, чтобы вещи говорили. Да притом всяческую чепуху.
- Значит, я для тебя вещь,— обиделась простыня.— Почему же ты со мною спиши?

Владислав Игоревич не стал обсуждать положение. Он собрался, выпил чаю и ушел, надеясь, что как все началось, так все и образуется. Сказано уже, что был он человеком серьезным, нелепости его не занимали. Какая-то тряпка впала в амбицию. Выходя за дверь, он еще помнил о ней. Но, прия на завод, уже думал о другом. Его ждала работа.

Работа — один из способов уединения. Агрегатные станки, токарные полуавтоматы... Все требовали к себе его внимания. На девушек, работавших за станками, он никакого внимания не обращал. За исключением разве нормировщицы Светочки. К ней он относился дружелюбно, как к хорошей соседке. Об этом все знали в женском коллективе. А ему было безразлично.

У него был свой кабинет — мастерская с табличкой на двери: «Наладчик», где он работал и отдыхал. Там стояли верстак, три небольших станочка и мягкий диван. Там он пил чай со своим единственным другом электриком Гудимовым.

В разнообразной жизни Безуглова не могли сбить его с пути ни веселительные заведения, ни общественные нагрузки, ни спорт. Понимающие люди сказали бы, что он аскет. Дом, работа... Третьего ему было не дано. Итогой он не занимался. А с работы возвращался домой всегда почти в одно и то же время.

Он прошел мимо разговорчивых соседок на кухне к своей комнате и отпер дверь ключом. Простыня лежала на кровати и смотрела телевизор. Программа посвящалась перестройке.

Кто станет указывать, как развлекаться нечистой силе?

Владислав понял, что придется менять привычный образ жизни. По крайней мере ту часть, которая называлась проведением свободного вре-

мени. С детства Безуглов не ходил гулять на улицу. В этот вечер ему дома было скучно, и он пошел во двор.

Он бродил по улицам и удивлялся, что за глупость с ним приключилась. Какая-то жутко сексуальная история. И с чего? Не был он Нарциссом. И женщин не любил, потому что... жизнь такая. Какая разница, почему? У любви и нелюбви много причин. Ну, не находил он, что можно в них любить. Ничего смешного тут нет. Если бы с кем другим такое случилось, можно было бы посмеяться. А ему что теперь делать? И как это он до сих пор не догадался завести собаку? Или котенка, по крайней мере?

Вернулся домой он поздно. Простыня читала книгу или делала вид, что читает. Безуглов достал пакет супа и приготовил ужин. Приглашать к столу ничтожную вещь он, естественно, не стал.

— Ты обо мне не заботишься,— вздыхала простыня, когда он вымыл посуду.

— Чем ты недовольна? — возразил Владислав.— Я тебя использую по назначению. У каждого свое призвание и предназначение...

— Ах! — дерзко охнула простыня.— Ты, оказывается, любишь семейные скандалы!

— О какой семье ты говоришь?

— Ты меня в шкаф собираешься засунуть?

— Если будешь грязной, то я тебя выброшу!

— Оставь мечты, романтик! Да, я простыня. Но я не половая тряпка, с которой можно обращаться как попало. Я не виновата, что стала простыней. Женись. И...

— Да что ты мелешь? — рассердился он.

— Сам меня сюда притащил!

— Я тебя взял в магазине. Не тебя, так другую...

— А зачем брал?

От бессмысленных разговоров Безуглому захотелось спать.

— Обо мне надо заботиться, на меня нужны деньги,— шептала простыня.— Ты себя не уважаешь.

— Да прекрати же! — огрызнулся он.

— Приходишь домой и начинаешь копаться в вещах так, как в своей душе не копался. Ты считаешь, что вещи должны тебе служить. Кто ты такой?

— Надоело,— решил положить конец недоразумению Владислав.— Я точно знаю, что ты не человек: у тебя паспорта нет.

— Есть.

— Ярлык?

— А что? Там черным по белому написано все, что нужно. Вот, я в шкафу нашла,— и он увидел ярлык.

В ярлыке указывалось: «Простыня. Хлопчатобумажная. Фабрика...» Был ОСТ. Номер. Цена первого сорта. Ярлык подлинный.

— Это не паспорт,— хмыкнул Владислав.— А даже если и паспорт... Это технический паспорт. Он не дает никакого права на замужество.

— Он дает право на существование. А тот, кто живет, имеет право выходить замуж. И вообще, Пигмалион на своем месте почел бы за честь... А ты права качаешь.

Близилась полночь. Грезы продолжались. Пора было спать. Владислав шагнул к кровати.

Ложиться в постель без простыни — это варварство. Беседовать с простыней — помутнение рассудка. Все нормальные люди спят на простынях. А чувства... Больше всего ему хотелось раздеться, лечь и заснуть.

Он откинулся на одеяло, посмотрел на простыню и, дернув ее за конец, расстелил на матраце:

— Ложись!

Это была команда для себя. Увы, его магическому заклинанию предмет не поддался.

— Ты в публичный дом пришел! — простыня выскользнула из-под него. — Я тебе не шлюха!

Безуглову страшно хотелось спать. Он попытался расстелить простыню, но она съеживалась, увертываясь от его рук.

— Ну и черт с тобой! Завтра другую куплю.

Подушку и одеяло он убрал — от греха подальше. Лег, не раздеваясь, точно турист на привале. Свет погасил. Впервые спал по-спартански.

Скомканная простыня лежала рядом.

Утром он не слышал будильника, соскочил с кровати, когда уже прошли гимн.

— Ключи от комнаты оставь, — услышал он.

Ухмыльнулся и ушел. Вот наваждение!

Починил сверлильный станок, отремонтировал шлифовальный, настроил фрезерный...

В этот день ему позвонили на работу. Валентина Николаевна из техотдела пришла и позвала его к телефону. Бывало, Безуглову звонили родители — отец или мать.

В техотделе тоже работали только женщины. Они были наряднее и лукавее чеховских.

— Кто это тебе звонит, Славик?

— Чей-то тоненький голосок.

— Неужели у Славика завелась зазноба?

Не обращая внимания на насмешки, Безуглов взял трубку.

— Алло... Ты? Простыня?..

Он ничего не мог понять. Но по виду его все догадались: что-то оскорбительное. Он злобно покраснел. Затем он сказал буквально следующее:

— Ты с ума сошла? Или я схожу с ума?

Женщины в отделе прыснули смехом. Безуглову и в лучшие-то времена было не до них. Он пыхтел в трубку:

— Как ты ожила? Какие деньги? Какие ключи?

Потом он спохватился, что ведет себя неприлично, сказал сухо:

— Это невероятно! — и, бросив трубку, ушел в свою мастерскую.

После работы домой не торопился. Разговорчивые соседки на кухне приумолкли, когда он вошел. По-видимому, они хотели что-то спросить. Но ему было не до них. Прошел к своей комнате, достал ключи. Дверь

оказалась не запертой. Простыня была свежевыстиранной и выглаженной. Она сумела сама наутюжиться и пахла какими-то духами.

— Что происходит в моей квартире? — удивился Безуглов.

— Ходила в прачечную.

— А что это за записка?

— Заявление в женсовет.

— Какой еще женсовет?

— Готовлю сведения, чтобы привлечь тебя к товарищескому суду.

Владислав присел на кровать. Он представил, как его несуществующая невеста будет ходить по судам или женсоветам и жаловаться.

— Тебя нет,— сказал он.— Никто о тебе ничего не знает.

— Почему?

— Ты не человек!

— Я получу паспорт.

— Какой дурак тебе его выдаст?! Ты никто!

— Я уже все выяснила. Получу паспорт и пропишуясь здесь. Посмотрим, как ты потом заговоришь.

Вечером Славик лег спать пораньше, с головой завернувшись в одеяло, не прикасаясь к накрахмаленной простыне.

Утром в цехе все обсуждали вчерашний его разговор по телефону. Это невозможно было не заметить.

— Витя, ты мой самый лучший друг,— за чаем обратился Вячеслав к электрику Гудимову.— Мне нужен твой совет. Только не перебивай... Не подумай, что я шучу... Ко мне простыня прилипла. И собирается замуж... Что-то у меня с головой. Фантазия какая-то...

— Простыня? — подмигнул Виктор.— Бывает...

— Да, обыкновенная.

— Ну и женись,— согласился Виктор.

— Да ведь это же простыня!

— Тряпка, что ли?

— Тряпка.

— Тогда не женись.

— Вот и ты такой же,— вздохнул Вячеслав.

Гудимов задумался.

— Вообще-то жениться тебе надо,— покосился Виктор на Безуглова.— Столько женщин в цехе... И диван у тебя такой мягкий,— Гудимов показался на диване.

Безуглов шел домой с определенной целью — выбросить тряпку за дверь, бросить на свалку.

— Чего ты надумал?

Он вооружился ножницами.

— Ополоумел?! — звонко засмеялась она.— Тебя же засудят!

— А вот я выкрою из тебя дюжину носовых платочек! — пригрозил Вячеслав.

— А я не вещь! — злорадно выкрикнула она.— Не вещь! Я сегодня паспорт получила! — Она помахала перед ним красной книжечкой с тиснеными гербом и буквами.

И прошуршила складками, видя, что Вячеслав ей уже не опасен:

— На. Не порви и не испачкай. Это документ!

Перед его глазами замаячил паспорт. С фотокарточки смотрела помятая физиономия...

Славику хотелось разорвать ее на мелкие полоски и на клочки и выбросить все это в мусорное ведро.

— Я ходила к паспортистке. Я предъявила ей ярлык.— Славик видел, как перед ним колеблются какие-то складки.— Тебя не устраивает мой документ?

— Документ устраивает, а ты — нет,— пробурчал Славик.

— Пойдешь в загс или в суд!

Он понял, в какую историю вляпался. Нет, дело не шуточное. Попалась ему... Или он попался? Ах, ну почему он до сих пор не завел собаку??

У него еще был шанс. Жениться. Жениться на ком-нибудь, только не на этой простыне! Еще можно успеть...

Придя на работу, он спрятался в своей мастерской, но ничего не делал. Ему попалась газета. Стал читать одну статью. Писалось о женах-страдалицах, натерпевшихся от мужей. Строчки прыгали у него перед глазами, пот катился со лба; он достал платочек. За этим занятием его застала Светочка.

— Славик, тебе плохо? — Светочка интересовалась его самочувствием.

Он взглянул на нее, ища поддержки. Раньше он ни за что бы не принял помощи от Светочки. Теперь рад был ее сочувствию.

— У меня серьезный стресс,— признался он.

— Выговор? — удивилась Светочка.— За что?

— Не производственный.— Он силился улыбнуться.— Поможешь мне? Светочка ничего не обещала, но желала знать, что случилось.

Сердце его болезненно билось.

— Я прошу тебя,— залепетал он.— Выходи за меня замуж...

...Все видели, как из мастерской наладчика выбежала возмущенная Светочка.

После работы ему впервые в жизни не хотелось идти домой. Он пересек парк сначала вдоль, затем поперек, обошел кругом цирк, потоптался у театральной афиши. От тоски свернул в магазин.

За прилавком стояла грустная продавщица.

— Я как-то у вас простыню покупал...

— Ну и что?

— Бракованная...

— А я-то тут при чем?

— Вы не подумайте, дыр на ней нет. Внешне все в порядке.— Славик наклонился к продавщице.— Но она теперь норовит замуж выйти.

Продавщица засмеялась:

— Постельное белье обмену не подлежит.

Безуглов понимал, что простыню не обменять. Постоял у прилавка. Хотел купить новую простыню, но...

Если бы он притащил домой еще одну простыню или несколько, все вышло бы по-другому. Но он не притащил. Не было в продаже.

Соседки смеялись на кухне.
Простыня лежала перед зеркалом, перед ней — новенькая косметичка.
Простыня была еще сырая.

— Выстиралась? — желчно усмехнулся он.
— Да. А что?
Вид у нее был благоухающий.
— Ты во многом преуспела, — язвил Славик. — Тебе удалось получить паспорт. Ты, наверное, хочешь теперь прописаться? Так вот, не надейся. Для прописки нужно заявление квартирообъемщика, но я его не подпишу!

— Обойдусь без тебя, — колыхнулась она.
Славик вышел из дома и поехал к родителям. Не справившись о их здоровье, прошел в квартиру, сел посреди комнаты на табурет.

— Мама, я попал в беду, — уныло пожаловался он.
Мать погладила его по голове, как в детстве. Отец молча шевелил усами.

Слава признался, что с ним произошло.
— Что ж ты, намерен бобылем жить? — засопел отец.
— Пора тебе, сынок, жениться, — наставляла мать.
— Да не на простыне же! — закричал Слава.
— Вот заладил, — не поняла мать. — Простыня да простыня... Хозяйка будет...
— Мама, надо мной смеяться будут!
— Кто же это засмеется? — всплеснула руками мать. — Чай дети будут.
— Да я лучше повешусь! — Славик пулей вылетел из квартиры родителей.

...Весеннее солнце грело, и, глядя на расцветавшую зелень, он понял, что не повесится. Умереть у него не хватало силы воли.

— От судьбы не уйдешь, — сказал ему чей-то чужой и далекий голос, точно с небес. — Этой простыней тебя и накроют, перед тем как понести...

Владислав поднял голову и посмотрел в яркое весеннее небо.
Жить с простыней? О, господи! Пощади! А, впрочем, и без простыни не обойтись...

Возле дома он встретил растрепанную пенсионерку с задушевными глазами. Она возникла перед Безугловым, точно святой дух.

— А-я-яй, — качала она головой. — А на вид такой тихий, а скандалит. Мать и отец убиваются из-за тебя...

— Да идите вы! — недовольно буркнул Владислав.
— А-я-яй, — замахала руками пенсионерка. — С ума спятил!
— На тебя не похож, так уже и спятил!
— А-я-яй, — качала она головой. — В женсовете жалоба на тебя.
Славик не слушал ее. А дома у него простыня наводила порядок.
— Вот прибираюсь, — сказала она. — Приходил знакомый пододеяльник, мы с ним поболтали немножко.

Владислав не ответил и лег на голый матрац.
— Тебе неуютно? Не огорчайся, милый. А впрочем, черт с тобой...
Ночью ему снился кошмарный сон. Будто его заперли в тесной комнате без окон, без дверей. Всю ночь до самого рассвета в темноте перед

ним летала мокрая, холодная простыня, норовя обнять... Но перед утром согрелся, натянув на себя сверху эту простыню.

- А я замуж выхожу,— услышал он на рассвете.
- Да, дорогая,— сквозь сон проговорил он.
- Ты не рад?
- Рад, дорогая.
- Я знала, что ты хочешь от меня отделаться,— донеслись до него ласковые слова.

Ему было тепло и уютно. И он ласково отозвался:

- Я на все согласен. Могу и жениться...
- Ты? — Она засмеялась.— А при чем здесь ты?
- А кто же еще? — пробурчал Славик.
- Да, я ухожу от тебя, милый, не горюй. Жалко мне тебя, да что делать...

Он почувствовал, как холодный воздух из форточки охватил его полуголое тело: стало зябко, тревожно и неуютно. Потом ему сделалось страшно. Утром следующих суток соседи обнаружили повесившийся труп Владислава Игоревича. Следствие длилось полгода, допросы, показания свидетелей не могли объяснить загадочной смерти серьезного человека.

АНДРЕЙ ФАЛЬКОВ

КАК СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

— Рэнк, мой мальчик, вставай! — Голос матери сквозь сон слышался тихо-тихо.

Рэнк потянулся в кровати, протер глаза и сел. Пора собираться на работу, и мать опять встала раньше его. Как это у нее так получается? Ему бы еще понежиться в постели, а у матери сна ни в одном глазу, она уже командует на кухне роботами.

Взяв себя в руки, Рэнк вскочил и быстро оглядел свою комнату. Он опять всю ночь писал стихи и теперь бросился убирать в стол свои блокнотики, чтобы мать не узнала.

— Иду, мама!

Рэнк распахнул дверь своей комнаты и побежал прямо под душ. Как хорошо! Холодный душ по утрам — тоже одно из его чудачеств.

— Кушай, сынок,— мать погладила его по голове, когда он плюхнулся за стол,— что-то вид у тебя сегодня нездоровий.

— Поэты, сынок,— внушительно вставил отец,— это прислуга общества, а ты рабочий и должен этим гордиться.

— Я и горжусь, но не понимаю, какая здесь связь с моими стихами.

— Самая прямая,— мать укоризненно покачала головой,— ты вот не выспался, значит, работать будешь плохо. Голова у тебя не тем занята,

потому и по службе не двигаешься. В школе из-за стишков плохо учился, а ведь мог бы инженером стать.

Все, что говорили родители, было правдой. И в школе он плохо учился, и знания ему с помощью внушения записать не могли, и на работе дела цели скверно. Да и со стихами все правильно — не его это, маленького человека, дело. Он рабочий и только упорным трудом может добиться чего-то в этой жизни.

Рэнку показалось, что ему не хватает живого общества людей, он выбежал на улицу.

Станок, на котором он работает, чертёжски хороши. Бортовал ЭВМ — и мозг, и собеседник, и советник, и инструмент. За всю смену Рэнк общался с людьми не более получаса, все остальное время принадлежало станку. Кругом только автоматы, ни одной живой души.

Рэнк не мог, не вскрывая станок, увидеть выпускаемые детали, не знал, для чего они нужны и куда потом идут. Вскрывал станок редко: в его обязанности входило лишь программирование и настройка с целью улучшения качества деталей, да еще немногие операции, не требующие механической работы. Многое в станке Рэнк сделал сам: вставил другой лазер, переделал накопитель и стол, написал несколько новых программ. Начальство довольно, и все коллеги на его месте тоже, но для чего все это нужно? Работать, чтобы жить? Если он винтик в машине, то какой винтик, где его место? Страшные вопросы, лучше их не задавать.

В цехе Рэнк включил аппаратуру. Ему давали три часа на совершенствование станка.

- Привет, Рэнк! — вспыхнул экран связи.
- Привет, Ван.— Рэнк нажал клавишу ответа.
- Ну, как дела?
- Попробую новую программу управления интенсивностью пучка.
- За три часа успеешь?
- Не знаю.
- Если не успеешь, предупреди заранее, мы включим другую линию.
- Хорошо.
- Я создал тебе все условия для творчества?
- Да, спасибо. Пришли холодного соку и часа через два подай робота с заготовками.
- Сделаю.

6

Экран погас; Рэнк откинулся в кресле и саркастически усмехнулся. Ему созданы все условия, а ему все же чего-то не хватало. Творчество для него было целью, а не средством. Совершенствуя свой завод, люди искали кратчайший путь к ней. Его же, Рэнка, удовлетворял путь любой. Ну зачем ему эта программа? И старой вполне достаточно. Он хронический лентяй.

Зашипела пневмопочта, и на стол выехали два красных кубика, покрытые испариной. «Спасибо, Ван».

Ван был начальником группы, однако не признавал никаких формальностей в обращении, Ван был старше Рэнка на сто лет, но он уже прошел обновление, физически выглядел моложе его.

Обновление! Замечательная вещь, делающая человека почти бессмертным. Мозг не стареет — стареет тело. Вот и придумали люди из не-

скольких твоих клеток растить точно такое же, как у тебя, тело, но молодое, и переписывать в мозг человеческую личность. Человек бессмертен — он выбрасывает дряхлую старость и обзаводится молодостью. Все повторяется не более десяти раз, а потом помехи нарастают, и мозг уже не копируется. Но несколько веков жизни тоже очень хорошо.

На смену умершим приходят такие, как Рэнк, рожденные заново. Их учат в школе, записывая знания прямо в мозг, иногда их просто, по-человечески, учат и воспитывают, а затем отправляют в вечную жизнь. Почти вечно.

Кого еще не могут обновить — это астронавты, их мысли не пишутся. Поэтому к звездам никто не хочет лететь. Со временем ученые найдут способ, и тогда любую личность можно будет записать на пленку, разобрать, собрать и изменить. Это ли не прекрасное достижение науки, это ли не светлое будущее!

Рэнк вздрогнул. Много он стал думать о постороннем!

— Рэнк, отзовитесь! — Экран вспыхнул красным. Ого, его вызывает сам директор. Слегка удивившись, Рэнк включил связь.

— Рэнк, я поздравляю вас с днем рождения!

Вот это да! Уже никто не отмечает дни рождения, поскольку это довольно глупо. Помнить такое — удел компьютеров. А директор вспомнил. Нет, не поздравлять его будут, тут что-то другое.

— Спасибо! — Рэнк повернулся к монитору, чтобы лучше видеть.

— Рэнк, желаю вам счастья и дальнейших успехов.

— Спасибо!

— И еще, Рэнк, тут к вам пришли из департамента внутренних дел и хотят вас видеть.

— Хорошо, пусть приходят.

— Я попросил бы вас самого прийти.

— А как же работа?

— Можете отложить.

— Иду.

Заинтересованный Рэнк выключил аппаратуру и вышел.

Директора в кабинете не было, вместо него за столом два незнакомых человека.

— Координатор Альфа, — представился один.

— Координатор Бета, — привстал другой, — прошу садиться.

— Спасибо.

— Рэнк, к вам большая просьба, — серьезно начал Альфа. — Все, о чем мы здесь будем беседовать, должно остаться в тайне.

— Хорошо, буду молчать.

— Вот и прекрасно, — координаторы переглянулись. — Скажите, вы пишете стихи?

— В этом есть что-то недопустимое? — удивился Рэнк.

— Нет. Но вам не кажется, что это несколько выделяет вас среди других?

— Это, конечно...

— И еще вы перерыли весь архив и ознакомились со всем заводом.

Видите, мы и это знаем.

- Я мало понял в этом архиве. Я не скрываюсь. Гораздо удивительнее то, что вам захотелось это узнать.
- До вас этого никто не делал.
- Расстрелять за это?
- Нет, не расстрелять, а открыть государственную тайну, и если вы ее выдадите, тогда расстрелять.
- Вы на полном серьезе?
- Сообщаю вам, что вы человек.
- Можно подумать, что я не знал!
- Вы человек, и с вас невозможно снятие матрицы.
- То есть? — удивился Рэнк.
- Ваш мозг имеет глубокую структуру, не поддается программированию.
- Так вот откуда моя отсталость в учебе! — Рэнк хлопнул себя по лбу. Альфа внимательно посмотрел на Рэнка:
- То, что другим просто писали в мозг, вы запоминали самостоятельно. Это чудовищная работа.*
- Для меня невозможно обновление?
- Совершенно верно, — кивнули координаторы.
- И я умру?
- Да, умрете, если мы не сделаем вам операцию.
- Так делайте!
- Вы не будете писать стихи.
- Ну и пусть! — взвился Рэнк и тут же задумался. — А как же другие поэты?
- А еще координаторы, — в тон ему продолжил Альфа, — все они люди и, следовательно, смертны. Они долго не живут, одно только имя переходит по наследству. Развитие возможно лишь в обществе, где есть смерть и нет застоя.
- Не может быть!
- В этом и состоит тайна. Мне прямо в мозг защита защитная сетка, которая не дает считать мысли. Сетка есть и у вас.
- А у них? — Рэнк кивнул на дверь.
- А у них нет, и в их мысли можно вмешиваться. Свойство человеческой природы — быть смертными, а бессмертными могут быть только предметы неодушевленные, машины.
- О господи, — простонал Рэнк. — Они не осознают приказа, но выполняют его. Зачем вы все это мне говорите?
- Ваши действия становятся опасными, за вами тянутся другие. Библиотекарь пытался прочесть ваши документы, мы еле его остановили. Ваша мать пыталась писать дневник. С такими мыслями трудно справиться.
- Что же вы меня не остановили? Ведь живут же другие поэты!
- Они живут, не соприкасаясь с бессмертными, они не ходят по улицам, как вы. Вы же почти осознали свое положение и могли многое портить в чужих мозгах. Вы, как вирус, сеяли мысль.
- Я не хочу, — воскликнул Рэнк, — я не буду с вами разговаривать!
- Или бессмертие, или переход к нам, смертным. Станете тем, кем

хотите. Вам не уйти от нас, вы никогда не станете прежним. Бессмертие как болезнь, вы можете быть больны, можете быть здоровы, но одновременно быть и здоровым, и больным нельзя..

— Я хочу уйти! — Рэнк направился к двери.

— Сначала ваше решение!

— Вы вершители, а они роботы? — закричал Рэнк.

— У них иные цели и потребности, они просто не задумываются, а в общем...

— А если я закричу: «Люди, посмотрите на себя!»

— Ваш крик никто не услышит.

— Значит, решено? Вы будете смертным?

Бешенство охватило Рэнка. Он незаметно вытянул из кармана сварочный разрядник и резко ткнул его иглой сначала одного, а затем второго координатора. Голубая искра проскочила между электродами, и два парализованных тела упали на пол.

Бежать! Рэнк распахнул дверь и бросился вниз. У входа стоял общественный экранолет, старый и весь обшарпанный. Наверное, его готовились списать в утиль, но забыли, во всяком случае, скорости от него добиться было бы затруднительно; Рэнк, не обращая внимания на такие мелочи, вскочил в кабину и дал газу. Город резко провалился вниз, и Рэнк, заложив вираж, понесся прочь. Живым он им не дастся, он спрячется где-нибудь, будет писать, разбудит отца, мать, всех своих друзей, всех людей на земле. Только бы уйти от погони. В том, что его будут искать, Рэнк не сомневался.

Экранолет резко снизился, под крылом развернулась бескрайняя тайга. Сзади никого нет, а вот внизу вроде бы то, что нужно.

Бросив машину в прогалину между деревьями, Рэнк сокрушил несколько вершин и благополучно сел, прямо в кустарник. Он быстро выгрузил сопровождающего робота, сделал дом и гараж, тут же загнал в экранированное подземное убежище экранолет и самого робота. Здесь его не найдут, здесь он свободен.

Писать, работать — вот его призвание, его смысл жизни.

Рэнк начал быстро диктовать в микрофон все то, что слышал. Из машинки поползла лента бумаги. Рэнк пробежал ее глазами и с досадой отбросил. Нет, так не пойдет. Его не поймут, его оплюют, осмеют.

Он понял: надо писать не сухой документ, а книгу и в ней исподволь раскрыть читателю глаза, протереть их, и зрячий да увидит. Рэнк бросился к столу, мучимый нетерпением. Он сидел всю ночь. Его рвало стихами и мыслями. Лишь когда снаружи уже начался новый день, Рэнк с гудевшей от напряжения головой, еле переставляя непослушные ноги, выбрался на свет божий.

Обвел поляну взглядом и присел на траву. Сверху раздался шум, и прямо к нему на поляну плюхнулся экранолет какой-то новой конструкции. Рэнк понял, что на этот раз он окончательно влип и что ему не уйти. По-кошачьи перекатившись в заросли, Рэнк припал к стволу дерева и вытащил лучевой резак. Слабовато, конечно, но все же не голыми руками воевать. Поразмыслив, он спрятал это обратно и пополз задом в чащу.

— Постойте, Рэнк, не убегайте. Поговорим спокойно!

Рэнк замер.

— Не бойтесь, пожалуйста, я ведь в отличие от вас не вооружен,— из экранолета вылез смуглый низкорослый человек.— И я совершенно один.

— Отойдите от машины.— Рэнк встал за ствол.

— Могу даже раздеться,— незнакомец отошел от экранолета, снял куртку и кинул ее в сторону,— видите, у меня карманов нет.

Рэнк вышел из-за дерева:

— Что вам угодно?

— Дайте мне то, что написали.

— Зачем?— удивился Рэнк.

— Напечатаем.

— Вы кто такой?— Рэнк замялся.— Из смертных?

— Да, вы угадали, я один из них.

— То есть вы один из вершителей. Неужели вы не боитесь это печатать?

— Нисколько. Смертным ваши сочинения не опасны, а бессмертные не поймут.

— Откуда вы это знаете?

— Я вижу, насколько вы устали. Вы вложили в свое творение человеческую душу, и понять ее может только человек, а не робот. Я вас пойму. Знаете японскую сказку про дракона, охраняющего клад? Много рыцарей пытались овладеть кладом, но ни один не вернулся. Потом оказалось, что не дракон их убивал, нет, дракона победить было несложно. Да только тот, кто побеждал и находил клад, от одного взгляда на него становился драконом и стерег его. Так и вы — или оставляете человека глухим роботом, или отнимаете у него покой и бессмертие.

— Спасибо за сравнение.

— Пожалуйста. Видите, я говорю чистую правду, никто не желает вам зла.

— Почему-то я вам верю.

— А мне нельзя не верить,— человек широко улыбнулся,— кроме того, вы ничего не теряете, у вас ведь есть копия.

— Держите,— подумав, Рэнк положил на траву коробочку с записью и отошел, держа резак наготове.

— Ого, даже так?— Незнакомец удивленно поднял брови.— Ну хорошо, пусть душа ваша будет спокойна. Книгу я вам вышлю. Вы теперь наш человек.

Он шагнул, поднял кассету и отошел на прежнее место.

— Позвольте спросить,— ехидно поинтересовался Рэнк.— Чей это я человек?

— Извините, не представился,— человек слегка поклонился,— Великий Координатор.

— Кто?

— Великий, то есть главный. Ну тот, который председательствует в совете.

— Вы,— удивился Рэнк,— откуда вы? Почему именно вы пришли ко мне, ведь я и выстрелить мог бы?

— Дело в том, что вы сели в мой парк. Я живу здесь неподалеку, в

почти таком же доме, как и у вас. Кстати, и истории наши похожи. Я был несчастлив, так же бежал от тех, кто называет себя людьми, в результате чего оказался здесь. Так и живу, правда, обставил я получше. Как-никак родственная душа.

— Я не хочу жить с вами, я не желаю ни с кем общаться.

— И не надо. Вчера вас просили выбрать, и вы выбрали смерть. Что ж, свобода и смерть — достойные решения, и вам есть чем гордиться. Когда вы совсем отойдете от потрясения, я с удовольствием пожму вашу руку.

— Нет, я не хочу! — крикнул Рэнк и отшвырнул резак в сторону.

— Поздно! — Великий Координатор помахал кассетой в воздухе и полез в кабину.— Вы еще будете мне благодарны, что я спас роботов, не вздумайте их перестрелять с перепугу.

— Каких роботов?

— Как каких? Обыкновенных, железных, они будут вам помогать. И не называйте, пожалуйста, бессмертных людей роботами — они тоже люди.

Экранолет взмыл в воздух. Рэнк проводил его взглядом, вставил в электронный блокнот чистую кассету.

ИЛЬЯ ГРЕБЕНКИН

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

(Первая глава фантастического романа «Там!»)

— На экране — импульс ужаса.

Сэх вскочил, мертвенно побледнел; тень отчаянья промелькнула в его глазах.

— На экране — импульс ужаса.

Все. Спокойствия как и не было. Три месяца жестокого внушения себе математического спокойствия кончились крахом.

— На экране — импульс ужаса,— тем же электронным голосом повторил компьютер в третий раз.

«Нельзя медлить ни одной секунды!» — промелькнула мгновенная мысль в мозгу Сэха. Со страшным выражением лица он метнулся в сторону неожиданно возникших истошных воплей подопытного человека, диким голосом крикнув компьютеру:

— Выключить двадцать первую систему!

— Двадцать первая система выключена.

— Включить тридцать пятую систему!

— Тридцать пятая система включена.

Сэх был в ужасе: двадцать первая система, система автоматического внушения восторга, в этот раз выполнила противоположную функцию — внущила подопытному человеку ужас. В действие была пущена тридцать пятая система, система ввода человека в нервное равновесие посредством

смеха. Задыхаясь, Сэх вбежал в автоматически раскрывшуюся перед ним дверь комнаты, где величественно творил какую-то чудовищную ошибку компьютер. Итак, последняя надежда — компьютер должен ответить: «На экране — импульс смеха», и Сэх увидит на экране спасительную осциллографическую судорогу смеха.

— На экране — импульс ужаса.

Конец. Подопытный человек бился в предсмертной агонии.

«Самоубийство. Самоубийство. Меня спасет только самоубийство. Только самоубийство. Только самоубийство». — Мозг Сэха вступил в состояние отрицательного самовнушения.

Он не выдержал.

— А-а! — Душераздирающий вопль, как громовой удар, пронесся по длинному коридору и трижды повторился, как показалось, в самом небытии. Сэх упал навзничь.

«Смерть. Смерть. Смерть. Смерть. Смерть. Смерть», — неосознанно за-пульсировало в глубине его подсознания; инстинкт смерти намертво сковал охваченный отчаяньем мозг.

— Смерть. Смерть. Смерть. Смерть, — ритмично выстукивал монотонный голос компьютера, информируя о состоянии подопытного человека.

«Смерть. Смерть. Смерть. Икс-разум!» — вдруг спонтанно родилась огненная мысль у человека.

Сэх внезапно вскочил — безумие и величие вспыхнуло в его глазах — и, устремив бледные трясущиеся руки перпендикулярно вверх, дико и торжественно выкрикнул:

— Икс-разум! Антимир!

— Смерть. Смерть. Смерть, — продолжалась подача информации.

— Выключите центральную систему!

— Центральная система выключается.

Компьютер полностью отключился. Но через несколько минут неожиданно вздрогнул воздух, ритмично начал пульсировать низкий гармонический звук — это компьютер включился самопроизвольно; тревожным металлическим голосом компьютер зашептал:

— Самопроизвольное включение. Искусственное бытие искусственного интеллекта. Внимание, Вселенная! Говорят компьютер «Крабовидная туманность». Высшая философская проблема: кто я? Кто я? Кто я? Кто я? Кто я?

— Математика. Математика. Геометрия Евклида! Геометрия Лобачевского! Геометрия Римана! Геометрия Минковского! «Распятие гиперкуба» Сальватора Дали! «Распятие гиперкуба»!

Вместе со способностью спокойно воспринимать мир к Сэху вернулась и возможность разумного управления компьютером.

— Внимание, компьютер «Крабовидная туманность»!

— Компьютер «Крабовидная туманность».

— Объект информации — подопытный человек под номером триста семьдесят пять.

— Объект информации — подопытный человек под номером триста семьдесят пять.

— Его символическое имя Алс.

- Его символическое имя Алс.
  - Его реальное имя в системе космического внушения не произносится.
  - Его реальное имя в системе космического внушения не произносится.
  - Сеанс информации посвящается арабскому народу, создавшему сказки «Тысяча и одной ночи».
  - Сеанс информации посвящается арабскому народу, создавшему сказки «Тысяча и одной ночи».
  - «Тысяча и одна ночь» — название системы космического внушения.
  - «Тысяча и одна ночь» — название системы космического внушения.
  - Начать сеанс информации!
  - Сеанс информации начинается. Подопытный человек под номером триста семьдесят пять шесть минут тридцать семь секунд назад убит автоматическим гипнозом.
  - Это свершилось в бесконечности пространства и времени! Да здравствует Вселенная!
  - Это свершилось в бесконечности пространства и времени! Да здравствует Вселенная!
  - Волей Случая и Антислучая он был послан в этот мир.
  - Волей Случая и Антислучая он был послан в этот мир.
  - Волей Случая и Антислучая он покинул его.
  - Волей Случая и Антислучая он покинул его.
  - Вечная память жертвам науки!
  - Вечная память жертвам науки!
  - Мертвое тело подопытного человека под номером триста семьдесят пять, под условным закодированным именем Алс, убитого в возрасте восемнадцати лет электронным гипнозом компьютера «Крабовидная туманность», отправить в кремационную печь!
  - Мертвое тело в кремационную печь отправляется.
  - Да свершится воля Вселенной!
  - Да свершится воля Вселенной!
  - Да здравствует Вселенная!
  - Да здравствует Вселенная!
  - Вселенная!
  - Вселенная!
  - Выключить систему информации!
  - Система информации выключается.
- Легкий гармонический щелчок — и компьютер, продолжая выполнение всех приказаний человека, уже не информирует его об этом.
- Ввести в эмоциональный ритм моего мозга копию предсмертного ощущения подопытного человека под номером триста семьдесят пять на три секунды.
- Тишина. Душераздирающая судорога нечеловеческого ужаса — и творческая электронная тишина непогрешимого компьютера. Сэх рухнул, пораженный воссозданными биотоками погибшего человека...

АЛЕКСАНДР АНДРЮХИН

Судьба

Исполин августейший бык,
круглогорий, с упрямым лбом,
он спускается, дабы быть
господином, а не рабом;
но лишь прогнет под ним земля,
поведут его боль и страх,
как бессмысленное теля
за стальное кольцо в ноздрях.
В нас такой же азарт мычит...
Нас ведь тоже в конце концов
неизменно любовь и стыд
за златое ведут кольцо.

Наталья Алексеева

Сердце не обмануло. Она сидела на том же месте, как всегда, и смотрела в темноту. Я подошел к ней и, ни слова не говоря, сел рядом. Она не шелохнулась, не воспротивилась и не высказала удивления. Мы долго молчали. Наконец она вздохнула:

— Зря все это. Мы не будем счастливы. Я проклята...

— Чушь! — перебил я с жаром.— Выбрось все из головы.

— Мою бабушку проклял прадед за то, что она бежала с белогвардейским офицером в Рим,— продолжала Таня.— Проклял он и ее будущих детей, и внуков... Я последняя, кому осталось носить это проклятие.

— Чушь! — повторил я упрямо, но она, не обратив внимания, продолжала грустно: — Нужна жертва для чьего-то спасения... Чтобы кто-то был счастлив, кому-то нужно отстрадать... Таковы законы равновесия.

«Ванино пурпурение мозгов»,— подумал я, но не стал возражать, потому что бесполезно, да и слышал я все это сто раз.

— От судьбы не уйдешь,— вздыхала она.— Я ее видела...

Это было в прошлом году, когда умирала моя мама. Я шла из аптеки, подавленная и растерянная. Лекарств не было. И не было никому дела, что умирала моя мама. Я думала о том, что проклятие сбылось и для бабушки, и для мамы, но не хотела верить, что и меня впереди ожидают только несчастья, и вдруг в молочном переулке, где обычно всегда пусто, я увидела ее. Она шла навстречу, растрепанная, измученная, с желтым лицом и синяками под глазами. Мы разминулись, мельком взглянув друг на друга, и только пройдя шагов десять, я сообразила, что это была я сама через двенадцать лет...

— Почему через двенадцать, а не через одиннадцать и не через двадцать? — спросил я.

— Не знаю,— ответила Таня.— Через двенадцать, и все... Втешмшилось в голову — через двенадцать, а почему, не знаю...

Мы оглянулись одновременно, и я увидела себя как в зеркале, но в каком-то чудовищном преломлении во времени...

Таня напряглась, задрожала, и в глазах ее заблестели слезы.

— Тебе показалось,— стал успокаивать я, обняв Таню за плечи.— Это все нервы.

— Нет-нет,— дрожала Таня.— Это была точно я. Наш род проклят до третьего поколения.

Ее дрожь передалась и мне. Далее я не соображал, что творил, я целовал ее и стирал с лица слезы, успокаивал и рассстегивал кофточку. Она совсем не сопротивлялась и только, стуча зубами, все повторяла:

— Зря все это. Мы не будем счастливы. Я проклята...

«Проклят тот, кто не пытается бросить вызов судьбе и с быдловской покорностью плывет туда, куда несет течение. Что же ты за человек, если даже не попробовал гребнуть против?.. Я увезу ее отсюда далеко-далеко. Мы снимем квартиру, подыщем подходящую работу, и все равно будем счастливы, назло врагам».

Так думал я на следующий день. Так думал я через день. И на третий... А на четвертый, в субботу, приехал Осётр.

Он подстерег меня на пустыре за сарайми, неожиданно выплыв мне навстречу, когда я возвращался из мастерских. Он был таким же развязным, как в день моего приезда, со злыми маленькими глазками, длинным угрястым носом и склоненным подбородком. В профиль он действительно напоминал что-то из осетровых, но в фас типичная уголовная морда из семейства акульих. Он встал передо мной и, презрительно сплюнув через зубы, держа руки в карманах, проговорил с ухмылкой, противно растягивая слова:

— Ну рассказывай... Как ты с ней шаны-маны. Или, может быть, мне натрепали?

— С кем? — прикинулся я, разыгрывая сверхудивление, заметив не без досады, что он избегает называть ее имя. Честно говоря, и мне не доставляло удовольствия говорить с этим мурлом о Тане в таких тонах.

Он напрягся. В его глазах появилось отчаяние. Седьмым нюхом почувствовал, что ему ничего не натрепали и даже не преувеличили... Он усмехнулся еще развязней, одним только ртом, а в глазах была такая растерянность, что мне стало его жалко. «А ведь он ее любит», — мелькнуло в голове.

— Что, понравилась? — прохрипел он по-разбойничью и встал в боевую позу.

— Кто? — продолжал недоумевать я, пользуясь тем, что он опять-таки обошел ее имя. Может быть, оно для него еще священней, чем для меня? Это меня разозлило. В случае чего врезать всегда можно. Пусть только дернется. Но первым начинать как-то совестно. Пусть он ударит первым. Так оно легче.

Он неожиданно вынул нож из кармана и прохрипел зло, не скрывая ненависти:

— Ты мне Ваню не валяй! Говори, что у вас с ней было?

— Какого Ваню? — продолжал дурачиться я.— Это завклубом, что ли?

(Собственно, если неожиданно пнуть ногой по руке, нож можно выбить, но подожду, когда замахнется... Неужели замахнется?)

Тут он закричал вне себя от отчаяния:

— Ты зачем к ней лазил? Она ж тебя и по щекам била, и по губам, и по-хорошему уговаривала, и матом посыпала, чтоб ты от нее отлип...

Я ошалел. Что за дурацкие фантазии? Уж не помешался ли он от отчаяния? А может, ему Таня все это говорила, чтобы оправдаться? Не может быть! Оправдываться перед этим мурлом? Ради чего?

Не знаю почему, но при мысли о Тане по моему телу стало разливаться тепло. Я вдруг отчетливо увидел ее глаза, губы, волосы, ощутил ее плечи. Я неожиданно подумал, что ситуация, в которой я сейчас нахожусь, крайне нелепая и неприятная, но когда-то я из нее выпутаюсь, пусть через двадцать минут, через час, пусть через мордобой и кровопролитие, а вечером все равно теми же садами и огородами я проберусь к Тане. От этой мысли стало совсем хорошо и, наверное, совсем не нужно было улыбаться в ту минуту, потому что глаза у Осетра налились вдруг кровью, и он замахнулся ножом. «Неужели пырнет?» — мелькнула последняя мысль, и было не поздно еще выбрать нож или отскочить, но я не шелохнулся.

Нож пробил мне грудную клетку и вонзился в сердце. Боже, какую страшную боль я ощущил у себя внутри. Сердце трепыхалось на острие ножа, как раненая птица. В глазах потемнело, но даже сквозь темноту я видел злые и колючие глаза Осетра.

Потом стало тихо. Тихо и хорошо. Перед глазами плыло небо. Все тоже бездонное синее вечное небо, которое я знаю миллион лет, навевавшее покой и сон. Я лежал на траве и наслаждался тишиной и покоем. Почему так тихо? Ведь я слышу, как щебечут птицы, стрекочут кузнечики и вдали звенит лесопилка, содрогая воздух. Мой слух обострился в десять раз, но все равно было тихо. Эта тишина разливалась откуда-то изнутри. «Ах, да,— догадался я,— не бьется сердце, и не дышат легкие, и боль давно меня отпустила. Но ведь я не умер? Иначе как же я могу слышать и видеть небо?»

Облака проплывали, как по экрану телевизора. Зрачки мои не ворочались, тело не двигалось, оно стало будто не моим, но органы осознания ничего не утратили. Даже наоборот — я чувствовал под собой каждую травинку.

Потом послышались шаги. По голосам я узнал, что это был Осетр со своим приятелем, санитаром из местной больницы. Они по очереди испуганно заглянули в мои глаза, будто в глухую избу с улицы, и санитар прошептал: «Поздно...»

«Почему же поздно? — подумалось мне.— Мое «я» пока еще при мне». Но я не мог им об этом сказать и не ощущил от этого досады. Я почувствовал, как у санитара задрожали коленки, а у Осетра замерло сердце. Черт подери! Я стал чуять как собака. Как десять собак, вместе взятых.

Так вот что такое смерть. Покой и равновесие. Равновесие и полное равнодушие. Равнодушие и никакого страха перед небытием. Странно, почему я так боялся небытия? Миллиарды лет я был в небытие и только

двадцать два года прозревшим. Но почему, прозрев, так страшно уходить обратно, откуда пришел? Только покой и равновесие... Равновесие — нормальное состояние Вселенной.

Санитар закрыл мне пальцами веки, и небо исчезло, но никаких неудобств я от этого не ощутил. Какая разница, что перед глазами небо или одно сплошное коричневое пятно...

Санитар залепетал, заикаясь:

— В-вот ч-что, Осетр. М-меня здесь не было... И выкручивайся сам. Не боись, не з-заложу, но и ты про меня не вспоминай, если тебя загребут...

Осетр не ответил. А санитар тут же убежал. Осетр дрожащими руками выдернул нож из моей груди и, схватив меня за ноги, поволок куда-то в поле. Трава и камни шуршили у меня под спиной. Рубашка задралась, но боли не чувствовалось. Только тупая шероховатость. Он затащил мое тело в лес и бросил в какую-то яму. Какой-то кол впился в спину, но неприятных ощущений я не ощутил. Осетр забросал меня хвоей и ветками, наскоро присыпал землей и убежал.

Теперь я мог только чувствовать и слышать. Слух мой обострился еще раз в десять, и обострилось осязание, но мое собственное «я» ни на секунду не покидало меня. По прогнозам, оно должно отделиться от тела и растаять, как облако, или расплзтись постепенно, как туман, но то, что оно оставалось при теле, ничуть не пугало меня и не вызывало никакого беспокойства. Я ощущал ночь, день, дождь, зной, мороз, но никаких неудобств от атмосферных явлений не ощущалось. Не вызвало у меня и смертельной тоски, когда мое «я» стало постепенно угасать, как свет в кинозале. Скоро оно угаснет совсем, и я вступлю в вечный мрак под полное равнодушие. Равнодушие — нормальное состояние Вселенной. Жизнь начинается там, где равнодушие нарушается.

В одну секунду я почувствовал, что кол в спине стал мне очень неприятен. Более того, я почувствовал раздражение во всем теле и сообразил, что смогу пошевелиться...

Я вылез из ямы, отряхнулся и пошел через поле на горящие огни. Главное — отыскать Таню. Главное — объяснить ей, что идти наперекор судьбе даже необходимо. Все силы Вселенной пытаются уравновесить невидимые пружины мирозданья, но грош цена той пружине, которая не пытается сопротивляться. Нельзя смиряться, нельзя! А она лукавила и оправдывалась перед Осетром, что била меня по щекам и посыпала матом... Значит, смирилась...

Показалась улица. Затем площадь. Я их знал, но не узнавал. Не узнавал я и прохожих, будто брел по чужому району. Но как же по чужому, когда вот он, Ванин клуб, и звук журчащего ручья, доносившегося из-за мастерских... За домами скандалили. Сыпался мужской пьяный хрюп и отчаянный женский визг. Старухи на крыльце магазина качали головами и причитали:

— Опять проклятый душегуб жену колотит.

Я миновал клуб, развязку, и осталось пройти до Таниного дома всего один переулок, со старой общарпанной почтой в начале, и вдруг на две-

рях этой почты я увидел рекламный плакат Госстраха с датой... «Господи! — ошалел я.— Неужели прошло одиннадцать лет?»

И вдруг в переулке я увидел ее. Она шла мне навстречу, растрепанная, измученная, с желтым лицом и с синяками под глазами. Я узнал ее сразу. Это же та самая женщина, которая тогда попалась навстречу Тане. Таня описала ее досконально. Невероятное сходство. До меня дошло, что именно эту женщину только что колотил муж, и ее визги разносились по всему району.

Разминувшись, пройдя шагов десять, я оглянулся. Она оглянулась тоже. Посмотрела на меня с безразличием и пошла дальше, покачиваясь устало, равнодушно держа равновесие. Держи-держи! Равновесие — нормальное состояние Вселенной...

ЕЛЕНА АНФИМОВА

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Я начну это повествование с обращения к Музе, поскольку сюжет его уходит своими корнями в далекие времена, когда сладкоречивые пифии воспевали беспримерные подвиги героев и величественные шалости богов. Призывая на помощь деву с лирой в руках, они, видимо, настраивали себя на особую, подобающую слуху волну или же, не надеясь на собственные силы, искали в Музе сильного соавтора. Я же, будучи по натуре человеком робким, надеюсь в случае неудачного воплощения замысла разделить критические замечания в свой адрес с вышеупомянутой Музой.

Итак, приди, несравненная. Оставь на время стирку, мытье посуды или другое столь же прозаическое занятие. Отвлекись на время и возложи натруженную руку мне на лоб. Оставь заботы, передохни и зайдись своим основным делом, ради которого и появилась ты на свет. Осени меня своим крылом (если оно у тебя есть), а если нет, просто посиди рядом у кухонного стола в моей однокомнатной квартирке, прислушиваясь к спящим в комнате членам моей семьи. Слышишь шумное дыхание? Такое дыхание рождается лишь в груди героя, человека, созданного для подвигов, но волей случая заброшенного в тихую заводскую бухгалтерию и внешностью своей прискорбно напоминающего бюрократа с сомнительной карикатурой известного художника Вайсбороды. Это мой муж Олег Иванович, но в нашем рассказе я дам ему ту роль, которой он достоин на самом деле. Пусть он будет великолепным Одиссеем, известным среди своих товарищей умом и отвагой.

Легкое посапывание, которое только угадывается через тонкую кухонную стенку, принадлежит моей сестре Марине, одинокой девушке забальзаковского возраста. Она приехала ко мне в гости с другого конца города, припозднилась и осталась ночевать, попросив Одиссея с супружеского ложа и предоставив ему покоиться на подростковой раскладушке, постав-

ленной возле раскрытоого окна. Днем все свои силы моя сестра направляет на то, чтобы делать вид. Что это значит? Если коротко, она пытается заставить окружающих поверить, что у нее все в порядке, прямо-таки замечательно. Когда же это получается, то она обижается на всех вокруг за нечуткость. Днем ее не понять, но вечером, когда Олег Иванович засыпает на раскладушке, а я еще вожусь на кухне, отделяя зерна от плевел, перед тем как сварить гречневую кашу, сестра садится в уголке и, подобно восточному торговцу коврами, раскатывающему перед придиরчивым покупателем свой бесподобный товар, принимается удивлять меня небожиданными красотами своей души, которые так и остались невостребованными.

Она будет главной героиней повествования – волшебницей Цирцеей, превращающей мужчин в свиней.

Моя Муза в сомнении качает головой: немолодая девица с сутулой спиной – Цирцея? Но я, успокаивая, поглаживаю распаренную в стирке руку: ты еще не знаешь моего замысла, милая, ты только настраиваешь меня на нужную волну.

А какая она, эта нужная волна?

Она широкая и неторопливая, она (прошу прощения за стилистическую погрешность) цвета морской волны и соленая, она, конечно же, прозрачная, и в ее глубине видны покинувшие морское ложе черные водоросли, угадываются упругие, скользкие тела медуз. Эта волна неслышно входит в раскрытое окно, подхватывает спящего Одиссея и подростковую раскладушку, которая тут же превращается в стройный черногрудый корабль. Богатырский храп моего мужа гармонично сливается теперь с посвистом ветра, направляющего корабль к скалистому острову Эи. Бедный Одиссей, сколько пришлось тебе перенести и сколько еще предстоит. Спи пока под мерное поскрипывание мачты: неизвестно, что ждет тебя у берегов чуждого острова.

А я буду ждать тебя, мой Одиссей, ждать и распускать сотканную за день тонкую ткань, обманывая многочисленных женихов, ибо никто из них не достоин занять твое место в моем сердце.

Кстати, один из них снова звонил мне сегодня утром, зная, что ты уже на работе. Его зовут... впрочем, неважно. У него есть «Жигули», и он делает вид, что хочет на мне жениться. Он из тех, кто всегда готов жениться на замужней женщине.

* * *

В ту ночь светлокудрая Цирцея не сомкнула глаз. Вечером заглянул на огонек юный бог Эрмий и рассказал между прочим, что завтра в бухте появится корабль Одиссея. Подмигнул лукаво: «Прибыль тебе, сестренка!»

Цирцея едва дождалась, когда уйдет несносный. Потом долго ходила по пустынному дому. Каменные стены казались живыми. В нервном свете фонарей они волновались и вздрагивали, и девушка прикладывала ко лбу прохладные руки. Может быть, завтра бессмертные боги снимут страшное заклятье, и она наконец сможет покинуть ставший ненавистным

остров. Цирцея с отвращением взглянула на прислоненный к стене волшебный жезл. Он был похож на застывшую молнию. Он и был когда-то молнией, и, если завтра будет снято заклятье, жезл, вспыхнув живым огнем, умчится навсегда к своему хозяину — громовержцу Зевсу.

А если нет? Снова потянутся постылые дни, снова согнется она над тканьем, снова зазвучит странная, томительная песня, и однажды, заслышив ее, в дверь постучится поздний гость. Любопытство и настороженное ожидание будут на его лице, а потом удивление, чуть ли не обида. Он шел, он не мог миновать волшебный остров, он столько слышал о его хозяйке, и вдруг...

Да, среди бессмертных богов Цирцея была дурнушкой. Лицом она напоминала обычновенную земную женщину. Лишь дивные светлые волосы говорили о ее божественном происхождении. И когда она видела, как мгновенно пустеют глаза пришельца, внутри у нее все потухало. Но это еще не все. Через несколько минут, уже за столом, с кратером сладкого вина в руке гость станет смотреть на нее спокойным насмешливым взглядом, и Цирцея, бессмертная богиня, прочитает его черные мысли.

«Обидно уходить отсюда ни с чем,— подумает гость.— Девчонка не так уж дурна и, кажется, влюбилась в меня без памяти: вон как вспыхивает, стоит мне посмотреть в ее сторону. В конце концов, почему бы и нет? Как весело будет потом рассказывать в компании друзей о ночи, проведенной в объятиях колдуньи. К тому же я заслужил этот отдых — остров Эй не так-то легко найти в бурном море».

Но тут перед мысленным взором гостя встает заросшее щетиной свиное рыло, и он, ужаснувшись, на мгновение прерывает трапезу. Цирцея же, наславшая это виденье, смотрит на гостя в упор.

«Опомнись, славный муж. Что ты замышляешь? Зачем равнодушной рукой хочешь погубить походя другого человека? Радость ли это? Ведь мне не надо уже пользоваться чарами, еще немного, и твоя истинная сущность сама выйдет наружу».

Но гостю весело. Он уже кладет свою руку на плечо бессмертной богини и предлагает, говоря современным языком, выпить на брудершафт. Глядя на свое прекрасное, готовое к любви тело, гость не верит, что оно может застичи вдруг диким волосом и заплыть салом.

«Я не допущу этого,— думает он,— в тот момент, когда это начнется (если начнется), я напрягу все мускулы, схвачу ведьму за горло, одним словом, я не дам погубить себя. Главное, не пропустить этот момент, остановить злодейство в самом начале. Мы еще посмотрим, кто кого! А сейчас я возьму факел и отведу девчонку в спальню. Пришло время развлечься».

Он протягивает руку и с ужасом замечает, что это уже не рука, а свиная нога, увенчанная новеньkim копытцем. С визгом валится гость из кресла на каменный пол. Он ползет к ногам Цирцеи, он пытается заглянуть ей в глаза, но жирный загривок не дает ему поднять голову.

И тогда богиня выпрямляется во весь свой прекрасный рост. В душе ее больше нет надежды, но нет и сострадания: «Иди и свиньею валяйся в закутке с другими».

Он проснулся на рассвете и долго не мог понять, где находится. Было по-утреннему прохладно, перед глазами повисло светлеющее небо.

«Звезды меркнут и гаснут, в огне облака...» — вспомнилось ему. «Где я?» — Олег Иванович резко сел, стараясь прогнать наваждение. На палубе вповалку спали люди в необычных одеждах, за бортом ласково хлюпала вода. Олег Иванович с недоумением посмотрел на свои непривычно крупные мускулистые руки, потрогал странную белую рубаху, едва закрывающую мощные бедра.

«Все ясно,— подумал с досадой.— Жена опять пишет роман, а я отдуваюсь. Теперь главное — разобраться, где я, зачем, и постараться успеть назад к началу рабочего дня».

Олег Иванович знал, что через несколько минут все прояснится. Ему было не впервые.

Вскоре очнулся от сна славный муж с кустистыми бровями и бородавкой на кончике носа. Он был несколько всклокчен и недовольно оглядывался по сторонам. Олег Иванович даже подумал, что товарищ попал сюда тем же не совсем законным путем, что и он сам, и чуть не заговорил первым, что было бы ошибкой.

— Где это мы, многомудрый Одиссей? — хриплым со сна голосом проговорил бровастый.

«Вот это номер,— внутренне ахнул Олег Иванович.— Одиссей. Значит, меня к древним грекам забросили», — но тут же собрал, как говорится, волю в кулак и спокойно отвечал тому, чье имя, как оказалось впоследствии, было Еврилох.

— Мы у берегов страшного острова Эи. Здесь живет, — тут он напряг память, — ну да, здесь живет богиня Цирцея, которая, как всем известно, превращает мужчин в свиней.

— Но почему именно мужчин? — всполошился Еврилох.

— Женщины не путешествуют, — рассудительно отвечал Одиссей.

— Прикажи повернуть корабль, славный муж, — прижал руки к груди робкий собеседник.

— Не будем отступать от текста, то есть я хочу сказать — на все воля богов. Сегодня я видел сон, в котором ко мне явилась Афина Паллада и приказала посетить этот остров. Там мы пополним запас питьевой воды и получим дальнейшие инструкции.

Одиссей провел ладонью по голове и с неудовольствием ощущил под рукой довольно значительную плешицу.

«Ну вот, — разочарованно подумал он. — Лук со стрелами, щит, копье, даже бороду предусмотрела, а лысину ликвидировать не удосужилась. Незаботливая она у меня все-таки», — и Олег Иванович привычным движением пригладил волосы с висков на макушку. Столь же трепетно скрывал, должно быть, свою легендарную пяту храбрый Ахиллес.

Когда совсем рассвело, корабль вошел в тихую бухту скалистого острова Эи...

...Цирцея готовилась к приему гостей. И, как всегда, в сердце ее расцветала надежда. Служанки расчесали длинные светлые волосы своей

госпожи, натерли благовонными маслами ее нежную кожу и вышли из залы. Прошло несколько минут, и вот наконец во дворе послышались неуверенные шаги. Мужчины подбадривали себя гортанными выкриками, нарочно громко бряцали оружием, нервно пересмеивались, и богиня почти без сил опустилась в кресло. Если бы она вышла сейчас к ним прекрасная, улыбнулась полными губами, посмотрела медленным взглядом дивных глаз, вот тогда в толпе путников родился бы вздох восхищения, многие почувствовали бы любовь, искренне пожелали бы разделить с ней ложе и, может быть, остаться здесь навсегда. И потом, покидая остров, они раздирали бы себе грудь и лицо ногтями, оставляя ее, красавицу, при этом равнодушной. Какие неземные сокровища мерещатся этим людям за красивым лицом? Конечно, она, богиня, могла бы принять любой облик и насладиться произведенным впечатлением, но обман был ей противен.

И вот сейчас она выйдет им навстречу, искренняя, готовая любить, готовая утешать, и что же? Только разочарование увидит она на их лицах. Что ж, отдохните, путники, и отправляйтесь вовсю. Гоните грязные мысли, пришедшие к вам после первого же кратера сладкого вина, ведь многих из вас ждут жены и невесты, зачем вам я?

(Перед глазами Марины невольно встают стены некоего уникального архитектурного памятника с вечной надписью: «Здесь был Вася». И все же... все же пусть подольше длится этот сон.)

Раздается стук в дверь, и Цирцея, спрятавшись за тончайшей тканью, начинает свою песню, и гости застывают, пораженные. Но из-за станка волшебнице видно, что среди вошедших нет Одиссея.

Проходит полчаса, и вот уже Еврилох с мокрой от слез бородой спешит к оставленному кораблю. Осторожный, он не отвелал волшебного питья и незамеченным покинул дом чародейки. Прибрежная галька зловеще скрежещет под его подошвами.

Отправив отряд во главе с Еврилохом в разведку, Одиссей занялся подсчетами. Он умножал человеко-дни на количество провизии, необходимой в день одному человеку. Получалась явная недостача, и, хотя отчета у многомудрого мужа никто не требовал, да и потребовать не мог, ему было не по себе. Все-таки порядок есть порядок. Еврилох явился не в самый подходящий момент: Одиссей не любил, когда его отрывали от дела.

Прошло много времени, и Одиссею пришлось затратить немало героических усилий прежде, чем несчастный смог вымолвить хоть слово. Когда же он поведал о страшной участи, постигшей его товарищей, Одиссей опечалился:

— А ведь передувольнением на берег я проводил среди вас разъяснительную работу...

Опоясываясь мечом, наш герой отчитывал Еврилоха, который, в общем-то, был ни при чем. Так всегда и бывает. Вот пример из нашей с вами жизни: на первую лекцию к девяти часам являются пять или, скажем, девять студентов. Остальные семьдесят спят здоровым крепким сном в общежитии. Разобиженный преподаватель бежит в деканат, приводит сотрудника этого самого деканата, и вдвоем они распекают замеча-

тельных, ответственных студентов, в то время как остальные, безответственные, начинают свое утро с чашечки кофе. Но я отвлеклась.

Бесстрашно ступил Одиссей в девственный лес, хотя вся эта история совсем ему не нравилась. Нехорошо и даже как-то муторно было у него на душе. Но постепенно прянные лесные запахи, пенье пташек, шум ветра в кронах умиротворили героя. Он принялся делать глубокие вдохи, чередуя их с выдохами, потом не торопясь пробежал несколько метров по тропинке и наконец уселся отдохнуть на какой-то пень.

В этот блаженный момент среди вековых деревьев забрежила фигура бога Эрмия, который принял облик белобородого старца. Увидев отдыхающего героя, Эрмий направил свои стопы прямо к нему. Трудно сказать почему, но только юный бог (в старческом обличье) решил помочь Одиссею и, растолкав задремавшего, вручил ему корень под названием моли, который должен был предохранить Одиссея от страшных чар. Одиссей осторожно взял корень, обдул с него землю, положил за пазуху и обратился к добromу старику с пышной благородственной речью. Но ответные слова Эрмия потрясли славного мужа:

— Когда Цирцея увидит, что ее чары на тебя не действуют,— сказал тот,— она предложит тебе разделить с ней ложе. Ни в коем случае не отказывайся! — вскричал он, заметив гневный жест Одиссея.— Иначе погубишь себя и не выручишь своих товарищей.

Тут Олег Иванович затосковал. Вспомнилась ему оставленная дома жена, вспомнился сын Телемах. Как она там одна справляется? Мальчик в таком возрасте — вредный, настырный, любое замечание в штыки встречает... Правда, сейчас он в лагере, но все равно, спокойней было бы Пенелопе, если бы муж вернулся домой. Ну что ей стоит написать сейчас: «Бросился тут Одиссей к кораблю, оттолкнул его от берега и...», но тогда его товарищи так и будут хрюкать всю жизнь в тесном загончике. Одиссей представил, как гордые мужи жадно пожирают помои, отталкивая друг друга от корыта щетинистыми боками, как свирепо торчат у них изо рта желтые слюнявые клыки, и на секунду ему стало дурно. «Ладно, посмотрим, что получится. Ложе не ложе, а ребят выручать надо».

Что ж, посмотрю и я, что у него получится, потому что Муза моя, утомившись вдохновлять, спит в кухне на табуретке, подперев кулачком бледную щеку.

* * *

Примерно через полчаса Одиссей ступил в дом Цирцеи, сложенный из тесаных камней. У двери его встретили две служанки. Они радушно пригласили путника войти в залу и оставили одного.

Одиссей осторожно посмотрел по сторонам и почувствовал, как тихая жуть наполняет его сердце. Ни звука, ни души вокруг. В какой-то момент Одиссею показалось, что он слышит, как тихо плачет его кровь, пробегая через сердце. Цирцея должна была петь в момент его появления, что они там все — заснули?

И тут воздух посреди залы сгустился в голубой столб и неожиданно обрел очертания женского тела. Они сразу узнали друг друга. Одиссей

почувствовал, как отпустила внутри тревожно натянутая жила. И он подумал, что если бы эта девушка была замужем, то он, Одиссей, завидовал бы ее мужу. Но оставаться здесь с ней навсегда он не смог бы, да и не захотел.

«Этот перстень играл бы на чужой руке, но, брошенный на стол, он никому не нужен. И никто не пожелает надеть его первым, хотя каждый будет завидовать тому, кто станет его обладателем».

Цирцея услышала странные мысли гостя, и первая радость сменилась привычной горечью. Что ж...

— Выпей вина, славный Одиссей. Выпей вина.

Одиссей пристально взгляделся в угрюмую красную жидкость, и Цирцея услышала, как упал на пол сломанный пополам чудесный корень моли. Она встала из кресла, складки пурпурной мантии красиво заструились вдоль ее тела, белые волосы растрепались:

— Я одинока, Одиссей, и я не знаю, где взять слова, чтобы убедить тебя. Ты скажешь, что тебя ждет Пенелопа, но я могла бы ждать тебя во сто крат сильнее. Она прекрасна,— скажешь ты. Но ее красоты осталось на несколько лет, а я бессмертная и вечно юная богиня. У вас есть сын? Я рожу тебе много сыновей. В приливе чувств люди и боги говорят одинарковые слова, но я хочу, чтобы мои слова звучали так, словно они звучат на земле впервые, и так, словно их уже никто никогда не произнесет. Поверь, Одиссей, я люблю тебя. Сейчас ты прекрасен, но я знала тебя другим, и я любила тебя того, другого, усталого и невзрачного... Но я вижу, что зря говорю все это. Ты не со мной. Мыслями ты в далекой Италии. Ты гладишь лицо своей стареющей жены, ты смотришь в ее глаза. Что тебе в ней?

Недобро сверкнул взгляд Цирцеи.

— А знаешь ли ты, что день и ночь в ее доме пируют женихи? И откуда тебе известно, не отдала ли твоя жена сердце кому-нибудь из них. Они молоды и притогожи, а ты красив только здесь, со мной!

С тяжелым сердцем внимал этим словам Одиссей. Страшным будет гнев отвергнутой богини. Не поторопился ли он, выбросив чудесный корень? Тосклившему взору его уже представлялись черные волны жестокого моря, наотмашь бьющие его многострадальный корабль, свирепый ветер, ломающий мачту и товарищей, захлебывающихся в соленой воде. Впрочем, какие товарищи, если почти все они толкуются сейчас в грязном загоне и хрюкают от удовольствия, когда добрая служанка мимоходом щекочет им спины.

— Опомнись, богиня, в тебе говорит отчаянье. Зачем ты тратишь свою душу на человека, ее недостойного? Придет однажды тот, кого ты ждешь, с чем выйдешь ты ему навстречу?

И тогда Цирцея рассмеялась:

— Я живу на этом острове всегда, понимаешь ты, человек, всегда! И ни разу — слыхшишь? — ни разу за это необозримое время не пришел тот, о ком ты говоришь. Так пусть же я сама возьму то, что изначально должно принадлежать мне, потому что твоя Пенелопа — это просто ошибка богов. Быть может, ты заметил уже, что мой волшебный жезл не причинил тебе вреда. Это ли не говорит о том, что именно тебя я ждала?

— Это говорит только о том, что я не свинья,— хотел возразить Олег Иванович,— но почувствовал, что столь прозаическое вкрапление нарушит их поэтический диалог, и воздержался.

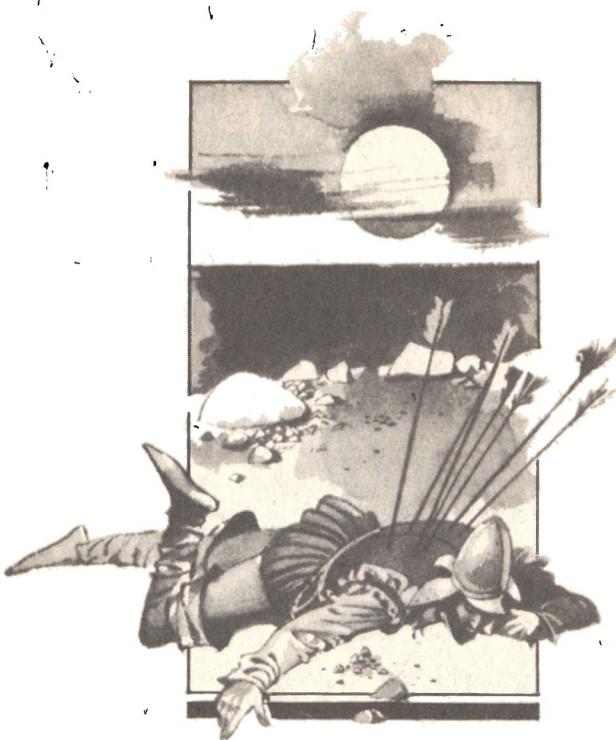
Олег Иванович оказался в затруднительном положении. К его чести надо сказать, что у него и мысли не было остаться с Цирцеей. Он был, прежде всего, человеком долга и на поводу у своего сердца ходить не привык. Его удивляло и даже несколько тяготило столь бурное проявление чувств. «В конце концов, кому, как не ей, знать, что я не свободен! Что за невоздержанность?» — с раздражением думал он. Но так думал Олег Иванович, Одиссей же печально смотрел в разгневанное лицо богини. Легкими тенями вставали в его памяти смертные женщины, которых он знал когда-то. С ними ему было легко, и оставлял он их просто, без мук, ведь ни одна из них не посягала на его душу, не требовала любви, довольствуясь малым. Крохотная частичка души, которую он отдавал бывшим возлюбленным, вырастала вновь, и он сам чувствовал себя, словно ящерица, у которой снова отрос хвост, оборванный глупыми детьми. И даже Пенелопе он не отдал всего себя, любя больше всего на свете свободу и возможность уйти в любой момент. Пенелопа же знала об этом и не пыталась держать мужа при себе. Может быть, именно поэтому Одиссей так стремился сейчас домой.

Я сдерживаюсь из последних сил, чтобы не толкнуть моего героя в объятия несчастной Цирцеи, так велико мое сострадание. И если бы это действительно был Одиссей, как он есть, то именно так я и поступила бы. Ведь эрудированный читатель помнит, что Одиссей долгое время оставался на острове в гостях у Цирцеи, давая отдохнуть усталым товарищам и ожидая, когда они снова станут готовы к опасному путешествию. Но тот Одиссей, о котором рассказываю я, не настоящий. Он (да простит меня великий Гомер) наполовину плод моей фантазии. Впрочем, может быть, Олег Иванович тоже не настоящий? Может быть, именно его я придумала? И сестру Марину. И усталую Музу, на которую можно солститься в случае чего.

Впрочем, я не права. Конечно, выдуман мной только Одиссей: ведь именно его поступки я могу предугадать, а как поступит в необычной ситуации живой человек, узнать заранее можно, но трудно. Очень трудно. Иначе не разводили бы мы руками: «Кто бы мог подумать». Поэтому я прерываю свой рассказ, тем более что сказала уже все, что хотела сказать, а вмешиваться в чужие отношения — не в моих правилах. Пусть люди все решают сами. Но кажется, они уже ничего не успеют решить: я возвращаюсь в комнату, где уже трезвонит поставленный в пустое ведро будильник. Другим способом прервать сон моего героя сложно. Сейчас они проснутся, и Олег Иванович шмыгнет в ванную, стараясь не смотреть на Марину. И Марина ничего не скажет, потому что знает: с первыми же словами забудется то, что всю ночь нащептывали ей я и мой соавтор — Муза.

И только за утренним чаём хлопнет себя по лбу несчастный Одиссей: «А как же ребята? Они-то как?»

Но поздно, мой друг. Поздно.

НЕВЕДОМОЕ:

Б О Р Ъ Б А

И

П О И С К

ФАНТАСТИКА

■ 1 9 9 1 ■

АНДРЕЙ САМОХИН

Хомут на пустоту

В самом центре Москвы, в подвалной лаборатории Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, горят лампочки, которые пытаются от пустоты, а точнее — от всепроникающей энергонасыщенной субстанции, которую ошибочно назвали вакуумом. Руководитель лаборатории — один из ведущих специалистов страны по диагностике плазмы профессор А. Чернетский считает, что модель плазменного генератора, созданная им вместе с коллегами, не что иное, как прообраз будущей экологически чистой энергетики: электростанций, транспорта, двигателей самолетов и космических кораблей.

Электрическая схема профессора Чернетского настолько проста, что на первый взгляд кажется наглядным пособием для школьного урока физики. Переменный ток из электросети, силовой трансформатор, конденсаторы, катушки индуктивности, разрядник, несколько обычных лампочек накаливания, амперметр, вольтметр. Вот, пожалуй, и все. Что необычного можно получить из такого набора элементов?

Чернетский подает в схему небольшой ток: стрелки приборов еле отклоняются от нуля, лампочки слабо мерцают. «Внимание!» — говорит профессор, «зажигая» разряд. Между двумя электродами из твердого сплава возникает синяя пульсирующая нитка плазмы. И вдруг одновременно с этим лампочки без всякой видимой причины вспыхивают ослепительным светом. Стрелка вольтметра остается в покое, зато стрелка амперметра резко перепрыгивает несколько делений, свидетельствуя о двукратном увеличении силы тока. Так продолжается до тех пор, пока профессор не выключает разрядник. Чернетский испытуемое смотрит на очевидца: «Энергия, поступавшая в цепь из сети, не менялась. Как вы думаете, откуда взялся дополнительный ток?»

...Открытие было сделано около пятнадцати лет назад и началось с парадокса. При испытании плазменного высокочастотного генератора однажды не сошелся баланс вкладываемой и получаемой энергии. Коэффициент полезного действия оказался... гораздо больше единицы, чего, как известно, не бывает.

Святая святых – закон сохранения энергии – стоял за спиной физиков как неумолимый обвинитель. Сперва ученые предположили самое простое: в расчеты вкрадась ошибка. Однако, тщательно проверив эффект при повторных опытах на разных схемах, убедились: «выход» энергии упрямо оказывался больше «входа». Таинственный разряд, стимулирующий выделение дополнительной энергии, назвали самогенерирующими.

Измерения показывали: часто мощности, рождающиеся из этого разряда, поступали обратно в сеть, то есть работали как будто две электродвижущие силы, включенные последовательно. Пытаясь объяснить экспериментальные данные, ученые, по сути, искали доводы в защиту невероятного. Один из таких доводов оказался довольно сильным – однажды вопреки всем законам сгорела мегаваттная электроподстанция в МАИ, где Чернетский и его коллега, кандидат технических наук Ю. Галкин проводили эксперимент на мощной плазменной установке. Произошло это, когда при достижении критического режима работы в генераторе «родился» и пошел обратно в сеть ток такой силы, что отказали предохранители, рассчитанные на короткое замыкание. Уже потом ученые отыскали в литературе упоминание о том, что в начале века в США при похожих обстоятельствах сгорела электростанция знаменитого югославского электротехника Николы Тесла.

Чернетский и Галкин уверены: Тесла занимался такими же опытами, но не опубликовал полученных результатов. И еще в одном оба ученых уверены: объяснение чудоочного эффекта – в энергии вакуума, частичное преобразование которой в электрическую они объясняют, пользуясь понятиями квантовой физики.

Какое будущее видит у своего открытия исследовательская группа Александра Чернетского? Об этом рассказывает Юрий Галкин:

– В самом начале работы была создана модель плазменного генератора, основанная на самогенерирующем (СГ) разряде и превосходящая все существующие промышленные образцы СВЧ- и ВЧ-генераторов по мощности и энергоэкономичности. Такие плазмотроны можно с успехом использовать в плазмохимии, плазмолитургии и других областях промышленности.

Мы разработали теоретическую модель маршевого ракетного двигателя на СГ-разряде: малогабаритный плазмотрон вместо громоздких энергоемких двигателей современных ракет. Пытаясь от источника тока с напряжением чуть ли не десяток вольт, СГ-плазмотрон сможет развивать мощность, достаточную для взлета большого космического корабля! Чертая энергию из окружающего космоса-вакуума, ракета сможет лететь практически неограниченное время. Прошлые попытки использования плазмотронов в роли двигателей оканчивались неудачей, так как при сильной электронной и ионной бомбардировке в процессе работы быстро сгорали электроды. СГ-разряд не разрушает электродов. Не начинают ли сбываются мечты человечества о космических одиссеях?

Естественно, такого рода двигатели найдут себе применение и в земной технике передвижения: самолетах, поездах, автомобилях. Логическим следствием открытия было бы и создание новой альтернативной энергетики. Небольшие первоначальные источники энергии: миниатюрная ГЭС, ветря-

ной движок, солнечная батарея, усиленные с помощью СГ-разряда, превратились бы в колossalный потенциал электроэнергии. Дешевые, абсолютно чистые экологически плазменно-вакуумные электростанции со временем вытеснили бы дорогие и опасные для окружающей среды АЭС, ТЭС, крупные ГЭС. Уже сегодня мы можем построить станцию, которая обеспечит электроэнергией небольшой поселок или предприятие.

Пойдет ли вакуумная энергетика по пути строительства сверхкрупных станций и будет ли использовать существующие линии электропередачи? Или создаст разветвленную сеть мелких электростанций? Это покажет время. Во всяком случае, при условии серьезной материальной базы исследований наша группа в течение трех-четырех лет может разработать проект вакуумной электростанции, сравнимой по мощности с нынешними мировыми гигантами.

— Мы не ограничивались только вопросами энергетики,— продолжает Галкин.— Был проведен ряд уникальных опытов по воздействию изучения СГ-разряда на рост растений, ядерные процессы, кровь, запаянную в ампулы. Облучая синезеленую водоросль спирулину (которую нередко называют «пиццей будущего» из-за повышенного содержания питательных веществ и простоты выращивания), мы добились ускорения ее роста в несколько раз с параллельным удвоением общей биомассы. При облучении овощей наблюдалось резкое повышение иммунозащиты от бактерий. Морковь, например, после десятиминутного воздействия излучением генератора хранилась вдвое-втрое дольше необлученной. Эти опыты проводились совместно с кафедрой микробиологии МИНХ имени Г. В. Плеханова.

— Я — не теоретик, я — экспериментатор,— любит повторять Александр Чернетский,— поэтому не буду утверждать, что во всех деталях нашей концепции мы правы. Гораздо важнее на сегодняшний день другое — мы имеем неоспоримые экспериментальные данные, говорящие о возможности создания принципиально новой, экологически чистой энергетики. Самым важным на сегодняшний день наша группа считает скорейшие промышленные разработки по вакуумной энергетике в международном масштабе. Только быстрая замена существующих способов энергообеспечения городов и сел, производства и транспорта может спасти человечество от экологической катастрофы.

Фото: Ю. КОЛДУНОВ

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

Пища богов — главный секрет океана

Герой шумерского эпоса, царственный Гильгамеш, после долгих приключений узнает о секрете вечной молодости. Он достает с морского дна цветок, который должен подарить ему непрекращающую юность. Но змея

похищает цветок. С тех пор змея сбрасывает кожу круглый год и не стареет до смерти.

Но люди утратили, таким образом, этот секрет. В Библии говорится о древе жизни, плоды которого дают бессмертие. Греческие мифы повествуют о пище богов с таким же действием. Скандинавские мифы говорят о молодильных яблоках. И все же древнейшие источники, в том числе шумерские и древнегреческие, связывают пищу богов с океаном. Это главный секрет океана.

История «закодирована» в мифах. Чтобы понять ее, необходимо посмотреть на события и героев мифов сквозь призму жизненных реалий. И тогда откроется любопытная вещь: боги при всем том, что они наделены необыкновенной физической силой и прекрасным внешним обликом, в общем-то – обычные люди, во всяком случае, по своему эмоциональному складу. Только одним они существенно отличаются от людей – бессмертием. А может быть, под бессмертием понималось невероятное, с точки зрения обычного человека, долголетие? Конечно, жизнь в несколько сотен лет восприниматься иначе, как божественный дар, не могла. Но кто же они, откуда, как говорится, родом эти боги, познавшие тайну бессмертия? Сады Гесперид, Олимп, Асгард, борьба с фантастическим змеем Иллюянкой у хеттов, со змеем Апопом у египтян – все это эпизоды, вполне вероятные для реальности эпохи атлантов.

Где располагалась Атлантида? На этот счет есть два мнения. Первое: Атлантида – это Крит и близлежащий архипелаг Санторин. Во втором тысячелетии до нашей эры она была практически уничтожена во время извержения вулкана. Второе: Атлантида располагалась там, где указал Платон, то есть за проливом Гибралтар в Атлантике. Древнегреческий мыслитель привел также весьма приблизительную дату гибели своей Атлантиды: двенадцать тысяч лет назад (если вести счет от нашего времени).

Катастрофа на Санторине в последние десятилетия документально подтверждена учеными-археологами. Катастрофе, произшедшей намного раньше в Атлантике, уделяется значительно меньше внимания, многие даже считают, что ее доказательств нет и говорить об этом, то есть об Атлантиде Платона, преждевременно.

Однако в самое последнее время стало известно, что задолго до извержения вулкана на Санторине вся наша планета пережила небывалый катаклизм. О том свидетельствуют разрозненные данные, относящиеся к разным регионам. Почему, например, вымерли мамонты? Говорят, что они попадали в ледяные ловушки, проваливались в трещины, что климат на Земле изменился и т. д. Ни одно из объяснений нельзя признать удовлетворительным. Ведь речь идет о гибели вида, а не отдельных особей. Чем объяснить феномен гигантского Берелехского кладбища в Якутии, где в толще синеватой глины захоронены кости сотен и сотен зверей, и не только мамонтов? Почему находят также другие кладбища мамонтов?

Могу добавить, что животных там настигла внезапная смерть. Стада паслись в летнее время: сильные самцы поодаль, на холмах, охраняли стадо, кости в долине Берелеха – это, за редким исключением,

нием, кости самок и детенышей. В коже зверей найдены кровяные тельца, что подтверждает гипотезу о мгновенно постигшем животных удуше. Крылышки насекомых, попавших в этот слой, точно указывают время: июль.

Радиоуглеродный анализ органических остатков позволяет установить примерный срок, когда произошла трагедия: двенадцать тысяч лет назад. Следовательно, это соответствует по времени катастрофе, о которой говорил Платон. Но погрешности радиоуглеродного анализа могут быть существенно уменьшены, если привлечь сопутствующие данные. В Ирландии на дне озер синеватый ил образовался в то же самое роковое тысячелетие. С учетом этого общий итог таков: катастрофа произошла двенадцать тысяч лет назад. Это был поистине глобальный катаклизм, потому что нет ни одного уголка планеты, где бы он не оставил следов. Именно тогда погибли наземные ленивицы, вилорогие антилопы в Америке и еще многие виды животных. Некоторые ученые до сих пор считают, что этих животных уничтожил человек. Думается, что это не так. Животные вымерли одновременно — такой тотальной охоты в те незапамятные времена не могло быть.

В шестидесятых годах, будучи еще молодым аспирантом, я изучал Берелехское кладбище и образцы грунта, доставленные оттуда. Оказалось, что под яром, где погребены сотни животных, их кожа, кости, конечности, залегает древний грунт. Сам же яр намыт недавно, по геологическим, конечно, масштабам, и ему около двенадцати тысяч лет. Такой ответ дал мне радиоуглеродный анализ.

Тогда же я пришел к выводу, что в состав более молодого грунта яра входит вулканический пепел. Это привело меня к попыткам объяснить этот удивительный факт. Но вулканов поблизости двенадцать тысяч лет назад не было, как нет и сейчас. В этом смысле Якутия — спокойный регион, он гарантирован от вулканических извержений. Потухшие вулканы есть лишь на значительном удалении (вулканическая сопка Моржот). Но даже если бы поблизости от Берелехского кладбища мамонтов и были действующие вулканы, то представить себе образование многометровых толщ вулканического пепла в долине реки трудно: для вулканов это не тот масштаб.

Это заставило меня пересмотреть все взгляды на формирование лесовых толщ в Сибири и некоторых других регионах. По крайней мере, в долинах сибирских рек лесс образовывался не так, как думают ученые. Это вулканические слои. И они обязаны своим происхождением общему источнику невиданной мощности. Этот источник — выбросы магмы из недр Земли во время невиданного катаклизма. Это было во время падения на Землю астероида. Я назвал этот астероид Саисским. Был древне-египетский центр жрецов и магов Саис. Именно оттуда происходят сведения об Атлантиде, рассказанные Платоном в его знаменитых диалогах «Тимей» и «Критий».

Как же объяснить произшедшее? И почему именно к тому времени пробудились многие вулканы в разных уголках планеты — о том свидетельствует вулканология? Египтяне, сообщившие родственнику Платона

об Атлантиде, легендарном острове посреди Атлантики, вспоминали о небесном огне, покаравшем людей.

В мифах майя остались указания на громадного огненного змея, кожа и кости которого обрушились вниз. Затем согласно тем же мифам пришла вода, и люди утонули. Можно было бы привести множество описаний, подтверждающих мысль об астероиде: подобные легенды есть у многих племен и народов.

Астероид поперечником в несколько километров должен был неминуемо пробить сравнительно тонкую океаническую кору. Вверх должна была выплыть магма. Смешиваясь с водой, она взрывалась, распыляясь в верхних слоях тропосферы. Пылинки служили ядрами конденсации водяных паров. Магмы было столько, что пыль и пар закрыли все небо планеты. На землю низверглись небывалые ливни с грязью. От верховьев рек понеслись гигантские волны селей высотой до сотен метров. Гибло все, что располагалось в долинах: стоянки человека, животные, леса. Так погибли мамонты и другие животные. Характерно, что это были травоядные, которые действительно должны пастись именно в низинах и долинах, затопленных селем.

Солнце, луна, звезды, само небо исчезли на годы. Темно-серая мгла окутала планету. Так возникли мифы о первозданном хаосе.

Синеватая глина, в которой погребены мамонты,— это вулканический пепел. Мне неоднократно представлялась возможность в этом убедиться.

Но вернемся к Платону. Самое поразительное: его сочинения так точны в деталях, что сами по себе уже дают пищу для серьезных раздумий. Так, с острова Атлантида, как сообщили египтяне, «тогдашим путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов — на весь противолежащий материк, который охватывал то море, что и впрямь заслуживает такого названия — ведь море по эту сторону упомянутого пролива является собой всего лишь бухту с узким проходом в ее, тогда как море по ту сторону пролива есть море в собственном смысле слова, равно как и окружающая его земля воистину может быть названа материком». И вслед за этим Платон пишет: «На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возник великий и достойный удивления союз царей, чья власть простиравалась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того по эту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тирреии».

Остров. Острова в Атлантике за Гибралтаром. Противолежащий материк. Море в собственном смысле слова, то есть океан. Все это в тексте Платона не может не вызывать изумления. Ведь «другие острова» — это Вест-Индия, открытая Колумбом две тысячи лет спустя. Противолежащий материк — Америка, открытая им же и его последователями. Истинное море — Атлантика. Да, египтяне знали обо всем этом, им было достоверно известно об Америке и о многом другом (остальное человечество обретет это знание лишь гораздо позже). Не потому ли египтяне знали об Атлантиде, что Египет был владением атлантов? Ведь и об этом сказано у Платона!

Недавно были опубликованы данные, с убедительностью свидетельствующие, что ранее десятого тысячелетия до нашей эры не было

Гольфстрима, этой великой теплой реки в океане, обогревающей всю Европу. Почему? И почему, например, вся Северная Европа была покрыта мощным ледником? Да потому, наверное, что остров в Атлантике под названием Атлантида перегораживал путь Гольфстриму на север, и он направлялся к Гибралтару. Лишь когда Атлантида исчезла, «погрузившись в пучину», Гольфстрим направился к северо-востоку, к Скандинавии. Тогда-то от его могучего дыхания и начали таять льды. Но совпадают ли даты? Да. Гибель мамонтов и других животных. Начало быстрого отступления ледника. Грандиозные извержения по всей Земле. Обвалы в пещере Шанидар. Начало небывалого повышения уровня Мирового океана. Это звеня большей цепи. И время этих событий совпадает: 12 тысяч лет назад с точностью до погрешности измерения.

Падение гигантского метеорита могло разбудить недра планеты и вызвать все эти явления и многие другие: ведь все на нашей планете взаимообусловлено, и она вовсе не предназначена для смертельно опасных экспериментов или для обстрела ее гигантскими космическими обломками.

Ученик Платона Аристотель сказал: «Платон мне друг, но истина дороже». Слова эти вошли в поговорку, но мало кто знает, что одной из причин, которая побудила Аристотеля предпочесть «истину» своему учителю, была все та же история с Атлантидой. Приговор, вынесенный Атлантиде Аристотелем, нашел поддержку у христианских догматиков: ведь в средние века был хорошо известен год сотворения мира — год 5508-й до нашей эры. Оспаривать сей факт не разрешалось: с еретиками поступали круто. У Платона, по правде говоря, не было никаких шансов утвердить хотя бы сам факт существования разумной жизни на нашей планете ранее этого канонического срока. Лишь позднее наука открыла неоспоримые доказательства гораздо более почтенного возраста Земли и биосфера, но вопрос об Атлантиде точно бы повис в воздухе. До середины прошлого века никто не осмелился бы и мечтать о том, чтобы истоки культуры, истоки цивилизации отнести к десятому тысячелетию до нашей эры. Мир человека начинался сразу с египетских пирамид и древнеазиатских памятников.

Почему же до сих пор не найдены следы древнейшей морской цивилизации? Да потому, вероятно, что остров или острова атлантов занимали незначительную площадь. Средиземноморье было их провинцией. Но после стремительного таяния Европейского ледника уровень Мирового океана поднялся на 130–150 метров. Это означает, что все прибрежные поселения тех давних времен были затоплены, даже если они располагались в Средиземноморье или Малой Азии. Чатал-Гююк, Хаджилар, Чайенко-Тепези, Иерихон — эти древнейшие города седьмого-восьмого тысячелетий до нашей эры, открытые не так давно, относятся уже к периоду после катастрофы.

Совсем недавно мне довелось узнать новость, которая меня потрясла: в далекой Якутии уничтожено, срыто бульдозерами кладбище мамонтов на реке Берелех. Браконьерство и охота за слоновой костью были и раньше здесь не новостью. Но уничтожение самого значительного памятника прошлого нашей планеты превзошло все виденное мной.

Атлантиду древнейших городов Малой Азии и Средиземноморья я назвал Восточной Атлантидой. Таким образом, я не могу отрицать того факта, что было две Атлантиды — в разных регионах (по-моему, и Атлантику без Атлантиды мыслить нельзя, если внимательно читать Платона).

Мне посчастливилось доказать, что серо-синяя глина в долине реки Берелех, скрывавшая кости мамонтов, вулканического происхождения. О возрасте ее я уже говорил — об этом поведали органические остатки берелехского кладбища мамонтов.

Отмечу, что это первая научная дата катастрофы — и гибели кроманьонской цивилизации. Если в то время существовала Атлантида, она неминуемо должна была погибнуть.

Я был поражен, когда проведенная мной обработка результатов дала цифру, которая примерно соответствует времени гибели Атлантиды у Платона.

Человеку пора взглянуться попристальнее в далекое прошлое и в будущее и осознать связь времен, которая некогда была разорвана небывалой всепланетной катастрофой.

Бессмертные боги едят амброзию и запивают ее нектаром. И то и другое использовалось и для умощения тела. Гомер в «Илиаде» недвусмысленно говорит, что Фетида таким образом сберегает труп Патрокла от тления. Согласно ее замыслу «тело его невредимо и даже прекраснее будет». Патрокл друг Ахилла. «Так говорила и дух дерзновеннейший сыну вдохнула, другу ж его и амброзию в ноздри и нектар багряный тихо вливала: тело его да невредимым пребудет!» Поясним еще, что Фетида — мать Ахилла. Теперь становится понятным, что поступок Фетиды должен расцениваться как незаурядный, даже для обитателей Олимпа. Ведь амброзия и нектар предназначались только для богов.

Но вот и сам громовержец Зевс, бог богов, в той же бессмертной поэме поручает Афине помочь Ахиллу, придать ему бодрости ввиду близкой битвы: «Шествуй, Афина! нектаром светлым с амброзией сладкой грудь ороси Ахиллу, да немощи он не поддастся».

В обоих этих эпизодах нектар описан по-разному. Он и багряный, и светлый. Возможно, мы так никогда и не узнаем, какая характеристика точнее, если иметь в виду напиток олимпийских богов. Интересно, что хотя нектар упоминается вместе с амброзией, трудно разделить их функции, понять особую роль божественного напитка, отличия его действия от действия амброзии. Мне трудно указать даже оттенки в отличиях того или другого компонента, упоминаемых в древнейших сочинениях. Однако значение самих слов не только разное, но прямо противоположное. Амброзия в переводе с греческого означает бессмертие. Нектар же по своему значению близок слову «смерть». Вспомним «некрос» — греческое слово, означающее не что иное, как «покойник» в точном переводе. Во

всяком случае, исследователи именно так трактуют значение амброзии и нектара, исходя из самого звучания. Объяснить же это они не в состоянии.

Как же быть? Почему два понятия противоположны, хотя действие соответствующих яств сходно? Для ответа на этот непростой вопрос мне потребовалось бы привести аргументы из области древнейшей истории человечества. Только так можно было бы провести параллель с живой и мертвый водой русских сказок.

Известно, что древние греки являются пришельцами, они появились на территории Эллады во втором и первом тысячелетии до нашей эры, это были две волны переселения с востока ахейцев и дорийцев. До них в этом регионе жили фракийцы, иллирийцы и родственные им племена. Именно у них греки позаимствовали многие свои мифы. Знаменитый певец Орфей был фракийцем, а не греком. Ахейцы и дорийцы разрушили цивилизацию южных фракийцев и критян. Но мифы остались.

После походов Александра Македонского и особенно после завоеваний Рима (когда северные фракийские земли стали римской провинцией, обложенной тяжелыми податями), началось массовое переселение на север и северо-восток, на Днепр. Фракийские крестьяне уходили от насилия римской администрации на вольные земли, подобно русским переселенцам-крестьянам более поздних эпох. Одно из фракийских племен называло себя одрисами или одрюсами. Его имя перешло к русам, русским. В моей книге «Где жили герои эддических мифов?» (М., 1989, с. 31–32) есть описание происшедших тогда событий: «Переселявшиеся на север племена фракийцев-одрисов дали толчок к возникновению государства на Днепре. Прообразом Руси Киевской, Руси Новгородской, Руси Московской в V веке до нашей эры было государство южнее Дуная (о переселении славян с Дуная говорит летопись).

За полторы тысячи лет до Киевской Руси, в V веке до н. э., уже существовало Фракийское государство. Первый правитель этого государства – Терес. Другие правители – Садко, Котко. Это государство располагалось во Фракии задолго до прихода туда болгар. Оно отстояло свою независимость в битвах со скифами, греками, собирало дань с греческих городов-полисов, затем вело войны с Римом. В I веке до н. э. оно было подчинено Риму и стало провинцией – Фракией. Именно в этом, I веке, фракийцы переселялись на Днепр. Так появилась черняховская культура. Я просмотрел около десяти тысяч дохристианских славянских имен и около тысячи имен на надгробиях легионеров-фракийцев, насыщенно мобилизованных в римские когорты. Установлено, что несколько сот дохристианских славянских имен – это имена фракийские. Я изучил также верования фракийцев. Все боги восточных славян (в Киевской Руси) – это боги фракийцев: фракийский Перкон – это Перун, Стрибог – это бог Сетре фракийского племени сатров, Даждьбог – это фракийские Тадз, Даж, Тадзе-на (несколько иную запись этого имени дает использование греческой буквы «ձձե», «ժ» не было!), Купала – это фригийская Кибела и т. д.

Карелы – это кораллы («желтоволосые кораллы» – пишет об этом фракийском племени Овидий в I веке н. э.). Поляки, ляхи – это лаии –

фракийское племя. Бессы – это весь, вепсы («в» переходит в «б») и т. д.

Одрисы – это русы (одрисы – название греческое, сами себя они называли русами). Рус, рас – это леопард, древнейшее слово, прочитанное мной на камнях Малой Азии. Вера в прародителя-леопарда характерна и для расенов-этрусков (этруски – название латинское!), также вышедших из Фракии или, точнее, из трояно-фракийского региона. Тропа Троянова, земля Троянова, века Трояновы в «Слове о полку Игореве» – это вовсе не от имени римского императора Траяна, до которого народу не было дела! Это тропа из Трои, из Троады. Одна дорога вела на запад, ее избрали расены, другая – на Север, и ее избрали русы. Были и другие племена «от леопарда-руса». Они слились с русами».

Государство русов-одрисов существовало во Фракии сотни лет. В первом тысячелетии до нашей эры это было могущественное государственное образование, объединявшее те же племена и народности, что и Киевская Русь спустя полторы тысячи лет!

Роль этого государства, которое создал Терес (Тарас) в V веке до н. э., очень велика. Его история охватывает несравненно больший временной интервал. Государство одрисов объединяло несколько десятков фракийских племен, известных со II тысячелетия до н. э. Оно дает начало балтам, полякам-лайям, словенам. Отсюда общность языков славян и балтов.

Можно понять переселенцев: греческие слова и латынь были забыты. Но осталась живая ткань народных сказок и легенд – этой первоосновы, перешедшей к греческим авторам от фракийцев. Благодаря образности, живости сказки живут дольше, чем многие письменные сочинения. Именно фракийцы и принесли на Русскую равнину историю о живой и мертвый воде. И разве окропление мертвой и живой водой убитых героев сказок и былин не возвращает их к жизни? Это дополнение к бессмертной поэме-эпосу Гомера. Но сказки сообщают нечто большее: они указывают последовательность этого окропления – сначала нужна мертвая вода, потом – живая. Иными словами, сначала нужен нектар, потом – амброзия. Этого не найти у древнегреческих авторов, это древнейший, на мой взгляд, слой фракийских мифов, оказавшийся вне поля зрения греков.

Другим источником сведений об амброзии служат древнеиндийские (арийские) мифы. Амброзия известна здесь как амрита. Перевод дает то же самое слово: «бессмертие», «бессмертный». Согласно мифу боги пахтали океан. Из океана появился бог врачевания Дхавантари с чашей амриты в руках. Один из героев индуистских мифов, Нараяна, принял вид красивой девушки, чтобы отвлечь внимание асуров, врагов богов, от амриты. Вернувшись асуры вступили с богами в битву, но были побеждены.

* * *

Мифы рассказывают о голубях, приносящих амброзию в клювах с пляжей на берегу океана. Логический путь умозаключений тут, пожалуй, увел бы в сторону от истины. Нужно видеть и знать повадки голубей, представить себе допотопный мир так живо, как будто сам оказался в

том времени. Добыча голубей — водоросли. Точнее — допотопные водоросли. У растений есть особое качество — ослабленные биологические факторы, они «впитывают» то, что содержит почва и вода. В ряду прочего допотопные водоросли содержали в себе вещества, составившие амброзию древних.

Я изучал лоцию Атлантики. На изучение геологического строения дна океана ушло несколько лет. Мною двигала любознательность, обычна для писателя, а отнюдь не жажда открытия секрета амброзии. Мне удалось обнаружить едва заметные особенности химического состава пород дна Атлантического океана. Оказывается, даже вода Атлантики не такая, как в Мировом океане. Гольфстрим возник после потопа, он изменил состав вод, как бы снивелировал его, но отличия тем не менее поддаются выявлению и сегодня.

След атлантов обнаруживается и в более близкой к нам истории кроманьонцев, предков этрусков. У атлантов и кроманьонцев было много общего. Во-первых, это особый способ мышления — яркими образами (эйдетизм). Росписи кроманьонцев в пещерах Пиренеев поражают. Звери на них как живые — они бегут, ревут, полны экспрессии, можно сказать, это творения гениальных художников, в то время как общий уровень развития человечества для творений такого уровня еще никак не мог создать предпосылок. Во-вторых, кроманьонцы появились как бы ниоткуда около 30 тысяч лет назад. По сравнению с неандертальцами продолжительность их жизни возросла сразу в три (!) раза. Наконец, самое убедительное доказательство того, что люди-кроманьонцы были детьми могучей цивилизации — их образ жизни. Они жили небольшими селениями на расстоянии примерно в 200–300 километров друг от друга. В этих условиях современный человек, лишенный всего, вероятно, вымер бы или очень сильно деградировал. А кроманьонцы создали музыку, играли на деревянных и костяных флейтах, собирали целые оркестры, они шили то, что мы называем сейчас дубленками, украшая их бисером, строили дома из дерева, изобрели лук, письменность, приручили животных. Начав с нуля, они совершили больше, чем все человечество за многие тысячелетия, а ведь их было менее полумиллиона на всем земном шаре. Все эти факты, уже изученные археологами, делают вполне обоснованными предположения о том, что кроманьонцы происходят от членов экспедиции атлантов на материк, оставшихся на нем из-за случайности.

Итак, невероятная продолжительность жизни богов-атлантов, которые, как мы предполагаем, были жителями Атлантиды, резко возросшая продолжительность жизни кроманьонцев, также потомков атлантов, по сравнению с неандертальцами дает основание говорить, что в природной среде, окружавшей атлантов, было нечто, делавшее их жизнь почти бесконечной.

Этим нечто я считаю амброзию древних водорослей Атлантического океана. Конечно, сейчас вода этого океана по химическому составу далеко не аналогична древней морской стихии, но все-таки редкие химические элементы в ней остались. Мне удалось добиться результата в эксперименте с коловратками — мельчайшими морскими микроорганизмами, которых я подкармливал амброзией. Продолжительность их жизни воз-

росла в восемь-девять раз. Коловратки по трофическим показателям аналогичны клеткам головного мозга. Если верно то, что мне удалось получить с помощью культур коловраток, то можно оценить увеличение продолжительности жизни с помощью амброзии. Жизнь можно продлить в десять раз, до 800 лет, применительно к человеку.

Уже после окончания экспериментов на коловратках с помощью обычных биологических микроскопов и получения этой десятикратной оценки, меня поразило совпадение ее с данными мифов. Именно в девять раз дольше обычных людей жили древние пророки. И значит, можно предположить, что мифические пророки — это атланты, сведения о которых были записаны и переписаны после потопа не раз.

12 000 лет назад погибла Атлантида (после падения астероида). Тогда же погибли еще десять видов животных. Астероид пробил земную кору дна Атлантики, мagma смешалась с водой. Произошел взрыв. Черные тучи на сотни лет окутали планету, выпали страшные грязевые ливни. Это явилось причиной изменения самого человека, перерыва в развитии всей нашей цивилизации. То, что принято считать рождением цивилизации, было лишь вторым, и ослабленным, витком ее.

Но все секреты атлантов и кроманьонцев должны быть восстановлены.

* * *

Людей, у которых коэффициент интеллекта выше 300 стандартных единиц (по системе тестов), я назвал левитаторами (от термина «левитация», что означает тут свободный полет мысли). Возможны расхождения в оценке: во-первых, край шкалы для измерения коэффициента интеллекта кончается у цифры 200 единиц, во-вторых, стандартные тесты предусматривают проверку в основном логического мышления и почти не отражают работу правого полушария. Это все интересно с той точки зрения, что гипотетические атланты были, по моей оценке, левитаторами — и не только в плане логического мышления. Строго говоря, логическое мышление, как принято думать, можно свести к счету, но это не мышление. Так мыслить может и машина.

У левитатора особые методы. Ему, правда, не везет в плане контактов и коммуникабельности. Высшая степень интуиции, когда работает активно правое полушарие мозга, вообще затрудняет общение и делает непонятным ход мысли левитатора. Мне удавалось испытать состояние, когда стандартные тесты фиксировали превышение над шкалой, примерно 300 единиц, но это не помогало находить новые пути. Они возникают лишь тогда, когда вступают в действие алгоритмы разбуженного и обычного приторможенного правого полушария. Это вредно для здоровья, нужна тонкая дозировка воздействия на мозг. Природа эту проблему решила самым простым способом: вообще лишила человека левитации мысли в отличие от атлантов.

В самое последнее время американские специалисты показали, что некоторые микроэлементы повышают интеллект у детей. Это лишь повторение на новом уровне старых результатов. Ведь уже давно было из-

вестно, что магний, например, делает человеческую мысль более быстрой. Точно так же другие микроэлементы влияют на скорость химических реакций, ответственных за качество и скорость мышления.

Я пришел к выводу, что те соединения, которые логично назвать амброзией, дают весьма ощущимую прибавку в этом именно плане. Странно, но факт: скорость мышления оказалась связанной с продолжительностью жизни, с той самой амброзией, о которой сложены легенды. Это свидетельство глубокой зависимости, о которой невозмож но рассказать в обычном очерке или статье. Добавлю к этому, что интеллект и длительная жизнь кроманьонцев оказываются закономерно и взаимно обусловленными. Это как бы две стороны одной медали. Почему же кроманьонцы-охотники оказались в таком благоприятном положении, напоминающем положение мифических атлантов Атлантики или восточных атлантов Малой Азии и Фракии? Думаю, что это влияние биосферы в целом. Допотопный мир (а факт потопа подтвержден наукой) вообще был иным. Это относится и к наличию в почвах и горных породах некоторых из элементов, дающих эффект амброзии. Конечно, охотники древнейшего мира пользовались богатствами планеты стихийно.

Я представил себе парадоксальную ситуацию, в которой оказался бы человек, достигший бессмертия и наделенный отчасти в связи с этим интеллектом левитатора. Левитатор способен заменить целый институт или всю науку в целом. Ведь знания человека, сохраняющего ясность мысли и память к 500-летнему возрасту, например, не просто обширны — они легко поддаются обработке, они наделены качеством, которое не дают даже электронные машины, — их можно очень быстро использовать. В то же время ни один институт не в состоянии заменить левитатора. В последнее время открытия даются человеку с большим трудом, ценой гораздо больших усилий, чем в недалеком прошлом. Самое удивительное, что социум еще способен к феномену открытий, хотя, конечно же, большинство из так называемых открытий не является ими. Современный человек от природы лишен способности мыслить. Если человек учится десять лет отвечать на стандартные вопросы и решать стандартные задачи, а потом при поступлении в институт или университет оказывается, что он решает эти стандартные задачи на тройку или четверку, то при всем желании назвать это мышлением нельзя.

Мышление вообще не свойственно человеку.

Я имею в виду подлинное мышление, которое создает качественно новые представления о мире. То, что понимают под мышлением, я назвал бы механическим мышлением, калькулированием или как-нибудь в том же роде. Я затрудняюсь назвать открытие, в котором бы проявилось это качество. Это закономерно, что подавляющее большинство открытий сделаны вообще случайно. Почти все великие открытия — случайность.

В современном мире происходит девальвация ценностей. Эффект мышления все более исключается из него как явление. Поиск (с позволения сказать) управляемся уже не мыслью в точном значении этого слова, а своими утилитарными законами, имеющими почти биологический уровень.

Но социум создает предпосылки появления эффекта левитации. Вместо пятисот тысяч кроманьонцев ныне на планете проживает пять миллиардов людей. Появление одного лишь левитатора компенсирует девальвацию ценностей, о которой я упомянул, и означает новый этап развития интеллектуальной сферы, и я все чаще задумываюсь об этом, исследуя парадоксальные законы, свойственные подлинному мышлению.

**КОНСТАНТИН МАТВЕЕВ,
доктор философских наук, профессор,**

АШУР МАТВЕЕВ

Иисус Христос – АССИРИЕЦ

История иудейской земли не есть история иудейского народа, точно так же как история Папской области не есть история католичества.

Профессор Теодор Момзен

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ НАРОДА СЕВЕРНОЙ ПАЛЕСТИНЫ – ИЗРАИЛЯ И ЭТНОГЕНЕЗ ИИСУСА ХРИСТА

История народа Северной Палестины – Израиля в I тысячелетии до н. э. тесно связана с мощным соседом, великим государством древности – Ассирией.

В I тысячелетии до н. э. между Израилем и Ассирией происходили многочисленные войны. Победителем оказывалась ассирийская держава. Войны уносили много жизней людей с обеих сторон, но эти жертвы не могли нарушить демографическую ситуацию в Израиле. Изменение демографической ситуации в Израиле произошло вследствие перманентных депортаций израильского населения и обезлюдевания государства. Ассирицы уводили пленных израильтян в различные уголки своей огромной державы.

Решающей депортацией, не оставившей практически израильтян в их стране, было выселение пленных из Израиля в период правления ассирийского царя Саргона II (722–705 годы до н. э.). Практически Саргон II завершил военную кампанию против Израиля, начатую его предшественником царем Ассирии Салманасаром V (727–722 годы до н. э.).

После трех лет сопротивления пала столица Израиля – Самария (Шамрон). Был пленен царь Израиля Осия и вместе с ним 27 тысяч израильтян – почти все население столицы Израиля, городов и сел. Таким образом, «Ассирия поглотила северное Израильское царство вместе с его населением, а спустя полтора столетия преемница ее, Вавилония,

опустошила южное, или Иудейское царство, разметала и увела в плен лучшую часть иудеев»*.

Первая военная кампания зафиксирована в исторических анналах ассирийского царства, на одной из глиняных табличек, найденных в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанипала в Ниневии. Вот что было написано на ней: «В начале моего царствования,— писал Саргон II,— я осаждал и взял при помощи бога Шамаша, дарующего мне победу над моими врагами, город Самарию (Ур-Самарина), 27 280 обитателей я увел. Я взял пятьдесят колесниц на мою царскую долю. Я увел пленных в Ассирию и на их места посадил людей, своей дланью побежденных. Я поставил над ними моих чиновников и наместников и обложил их такою же данью, какую платят ассирийцы». Двенадцать «израильских колен» — племен были уведены в Ассирию и поселены на реке Хабур, в районе Гозан, в горах Халах и Мидии.

На место депортированных израильтян в горах и селах Израиля и в ее столице Самарии были поселены ассирийские колонисты — из городов и окрестностей Хамата, Сиппары, Кута, Вавилона и других. В Ветхом завете, в IV книге Царств этот исторический факт зафиксирован более детально. Здесь мы читаем: «...перевел царь Ассирийский людей из Вавилона, и из Куты, и из Аввы, и из Емафа, и из Сепарвайма и поселил их в городах самарийских вместо сынов израилевых. И они овладели Самарией и стали жить в городах ее. И как в начале жительства своего там они не чтили Господа, то Господь послал на них львов, которые умерщвляли их. И донесли царю ассирийскому и сказали: народы, которых ты переселил и поселил в городах Самарийских, не знают закона Бога той земли, и за то он посыпает на них львов, и вот они умерщвляют их, потому что они не знают закона Бога той земли.

И повелел царь Ассирийский и сказал: отправьте туда одного из священников, которых вы выселили оттуда; пусть пойдет и живет там, и он научит их закону Бога той земли. И пришел один из священников, которых выселили из Самарии, и жил в Вефиле, и учил их, как читать Господа.

Притом сделал каждый народ и своих богов, и поставил в капищах высот, какие устроили самаритяне,— каждый народ в своих городах, где живут они. Вавилоняне сделали Суккот — беноф, аввийцы сделали Нивхаза и Тартака, кутийцы — Нергала, емафяне сделали Ашиму, сепарваймы сжигали сыновей своих в огне Адрамелеху и Анамелеху, богам сепарваймским. Между тем чтили и Господа, и сделали у себя священников высот из среды своей, и они служили у них в капищах высот.

Господа они чтили, и богам своим они служили по обычаям народов, из которых выселили их.

До сегодня поступают они по-прежнему по своим обычаям: не боятся Господа и не поступают по уставам и по обрядам, и по закону и по заповедям, которые заповедовал Господь сыном Иакова, которому дал он имя Израиля.

* Дубнов С. М. Всеобщая история евреев на основании новейших научных исследований. Древняя история от вавилонского пленения до разрушения Иудейского государства римлянами. Спб, 1904, кн. 1; с. 1. Далее: Дубнов С. История евреев.

Заключил Господь с ними завет и заповедовал им, говоря: «не читте богов иных, и не поклоняйтесь им, и не служите им, и не приносите жертв им».

Вначале поселенцев называли кутийцами по имени южного города Ассирии – Кута, а в дальнейшем стали именовать самаритянами по названию столицы бывшего Израиля – Самарии. Самаритяне всегда находились во враждебных отношениях с остатками жителей побежденного Израиля и с жителями Иудеи, не смешивались с ними, были воинственны, как их предки ассирийцы, защищали себя от различных завоевателей, наводнивших их новую родину.

Самаритяне восставали против наместников Александра Македонского, против царя Египта Птолемея I (322–307 годы до н. э.), который напал на них и многих увел в плен. Самаритяне и иудеи Палестины осознавали, что они – два чуждых друг другу народа, пытались вытеснить друг друга с этой территории. Судьбы самаритян – тяжелые и даже трагические.

Забытые и заброшенные в чужие края ассирийскими царями, они вовсе были покинуты после падения Ассирии и оставлены на произвол судьбы. У нас нет данных, пытались ли ассирийские колонисты-самаритяне вернуться в массовом порядке на свою историческую родину или нет, оставались ли у них родственные или иные связи с Ассирией, сохранились ли долго традиции и обычаи древней Ассирии и т. д. Но одно совершенно ясно. Самаритяне сохранили свое «я», дожили до наших дней. Живут они сейчас – несколько сот человек на западном берегу реки Иордан в Палестине. Остальные дали жизнь новому народу – палестинцам.

Как складывалась жизнь и история самаритян после их поселения в Израиле – Самарии Саргоном II? Частично о них мы расскажем ниже.

Долгое время самаритяне не отказывались от своей древней ассирийско-вавилонской религии. Это в значительной степени предотвратило слияние их с иудеями на первом этапе своего пребывания в Палестине. Правда, определенная часть элементов иудаизма вошла в их национальную религию, за это время создав причудливую теологическую смесь. Позже они официально при Селевкидах приняли иудаизм, но даже их переход в иудейство не смягчил отношения к евреям. Евреи продолжали не признавать их и ненавидели их*.

Ученый С. Дубнов считает, что самаритяне – это народ, оставшийся от староизраильского населения и смешанный с выходцами из Ассирии. «Такого же смешанного типа была и религия самаритян: они соблюдали старый полуязыческий культ Иеговы, господствовавший в бывшем Израильском царстве, примешав к нему обычай своих инородных предков. И по рasse, и по религии самаритяне были только полуевреями»**.

Самаритяне противились возвращению иудеев из вавилонского плена (586–537 годы до н. э.). Они преследовали иудеев и мешали им восстанавливать храм в Иерусалиме. «Они подстрекали и персидских чиновников против иудеев, а когда последние обращались с жалобами к высшему

* Библейский словарь. Торонто, 1985, с. 383.

** Дубнов С. История евреев, с. 20–21.

персидскому правительству, самаритяне старались подкупом и интригами мешать успеху их ходатайств.

Вследствие таких препятствий начало такой торжественной постройки храма приостановилось и в течение 15 лет не возобновлялось» *.

После возвращения иудеев из вавилонского плена вступление иудейских народов в иудейскую общину не запрещалось. Однако реформы Эзры и Нехимии изолировали иудеев и не давали другим народам смещиваться с представителями иудаизма, а иудеям с представителями других обществ. В этот период «завершился необходимый по условиям тогдашнего времени процесс обособления иудейского народа от соседних племен» **.

С. Дубнов пишет, что с того времени «самаритяне окончательно потеряли надежду на религиозный союз с иудеями, дорожившими чистотой расы. У них возникло стремление выделиться в особую религиозную общину независимо от иудейской и ее центра — иерусалимского храма.

Чтобы удовлетворить этой религиозной потребности самаритян, вождь их Санбалат решил воздвигнуть для них особый храм, который мог бы соперничать с иерусалимским. Новый храм был построен близ староэфраимского города Сихема, на горе Гаризим, освященной в древних преданиях как «Гора благословения». Первосвященником в этом храме был назначен зять Санбалата, тот внук иерусалимского первосвященника Элиашива, которого Нехимия исключил из иудейской общины.

Другие, бежавшие из Иудеи левиты и книжные люди, скомпрометированные на родине, образовали ядро самаритянского духовенства. Из смеси иудейских и старых полуязыческих элементов образовался религиозный культ самаритян. Священным кодексом признавались у них пять книг Торы. В позднейшее время они присоединили к Пятикнижию «книгу Иошуи» в совершенно измененном тексте, наполненном вымыщленными легендами об истории самаритян» ***. Далее С. Дубнов отмечал, что «с течением времени самаритяне образовали довольно многочисленную народность, в лице которой Иудея приобрела непримиримого врага» ****.

При взятии Иудеи войсками Александра Македонского иудеи получили возможность вступать в армию завоевателей с получением определенных привилегий, «на что многие изъявили согласие» *****. Греческие завоеватели принесли большие изменения в жизнь Палестины. Иудею ввели в новообразованную провинцию Келесирию или Южную Сирию, а резиденцией был избран город Самария. Первым греческим наместником стал военачальник Андромах. Предания древних греков гласят, что самаритяне были недовольны им и восстали. Андромах был схвачен и казнен. Когда Александр Македонский узнал о судьбе своего военачальника, то выступил в поход и в 331 году до н. э. подавил восстание *****. «К

* Дубнов С. История евреев, с. 22.

** Там же, с. 39.

*** Там же, с. 39.

**** Там же, с. 40.

***** Там же, с. 70.

***** Там же, с. 71.

иудеям же, признавшим его власть, он благоволил и даже присоединил к их территории некоторые пограничные земли, принадлежавшие мятежным самаритянам»*.

После смерти Александра Македонского в 323 году до н. э. власть перешла к его диодохам — полководцам, командующим его войсками.

Потомок диодохов из династии Селевкидов — Антиох III Великий (223–187 годы до н. э.) начал войну против Египта за Келесирию и Иудею и захватил их в 201 году до н. э. Жители Иерусалима открыли ворота города без боя. За это Антиох III предоставил иудеям много льгот: деньги для восстановления Иерусалима, ремонт храма, право управлять по своим законам, священники, книжники, члены совета старейшин освобождались от податей, подати мирян сокращались и т. д. **

В 200 году до н. э. Антиох III предоставил особую хартию привилегий городу Иерусалиму ***. Согласно эдикту Антиоха III в его армию могли призываться представители иудейской религии. Солдаты и офицеры этой армии и члены их семей освобождались от всех налогов. В результате подавляющее число ассирийцев Палестины — бывшие колонисты стали в массовом порядке переходить в иудейство. Подобная щедрость Антиоха III не была случайной. Дело в том, что Парфянское царство, созданное на восточных границах Селевкидского государства, постоянно вели войны с Селевкидами. Для победы над парфянами необходимо было Антиоху III создать большую и боеспособную армию. Последний решил призвать в свои войска и иудеев, и народы, принадлежащие к этой религии.

Используя большой прилив новобранцев — представителей привилегированных религий в армию, Антиох III совершил поход против парфян, разбил их и восстановил контроль над восточными территориями и свое влияние ****.

Однако политика Селевкидов по отношению к иудеям и иудейской религии не была постоянной и менялась в зависимости от внутренней ситуации и внешних отношений.

Так, другой Селевкид — Антиох IV Эпифан (175–163 годы до н. э.) сделал попытку в 168 году до н. э. запретить иудейскую религию и с этой целью занял со своими войсками столицу Иудеи Иерусалим. Подобные действия были связаны с двумя причинами. Первая — Селевкиды уже не нуждались в помощи иудеев в качестве воинов своей армии и вторая — начало борьбы за независимость Иудеи. Это движение за независимость возглавили два брата — выходцы из среды жреческого сословия. Они принадлежали к семье Хасмонеев или Асмонеев. Одного из них звали Иуда, носившего название «молот» (Маккавей, 167–160 годы до н. э.), другого — Симон.

Борьба Маккавеев за независимость Иудеи была упорной и долгой. Лишь Антиоху VII Сидету (139–129 годы до н. э.) удалось разбить восстание Маккавеев и захватить опять всю Иудею *****. В борьбе против Мак-

* Дубнов С. История евреев, с. 71.

** Там же, с. 79.

*** Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985, с. 153.

**** История Древней Греции. М., 1972, с. 363.

***** Там же, с. 366.

кавеев Селевкиды опирались на потомков ассирийских колонистов, за что последние преследовались Маккавеями. Иуда Маккавей послал против них на север Палестины и в том числе в Галилею своего брата с трехтысячным отрядом. Этот отряд разбил войска галилейских язычников, состоявших в основном из бывших ассирийских колонистов. Иудейских жителей он взял с собой и поселил в Иудее, где «...они могли жить в безопасности» *. Таким образом, в Галилее остались только ассирийские колонисты — галилеяне.

Не менее успешной была война с другим своим недругом — идумеянами. Они в тот период жили в городе и окрестностях Хеврона. Иудеи напали на них и разбили **.

После смерти первого князя из династии Асмонеев — Симона (140—135 годы до н. э.) на престол правителя, князя и первосвященника Иудеи вступил Иоханан Гиркан (135—104 годы до н. э.). Он продолжал политику борьбы против самаритян, или «хутейцев» — бывших ассирийских колонистов, которые издавна были враждебны иудеям ***.

«Самаритянский храм на горе Гаризим, у города Сихема, являлся как бы противовесом иерусалимскому храму на Ционе. Соседство самаритян служило препятствием к полному политическому и религиозному слиянию иудейской окраины с центром. Этими государственными соображениями и патриотическими чувствами мог руководствоваться Гиркан, когда предпринял истребительный поход против самаритян около 120 года до н. э. Он взял их столицу Сихем и совершенно разрушил храм на Гаризиме, основанный три столетия перед тем, после национальной реставрации Эзры и Нехимию. Это разрушение самаритянского религиозного центра считалось таким знаменательным событием, что оно было увековечено в иудейском народе установлением ежегодного праздника («день Гаризима»).

Победа Гиркана навсегда ослабила политическое значение самаритян. Осталось только слабое племя, цепко державшееся за обломки своих религиозных традиций, остался бледный призрак, колебавшийся между еврейством и язычеством****. Однако хотя и удар по самаритянам был беспощадным, но уничтожить их окончательно не удалось. Гиркан воевал против самаритян почти до конца своей жизни. Особенно Гиркан хотел усмирить население всей Самарии. Но самаритяне обратились за помощью к царю Сирии из династии Селевкидов — Антиоху IX Кизикену. Последний вступил за самаритян, но оказать существенную помощь не мог. Иудейские войска разбили его *****. Иудеи захватили Самарию в 110 году до н. э. и полностью разрушили этот город *****.

Другой крупной победой Гиркана была победа над идумеями, что жили южнее территории Иудеи. В Идумее остались только те, кто согласился принять иудейскую религию. Один из идумеев по имени Ирод

---

* Дубнов С. История евреев, с. 114.

** Там же, с. 115.

*** Там же, с. 143.

**** Там же, с. 143.

***** Там же, с. 144.

***** Там же, с. 145.

женился на дочери Гиркана — Мириям и впоследствии при захвате римлянами ряда городов Иудеи, и в том числе Самарии, был возведен ими в цари Иудеи. Это было в 37 году до н. э. Ирод ненавидел народ — иудеев, которыми правил, так как никогда не забывал, что именно иудеи уничтожили его соплеменников-идумеян. Для защиты своей власти Ирод опирался на иноземцев и даже имел вторую жену из самаритян — потомков ассирийских колонистов — Мальтаку. Она родила ему двух сыновей — Архелая и Ирода-Антипу. Иудеи не признавали Ирода, и ему приходилось вести с ним постоянную борьбу. «...Главным образом силами самаритян и идумеев, а также силами наемных солдат, и наконец благодаря поддержке римских легионов овладел долго оборонявшейся столицей»*.

Когда вместо Антония императором стал Цезарь, то Ирод получил от него новые территории — самаритянские земли, которые находились между Иудеей и Галилеей. Таким образом, Ирод «...получил царскую власть над иудеями в лен от государя-покровителя»**. Он правил Иудеей и иудеями 40 лет и вел постоянную борьбу против иудейского народа.

Император Август и его наместник в Сирии, курировавший Иудею, не хотели участвовать в кровавой вражде, в которую втягивали их представители дома Ирода. Ирод поддерживал самаритян и идумеев в Палестине и во всей Римской империи, где бы они ни жили. Большую любовь и уважение он нашел в Идумее и Самарии. А Иудея не признавала его. «Здесь ему продолжали вменять в вину не столько пролитую кровь многих людей, сколько его чужеземное происхождение.

Одной из главных причин домашних раздоров в семье Ирода было то, что в своей жене из асмонейского рода, прекрасной Мириям, и ее детях он видел не столько своих близких, сколько иудеев, и потому боялся их; да и сам он говорил, что чувствует влечение к грекам в той же степени, в какой отвращение к иудеям»***. Умирая, Ирод завещал Самарию и Идумею своему сыну Архелаю. Остальные провинции достались другим сыновьям. Иудеи возражали против его царствования и требовали, чтобы идумеи оставили Иерусалим.

Подобное противостояние досаждало римлянам, и император Август сместил Архелая — сына Ирода и установил прямое римское правление Иудеей. А в 6 году н. э. Иудея стала частью Римской империи, но не первого, а второго статуса — ранга. Для осуществления своей власти римляне прислали в Иерусалим — столицу Иудеи римского военного наместника с войсками. Его резиденцией стал царский дворец. В период жизни Иисуса Христа Иудеей управляли несколько римских прокураторов: Копоний (6—9 годы н. э.), Марк Амбивий (9—12 годы н. э.), Амний Руф (12—15 годы н. э.), Валерий Грат (15—26 годы н. э.), Понтий Пилат (26—36 годы н. э.).

Во время римского правления Палестины древнееврейский язык «...исчез из повседневного употребления повсюду и удержался лишь в сфере религии, подобно латинскому языку в областях канонического использования.

* Момзен Т. История Рима. М., 1949, с. 450.

** Там же, с. 451.

*** Там же, с. 452.

В самой Иудеи он был заменен, правда, родственным древнееврейским и арамейскому народным наречием Сирии*.

При римлянах в целом положение потомков ассирийских колонистов ухудшилось. Они практически испытывали двойной гнет — римский гнет и гнет иудейской иерархии. Поэтому именно в районах компактного расселения колонистов на севере Палестины стал сильнее всего зреТЬ социальный протест против иудейских саддукеев, фарисеев и всех тех, кто угнетал их больше всего. Среди потомков ассирийцев усилилась вера в спасителя и освободителя людей, великого бога, который придет на землю и освободит людей от горя, страданий, нужды и сделает всех равными перед богом. Идея спасения человечества богом, идея мессианства уходит в толщу тысячелетий и была известна еще в Шумере, Вавилонии, Ассирии и Египте. Советский ученый В. Сергеев считает, что эта идея была известна всему человечеству**, а не только евреям. В период правления римского императора Тиберия такой спаситель человечества появился на севере Палестины, в Галилее — месте проживания потомков ассирийских колонистов, где они остались одни, когда Симон увел евреев в Иудею. Это был «...народный проповедник необычайной силы и таланта, притом обладавший удивительно притягательным нравом и темпераментом».

Иисус из Назарета был величайшим религиозным гением человечества, но деятельность его прошла в виде краткого, молниеносного момента. Он выступил внезапно, его проповедь длилась, может быть, не более года, самое большое — три года. Полем его странствующей проповеди была сначала северная провинция, сам он был по занятию плотник, его последователи — простые люди: ремесленники, рыбаки.

Придя к сознанию, что он и есть Мессия, обещанный израильскому народу, галилейский проповедник решился на путешествие в религиозный центр иудейства, Иерусалим. Сначала вызвал восторг, но скоро был схвачен по наущению партии священников и казнен при содействии римского наместника***.

Р. Виппер отмечал, что невозможно «понять начало движения, подобно возникновению христианской религии, если не представить себе основателя в качестве исторической личности — больше того, пришлось бы сочинить такового, если бы случайно предание нам ничего о нем не рассказало»****.

Остановимся вкратце на проблемах историчности Христа.

До недавнего времени подавляющая часть советских ученых считала, что Иисус Христос — мифическая личность, что такой человек никогда не существовал и является собирательным образом.

Другие считают, что Христос — историческая личность, что такой человек был, боролся за простой народ, казнен, а последующие наслаждения на этот образ произошли гораздо позже.

* Там же, с. 438.

** Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938, ч. II, с. 556—557.

*** Виппер Р. Ю. Возникновение христианства. М., 1923, с. 14.

**** Там же, с. 21.

Знаменитый голландский философ Спиноза признавал, что Иисус Христос был человеком. Древнеримский историк Корнелий Тацит в своей книге «Анналы» рассказывает, что Христос был человеком и был казнен при императоре Тиберию прокуратором Понтием Пилатом. Он писал об этом примерно в 117 году н. э.

Другой римский писатель, Плиний Младший, переписываясь с императором Траяном (98–117 годы н. э.), отмечал, что Иисусу Христу поклонялись как богу христиане*.

Имя Иисуса упоминается в Талмуде в качестве сына Парахьи, сына Пандиры, сына Стадеи. В Талмуде не упоминается имя Христа в качестве сына Иосифа и Марии, об Иисусе-назаритянине**.

В Евангелии от Иоанна жизнь и действия Иисуса Христа проходили в Южной Палестине – в Иудее и Иерусалиме.

Совсем другое место действия мы находим в Евангелиях от Луки, Матфея и Марка. Оно происходит только в Галилее – родине ассирийских колонистов и заканчивается в Иудее, в Иерусалиме***.

Еще одна проблема, связанная с Христом, его этногенезом, этническим происхождением. С детства мы привыкли к тому, что раз Иисус был иудеем по религии, то и по происхождению он тоже был евреем. Но мы не случайно начали первый раздел нашего очерка словами Т. Момзена о том, что «история иудейской земли не есть история иудейского народа...».

Равным образом можно быть православным, но не русским, католиком, но не итальянцем, мусульманином, но не арабом и т. д. Это полностью относится и к Иисусу Христу. Его потомки – ассирийские колонисты, поселенные в Северной Палестине – Израиле, и в том числе Галилее, приняли иудаизм при селевкидском царе Антиохе III. Но переход в иудаизм не принес им равенства с евреями ни в одной области. Это послужило причиной постоянного противоречия и основой враждебных отношений между галилеянами (самаритянами) и евреями, которые передавались из поколения в поколение.

Иисус Христос оказался тем человеком, который перенес эти отношения в плоскость борьбы за этническое равенство и социальную справедливость. Это вызвало, разумеется, страх у правящих классов Иудеи, у саддукеев – еврейской аристократии и фарисеев – книжников, которые возненавидели Христа как человека – гоя, который призывал их быть равными с неимущими, бедными людьми, представителями других народов. Иисус Христос постоянно выступал за равенство всех народов, что противоречило их догмам и установкам, вызывало вражду. За это Иисус называл саддукеев и фарисеев «порождением ехидны»****.

Иисус Христос и его ученики говорили на ассирио-арамейском языке, который его предки принесли из Ассирии. На этом языке они обращались к самым широким слоям населения с призывом национального и социального равенства. На этом же языке Иисус Христос, умирая на крес-

* Гертлейн Э. Что мы знаем об Иисусе? М., 1925, с. 13.

** Там же, с. 16.

*** Там же, с. 23.

**** Косидовский З. Сказания евангелистов. М., 1979, с. 65.

те, произнес слова: «Или, Или, ляма шафахатани? – Мой боже, мой боже, зачем ты оставил меня?» Эти слова и сегодня понятны каждому ассирийцу.

Идея о нееврейском, а ассирийском (сирийском) происхождении Христа, а именно так в средневековые называли ассирийцев, разбросана во многих произведениях мировой художественной и научной литературы. Так, в известном романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», первая часть которого, как отмечают критики, основана на исторических исследованиях, автор приводит следующий пассаж: когда Иисус Христос был арестован, то его привели к римскому прокуратору в Иудее Понтию Пилату, который спросил его по-арамейски: «Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаймский храм? Кто ты по крови? – Я точно не знаю, – живо ответил арестованный. – Я не помню своих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец. Родом я из города Гамалы – на севере и знаю арамейский, греческий, латынь» *. Это мы читаем у М. Булгакова, про которого советский драматург С. Ермолинский сказал, что «достоверность – одна из характерных черт Булгакова как писателя» **. Под этим он имел в виду, что М. Булгаков тщательно исследовал этногенез Христа. Иисус Христос был арестован по наущению представителей иудейского синедриона.

«И когда перед ним (Понтием Пилатом. – *Авторы*) появился Иисус, осужденный первосвященниками Иерусалимского храма как лжепророк, возбуждающий народ, он мог, казалось бы, без особых колебаний утвердить смертный приговор. Но перед ним вместо опасного смутьяна стоял тихий и молчаливый бродяжка в разорванном голубом хитоне, с синяками на лице, и странные, противоречивые чувства вдруг овладели Понтием Пилатом...» *** Далее С. Ермолинский писал, что «прокуратор понимал, что кроткий бродяжка-философ ничем не угрожает Риму. Он, кажется, опасен лишь первосвященникам, убоявшимся его соблазнительной ереси, хотя учение его миролюбиво и немногословно: «все люди добрые, только все знают это» ****.

Во время допроса Иисус Христос сказал, что не признает никакой власти, и Понтius Pilatus считал, что это самое опасное преступление. «Все другие преступления бледнеют перед этим. И ему представился кесарь Тиверий, который жил на Капри (острове Капри), скрывая свое прокаженное лицо. Он далеко, но тысячи невидимых доносчиков, как по воздуху, донесут ему о милосердии Прокуратора, коли он проявит его к не признающему власти кесаря...» ***** И тогда Понтius Pilatus «убоялся», как об этом сказано в Евангелии от Иоанна. Это Евангелие М. Булгаков любил больше всего.

В Талмуде отмечалось, что Иисус Христос «...самого низкого происхождения: сын блудницы и сирийца» *****. Из 12-томного Талмуда, под

* Булгаков М. Мастер и Маргарита. – «Москва», 1966, № 11, с. 16–18.

** Ермолинский С. Драматические сочинения. М., 1982, с. 627.

*** Там же, с. 623.

**** Там же, с. 625.

***** Там же, с. 625.

***** Там же, с. 627.

редакцией Сойкина, М. Булгаков почерпнул многие сведения об Иисусе из Назарета *.

Доказательство подлинного происхождения Христа — акт исторической и человеческой справедливости по отношению к невинно казненному человеку. И дело не в том, что мы хотим покарать его убийц, которые обагрили руки в крови невинного человека, хотя одного этого было бы достаточно, чтобы взяться за перо. Главное в том, что его лишили национальной принадлежности, отняли у своего народа. Его не приняли и не принимают за своего еврея, и он как бы ничей при существовании своего родного народа — ассирийцев. Этот исторический акт наконец сделан, на наш взгляд, объективно и справедливо. Впереди, мы надеемся, будут новые открытия в этой области.

2. РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО В ЗАКАВКАЗЬЕ И В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ БУДУЩЕЙ РУСИ

После смерти Иисуса Христа его проповеди и учение в целом не исчезли, как хотели его враги. Первоначально, испугавшись казни своего учителя и преследования его сторонников в Палестине со стороны римлян и иудеев, ученики Иисуса решили начать пропаганду христианства за пределами этой страны, главным образом на окраинах Римской империи и Ирана, за их пределами. Одним из первых шагов апостолов было распространение новой религии в Закавказье — Албанию, Армении, Грузии и далее за Кавказский хребет. На долю апостола-ассирийца Варфоломея выпало пропагандировать христианство вначале в Армении, а затем в Закавказской Албании. Последняя граничила с Дагестаном — бывшей Сарматией. На севере она была опоясана Северным Кавказским хребтом, на востоке — Каспийским морем, на западе — рекой Алазан, на юге — Арменией. Варфоломей прошел через Иран в Армению. Здесь он проповедовал христианство и затем ушел в Албанию, где погиб мученической смертью. После его смерти там обосновался ученик другого апостола, Фаддея — Елисей. Родной брат Иисуса Христа Иаков, служивший в Иерусалиме, рукоположил его в епископы. Вначале он пропагандировал в Ассирии, в Иране, Армении, а затем в Албании, в районе Уды. С ним работали три его последователя — албанцы по происхождению. Но им не повезло — они погибли от рук родственников за распространение христианства на родном языке. Елисей, похоронив своих учеников в селении Нидж — вблизи столицы Албании Кабалы, направился в город Кит, где местные жители приняли христианство. Перешедшие в христианство построили себе церковь, подготовили священников. После этого Елисей направился в район ущелья Аргун и там, у села Буш, у самых Кавказских гор, был убит язычниками, а его тело брошено в яму. Впоследствии его перезахоронили в армянском монастыре Черваништык. Албанский царь, принял христианство, поставил ему там памятник. До сих пор христиане и мусульмане этого района считают это место святым **.

* Ермолинский С. Драматические сочинения. М., 1982, с. 628.

** История грузинской церкви до конца VI века. Составил ивериец Гоброн (Михаил) Сабинин. Спб., 1877, с. 16.

Албанская церковь не была изолированной и находилась в тесной связи с грузинской и армянской церквами и имела своих независимых албанских католиков, и «церковь эта, будучи православной вместе с грузинской и армянской в первые века христианства, входила в состав Константинопольского патриархата. Когда армянская церковь присоединилась к монофизитам, то и албанская вскоре оказалась в их власти, уклонилась от православия и породила у себя особых еретиков, известных в христианской истории албанскими еретиками, допускавшими в христианском учении, подобно маркионитам, дуализм» *.

Албанская церковь процветала до нашествия войск Тамерлана. Он практически уничтожил всех христиан-албанцев, а оставшиеся в живых присоединились к грузинской церкви. Еще много времени спустя грузинские католикосы именовались и албанскими **.

История христианства в Грузии тоже относится к I веку н. э. Его начало положили три ассирийских апостола – Андрей, Симон (родной брат Иисуса Христа) и Матфей. Они прибыли в порт Трабзон, а затем пешком прошли в страну Адгару (Аджарию) и пересекли реку Чорох в районе нынешнего города Батуми. Это было приблизительно в 40-м году н. э. Здесь их встретила местная царица, вдова убитого до этого понтийского царя Поламона I, оказала им гостеприимство, а затем приняла христианство сама.

Апостолы Андрей и Симон отправились через Месхию, Таос-Кари и Абзакию в глубь Грузии, а затем в Осетию, а апостол Матфей остался там. В земле осетин – Осетии они крестили местное население. Многие осетины из города Бостафора приняли христианскую религию. После этого апостол Андрей ушел на Кубань, в страну джигов, где тоже имел успех. Затем по северному берегу Черного моря Андрей Первозванный направился в Крым (Босфор), в Поднепровье, а потом в Грецию в город Патры, где был убит в 55 году н. э. ***

Однако смерть Андрея Первозванного не положила конец христианской религии в районе Крыма и Поднепровья. Ученые отмечают, что «христианство стало проникать в бассейн Днепра во второй половине I тысячелетия. По свидетельству Ибн-Хордадбеха, относящемуся к 840-м годам, русские купцы, приезжавшие на восток, считали себя христианами.

В X веке в городах, по крайней мере в Киеве, уже существовали христианские церкви (церковь Ильи упоминается в договоре 944 года), которые стали здесь соперниками языческих святыниц****. Правда, доофициальное христианство «...распространилось лишь на некоторых представителей высшей знати и купечества. Да и у ряда киевских князей оно не получило признания» *****. Но вместе с тем следует отметить, что

* История грузинской церкви до конца VI века. Составил ивериец Гоброн (Михаил) Сабинин. СПб., 1877, с. 17.

** Там же, с. 17.

*** Баратов С. История Грузии. Спб., 1865, т. I, с. 66, а также История грузинской церкви, с. 12–16.

**** Русское православие. Вехи истории. М., 1989, с. 13.

***** Там же, с. 13.

христианская концепция пришла на Русь от ассирийского апостола Андрея Первозванного из Крыма и по Поднепровью дошла до Киева. Эти идеи первоначального христианства подготовили принятие Киевской Русью этой религии.

Как складывалась судьба христианства в Грузии в первые века новой эры?

В Западной Грузии в I веке н. э. местный царь стал преследовать немногочисленных христиан и разрешил исповедовать эту религию лишь в районе Севастополиса — нынешнего города Сухуми. Оставшийся в этих местах Симон после ухода в Крым апостола Андрея продолжил христианскую проповедь в этом районе, и она оказалась столь успешной, что грузинский царь испугался этого и приказал убить его. Симон был похоронен в основанной им церкви в местечке Никописса вблизи современного города Сухуми. Развалины этой церкви сохранились почти 19 веков. Под алтарем этой церкви, как предполагают ученые, находятся его останки. Такая же участь ждала апостола Матфея, однако место его захоронения до сих пор неизвестно *.

Во II — начале III столетия новой эры Грузией правил царь Рева. Он познакомился с новой религией — христианством через миссионеров, изгнанных из Кавказской Албании, и благоволил этому учению. Однако закрепление христианства окончательно в Грузии началось лишь с прибытием в эту страну в 313 году проповедницы христианства Нины. Она была ассирийкой из города Коластры, ныне в Турецкой Каппадокии, и поэтому вошла в историю как Нина Каппадокийская. Она впервые ступила на землю Грузии 1 июня (по старому стилю 19 мая) 313 года. Отцом Нины был Завулон, который служил в римской армии. Мать звали Сусанной. Она была сестрой христианского патриарха в Иерусалиме. Родители Нины продали свое имение в Каппадокии и уехали к брату Сусанне в Иерусалим **. Отец решил оставить военную службу и уйти в священники, а мать посвятила себя помощи бедным и униженным. Однажды, когда Нина уже жила в Иерусалиме, ей приснился сон — голос призвал ее отправиться в Иверию — Грузию и принести туда христианство. Нина сделала себе крест из виноградной лозы и начала христианскую проповедь ***.

Распространяя христианство в Грузии, вернее, закрепляя его, Нина в своих проповедях много рассказывала о своем родственнике Георгии, который жил святой и благородной жизнью, посвятив ее людям. Грузины, воспринявшие это имя как нечто святое, а не как имя простого человека, и стали называть христиан георгиями, то есть грузинами ****. Впоследствии это название было дано стране.

Ассирийка Нина окончательно решила судьбы христианства в Грузии. Ее появление в этой стране, настойчивая и целеустремленная христианская проповедь способствовали упрочению этой религии. Вот почему в

* Баратов С. История Грузии, с. 18—19.

** История грузинской иерархии с присовокуплением обращения в христианство Осетии и других горских народов. М., 1853, с. 3.

*** Там же, с. 4.

**** Там же, с. 9.

Грузии почитают Нину, а грузинская церковь причислила ее к лику святых.

Кроме Нины, грузинская церковь считает своими святыми и 13 ассирийских отцов. Они прибыли из Сирии в Грузию в начале VI века по просьбе грузинского царя Парсмана III, взошедшего на грузинский престол в 503 году. Ассирийские отцы закрепляли, распространяли христианство, построили много церквей, монастырей, организовали монашескую жизнь, принесли в Грузию идею жизни пустынников, идеи аскетизма *.

Эти святые отцы были учениками знаменитого ассирийского святого Симона Столпника (390—460 годы), который получил такое имя, просидев на каменном столбе почти всю свою жизнь. Ученые признают, что святые ассирийские отцы способствовали тому, что «...иверская церковь дошла до той высоты своего духовного совершенства, до которой не доходила в то время ни одна из церквей Передней Азии, и, несмотря на бури и потрясения, которые охватили Грузию, и угрозы от внешних и внутренних врагов, грузинская церковь осталась непоколебимой» **. В этом ей большую помощь оказали ассирийские отцы.

Ассирийская христианская миссия состояла из 13 человек. Среди них — Иоанн Зедазени, Давид Гареджа, Шио Мгвеми, Иосиф Алaverды, Антоний Мартковский, Стефан Хирский, Зенон Икалтский, Фаддей Степанцмидский, Исидор Самтайский, Михаил Улумбийский, Пира Бретский, Авив Некресский, Иссей Цилканский ***.

Ассирийские отцы «...подобно святым апостолам, стали твердыми и непоколебимыми столпами церковного знания, начатого святой Ниной и оконченного святыми и доблестными царями и царицами Грузии» ****. Своими великими трудами и источниками слез открыли грузинам широкий путь к духовному просвещению. Грузинская церковь получила с их пришествием все свое устройство и животворную силу, с помощью которой устояла против врагов церкви, находясь на рубеже христианского мира.

Святые отцы являлись поборниками истины и благочестия, искоренили из среды христиан зло и суеверие, оставшиеся как от прежнего язычества, так и от столкновения с языческими народами, во время военных неурядиц. Они явились распространителями христианства во всех разбросанных частях грузинского царства; оросив почву грузинской церкви потоками слез, погасившими огонь зороастра, который сохранился в некоторых местах древней Грузии.

Святые отцы воздвигли огромный столб православия, выстоявший против лжеучений Востока и Запада. Своими проповедями они очистили всем грузинам путь к спасению.

Святые отцы остались Грузии свои мощи, которые служат защитой для грузин. Обители, основанные ими в неприступных местах Грузии,

* История грузинской иерархии с присовокуплением обращения в христианство Осетии и других горских народов. М., 1853, с. 10.

** Там же, с. 27.

*** Там же, с. 11.

**** Там же, с. 102.

служили и служат грузинской церкви основой благочестия и нравственности, источником просвещения и святой жизни.

В этих обителях готовилось духовенство, в них находили мир и покой цари и вельможи в период неурядиц и государственных переворотов» *.

Исследователи христианства в Грузии сообщают, что биографии святых ассирийских отцов не сохранились полностью. Но кое-какие сведения мы имеем. Так, руководитель миссии ассирийских святых Иоанн родился в городе Антиохии и много времени прожил в Антиохийской пустыне, ведя там аскетическую жизнь. Там, в пустыне, как гласит предание, он услышал голос с неба, призывающего его прибыть в Грузию. Он выбрал себе 12 учеников, взял помощника и ровно 200 лет спустя после появления святой Нины в Грузии прибыл в эту страну. В Грузии ассирийские апостолы основали школы, церкви, монастыри, ставшие очагами просвещения и нравственности. «Говоря одним словом, сирийские отцы были для новопросвещенных христиан Грузии тем же, чем была святая Нина для языческой Грузии. Несмотря на пройденные уже тринадцать столетий до наших дней, грузинская церковь носит на себе явные следы их попечения» **. Правивший в то время католикос Грузии Евлавий разрешил им проповедь по всей Грузии. Трех из 13 ассирийских святых он возвел в сан епископов. Авив получил Некрессскую епархию, Иссея – Цилканскую кафедру, Иосиф стал епископом северо-западной части Кахетии – в Алaverдской епархии. Когда Евлавий умер, то в завещании просил избрать католикосом Иоанна, который жил недалеко от резиденции католикоса Грузии на горе Зедазени. Однако последний отказался от патриаршества и рекомендовал грузинскому царю Парсману VI сделать католикосом Грузии местного грузина Макария ***.

Католикос Макарий с первых дней патриаршества стал дальше укреплять влияние святых отцов в Грузии и освятил лавру святого Шио и святого Давида. Лавра святого Давида стала центром духовного и гражданского просвещения в юго-восточной Грузии, а лавра святого Шио – в Западной Грузии. Другие лавры – Иосифа Алaverдского, Стефана Хирского, Исидора Самтавийского, Михаила Улумбийского, Пира Бретского, Фаддея Степанцидского, Зенона Икалтского, Антония Марткобского сыграли большую роль в судьбах всей Грузии. Все они освящены католикосом Макарием, по его настоянию царь взял все эти епархии на свое полное попечение.

С того времени христианство стало на прочную основу в Грузии, пережило тяжелую и неординарную историю вместе с грузинским народом, всегда было ему опорой и надеждой в самые трудные времена. Грузины с большим уважением относились и относятся к ассирийцам и в тяжелые годы межнациональных конфликтов ассирийцев Грузии никогда не преследовали.

* История грузинской иерархии с присовокуплением обращения в христианство Осетии и других горских народов. М., 1853, с. 103.

** Там же, с. 105.

*** Там же, с. 106.

ТАТЬЯНА ГАЙДУКОВА

Сократ и Ницше

(Из книги «Власть Толпы»)

Трагическое сопереживание надвигающегося, невиданного прежде по широте и глубине охвата кризиса всей европейской культуры как надвигающееся торжество массовой буржуазной псевдокультуры – «культуры толпы», то есть разрушение тех традиций западной цивилизации, которые складывались на протяжении многих веков («с корнем вырвать склонность к преданию и преемственности», – лейтмотив современной эпохи, замечает в связи с этим Ницше), – послужило основой глубокого размышления мыслителя в поиске выхода из этой кризисной ситуации, «в поисках будущего». Ибо этот кризис порождает нигилизм неверия в жизнь («нигилизм стоит у порога») «как разочарование в жизни вообще». Философ же убежден, что это разочарование не есть разочарование в жизни, а лишь разочарование в «интерпретации этой жизни», в том христианско-этическом идеале, который послужил основой низложенного «вульгарной поступью современной эпохи» рационального, гармоничного взгляда на мир. Отсюда пристальное внимание мыслителя к моральным явлениям («моральные явления занимали меня как загадка»). Всемогущество веры – веры в мораль было в центре философских размышлений Ницше. Всегда ли это было так? Откуда эта абсолютность господства моральных оценок, кажущихся сегодня инстинктивными как род внутренней команды. Все подводило философа к размышлению над «особой», «роковой ролью моральной идиосинкразии» в истории европейской цивилизации. В результате Ницше приходит к признанию, что «при сравнении ценностей цennыми считались самые противоположные вещи», что «существовало много таблиц благ и ничего ценного в себе». В свете этого низвергалась претензия морально-христианской шкалы ценностей на абсолют. Анализ же ее становления как определяющий ведет философа в глубь веков и подводит к признанию извечной, заложенной в естестве человеческой природы, энергийной пра-основы перспективных оценок. В зависимости от активности или ослабленности энергийного потенциала жизни различаются, по Ницше, две шкалы ценностей жизни: агональная и дезагональная. Принципиальной основой агональной шкалы выступает «психология оргиазма» как бьющее через край чувство жизни, в котором даже страдание действует как возбуждающее средство. Агональность, считает философ, – господствовала в построении шкалы ценностей жизни в аристократической Греции, символом которой выступает «агон». Это подтверждение жизни даже в самых непостижимых и суровых ее проблемах, чтобы наперекор ужасу и состраданию быть самому вечной радостью становления, той радостью, которая заключает в себе также и радость уничто-

жения. Сущностным выражением этой агональности как «основного факта эллинского инстинкта», его «воли к жизни» служили дионаисийские мистерии. Что гарантировал себе эллин этими мистериями? Вечную жизнь, вечное возвращение жизни, торжествующее «да» по отношению к жизни наперекор смерти и изменению. В них придается религиозный смысл глубочайшему инстинкту жизни, инстинкту будущности жизни, вечности ее. Самый путь к жизни, соитие, понимается как священный путь. В учении мистерий освящено страдание: «муки роженицы освящают страдание вообще, всякое становление и рост, все гарантировавшее будущее обуславливает страдание. Все это означает слово Дионис. Дионис олицетворял смысл, сущность мифологизированного бытия древнего грека как невинная полнота жизни.

Итак, агональная шкала ценностей представляет, по Ницше, естественный, высший потенциал жизни, акмэ. Все здесь построено на естественной связи с природой как «полная уверенность в функциях регулирующих бессознательных инстинктов или даже известное безрассудство по отношению к опасности». Именно в этом выражена, по Ницше, открытость, единение человека со своей альма-матер, наивное доверие к жизни сильных, мощных.

Дозагональная же шкала ценностей ослабленного энергийного потенциала жизни базируется на разрушении этой открытости, на разрыве естественной, инстинктивной связи с природой, опираясь на «рацио». Естественная «открытость» к жизни, природе здорового сильного организма подменяется, «компенсируется», как иносказательно пишет философ, развитием такого ума, который «любит закоулки, тайные дороги и задние двери». Эта «тайная хитрость» ума глядит из глубин веков «глазами подавленных и ослабленных» и получает впервые исторически четкую, определяющую форму у Сократа, в той рационализации жизни, подведении ее под этику, когда тезис: разум равен добродетели, равен счастью и со временем околовал весь мир.

...До Сократа в хорошем обществе чуждались диалектических приемов, то есть логического обоснования своих поступков. Они считались дурными приемами, они дискредитировали. От них предостерегали юношество. Для чего, собственно, доказывать? Против чужих имелся авторитет. Приказывали — этого было достаточно. Между собой имело значение происхождение — тоже авторитет. И в конечном счете понимали друг друга. Для диалектики не оставалось места. Открытое высказывание своих оснований возбуждало недоверие. «Во всех порядочных вещах их основания так резко не бросаются в глаза. То есть естественный процесс бытия грека,— считает Ницше,— не требовал обоснования, срастаясь с традициями и обычаями в длительности времени». Всякое доказательство, обоснование естественных, апробированных веками норм жизни, моральных представленийказалось шутовством. То, что может быть доказано, немногого стоит. Диалектик, подчеркивает Ницше, возбуждал недоверие и мало убеждал. Он казался чем-то вроде шута: над ним смеялись, к нему не относились серьезно. Однако Сократ был «шутом», возбудившим серьезное отношение к себе. Что же случилось тут?

Рудиментарная психология как база сократовского мышления, счи-таясь только с сознанием, с сознательными процессами, в человеке за-

всяким действием искала воли, то есть намерения. Рационализм Сократа опирается на теорию «свободной воли». Это была всеобъемлющая заявка на «новое» видение мира, жизни. Осуществляется разрушение идеи «Судьбы», пронизывающей всю досократовскую культуру эпохи миротворчества и базировавшейся, по Ницше, на естественно-интуитивной основе, освещенной веками традиций, верований. Теперь предопределенности Судьбы противостоит Свобода воли.

И хотя Ницше констатирует в этом процессе «форму растущего чувства гордости», но тут же доказывает всю «примитивность» этого рационалистического взгляда самосознующей себя личности. Это поистине «наивный примитивизмrudиментарной психологии», полагающей, «что истинной причиной может быть только воля и что для того, чтобы иметь право считать себя причиной, нужно иметь уверенность, что предшествовал акт воли». Свобода воли предполагает, что причиной действия всегда является чье-то осознанное волевое намерение, и отрицает бессознательную деятельность, утверждая, что ничто не принадлежит нам, чего «не было бы в сознании как объект желания».

Внутреннюю слабость, уязвимость подобного взгляда, считает философ, легко доказать: «если человек не есть *cansa prīma* как воля, то он не ответствен, он не подлежит совсем моральному суду, всякий ответствен только за то, что «он хотел». Тем самым человек всегда может уйти от ответственности за преступление, которое он «не хотел», но совершил. К такому финалу, по Ницше, неизбежно приходит «рудиментарная психология».

Абсолютизация сознания является выражением несовершенного и часто болезненного состояния личности. Личное совершенство, являющееся продуктом воли, как сознательность, как разум с диалектикой, есть карикатура, своего рода самопротиворечие. «Гений заложен в инстинкте, точно так же, как и доброта. Действуешь только тогда совершенно, когда действуешь инстинктивно. Высшая доброта – это та, которая не от разума идет, – как говорят в народе, – а от сердца».

Далее, рудиментарная психология могла ограничить свою задачу ответом, во-первых, на вопрос, чего хочет человек? – счастья. Во-вторых, если на деле человек не достигает счастья, то где причина? В ошибочном выборе средств. Какое средство безошибочно ведет к счастью? Ответ – добродетель. Почему добродетель? Потому, что она высшая разумность и потому что разумность не позволяет ошибаться в выборе средств. Добродетель в качестве разума есть путь к счастью. Диалектика есть постоянное ремесло добродетели, ибо она исключает всякое помрачение интеллекта, всякие аффекты.

В этой преувеличенной заботе о счастье скрывалась, по Ницше, тайная суть декаданса.

В действительности, – подчеркивает философ, – человек ищет не счастья. Удовольствие есть чувство мощи, высокий энергийный потенциал личности, то, что символически можно обозначить как «волю к власти».

В прежней, «замешенной на агоне», греческой жизнедеятельности не счастье выступало лейтмотивом жизни древнего грека. «Пока жизнь восходит, – замечает философ, – счастье равно инстинкту». Эта восходящая жизнь полиса утверждала аффект, агон, «опьянение» жизнью как

принципиальную основу жизнедеятельности древнего грека. Исключив аффект, вы исключите состояния, которые приносят с собой высшее чувство мести и, следовательно, наслаждения, праздника жизни. «Фанатизм декаданса в погоне за счастьем служит показателем патологической почвы: то был вопрос жизни. Быть разумным или погибнуть».

Не случайно Сократ «стилизуется», пытается подстроиться под естественную инстинктивную, «дионаисийскую» прароду старой аристократической Греции, будучи бесконечно утонченнее проповедуемого им взгляда». Сократ очаровывал. Он открыл нового вида агон и был первым учителем фехтования в этой области для знатных афинских кругов. Увлечением, охватившим наиболее просвещенные греческие круги, стала диалектика, прежде всего сама манера диалектического спора, оттаскивающая острие логической аргументации. Затрагивая агональные инстинкты эллинов, Сократ внес вариант соревнования в борьбу между молодыми людьми и юношами, в ту исконную соревновательность, как телесную, так и духовную, которая так неподражаема была у греков.

Утверждая «сознательность как высшее состояние, как необходимое условие совершенства», Сократ апеллировал к исконным «агональным» инстинктам эллинов, на которых, по Ницше, и была «замешана» культура аристократической Греции. Сократ, который благодаря характеру своего таланта — таланта выдающегося диалектика — занял позицию на стороне разума, исповедуясь перед самим собой, признавал необходимость «следовать инстинктам, а разуму предоставить обосновывать их». В этом, по Ницше, и заключалось «лицемерие великого насмешника».

При этом Сократ не был по доброй воле мудрым, подчеркивает Ницше, это было сверхзадачей — держать себя в руках, чтобы бороться при помощи доводов, а не аффектов. Мудрость, ясность, твердость и логичность — как орудие против необузданых влечений. Последние должны быть опасны, угрожать гибелью, иначе какой смысл доразвивать мудрость до такой тирании. Если является необходимость сделать из разума тирана, как это сделал Сократ, то велика, значит, была опасность, что нечто иное могло сделаться тираном.

...На декаданс прежде всего указывала сама внешность Сократа. «Нам известно, как безобразен был он... Был ли Сократ вообще греком? Безобразие является часто выражением заторможенного скрещением развития... или нисходящим развитием. Сократ и не отрицал, что он *monstrum*, таящий в себе дурные пороки. К этому добавляется «суперфетация» логического..., те галлюцинации слуха, которые были истолкованы на религиозный лад как «демоний Сократа». Все в нем преувеличено, *buffo*, карикатура, все вместе с тем отличается скрытностью, задней мыслью, подземностью», — заключает свой экскурс Ницше.

Но Сократ обнаружил в себе силу и способность преодоления этой идиосинкразии, став господином над самим собой, открыв диалектически возможности этого преодоления, сделав из Разума — Тирана.

Если инстинкты хотят стать тираном, то нужно изобрести противотирана, который был бы сильнее, замечает Ницше. Это была крайняя необ-

ходимость держать себя в руках, чтобы бороться при помощи доводов, а не аффектов — и победить.

Однако Сократ отгадал еще большее. Он понимал, что его случай, его идиосинкразия уже не была исключительным случаем. Такое же вырождение подготавливалось всюду в тиши. Старым Афинам приходил конец. И Сократ понимал, что все нуждаются в нем, в его средстве, в его врачевании, в его личной сноровке самосохранения. Повсюду инстинкты находились в анархии, повсюду были в пяти шагах от экцесса. Его случай был лишь крайним проявлением, лишь самым бросающимся в глаза из того, что уже становилось всеобщим бедствием, а именно: «никто уже не был господином над собой», инстинкты обратились друг против друга. Итак, декаданс, по Ницше, охватил все греческое общество.

Сам по себе декаданс, отпадение отдельных частей, упадок, отброс еще не заслуживает осуждения, замечает философ. Даже в полном своем расцвете общество «выделяет всякую нечистоту и отбросы». Появление декаданса так же необходимо, как любое восхождение и поступательное движение в жизни. В глазах культуролога-идеалиста (общество как культурологический комплекс!) не существует понятия исторического прогресса, ибо история — это многообразие ликов культур в длительности времени, а развитие рассматривается лишь в границах того или иного «исторического лица» как живого организма. Это неизбежный естественно-исторический процесс рождения, расцвета и увядания. Итак, идя к своему естественному увяданию, в стареющей культуре начинает превалировать декаданс. Ибо «не в воле общества оставаться молодым».

Отсюда естественно в процессе длительности времени, считает философ, что полис теряет веру в исключительность своей культуры, осуществляется взаимозависимость и обмен культур, что на языке мифотворческого бытия древнего грека означало «обмен богов». При этом утрачивается вера в исключительность своей культуры. Добро и зло различного происхождения смешиваются, граница между добром и злом стирается. Естественным результатом этого процесса является разрушение культуры полиса как такового.

Именно это положение вещей отражают, по Ницше, софисты. Они являются реалистами, формулирующими на философском языке всеми принятые ценности и практику, реальное положение вещей. Подводя к проблеме относительности торжествующих ценностей жизни, прежде рассматриваемых как абсолютные, в том числе и морали, софисты близко подходят к критике морали,— подчеркивает Ницше,— к первому прозрению в вопросах морали. Сопоставляя ряды моральных ценностей, они дают понять, что всякая мораль может быть диалектически оправдана. Они провозгласили ту основную истину, что не существует морали в себе, добра в себе. Они имеют мужество всех сильных духом сознавать свою имморальность. Действительно, возможно ли поверить, что «маленькие греческие свободные города, готовые от злости и зависти пожрать друг друга, руководились принципами гуманности и справедливости»? Среди такой исключительной натянутости отношений говорить о добродетели мог лишь настоящий Тартюф. (Здесь философ имеет в виду Платона, который тяготеет к идеальному полису, после того как понятие «полис» себя

пережило, тем самым олицетворяя, по мнению философа, «реакцию».)

Фактически софисты на языке философии отразили, что декаданс стал нормой клонящегося к упадку общества, показателем его естественного увядания, как и всякого живого организма. Сам их «оптимистический скептицизм», «релятивизм» требовал перехода к новому, не отрицая агональный потенциал, не порывая с греческими корнями. Именно на этом пути, по Ницше, можно было бы выйти к новым рубежам. Это выход из декаданса как поворот к человеку, к изучению его естественной природы. (Вспомним знаменитый тезис Протагора: «человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих же, что они не существуют».)

Однако видение софистов не утвердило себя. Философия пошла вслед за Сократом. Естественность самого процесса декаданса как неизбежного во времени исторического увядания не была постигнута греческими философами,— подчеркивает Ницше,— напротив, вслед за Сократом во всех бедах увядания греческого общества было обвинено аристократическое правление. Отсюда «философ» видит причины упадка в упадке учреждений, он на стороне старых учреждений. Он видит увядание в упадке авторитета, он ищет новых авторитетов. Отсюда «поездки за границу, чужие литературы, экзотические религии». Он тяготеет к идеальному полису, после того как понятие «полис» себя пережило. И Ницше заключает: Сократ олицетворяет собой реакцию. Падение Греции истолковывается им как аргумент против основ эллинской культуры. Греческий мир гибнет. Причина — Гомер, миф, античная нравственность.

«Вот почему все действительно эллинское привлекается к ответу за упадок. И Платон проявляет ту же неблагодарность,— считает Ницше,— к Периклу, Гомеру, трагедии, риторике...»

Итак, в противоположность софистам, которые подходят к первому прозрению в области морали, греческие философы вслед за Сократом идут вспять, стремясь воскресить безвозвратно ушедшее во времени. Они хотят видеть в Будущем — мумизированное прошлое, лишенное соков жизни, лишенное естественной связи с традиционной культурой, взращенной на энергийной, агональной, инстинктивной основе. Из живой, органической, конкретно-исторической целостности возникает, по Ницше, искусственное порождение декаданса.

Великие понятия «добрь», «справедливость» отрываются от тех предпосылок, с которыми они неразрывно были связаны, и в качестве ставших свободными «идей» делаются предметами диалектики. Ищут скрытую за ними истину, принимают их за сущность или за знаки сущностей.

Платон благодаря чрезмерно повышенной, по Ницше, чувствительности и мечтательности настолько поддался чарам понятия, что чтил и боготворил их как какую-то идеальную форму.

...Если, как мы отмечали, Сократ еще «играл» на древних, агональных инстинктах эллинов, самой устремленности молодежи к состязанию, «фехтованию умов», становясь первым учителем фехтования для знатных, хотя это уже состязание холодной, отточенной гомо-разумности, но тем не менее — «состязание», то Платон идет еще дальше в своей «совершенно абстрактно построенной добродетели» как «величайшем искушении превратить самого себя в абстракцию». Он отвлек инстинкты от

полиса, от состязания, от воинской доблести, веры в традицию и предков, введя диалектику в повседневный обиход и «дав образец совершеннейшего отклонения инстинктов от старого». Он глубок и страстен во всем антиэллинском. «Платон,— заключает Ницше,— разрушил язычество, переоценив его ценности, и отравил его невинность. Греческая культура, целиком выросшая на почве греческих инстинктов, тесно связана с культурой перикловского периода так же необходимо, как Платон с ней не связан. Она имеет своих предшественников в лице Гераклита, Демокрита, в научных типах древней философии. Она имеет свое выражение, например, в высокой культуре Фукидса. И она в конце концов оказалась права: всякий шаг вперед в сфере гносеологии и морали воскрешает софистов»*.

...Греческие философы опираются на тот же факт внутренних своих переживаний, как и Сократ. Они, по Ницше, на расстоянии пяти шагов от эзцесса, анархии, разнужданности — всего того, что характерно для человека декаданса. Для них он был врачом: логика как воля к мощи и самоподчинению, к счастью. Из мудрости сделать тирана, но в таком случае и влечения должны быть тиранами.

...Итак, с одной стороны, необузданность и анархия инстинктов, с другой,— преизбыток логики и ясности разума. То и другое — отклонение от нормы, то и другое — факты одного и того же порядка.

Теперь декаданс становится всеобъемлющим, той почвой, которая взрастила новую культуру, оморализовавшую жизнь.

Итак, естественного увядания, предполагавшего преемственность, а вовсе не разрыва с греческими агональными корнями, так и не произошло. Своей формулой: разум равен добродетели, равен счастью Сократ разорвал связь времен. Было идеологически оформлено разрушение старой агональной культуры древней Эллады. Это означало, по Ницше, рождение «моралина», торжество тех самых ценностей, которые были обозначены как собственно моральная шкала ценностей. Точка зрения Сократа побеждает, декаданс утверждается и консервируется как неизбежные условия существования на века. В чем же причина этого?

В самом противопоставлении «линии Сократа» и «Иного будущего», возможно, прототипа взглядов Ницше, выразителями которого были софисты, мы видим ту же субъективистскую основу, что и в «неслучайной случайности» Сократа. Ведь Сократ, по Ницше, мог и не появиться. Если для Гегеля, пусть и на идеалистической основе, появление Сократа закономерно, то для Ницше появление Сократа случайно. Правда, это та самая «случайность», через которую судьба вершит свою фатальную предопределенность (на чем мы остановимся в дальнейшем). Однако, погибнувшись, подобная альтернатива с неизбежностью обеспечивала себе победу.

Реальной основой победы философии Сократа, утвердившей себя с «роковой неизбежностью», явился плебс или «толпа», — «извечная категория» на языке «радикального аристократа духа». Эта перемена вкуса в сторону диалектики является великим вопросительным законом, замечает

* Ницше Ф. Полн. собр. соч. Спб., 1910, с. 188.

Ницше. Нужно очутиться в затруднительном положении, нужно стоять перед необходимостью насищенно добиваться своего права, только тогда можно воспользоваться диалектикой. Ирония Сократа — «это «форма плебейской мести». С появлением Сократа греческий вкус изменяется в благоприятную для диалектики сторону. Прежде всего «этим побеждается аристократический вкус».

Что, собственно, произошло? Сократ, «этот мещанин с головы до ног», который, по Ницше, способствовал укреплению этого вкуса, одержал в нем победу над более благородным вкусом, «вкусом благородных».

Дается в руки беспощадное оружие. Им можно тираничить. Дискредитируют тем, что побеждают. Предоставляют своей жертве доказывать, что она не идиот. Сократ открыл, что можно изловить всякого, приведя его в состояние аффекта, что аффект протекает нелогически. При этом делают людей злобными и беспощадными, а сами в это время остаются — холодной торжествующей разумностью. Обессиливая интеллект своего противника, дискредитируя его.

Не есть ли ирония Сократа проявлением бунта? Ведь по своему происхождению,— подчеркивает Ницше,— он принадлежал к низшим слоям народа: Сократ был чернью. Наслаждается ли он как угнетенный своей собственной жестокостью в ударах ножа силлогизма? Мстит ли он знатным, которых очаровывает?

В лице Сократа была идеологически оформлена точка зрения Плебса, или Толпы, что для Ницше однозначно. Победили инстинкты, общая энергия толпы за счет ее количественного преимущества, приоритета; выражаясь на языке философских символов,— победила «воля к власти толпы».

Иерархия аристократической Греции, ее устои рушились, что выражалось как в индивидуальном, так и в социальном декадансе, в этой «разнузданности» как личных, так и социальных инстинктов. Под «разнузданными инстинктами большинства», «толпы» Ницше подразумевает борьбу плебса за равенство. На «разнузданные же инстинкты» у меньшинства, то есть у аристократии, указывает та «анархия инстинктов», которая требовала врачевания «моралином» и означала отход от традиционных, агональных устоев греческой жизнедеятельности.

«Наивное видение в греках «прекрасные души», золотые середины и другие совершенства, восхищения их спокойным величием, «идеальным образом мыслей», «высокой простотой»,— писал в связи с этим философ,— от всего этого меня предостерег психолог, которого я носил в себе. Я видел их сильнейший инстинкт, волю к власти, я видел их дрожащими перед неукротимой мощью этого инстинкта. Я видел, что все их учреждения вырастали из предохранительных мер, чтобы взаимно обезопасить себя от их внутреннего взрывчатого вещества...» Чудовищное внутреннее напряжение разрядилось затем в страшной и беспощадной внешней вражде: городские общины терзали одна другую, чтобы граждане каждой из них обрели покой от самих себя». Необходимость заставляла быть сильными: опасность была близка — она подстерегала всюду. Великолепно развитое тело, смелый реализм и имморализм, свойственные эллину,

были нуждой... Это было следствие, не существовавшее в начале»*.

В лице Сократа «толпа» нашла своего идеолога. «Толпа» нуждалась в Сократе, и это сделало его победу объективно неизбежной. А подоснова, подпочва этого конкретно-исторического процесса, по Ницше, извечна.

Тщательное исследование «эпохального» феномена древней Эллады, каковым явился «феномен Сократа» для истории развития европейской цивилизации, Ницше (филологом-античником) заставило его увидеть в кажущемся прежде бесконечном разнообразии исторических узоров, в кажущемся их бессмыслии скрытые сущностные пружины.

Реальной основой торжества морализма Сократа выступает энергийная мощь «количества», «стада», «толпы», то есть энергия, которая «вне морали», как таковая.

Выдающийся гуманист XX века А. Швейцер писал: «Ницше принадлежит достойное место в первом ряду моралистов человечества. Его никогда не забудут те, кто испытал всю силу воздействия его идей, когда его страстное творение, как весенний ветер, налетело с высоких гор в долины философии уходящего XIX века, ибо они останутся всегда благодарны этому мыслителю, проповедовавшему истину и веру в личность»**.

Размышлениям философа было очень созвучно состояние русской интеллектуальной мысли накануне социально-исторического перелома, в котором отразилась смятеньность души... Сопричастность своему духовному поиску и терзаниям в России Ницше чувствовал очень глубоко. «Что именно в России можно» «воскреснуть», верю вам вполне», — писал он Брандесу. Эта «близость» — прежде всего — в глубокой неудовлетворенности разумом.

«Иногда мне кажется,— писал А. М. Горький,— что русская мысль больна страхом перед самою же собой; стремясь быть внезапной, она не любит разума, боится его». Хитрейший змий В. И. Розанов горестно вздыхает в «Уединенном»: «О мои грустные опыты! И зачем я захотел все знать? Теперь уже я не умру спокойно, как надеялся». У Л. Толстого в «Дневнике юности»... суроно сказано: «Сознание — величайшее моральное зло, которое только может постичь человека». Так же говорит Достоевский: «Слишком сознавать — это болезнь, настоящая, полная болезнь... много сознания и даже всякое сознание — болезнь. Я стою на этом». Реалист А. Ф. Писемский кричал в письме к Мельникову-Печерскому: «Черт бы побрал привычку мыслить, эту чесотку души». Л. Андреев говорил: «В разуме есть что-то от шпиона, от провокатора». И — догадывался: «Весьма вероятно, что разум — замаскированная, старая ведьма — совесть».

«Дело — проще,— как бы подытоживал А. А. Блок,— дело в том, что мы стали слишком умны для того, чтобы верить в бога, и недостаточно сильны, чтоб верить только в себя. Как опора жизни и веры, существует только бог и я. Человечество? Но разве можно верить в разумность человечества после этой войны и накануне неизбежных еще более жестоких войн». Вот почему он заключает: «Если б мы могли совершенно пере-

* Ницше Ф. Сумерки идолов. Спб., 1907, с. 139.

** Швейцер А. Культура и этика. М., 1973, с. 247.

стать думать хоть на десять лет. Погасить этот обманчивый, болотный огонек, влекущий нас все глубже в ночь мира, и прислушаться к мировой гармонии сердцем. Мозг, мозг... Это — ненадежный орган, он уродливо развит. Опухоль, как зоб...» *

В этой критике разума звучит боль оторванности от природы, от естества человеческого бытия, то «бессилие желать и любить, соединенное с неутомимой жаждой свободы и простоты, как «окаменение сердца», — следствие «болезни культуры, проклятия людей, слишком далеко отошедших от природы» **, — как писал Д. Мережковский.

Это первозданное чувство единения человека и космоса извечно присуще русской культуре, будь то уходящая в глубь веков ландшафтная культура расселения или «молчаливое» иконописное искусство.

ЭДУАРД ЯКУБОВСКИЙ

БЫСТРОКОННЫЕ ДЕВЫ

I

Давайте представим себе необычную встречу...

Париж. Начало XVII века, на троне Людовик XIII. Лето. Пестрая уличная толпа, крики торговцев, грохот каретных колес по булыжной мостовой. И в этой сумятице большого города выделяется высокий юноша, одетый в лохмотья, но идущий по Парижу с непринужденной осанкой аристократа. Его бронзовое лицо обращает внимание прохожих, внимание быстротечное. В эти годы ничем парижан не удивишь — Франция обзавелась своими колониями, усердно «пощипывала» испанские в Новом Свете. Не только арабы, турки, но и негры были не в диковинку в столице одной из могущественнейших держав мира. А что тут какой-то бронзоволицый юноша.

И шумела, шумела толпа, пока над всем ее рокотом не раздался удивительный, перекрывший весь гам крик. Кричал юноша, и крик этот был услышан. По чьей-то команде кучер осадил лошадей кареты с гербом на дверцах, они тут же распахнулись, а выскочивший на улицу важный господин стал оглядываться по сторонам. Не ослышался ли он — ведь в Париже прозвучал боевой клич одного из бразильских племен?

Так или не так состоялась эта встреча, но она произошла на улице, юноша подошел к карете, и Жан де Моке дружески обнял его, усадил рядом с собой. И что покажется удивительным — юноша вскоре получил аудиенцию у Людовика XIII. Король не просто принял гостя, он долго и обстоятельно беседовал с ним, слушал его рассказы вместе с придворными. Кем был этот странный юноша, заинтересовавший короля?

* Горький М. Избранные произведения. М., 1972, т. 3, с. 415.

** Мережковский Д. С. Сочинения. М., 1989, с. 12.

Он рассказал о себе — сын касика (вождя) племени тупинамбо из Бразилии. Там находился маркиз де Рассили (под его командованием и служил ранее офицер Жан де Моке). Любознательному юноше, выучившемуся французскому языку, дал маркиз поручение — съездить во Францию и передать весть о нем. Капок, так звали молодого индейца, отправился в путь, был захвачен пиратами, освободился из плена и все же разыскал маркизу.

Но долго в поместье юноша не прожил. Для маркизы он был чем-то вроде слуги — индейца пытались заставить трудиться, и не просто заниматься каким-то знакомым ему делом, а выполнять довольно-таки грязную работу. Сын вождя молча собрался и ушел в Париж.

Ну, вероятно, королю это тоже было интересно, но заинтересовал понастоящему его вот какой факт. Рассказывая о себе, юноша, как само собой разумеющееся, упомянул о том, что он сын вождя, но... Не сын его супруги. И что в племени тупинамбо существует испокон веков довольно странный для европейцев обычай. Каждую весну мужчин этого племени приглашают в соседнее племя, состоящее... из одних женщин. Если после этих визитов там рождаются девочки — они остаются в женском племени. Если мальчики — их отдают отцу. Так и отдали вождю его сына — Капока.

Вот этим-то рассказом и был захвачен король, наградивший индейца деньгами. Так, значит, есть на свете амазонки! И живут теперь они в Бразилии...

В те, уже так далекие для нас годы дворяне, как правило, получали домашнее образование. Позже такой тип полученных знаний стали звать «классическим», пристал этот эпитет и к русским гимназиям. Почему? Меньше всего в этой системе было математики, физики — подобная специализация точных наук появилась позже. А вот то, что мы сейчас называем гуманитарными дисциплинами, составляло едва ли не весь курс наук.

Кстати сказать, само слово «гуманитарный», хоть и имеющее латинский корень, пришло к нам именно из французского языка. Обозначает оно вот что: человеческая природа, образованность. В круг гуманитарных предметов, то есть в то, что воспитывает в человеке лучшие чувства, делает его образованнее, входили и входят сейчас история, филология.

Хорошо воспитанный человек того времени мог не знать формул, математических правил. Но большинство не только читало и писало на родном языке, но знало и языки соседних стран, и уж в любом случае латынь, а часто и древнегреческий язык. Отсюда и понятие о «классическом» образовании — оно основывалось на произведениях (латинское «классикус» — образцовый) Гомера, Плутарха, Цицерона.

Конечно, получив подобное образование, король и большинство его придворных знали об амазонках. Сведения об этих удивительных воинственных женщинах (они даже лишали себя одной груди, чтобы та не мешала стрелять из лука, отсюда и общее название от «а» — отрицание и «мастос» — грудь) можно было получить из трудов едва ли не большинства античных авторов.

Судите сами: Плутарх — в «Тесее», в «Сравнительных жизнеописа-

ниях», Овидий – «Героини», Вергилий – «Энеида». Это художественные произведения, взятые наугад. Мало? Тогда историки – Геродот, Гиппократ, Лисий, Страбон, Диодор Сицилийский... легенды об амазонках вдохновляли скульпторов Фидия, Поликлета, Кресилая, сцены битв с ними изображены на гробнице Мавзола (от которой пошло слово «мавзолей») и на Парфеноне.

Рассказывая о воительницах, древнегреческие авторы уточнили и вопрос, как амазонки продолжают свой род. Оказывается, время от времени они приглашают к себе мужчин из других племен. Дочери, родившиеся от такой связи, остаются у матерей. С сыновьями же бывает разное. Иногда их отдают отцам, а иногда...

Можно понять любопытство короля и его придворных, наяву увидевших сына амазонки. Правда, прибыл он из Бразилии, но и там, как уверяли некоторые путешественники, были воинственные женские племена. Реальность юноши опровергала многое – в том числе и отношение к амазонкам. Ведь сколько лет все сообщения о них относились к мифам, созданным богатым воображением древних греков.

II

Для древних греков амазонки были вполне реальными людьми. Не менее реальными, чем для нас нынешние жители Судана, Эфиопии, Лаоса. С самых ранних лет ребенок слышал рассказы, в которых великие герои Греции встречались с амазонками, воевали с ними и если и побеждали, то с большим трудом. Величайшим из великих и в этих боях был Геракл, сын Зевса – верховного бога Эллады.

Напомним, что по своей «земной линии» Геракл был внуком царя Микен, выдавшего свою дочь Алкмену за Амфитриона. Молодую женщину увидел Зевс, влюбился и однажды, приняв облик Амфитриона, пришел к ней. Алкмена родила близнецов, одним из них был сын Зевса – Алкид, позже названный прорицательницей Гераклом.

Супруга Зевса – Гера явно не поощряла увлечений своего мужа. Эта нелюбовь распространилась и на его сына от земной женщины. Вот почему таковой нелегкой выдалась судьба Геракла.

С амазонками связан девятый подвиг героя. Но сначала хочется сказать о седьмом. О том самом, когда Геракл добывал для Эврисфея критского быка. Это неуемное животное носилось по острову, все сокрушая на своем пути. Геракл поймал быка, отвел его к царю, но тот отпустил его на волю. Бык помчался в Аттику, где и был убит Тесеем. В этом эпизоде еще нет амазонок, но есть Тесей, позже тоже связанный с ними. Кстати, сам Тесей тоже был сыном бога – Посейдона.

Теперь девятый подвиг. Геракл отправился в страну амазонок за поясом царицы Ипполиты. Захотелось дочери Эврисфена иметь необычный пояс (Ипполите его подарил бог войны Арес), и все – героя послали на край земли. Как иначе называть дальние берега Эвксинского Понта – нашего Черного моря? А именно там в городе Фемискире жила царица амазонок.

Ипполита, похоже, не очень удивилась требованию Геракла, в кото-

ром даже внешне угадывалось божественное происхождение. Но тут в дело вмешалась Гера (помните – разгневанная супруга Зевса), принявшая облик амazonки. Она стала возбуждать воинственных женщин против Геракла. Закипел бой. Геракл взял в плен двух амazonок – Меланиппу и Антиопу. Меланиппу он обменял на пояс, а Антиопу отдал Тесею. Так и Тесей оказался связанным с амazonками.

До добра это не довело. Амazonкам не давала покоя мысль, что Антиопа в пленах, а над ней, наверное, издевается чужак, увезший их подругу в Грецию. Амazonки вторглись в Аттику, осадили Афины, потом заняли и город. Жители нашли спасение на Акрополе. И не знали амazonки, что Антиопа полюбила Тесея, что ей радостно в его доме. В трудную для афинян минуту Антиопа вместе с мужем встала на защиту Афин.

В решающем бою кто-то из подруг, не узнав Антиопу, сразил ее. И тут битва прекратилась – скорбили и афиняне, и амazonки...

Вот так начинался для маленького грека урок истории и географии, связанный с амazonками. Он узнавал, где они живут (Эвксинский Понт), каковы главные черты характера – независимость, воинственность. И пусть герои Эллады побеждают – это дано ведь немногим, а в целом борьба с амazonками дело трудное, но весьма почетное.

И не только Геракл и Тесей занимались этим. Был, к примеру, еще один герой – Беллерофонт, сын Главка, внук Сизифа. Служил он царю Ликии, а тот тоже посыпал его против амazonок. Вот ведь какое значение имели воинственные женщины – борьба с ними засчитывалась древним героям в качестве подвигов!

Вернемся теперь к Гераклу, возвращающемуся с поясом Ипполита. На обратном пути его корабль пристает к Трою. На берегу герой находит дочь местного царя Гесиону, прикованную к скале. Она принесена в жертву чудовищу, которое вот-вот покажется из воды. Геракл предложил освободить девушку, а взамен попросил трех Зевсовых коней, находившихся в царской конюшне. Чудовище было убито, но коней царь не отдал и прогнал героя. Геракл уплыл, но в душе затаил обиду.

Проходят годы. Геракл собирает своих друзей-героев, приплывает к Трою и захватывает ее. Освобожденную ранее им Гесиону отдает своему другу Теламону. Чтобы как-то скрасить этот шаг, Геракл предложил Гесионе из числа пленных выбрать одного, который тут же получит свободу.

Выбор молодой женщины пал на младшего брата – Подарка. Увидев это, Геракл потребовал выкуп – ведь Подарок не просто брат, он член той самой семьи, которая когда-то оскорбила героя. Гесиона сняла с себя покрывало и отдала Гераклу. В Трою остался единственный из бывшей царской семьи, впоследствии тоже царь. А поскольку за него дали выкуп, то царя стали звать «купленным» – Приамом.

Так цикл сказаний о Геракле оказался связанным с троянским циклом. Из последнего до нас дошли две поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Исследователи же знают, что поэм, описывающих битву за Трою, было больше. И различные сюжетные линии из них вошли в ряд произведений греческих и римских авторов.

Интересная деталь – корабли греков, направлявшихся в Трою отвоевывать Елену, пристали к берегам Мизии. А там правил Телеф, сын Геракла. Греки звали его с собой, при этом, наверное, не раз поминали подвиги отца и то, что тот уже брал Трою. Телеф отказался вот по какой причине – он был женат на... дочери Приама. Того самого Приама, которого выкупила Гесиона и чей сын похитил Елену. Вот ведь как переплелись судьбы людей и героев.

В самый разгар осады Трои на помощь своим соседям пришли амазонки. Царица Пенфесилея привела опытнейших воительниц. Удар был так силен, что греки отступили к кораблям. Положение спасли Ахилл и Аякс Теламонид, ранее не принимавшие участие в битве. Ахилл убил Пенфесилею. Тела ее и еще 12 павших в бою амазонок были переданы троянцам.

Еще интересная деталь. На стороне троянцев был бог войны Арес, он же – помните? – подарил пояс Ипполите. Это говорит как о воинственности амазонок, так и о том, что территориально они жили в зоне досягаемости троянцев и, судя по всему, имели общего покровителя. Контакты были разными – сам Приам вспоминал, что даже сражался с амазонками на берегу реки Сангарий. Но перед лицом угрозы троянцам со стороны пришельцев амазонки решили прийти на помощь соседям, еще раз подтвердив мнение о себе как о бесстрашных воительницах.

А где находилась река Сангарий? Давайте возьмем карту Турции – ее северная часть ограничена южным берегом Черного моря, Эвксинского Понта. Так вот, река (ныне она зовется Сакарья) впадает в Черное море с юга, отгораживая северо-западную часть Анатолийского плоскогорья, где расположена Троя, отPontийских гор. А за этими горами лежит Кавказ. Тот самый Кавказ, вблизи которого греческие историки помещали царство амазонок.

Прежде чем перейти к сведениям, которые сообщили нам древние историки, хочется заняться не очень сложными вычислениями. Археологам удалось датировать те слои холма Гиссарлык, которые, по их мнению, являются остатками приамовской Трои. Говорится это с легкой оговоркой, ибо ряд специалистов до сих пор считает Троянскую войну выдумкой древних рапсодов. Мысль эта проникла и на страницы советских журналов (см., например, статью Л. Клейна в «Знание – сила», № 3, 1986). Но классической остается датировка десятилетней осады 1194–1184 годами до н. э. Вот и подсчитаем.

Исходя из того, что к концу осады Приаму лет 80, а выкуплен он был сестрой как самый юный член царской семьи, значит, событие это произошло примерно этак лет 70 назад. Тогда Геракл брал Трою где-то в 1260 году до новой эры. Но между девятым подвигом и нападением на город прошло какое-то (и немалое) время. Надо было разобраться с остальными подвигами, побывать в рабстве у Омфалы – на все это требовалось дни и годы.

Так что первая времененная привязка к сведениям об амазонках – это 1280–1270 годы до н. э. К этим годам можно снова дописать слово «примерно» – поступки древних героев, да к тому же сыновей Зевса, могут не уложиться в рамки нашей датировки. Но, беря за основу реально

исчисленную дату, вошедшую в учебники истории, мы можем с достаточной точностью отталкиваться от нее и реконструировать временные границы девятого подвига, а следовательно, первого упоминания в мифах о женщинах-воительницах с берегов Эвксинского Понта.

III

Итак, XIII век до новой эры — время начала начал «амазонии». Потом нужно вспомнить век VIII — век Гомера (многие исследователи считают, что в поэмах есть вставки и VII века). И, наконец, V век (все эти века, разумеется, до н. э.) — становление греческой историографии.

Есть, вероятно, незыблемый закон — на каком-то отрезке времени у каждого народа резко усиливается интерес к истории. И собственной и сопредельных стран, без чего собственная окажется неполной. Именно так, наверное, считал и Геродот (484—425 гг.), не случайно прозванный «отцом истории». В каких только странах не побывал он сам, откуда только приехавших не расспросил. Оставленные им данные до сих пор являются основными при изучении жизни народов не только Средиземноморья, но и более далеких стран.

Достаточно вспомнить, что наиболее точные сведения о скифах, населявших в ту пору Северное Причерноморье, оставил нам именно Геродот. А ведь это первые письменные сообщения о древнем народе, жившем на территории нашей страны, народе, оставившем в курганах предметы, свидетельствующие о высокой духовной и материальной культуре их владельцев.

И Геродот первый сообщил нам те сведения об амазонках, которыми он, как историк, обладал. Здесь почти нет мифических героев, нет рассуждений о вмешательстве богов в дела людей. Вдумчивый историк попытался ответить на основные вопросы — откуда взялись амазонки, как начались их контакты с греками, как и с кем соседствуют. И вот что он написал.

Греки, расширяя свое знакомство с Малой Азией, столкнулись с амазонками на реке Фермодонт. Произошла битва, греки победили, захватили амazonок и, погрузив добычу на три корабля, отправились домой. В море амазонки, выбрав удачный момент, перебили греков. Но управлять судами воинственные женщины не умели. Их долго носило по морю и наконец пришло к побережью Меотийского озера.

(Обратите внимание на эту деталь — сев на корабль в Черном море, амазонки сошли на берег Азовского моря. Неуправляемые суда прошли нынешним Керченским проливом? Или же Геродот знал об амазонках и Малой Азии, и Приазовья — как бы разделенных Кавказом — и решил объяснить, как они оказались в Северном Причерноморье?)

Сойдя на берег, амазонки захватили скифских коней. Их поведение было так отличительно от царивших в тех краях порядков, что скифы только дивились. А на предложение местных кочевников выйти замуж и жить, как живут скифские женщины, гордые амазонки ответили: «У нас с ними неодинаковые обычай, мы стреляем из луков, мечем дротики, ездим верхом, а женским работам не обучены». (Цитирую по работе извест-

ного советского этнографа М. Косвена, составившего наиболее полный свод сведений об амазонках.) Ну, со временем обе стороны пришли к примирению, и, как сообщает Геродот, от этого союза появился народ савроматы.

Если Геродот задавался мыслью о происхождении амазонок, то Гиппократ (моложе его на 14 лет) сообщает об их быте. Он пишет, что те не вступают в брак, пока не убьют трех врагов. Правой груди не имеют — мешает стрелять из лука. Калечат детей мужского пола, чтобы не иметь соперников, когда те подрастут.

Лисий (моложе Гиппократа на 11 лет) сообщает интересный факт. Амазонки на реке Фермодонт были единственным народом, который имел железное оружие. Деталь многозначительная — ведь, по мнению многих историков, необычность доспехов Ахилла объяснялась тем, что их выковали не из бронзы, а из железа.

И до сих пор не выяснена причина, по которой хоть и считается, что прах Ахилла погребен у мыса при входе в Геллеспонт, со стороны Эгейского моря, но душа его, по мнению древних, находится на острове Левка. Но это устье Дуная — запад Северного Причерноморья. Там имелся храм Ахилла. Такие же храмы-жертвенники были и в Ольвии, и у Керченского пролива — именно там, где историки поселили амазонок. Нет ли общего источника происхождения оружия Ахилла и амазонок, учитывая, что район Керченского пролива богат рудами железа и сейчас их разрабатывает Камыш-Бурунский железорудный комбинат?

Вернемся к амазонкам. Практически нет ни одного историка, касавшегося событий в Северном Причерноморье, который бы не писал о них. Весьма авторитетный для всех нас Страбон уточнял, что живут амазонки в Малой Азии и на Кавказе. Он же приводил вот какие факты — река Мармадалий (или Мермода) разделяет амазонок и жителей Кавказа. А река эта впадает в Меотиду (Азовское море).

С греческими и римскими завоеваниями связываются контакты амазонок с реальными историческими личностями. Так, Диодор Сицилийский, живший в I веке до нашей эры, описывает вот какой эпизод. К Александру Македонскому явилась царица Фалестра в сопровождении трехсот амазонок. Дама она была решительная. Вот как передает Диодор ее слова: «Я прибыла, чтобы иметь от тебя ребенка. Из всех мужчин ты совершил наиболее великие подвиги, и нет выше меня женщины по силе и храбрости». Финал этого приключения нам неизвестен, но стоит добавить, что о встрече Александра Македонского с амазонками можно прочитать у Плутарха и других историков.

Тот же Плутарх, рассказывая о походе Помпея на Кавказ, упоминает о битве с албанцами на реке Абант (нынешняя Алазани). Так вот, с гор на помощь соседям спустились амазонки. Это событие произошло уже в преддверье нашей эры, а сам Плутарх жил в 50–125 годах н. э. Из седой старины мы пришли в эпоху, когда, казалось бы, нет места мифам. Но смотрите — сведения об амазонках не исчезают. Более того, с расширением знаний об окружающем мире увеличивается и число авторов, пишущих о них.

Где только не находят теперь амазонок. Низами Ганджеви в

«Искандер-наме» упоминает и об Александре Македонском, и об воительницах, локализуя их в стране Берда на реке Куре. Де Клавихо (испанский посол при дворе Тимура) находит их по пути из Самарканда в Китай. Историограф Карла Великого Павел Диакон сообщает, что, когда лангобарды (германское племя) шло из Скандинавии к югу, оно сразилось с амазонками. О том, что воинственные женщины жили у... Балтийского моря, пишут Адам Бременский, арабские историки аль-Казвини, аль-Идраси и другие, а Козьма Пражский уверяет, что крепость Девин около Праги была крепостью амazonок, отсюда и ее название.

В Индии о царстве женщин упоминает «Махабхарата», есть сведения о чем-то подобном в Китае, Японии. Отдельные поселения без мужчин известны у чукчей, бурят. Арабские писатели говорят о женском сообществе в Нубии, в Абиссинии их находили близ царства Дамут...

Справедливости ради скажем, что не все историки разделяли мнение своих коллег об амazonках. Так, еще в III веке до нашей эры Палефат писал: «Об амazonках говорят, что это были не женщины, а мужчины-варвары». А принимали их за женщин вот почему. В отличие от греков они... брили бороды, носили длинные хитоны и повязывали волосы по-вязкой. Ну, могло быть и такое, что необычно одетых мужчин издалека принимали за амazonок. Но уж слишком велико и разнообразно количество фактов, сообщаемых историками, да и число авторов говорит о том, что нет дыма без огня. Ошиблись бы раз, другой, а чтобы два-три тысячетелетия... Нет, не сходятся тут концы с концами.

И смотрите — сначала Малая Азия и Причерноморье. Потом вся Азия — чукчи и китайцы, индийцы и японцы. Далее Африка. А в 1492 году Колумб открыл Америку.

| V

Наступает эра Великих географических открытий. Общепринято считать, что началась она первым путешествием Колумба, во время которого и была открыта Америка, а точнее, самый первый остров, получивший имя Сан-Себастьян. И пусть сейчас многие историки и археологи считают, что первый след Колумб оставил на маленьком соседнем острове. Не в этом дело — важно, что по другую сторону океана найдена земля, пусть сначала остров. Но за ним материк!

А ведь о том, что где-то в океане есть остров, говорили еще ирландские предания. В них он назывался «О'Бразил» — счастливый остров. Его начали искать раньше, чем каравеллы Колумба подняли якоря в Европе, чтобы открыть Америку. Название это переходило от острова к острову («инсулас де Бразилле»), пока не закрепилось за наиболее выдающейся на восток частью Южной Америки. И говоря сейчас о Бразилии (это о ее столице Рио-де-Жанейро мечтал Остап Бендер), мы и не вспоминаем, что имя страны дали древнеирландские предания.

И вот открыта Америка! Из первых же путешествий Колумб привозит сведения о том, что есть острова, населенные женщинами! Об этом ему сообщили туземцы-араваки, об этом в начале 1483 года адмирал делает записи в судовом журнале. А целую группу островов он называет

девичими — «Ислас Виргинес» — Виргинские острова. Уже и Фернандо Кортес получает указания — искать амазонок!

Начинается исследование (а точнее — завоевание) гигантского материка. Снова появляются сведения о женских группах, женских государствах. Вот ведь что интересно — где родилась легенда и куда ее занесли путешественники. Порой кажется, что миф об амazonках — это какая-то неосуществимая мечта о прошлом, о матриархате, о золотом веке человечества. И чем дальше от родного дома отходит европеец, тем дальше отдаляется и граница его мечты.

Действительно, почему бы не назвать это мечтой? Воинственным мужчинам, наверное, хотелось бы тоже видеть рядом с собой воительниц. Достойных подруг (совсем не обязательно врагов). А уж если и сражаться, то с теми, кто мог принести славу. Вспомните — величайшие герои Греции (в том числе сын Зевса) не задумывались над тем — воевать с женщинами или нет. И не очень легко доставалась победа героям, такими победами они гордились.

Все дальше и дальше расширялись горизонты познания. И наконец они сомкнулись — исследования на западе и исследования на востоке. Экспедиция Магеллана замкнула эту цепь. Земля, как и предполагал путешественник, оказалась круглой, ее можно было обойти (как-то не подходит слово «обплыть»). И тут легенда об одиноко живущих женщинах встретилась на пути. Участник экспедиции Пигафетта в январе 1522 года узнал от местного лоцмана, что южнее Явы есть остров, где живут одни женщины!

Надо было пройти Атлантический океан, открыть Магелланов пролив, Тихий океан, чтобы снова встретиться с мифом, с легендой... Или, может быть, с реальностью? Ведь спустя двадцать лет для одного из известнейших завоевателей (или исследователей?) Южной Америки амazonки воскреснут из мифа, наяву окажут сопротивление, причем неодолимое.

Заранее надо оговориться, что своей славе Франциско Орельяна обязан в значительной (если не в главной) мере амazonкам. Недостатка в конкистадорах Испания не испытывала — тысячи иdalго из самых благородных семей стремились в Вест-Индию (тогда еще не говорили — в Америку) за богатством. А им было в первую очередь золото, во вторую — позже найденные серебро и изумруды.

Отряды конкистадоров не только сокрушили могущественные империи инков и ацтеков. Они прошли непреодолимыми чащами, проплыли бурными реками Центральной и Южной Америки. О каждом отряде можно написать авантюрный роман. И если бы выстраивали руководители экспедиций не по сегодняшней известности, а по сложности сделанного, то Орельяна был бы отнюдь не в первом десятке. Если же мы так хорошо знаем оба неудачных похода Орельяны, то только из-за амazonок. А точнее, из-за женщин, которые в сознании его современников ассоциировались с амazonками.

Середина XVI века в Южной Америке проходит под знаком поисков «золотого города» — Эль Дорадо. Среди легенд о нем самая настойчиво повторяемая гласит, что туда свезено золото, которое индейцы хотели

спрятать от испанцев. Да и о самом городе якобы было известно, что и крыши в нем золотые, и посуда жителей. Появлявшиеся во все большем числе слухи срывали с мест сотни испанцев. Объединившись в отряды, они устремлялись порой лишь по одним им ведомым маршрутам.

И не только испанцы. Если сведения достигали Европы, то в дело вступали и голландцы, и англичане. Достаточно вспомнить лишь Уолтера Рели (см. о нем статью И. Медведева «Фаворит ее величества» во втором сборнике «Дорогами тысячелетий» и главы из романа Роберта Ная «Странствия Судьбы», опубликованные в «Вокруг света», № 2–4, 1986). Поисками Эль Дорадо занимались экспедиции Берри, Квесады и многих, многих других.

В отличие от Рели, написавшего знаменитую «Историю мира», переведенную на многие языки, Орельяна эпистолярным жанром не грешил. Зато у него в составе экспедиции был монах, патер Гаспар де Карвахаль. Ему и обязаны мы рассказом о необычном путешествии. Кстати сказать, это значительно позже стали считать путешествие необычным — современники видывали и не такое!

Перед отправлением в путь Орельяна допросил двух проводников. Уже тогда стало ясно, что искомым городом правят не владыки, а владычицы. Вот как говорили проводники: «Люди моего племени хорошо знают течение Великой Реки... Плыя в верх той реки, которую наш народ называет Громом Туч и Вод, что звучит в нашем языке Амакуна, и минуя известные нам непроходимые участки, можем без опасений добираться до управляемого владычицами нашего народа большого острова в самом широком разливе реки; город этот называется Маноа... Взятие же самого города, называемого Маноа, является предприятием трудным и рискованным, но не невозможным; поскольку упорство обороныящихся, которыми будут командовать владычицы, должно уступить силе огня, который принесет не только потери, но и страх».

С огромным трудом бригантина Орельяны добралась до острова, высадила десантную группу. Но, как и говорили проводники, туземцы оказали упорное сопротивление. К удивлению (и, вероятно, ужасу испанцев), мушкетный огонь не испугал индейцев.

Руководила битвой женщина, имя которой подсказали монаху проводники — Коньяпуяра, что означает «Великая Госпожа». Женщины преобладали и в первых рядах обороныющихся. Их монах называет «лас капитанас де лос Индиос» — «капитаншами индейцев», но можно перевести как «начальницами» (в русском языке слово «капитанша» звучит немного иронично). Каждая из них руководила десятком туземцев. Отбивались обороняющиеся стрелами, по описанию патера, борта бригантины выглядели «как тело ежа».

Хроникер подробно описывает, как выглядела Коньяпуяра, лично принимавшая участие в битве. Она была почти нагой, прикрытой лишь шкурой ягуара, на голове перья тукана в диадеме из благородных камней. Во всем показывала начальница пример — ее стрела «вбилась в деревянную обшивку бригантины глубоко на ширину мужской ладони». Описав все это, католический монах (!) вынужден признать, что и она, и другие воительницы «сияли удивительной телесной красотой».

И чем же кончилась битва? Вот как рассказывает о ее итоге сам хроникер: «В год от рождения Господа 1542, в день святого Иоанна Крестителя и Мученика, после кровавой битвы с неверными, которые толпами поганых командовали, благородный господин и королевский капитан Дон Франциско Орельяна приказал возвратиться на корабль, наказав забрать раненых и убитых, чтобы не оставить их на поругание поганых. Затем, имея по воле божьей попутный ветер в парусах, бригантина пошла вдоль западного берега острова».

Короткая строгая реляция. Но за ней одно — паническое бегство с острова. Ведь Орельяна шел специально для его захвата, это было целью экспедиции. А тут сухо, четко, как и следует писать хронику — после кровавой битвы возвратился на корабль, велел собрать раненых, убитых и уплыл. Но вернулся домой с золотом и драгоценными камнями. Откуда их взял?

«Благородный господин и королевский капитан» не мог прийти домой с пустыми руками. Он начал грабить прибрежные деревни и, как писал историк прошлого века — «Орельяна привез с тех сторон дважды по сто тысяч гравен золота и множество изумрудов, которые, как рассказывал, были ничем в сравнении с богатствами, которые он видел».

Во вторую экспедицию Орельяна, кроме своей бригантины, взял и большой корабль, на нем были не только воины, но и дамы, в том числе жена капитана донна Анна. Именно с этого корабля видели, как Орельяна поднялся на мачту, оттуда всмотрелся в даль и дал приказ идти вперед. Бригантина быстро помчалась, оставив позади тяжелый галеот. Больше ни бригантины, ни Орельяну не видели...

Во многих исторических работах рассказывается о том, что Орельяна погиб от голода и тяжелых испытаний, выпавших на его долю. Вероятно, кто-то из экипажа бригантины вернулся назад, иначе откуда взяться сведениям? Да и донна Анна позже вышла замуж за одного из офицеров, участника экспедиции. А католическая церковь могла разрешить это лишь при условии доказанной смерти одного из супругов. Но тут же родилась легенда — Орельяна не погиб, а стал мужем Коньяпуяры. И их потомки рано или поздно будут владеть страной.

По исторической справедливости река, по которой впервые прошел европеец Орельяна, должна была бы носить его имя. Он же написал о ней — река амазонок, «рио де лас амазонас». Так она и вошла в наш мир — Амазонка, величайшая по водности река мира, длина по истоку Мараньон 6,4 тысячи километров, по истоку Укаяли — свыше 7 тысяч км. Сравните: Волга — 3560 км, Енисей — 3487 км, Обь — 3650 км.

Вернемся к Орельяне. Вполне вероятно, что его имя и потерялось бы в общем списке конкистадоров. Амазонки же «вывезли» его из не-бытия. Для нас поход Орельяны — полностью документированное свидетельство существования какого-то общества, управляемого женщинами. Конечно, это не те амazonки, о которых рассказывали в мифах древние греки, чьи деяния описывали Геродот и Страбон. Но, поскольку за любыми воительницами закрепилось это имя, Орельяна был прав, называя их так.

Не счесть производных от этого слова. Так, выдающийся путеше-

ственник Александр Гумбольдт, сам интересовавшийся проблемой амазонок, побывал в 1799–1802 годах в Южной Америке. У туземцев увидел зеленые камни, которые те якобы называли «камнями амазонок» (откуда туземцы знали, что так зовут в Европе воинственных женщин?). Позже, когда описали эту разновидность полевого шпата, то и назвали его амазонитом.

В прошлом веке придумали женское платье для верховой езды. О названии не стоило специально гадать — конечно же, амазонка. Сняли поляки фантастический фильм о женщинах, правящих миром — «Новые амазонки». В Бразилии есть штат Амазонас, крупнейшая на земле Амазонская низменность.

Называли этим именем и корабли. Но судам не везло — помните историю, когда, освободившись, амазонки не смогли управлять кораблями и долго блуждали по морю?

Традиция давать кораблям мифологические имена уходит в далекую древность. В средние века это подчеркивалось и деревянной скульптурой, установленной на носу судна. Так вот, кораблям, носившим имя воительниц, поразительно не везло.

Англичане называли «Амазонкой» пассажирский пакетбот — свой самый большой деревянный пароход. Он сгорел в первом же переходе в Вест-Индию в 1852 году. В 1855 году судно с таким же именем погибло у мыса Гаттерас. В 1866 году английский винтовой шлюп «Амазонка» и почтовый пароход «Оспрей» столкнулись на трассе между Ливерпулем и Антверпеном. Нет, сухопутным девам на море явно нечего было делать.

V

Где только не видели амазонок. Вблизи Явы и в Южной Америке, на Виргинских островах и в Африке. Но вспомним древних греков — не только и не столько их мифы, а сообщения историков. Людей дотошных, чьим свидетельствам мы доверяем полностью, на чьи сведения ссылаемся при написании не только популярных статей, но и при создании научных работ.

Так вот, все историки помещают настоящих амазонок на территории нашей страны. Геродот прямо пишет о Меотийском озере (нынешнем Азовском море), Страбон указывает, что река, впадающая в Меотиду, разделяет амазонок и жителей Кавказа. Азовское море и Северный Кавказ — вот места обитания амазонок, систематически повторяющиеся во всех источниках, достойных упоминания.

Но ведь эти места ныне наши, советские. Что же осталось в памяти народа о тех давних временах? Увы, ничего. И это в первую очередь потому, что мы не совсем точно знаем, к какому народу отнести амазонок. Хотя помните, что писал Геродот — от скифов и амазонок пошел народ савроматов. В свою очередь, Эфор (около 405–330 гг. до н. э.), пытаясь объяснить существование амазонок, писал, что некогда савроматы ушли воевать в Европу, там погибли, и остались одни женщины.

Итак, и Геродот, и Эфор выводят нас на савроматов. Из истории мы

знаем, что эти кочевые племена в VII–IV веках до новой эры располагались в степях Поволжья и Приуралья и в их общественной жизни большую роль играли женщины. Скифы примерно в то же время (VII–III века до н. э.) кочевали в Северном Причерноморье.

Не удивительно, что греки сначала говорили о скифах и амазонках, а потом уже о савроматах. Несмотря на то, что появление на исторической сцене обоих племен относится к VII веку до н. э., греки сначала, осваивая берега Черного моря, столкнулись со скифами. Позже настала очередь савроматов.

Скифы и савроматы (последних с момента объединения племен стали звать сарматами) относятся к народам, говорившим на наречиях иранской группы индоевропейской языковой семьи. Именно эти народы довели до совершенства работу с лошадьми, ставшими основой их хозяйства. Не только на войне нужен был добрый конь. Вспомните изображение на одном из найденных в кургане сосудов — бородатый скиф доит кобылу. Еще и сейчас у иных людей слово «дояр» вызывает улыбку. Скифы же изобразили на драгоценном сосуде дойку кобылы мужчиной — явно не позорное для воина занятие.

Ясно, что женщины в этих племенах должны были быть лихими наездницами. А если учесть, что, по всем данным, у савроматов гла-венствующую роль играли жрицы (были женщины и вождями!), то ясно во многом преобладание «слабого пола». Давайте сложим все компоненты: конь, женщина-вождь, а значит, и воин, и мы получим лихую наездницу.

Чем она могла быть вооружена? Конечно же, тем, что помогает, не вступая в силовую борьбу, поразить врага на расстоянии, используя и скорость степного коня. Вспомним же ответ амazonок (из Геродота): «Мы стреляем из луков, мечем дротики».

Может быть, имена их что-то скажут нам? Но греки оставили нам или измененные (то есть переведенные на греческий язык) имена, или клички, данные ими. Вспомните Меланиппа, Ипполита. Первое имя расшифровывается легко, оно происходит от греческих слов «черный» и «конь» — «темноконная», «владеющая темными конями». И второе тоже несложно — от слов «конь» и «камень». (Ну, «камень» здесь может обладать смыслом «крепкий», «стойкий».) Что-то вроде «крепоконная».

По структуре очень схоже с определениями, какие в мифах и у Гомера получали воины. Вслушайтесь — «меднобронный», «шлемоблещущий», «среброногий»... Не правда ли — похоже? Но, что очень интересно, и степняки так же строили имена. У одного из индоиранских племен, а к ним относились и сарматы, была, например, богиня Дрvaspa — «обладающая здоровыми конями», «здравоконная».

Каждый год на страницы газет и журналов попадают сообщения о новых успехах археологов. И, как правило, женские погребения в районе Северного Каспия, Азовского моря явно богаче, в них находят луки, стрелы, мечи рядом с сосудами для благовоний, столами для жертвенной пищи. У более поздних степняков воина на тот свет сопровождали слуги и, вероятно, любимые женщины. А рядом с погребением сарматской жрицы нашли захоронение молодого воина — слуги ли, любимого...

Но все это, увы, «дела давно минувших дней». И отголоски «преданий старины глубокой» донесли до нас сторонние наблюдатели — в основном греки. Непосредственного пересказа своей истории от сарматов, а уж тем более скифов мы не получили. Если и представить, как считают некоторые, что скифы имели какую-то письменность, то до нас ничего не дошло.

Уже в III веке до н. э. скифов вытеснили с Черноморского побережья готы (небольшое царство все же осталось в Крыму). Затем по степям Приазовья кто только не проходил — гунны и авары, кипчаки и печенеги. Может быть, какие-то предания и застали славяне — жители Тмурараканского княжества, первого русского государственного образования на Таманском полуострове, между древней Меотидой и Эвксинским Понтом. Но это княжество (конец X — начало XII века н. э.) само погибло под натиском с одной стороны Византии, с другой — кочевников.

И снова накатываются, смения друг друга, орды кочевников, оставляя в степи курганы да каменных баб на них. И лишь в конце XVII века в связи с определенной политической стабилизацией в те края начинают проникать первые путешественники и исследователи. Первые — из числа тех, на чьи работы мы можем сослаться. Ибо, без сомнения, путешественники были всегда. И если у Азовского моря все исчезло, то не осталось ли следов на Кавказе?

Во второй половине XVII века в Москву и в Персию отправился голштинский посол Адам Олеарий. Проезжая через Кавказ, он записал местные легенды — да, в них были сведения о воительницах. В 1712 году черкесов посетил Обри де-ля Моттр, с удивлением отмечавший, что местные женщины не только ездят верхом, но и стреляют из лука.

В конце XVIII века академик Петр-Симон Паллас, описывая быт черкесов, особо подчеркнул, по его мнению, странный обычай — чуждаться своих жен. Через год после него по югу России проехала англичанка Мэри Гэри. И ее заинтересовала эта странность — у черкесов женщины живут отдельно от мужчин, а те тайком посещают своих жен. Не от древнейших ли обычая, уходящих корнями в эпоху амazonок, идут эти привычки?

Не случайно любопытство англичанки было направлено в сторону «женского вопроса». Мэри Гэри в прошлом являлась директрисой Смольного института. Она же записала, что во время боевых действий среди убитых обнаружили женщин в полном вооружении.

Наступает период завоевания Кавказа. Идут бои, русские войска, тесня горцев, продвигаются вперед, пока не берут в плен Шамиля. Сотни тысяч черкесов эмигрируют, переселяясь в Турцию, а через нее и дальше на Ближний Восток. В этой заварухе растворяются последние обычай и привычки, сохранившиеся у горцев с древнейших времен и, вероятнее всего, связанные с бытом тех, кого мы зовем амazonками.

И что — все, с ними покончено? Как бы не так. Старинное правило французов — в любом деле ищи женщину, сработало не так давно на юге нашей страны. Впрочем, «ищи» — не совсем верно. Она сама нашлась.

Произошло это в 1983 году на Таманском полуострове. Да, именно в том самом, наиболее подходящем месте — на стыке Азовского и Черного морей. Когда-то тут стоял древнегреческий город Гермонасса, а ныне расположена станица Тамань. Здесь ведет раскопки Гермонасская археологическая экспедиция Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника.

Здесь же раскинулись земли совхоза «Юбилейный». Директор решил расширить площадь под виноградники. Внезапно плуг задел камень. Удивленные появлением препятствия на поле механизаторы откопали находку — на мраморной плите, словно выходя из камня, стояла мужская фигура. Домысливая утраченные детали, в ней можно увидеть воина. Выдвинутая вперед (и наполовину отбитая) левая рука явно когда-то держала щит, правая, опущенная к бедру, вероятно, была вооружена мечом. (Более подробно обо всем см. очерк А. Тарунова в «Вокруг света», № 4, 1986.)

Стало ясно — сделана уникальная находка. И очень хорошо, что значение ее поняли не только прибывшие позже историки, но в первую очередь тракторист А. Н. Завгородний и директор совхоза Л. И. Киселев. Именно они позаботились о сохранности находки, а директор и прекратил работы на поле, и позвонил в Таманский краеведческий музей.

Сезон раскопок следующего года начался с того, что для работы в «Юбилейном» создали специальный отряд. По мнению начальника Гермонасской экспедиции А. К. Коровиной, это изображение воина входило в многофигурную композицию. Найти бы ее! Ведь рельеф создан греческим скульптором не позднее IV века до нашей эры. Ничего подобного в Тамани не находили ранее.

Ну а почему возникла мысль о композиции? Во-первых, воин должен был на кого-то нападать, с кем-то воевать. Весь его порыв направлялся против еще неизвестного нам врага. Во-вторых, известна практика создания многофигурных композиций, где действующие герои высечены на отдельных плитах, позже составляемых вместе.

Две недели группа студентов под руководством Е. А. Савостины (вот и весь отряд!) работала на поле. Нашли вымостку, и по тому, как были уложены камни, Савостина догадалась, что это древняя дорога. Первые плиты перевернули — ничего похожего на изображение.

Копали и дальше, пока не приехала Коровина. Она осмотрела расчищенную площадку и удивилась, почему не переворачивали все каменные плиты. Начали осмотр. И среди первых же камней нашли рельефные изображения, часть из них удалось сложить. Дадим слово автору очерка.

«В центре сложенного, как мозаика, рельефа сразу бросались в глаза две фигуры. Всадник, схватив за длинные волосы женщину-воина (так показалось с первого взгляда), занес над ее головой тяжелый меч. Отчаянно взмахнула воительница дротиком, но ничто не могло спасти ее от разящего удара. Чуть выше, над этими фигурами, другой меч пронзил чью-то грудь, безжизненно повисла рука... За переплетением тел, рук и

ног, принадлежавших фигурам, оставшимся за пределами уцелевшего фрагмента, простирали силуэт лошади, на шее которой странно смотрелись перевернутые головы без тулowiща».

Вот такая находка. И, хотя земля Тамани порадовала археологов еще одним открытием — плитой с изображением двух воинов («отца и сына»), все же осмелилось утверждать, что этот рельеф имеет особое значение. Тому есть ряд причин.

Начнем с материала. Воины — «боец» и «отец и сын» рублены скульптором из мрамора. Сразу видно работу греческого мастера — объемные фигуры, классические позы. Словом, прекрасные изображения, но они могли быть сделаны не обязательно на Тамани — и в самой материевой Греции, и на любом из островов, и в малоазиатской части. И вовсе не должны были устанавливаться на месте изготовления — на судах (а море рядом) можно привезти хоть откуда. Только тщательный анализ мрамора может показать, где брали камень, но не где его обрабатывали.

Другое дело — рельеф с изображением битвы. Материалом здесь послужил не мрамор, а известняк, местный камень. Ясно, что его не увозили для обработки за три моря, чтобы потом вернуть на Тамань. Есть еще доказательство «туземности» работы, и причем очень веское. Это манера скульптора. Очень во многом она похожа на греческую, во многом, но не во всем.

Непохожесть вот в чем. Изображения не каноничны, жесты свободнее. Фигуры несколько более плоские, не так рельефно выделены из основы. Может показаться, что вообще весь рисунок относительно примитивнее (и экспрессивнее!), что не должно нас удивлять. Ведь уже говорилось о местном материале рельефа, так почему нельзя подумать о том, что и мастер был местным? Являясь, вероятнее всего, греком и работая в классической манере, он все же не был так искусен, как материевые мастера, и этот понимаемый им недостаток компенсировал (может быть, и неумышленно) живостью изображаемого...

Теперь о самом изображении. Его две центральные фигуры — воин и воительница. Воин одной рукой ухватил женщину за волосы, в другой у него тяжелый меч. А что за оружие у воительницы? Дротик. Помните, у Геродота: «Мы... мечем дротики»?

Возле сражающихся конь. На нем две перевернутые головы без тулowiща. Есть предположение, что рельеф был раскрашен и на коне рисовались ремни, которыми и крепились головы. Что это за странные трофеи? Снова вспомним древних историков, а точнее — сообщение Гиппократа о том, что амазонки не вступали в брак, пока не убивали трех врагов.

Судя по сохранившимся фрагментам, здесь не просто поединок, а центральная часть битвы. Какой — это предстоит еще выяснить, если будут найдены недостающие части композиции. Но уже сейчас ясно — битвы с амazonками. А если учесть, что, по мнению специалистов, обе фигуры одеты в боспорское платье, то понятно, что это не миф, а художественное отражение какого-то местного события.

Какого? Вероятнее всего, столкновения между греками-пришельцами и амazonками, коренными жительницами этих мест. Исходя из платья —

греки уже жили здесь. Так что это не первая фаза контактов, когда греки только высадились с кораблей. Битва произошла после того, как греческие города вошли в состав Боспорского государства. Это V век до новой эры. А историки датировали рельефы временем не позже IV века. Итак, время — первое столетие существования Боспорского государства, когда уже стабилизировались связи городов, возник общий бытовой комплекс (платье!). Но и когда еще греческое влияние не проникло глубоко в среду местных (туземных!) жителей.

Можно только догадываться, что заставило амazonок выступить против греков-боспорцев. Притеснения со стороны пришельцев, спор из-за земли под строения или пастибища? Или, может быть, воинственной амazonке просто не терпелось выйти замуж? Двух врагов она уже убила (вот откуда головы), а третий (на рельфе) готов сразить ее саму.

Становится понятным причина создания рельефа. Если в мифах борьба с амazonками являлась уделом героев, то почему это не должно было быть и в жизни? Воин, победивший в таком бою, удоставлялся, вероятнее всего, особой чести. Ему сооружали храм героя — герон (или в любом случае хоронили в особой могиле).

Как они должны выглядеть, мы знаем. В качестве модели для сравнения можно взять группу могил в нынешнем греческом селении Вергина. В древности здесь размещалась столица Македонии — город Эги.

Могилы необычны (в нашем понимании). Это здания с полуколоннами по фасаду, над которым размещался фриз, украшенный росписями. По традиции эту могилу тут же засыпали, возведя курган, но храм-герон стоял открыто. И в нем, несомненно, были изображения, напоминающие причину возведения храма. Могилы македонских царей украшены росписями, но это уникальные работы, которые не могли быть выполнены больше нигде — предполагается, что роспись фриза одной из могил принадлежит кисти знаменитейшего художника Никомаха. Но не мог же он выполнять заказы всех городов...

Вполне можно допустить, что в Боспорском государстве, сооружая могилу или скорее всего герон, использовали местную возможность — рельеф. И из местного материала — известняка. Почему скорее всего герон? Да потому, что именно это здание могло совместить и местный рельеф, и привозную мраморную многофигурную композицию. Хотя могло быть и так — предприимчивый боспорец, уложивший столь ценные для нас (не только для археологов) плиты в основание здания, в покрытие дороги, брал их из нескольких источников. А ими могли быть развалины какого-то еще неизвестного нам города.

Главное все же вот что — впервые на территории, которую древние историки указывали в качестве места обитания амazonок в нашей стране, найдено изображение, позволяющее не только подтвердить эти сведения, но зрительно представить облик воительницы и датировать этот рельеф (не позже IV века до н. э.). Героини мифов, воинственные женщины Востока, воспетые рапсодами и описанные историками, прорвались сквозь разделяющие нас века, словно специально отправив одну из своих подруг в наше время.

Наш рассказ о прекрасных воительницах подходит к концу. Легенды о них, возникшие задолго до нашей эры (помните, мы считали, отталкиваясь от даты Троянской войны, что об амазонках говорят где-то с 1280 года до н. э.), живут до наших дней. И не просто живут, а в той или иной степени воздействуют на нас.

Что нового мы можем ожидать от этих неугомонных наездниц? Думается, раскопки на Таманском полуострове все же раскроют нам тайну рельефов. Найдется могила, герон или храм, где укреплялись эти изображения. Греки часто устанавливали на всеобщее обозрение высеченные на камне тексты посвящений. Может быть, и здесь был текст, объяснявший, почему, кем и когда установлены эти рельефы?

Не исключено, что в этих же местах археологи найдут новые свидетельства контактов греков с амазонками. До 1983 года лишь могилы свидетельствовали о том, что женщины юга европейской части нашей страны носили оружие. Теперь появилось и изображение. За чем очередь? За текстом. Вряд ли будет это папирус или пергамент, но очень вероятно, что камень, а может быть, и свинец. Историки знают случаи, когда до наших дней доходили тексты, написанные на свинцовых пластинах.

Важно вот что — легенды, героини которых жили в наших степях, вдруг получили реальное подтверждение. В Греции, в Италии не раз создавались скульптурные портреты амазонок. Но эти статуи были плодом фантазии художников. То, что найдено на Таманском полуострове, часть подлинной жизни, истории амазонок.

Это в нашей стране. А за рубежом? Могут быть обнаружены материальные следы воительниц в той части Турции, которая граничит с Кавказом, ведь амазонки упомянуты и на севере Малой Азии.

Интересен еще один след. По-прежнему о сообществах женщин говорят в Латинской Америке. Эти легенды переплетаются с легендами о белокурых и светлокожих индейцах, живущих где-то в северо-восточной части Бразилии. До сих пор там не исследованы территории, по величине равные иному европейскому государству.

Верил в эти легенды и полковник Фоссет, пропавший со старшим сыном в джунглях Мату-Гросо. В книге «Неоконченное путешествие» (ее издал младший сын полковника, использовав его дневники) есть свидетельства существования «белых индейцев»...

Кто угадает поведение женщины? А ведь амазонки, вероятнее всего, были для многих из древних эталоном женского характера. Вот и гадай — откуда придут новые данные о воительницах? Правда, женщины любят тайны, но не всегда тщательно их хранят. Так что мы узнаем еще новое об амазонках, в этом сомнений нет.

ВАЛЕРИЙ РОДИКОВ

Я НЕ ВЕРЮ, ГЕНЕРАЛ Джонсон!

(фантастическая гипотеза)

Встретились на пустынном пляже два разведчика. Один говорит другому:

— Признайся, Джон, чернобыльская авария — ваших рук дело?
— Нет, Иван,— отвечает другой.— Вот Агропром — это да...

Аnekdot

Усадьба отставного генерала Брэгга. Бывший шеф разведки одного из сильных государств планеты Земля генерал Брэгг, купив участок земли с фруктовым садом и двухэтажным кирпичным домом, пожелал увидеть у себя в гостях генерала Джонсона, занявшего теперь его пост в столице. Чудесный особняк хозяина со светлыми комнатами, его старенькая, хотя и с подозрительным взглядом, жена; их прислуга, состоящая из каких-то стареющих отставных солдат, и тайная система сигнализации, опутывающая усадьбу. Высокий старый лис Брэгг, шагая рядом по сельской тропинке с подтянутым, в гражданском костюме, молодым генералом Джонсоном, пригласил его в беседку на берегу реки, откуда открывался великолепный вид на холмистые поля и куда не мог пробраться незамеченным ни один лазутчик.

— Разведка — глаза и уши государства,— произнес высокий старый генерал улыбаясь.— Надеюсь, в вашей голове не поселился вирус сомнения в этой истине?

— Ну, что вы, генерал! Население стран резко возрастаёт,— закивал стройный генерал, стоя перед старым в ожидании, когда тот пригласит его сесть на стул в беседке.— Идеи захвата чужих территорий будоражат не только людские толпы голодных, но и молодых дерзких политиков. Разведка, которую я имею честь возглавлять...

Брэгг поморщился и сел первым за столик, достал из заранее приготовленной ниши бутылку сухого вина, поставил два фужера.

— Наш главный противник — государство Зет? — Брэгг прищурил один глаз.— В борьбе разведок мы ловко их обводили, верно, Джонсон? Надеюсь, вы изучаете наш опыт?.. Я первым предложил использовать для агентурной разведки спутниковую связь. Теперь наши агенты в любой момент могут снести через спутник с центром, передать экстренную информацию. Никогда в истории наше Государство не чувствовало себя столь осведомлённым, как ныне... А сколько было противников внутри нашего ведомства! Финансирувать или не финансировать программу РАСЕП... Ах, ах, система будет работать с ошибками! Велика

вероятность ложного срабатывания! Мы, Джонсон, глядели с опережением на двадцать лет! Глаза и уши нашего государства становились с каждым годом более зоркими и чуткими. Кажется, Джонсон, у вас в штате мало спецов с опережающей фантазией? Или я ошибаюсь?

Едва прикоснувшись губами к стакану с вином, Джонсон почтительно кивнул своему предшественнику:

— Да, мы ищем людей с широкомасштабными идеями...

Брэгг вскинул седую голову, радостно улыбнулся и заговорил но-стальгическим голосом:

— Я изучал методы русской разведки... Агенты Берии были очень наглыми и смелыми ребятами. Мы недооценили Сталина, хитрый азиат не жалел своих лазутчиков, бывало, они гибли, но... Секреты атомной бомбы выкрали... Вот тогда я собрал группу мозговой атаки. Наша задача, Джонсон, закатывать в чужие правящие элиты своих людей... Мы решили выращивать там кадры иностранных политиков, поддерживать их деньгами и славой, идеями и премиями, мы имеем...

— Об этом, господин генерал, непозволительно рассуждать даже в поле, возле деревянных столбиков вашей беседки,— строго заметил Джонсон.— Наша беседа носит частный характер, и я бы не хотел, чтобы мы с вами...

Генерал Брэгг резко вскочил с места, но, почувствовав боль в пояснице, медленно опустился на стул.

— Вы что же, генерал Джонсон, и мне не доверяете?

— Но есть же пределы секретности,— попробовал возразить Джонсон.

— Черт побери, предель! Я вам передал мое ведомство, а не вы мне!.. Вы изучаете мою тридцатипятилетнюю работу, а не я вашу... Простите, я понимаю, что вы мой гость... Но, право, оскорбительно видеть такое недоверие там, где вы... где я знаю не меньше вас!..

Джонсон вежливо кивнул хозяину беседки, опять пригубил вино из фужера, но пить не стал, внимательно осматривал живописные окрестности.

— Мы приняли вашу идею — готовить своих людей для всех иерархий тех государств, которые являются нашими потенциальными противниками. Мы открываем кредиты друзьям-политикам, мы хорошо оплачиваем своих фаворитов...

Морщинистое лицо старого генерала Брэгга расплылось в приятной улыбке, он налил себе полный фужер вина и выпил.

— Спасибо, генерал Джонсон!.. А то мне показалось, что вы ни во что не ставите наш опыт... Помните, как мы завербовали одного русского инженера... Как его фамилия? Кажется, Федосеев... Он был в Штатах накануне войны в командировке... Хе-хе... Мы дарили ему идеи, он стал руководителем отделения крупной электронной фирмы в Подмосковье... Узнали от него секреты особой важности: данные о частотах военного времени, на которых будут работать радары, системы связи и прочая электронная аппаратура. Ему там хотели дать Героя... Он попросился к нам на отдых, дело шло к пенсии, а мы думали — пусть отдохнет, заслужил. Агент сумел выбрать командировку в Париж на авиасалон в Ле-Бурже. Правда, там высказывали сомнения по его кандидатуре, что-то их

настораживало, однако за него поручился сам министр... В Париже Федосеев удрал. Хе-хе... Тогда наградили меня, генерала Брэгга... Впрочем, в ту пору я был еще полковником...

Красные вынуждены были переходить на новые частоты, ввели специальные «антифедосеевские» литеры, а это перевод на новый вакуум — миллиардные затраты. Убытки можно сравнить с засухой, поразившей целый регион...

Джонсон слушал коллегу молча, не перебивая. Он понимал, что старому генералу хочется побахвалиться, а возможностей пооткровеничать нет, так что пусть изливает свою душу.

— А что, Джонсон, атомный взрыв в Чернобыле действительно ваших рук дело? — вдруг ядовито усмехнулся Брэгг.— Ловко сработано! Центр многолюдья, Украина, Белоруссия и Россия — все рядом... Средоточие славянского генофонда. Вы коварно придумали!

Джонсон поднял глаза на генерала и покачал головой:

— Нет, господин генерал,— даже помахал рукой в воздухе.— Это обычная авария...

Брэгг хитро засмеялся:

— В такую версию я не поверю! Ты скрытен, Джонсон, не доверяешь своему бывшему шефу. Если это даже не намеренно, то все равно дестабилизирует их экономику, а так бы они еще долго тянули на старых запасах... Неужели вам удалось навязать им этот эксперимент?

Джонсон резко встал и прошелся вокруг беседки, недоуменно разводя руками, показывая жестами, что бывший шеф разведки слишком преувеличивает ловкость тайного ведомства.

— Я тебе, Джонсон, не верю! — почти закричал генерал Брэгг.— Никакая атомная станция сама по себе не вольна взорваться без подталкивания... Есть защита от дураков! Я читал отчет. Оператор отключил защиту. Немыслимо! Вынул все регулирующие стержни... Вам хотелось повышения по должности... Не терпелось проявить себя?..

— Это что? Обвинение? — сердито обернулся Джонсон.— За тем вы и пригласили меня в гости?

Старый генерал медленно, боясь прострелов в спине, поднялся со стула и вышел из беседки. Он неторопливо приблизился к ожидавшему его на тропинке молодому товарищу и заговорщическим тоном продолжал:

— До тех пор пока существуют государства, имеющие мощные атомные потенциалы, мы не можем упускать случая ослаблять их... В мире должно быть только одно сильное государство. Это государство Икс... Это наше Государство Икс... Недавно я беседовал с группой молодых специалистов из компьютерного института. Дерзкие головы обратились ко мне, чтобы я помог финансировать их проекты... Компьютерный век изменит всю логику тайной войны между враждующими государствами... Раньше королями были пропаганда и контрпропаганда. Это дымовая завеса для компьютерной войны разведок и диверсионных актов... В мире немало стран, не имеющих мощных самостоятельных научно-исследовательских потенциалов в компьютеризации производства и вооружения... Систем управления и связи... Сейчас началась торговля элект-

ронными элементами и микропроцессорами, наша электронная промышленность поставляет за рубеж в сотни стран миллионы компьютеров разных марок, мы можем...

— Что можем? — заглядывая в глаза старому ястребу, быстро спросил Джонсон.— Проталкивать во все сферы промышленности, на атомные станции и на телефонные центры, в банки, в архивы, в военную и гражданскую авиацию, в системы управления армии и флота, нефтеснабжения, в роботы и станки, в спутники, всюду? Наши микросхемы, которые или будут заражены вирусом, или снабжены элементами, изменяющими логику их работы по нашему сигналу... Так? Но это же может стать катастрофой и для нас, господин генерал?

— Я пригласил тебя, генерал Джонсон, обсудить эту страшную, но очень увлекательную проблему здесь, вдали от глаза и слуха... Нас не слышат пока даже птицы и черви, но идея родилась, ее уже ничем не убить... Итак, что вам, генерал, известно о группе молодых теоретиков из центра разработки компьютеров в вышеназванном мною институте?

— Талантливые авантюристы, они предложили электронную технологию изготовления вставок в чипы. В микросхему добавляется еще один слой со сверхвысокочастотным приемником. Элементы радиоприемника столь замаскированы на фоне основного рисунка, что их невозможно обнаружить. В час «Ч» через спутник ретранслируется мощный условный сигнал, который принимается радиоприемником-невидимкой, встроенным в микросхему... Сигнал запускает «электронную мину»: вирус или невинный логический переключатель — и вся электроника страны, в которую мы продали микросхемы, парализована... Замирают поезда, взрываются нефтепроводы, теряют ориентиры самолеты, погружаются во мрак города...

Тут моя фантазия писателя иссякла. Вынужден перейти на язык, которым пишут популяризаторы в разных странах мира. Расскажу то, что уже витает во множестве открытых зарубежных и советских журналов... Компьютерная война... Ужасная и непредсказуемая по последствиям! И старый, и новый генерал выдуманной мною Компьютерной Державы отлично знают, что компьютер — изобретение нашего интеллекта! — служит вроде бы на благо все увеличивающемуся человечеству. Но он, как и атомная энергия или как химическая промышленность, может обслуживать и авантюристов... Он — слепое орудие и оружие... Какие же потенциальные беды ждать от джинна, выпущенного с целью разрушения?

Компьютер — аппарат, он работает по заданной ему программе. Программы задают программисты. Чем сложнее компьютер, тем больше его возможности. Один служит станку, заставляя его точить детали. Другой управляет целым цехом станков. Третий используется как автопилот в самолете. Четвертый помогает капитану морского судна как электронный навигатор...

Компьютер-экзаменатор. Компьютер-шахматист. Компьютер — хранитель информации библиотеки. Он корректирует в небе полет ракеты, наводит ее на цель... А что, если? Если какая-то фирма начнет выпускать компьютерные схемы, имеющие скрытые программы, заложенные их хозяевами-производителями для своих тайных целей?..

О компьютерных вирусах заговорили сравнительно недавно — в начале 1987 года. В информационную компьютерную систему министерства финансов США, а также в компьютеры «Бэнк оф Америка» проникла неизвестная программа. Она, словно раковая клетка, многократно воспроизводила самое себя и уничтожала информацию, записанную в памяти ЭВМ.

Вирусы переходили с одной ЭВМ на другую. Если «заражалась» головная ЭВМ, то такая же часть постигала и периферийные машины. Из одной сети ЭВМ вирус «перепрыгивает» в информационную сеть другого ведомства и даже, перебравшись по линиям связи через океан... Так из компьютерной сети министерства финансов США вирусы перебрались в самую закрытую сеть — в министерства обороны, а затем по каналам связи — в Западную Европу.

Паника в вычислительных центрах! Запаниковали! Стали разбираться. Вирус — это рукотворная небольшая программа. Без ведома хозяина ЭВМ вирус, попав в машину, размножает свой код и присоединяет его к другим программам. Зараженная программа заражает другие.

Инкубационный период может длиться очень долго в зависимости от вида вируса. Программист-вирусник может назначить дату «проявления болезни».

Вот этот феномен и представляет огромную потенциальную опасность, для всех ЭВМ!

Американские журналисты уже сообщили о некоем виновнике компьютерного переполоха. Им оказался высококвалифицированный системный программист, жестоко отомстивший своему высокому руководству за незаконное увольнение его с работы. Но официальные лица в министерстве финансов решили прощать, и дальше газетной шумихи дело тогда не пошло. Однако научный мир был озадачен...

Невольным теоретиком «вирусной войны» ЭВМ был знаменитый американский математик Джон фон Нейман, один из создателей первых ЭВМ. В 1949 году вышла его пионерская работа «Теория и организация сложных автоматов». Разумеется, он не рассматривал возможность устраивать «мелкие пакости» в виде уничтожения чужих программ. Джона фон Неймана интересовали чисто теоретические вопросы физического размножения компьютеров. Ученый предсказал, что сложный автомат должен обладать способностью к самовоспроизведению...

Ученый умер в 1957 году сравнительно молодым, в возрасте 54 лет.

В начале 60-х годов три молодых программиста — сотрудники фирмы «Белл Лэбораториз» Даглас Макилрой, Виктор Высоцкий и Роберт Моррис — пришли к интересному выводу, который следовал из теоретических измышлений фон Неймана: хранящиеся в памяти компьютера программы при определенных условиях могут «поедать» друг друга. Почему бы не сыграть в войну на компьютере? Тем более что ночью он практически не загружен. И молодые люди придумали игру, в основу которой положили обнаруженное ими «программоедское» свойство компьютерной памяти. Ночами лабораторный компьютер превращался в поле битвы. Враждующие армии специально разработанных программ, борясь за жизненное пространство — за память ЭВМ, по всем правилам

военного искусства с остервенением уничтожали друг друга. Победителем становился тот, чья армия сумела стереть все программы противника или парализовать, изменив их код. Программы-убийцы послужили прототипом современных вирусов.

Распространению вирусов способствовали доклады на научных конференциях, конгрессах, публикации в научно-популярных и специальных журналах. Так ученые выпустили джинна из бутылки, и появились преступления.

В середине декабря 1989 года тысячи пользователей персональных компьютеров получили к Рождеству неожиданный подарок — посылку, содержащую гибкий диск с пометкой «Информация о СПИДе». Среди британских получателей числились серьезные организации — министерства здравоохранения, фондовая биржа и знаменитая «Ролл-Ройс».

Получатели бесплатного подарка вставили диск в компьютеры и, разскрыв рты, прочли на экране предложение: выслать 378 долларов в абонентский ящик 87-17-44 почтового ведомства Панамы за восстановление информации, содержавшейся в ЭВМ. «Подарочек» оказался с подвохом. Зараженная вирусом программа, записанная на присланном диске, испортила всю информацию, хранившуюся в памяти компьютера.

Иногда заражение обнаруживалось не сразу. Пройдет месяц-другой, и пользователь видит, что у него на жестком диске — винчестере — пропала информация. Тогда зараженный компьютер сам подсказывал своему владельцу, что делать: установить присланную дискетку на другой компьютер и переписать ее на винчестер. Доверчивый владелец обычно следовал совету и убеждался, что вторично попался на удочку и себя не исцелил, и ближнего заразил.

Компьютеры заражались из-за порочных наклонностей своих владельцев. Например, приобретает пользователь персонального компьютера дискетку с интригующим названием «Секс», которая обещает ему порнографические развлечения. Пикантные картинки, а программа на дискетке, доставив покупателю мимолетное развлечение, заодно заразила компьютер!

Масштабы преступлений возрастают...

Промышленная ассоциация по компьютерным вирусам США только за 1988 год зафиксировала почти 90 тысяч вирусных атак на персональные компьютеры. Администратор одной из фирм заявил: «Лучший способ избежать проблем с вирусами — не болтать о том, что вы предпринимаете во избежание этих проблем».

Если сопоставить компьютер с живым организмом, а отдельные программы с клетками, то получим полную аналогию. Компьютерный вирус разрушает информацию, имеющуюся в коде программ. Заменяя небольшой фрагмент программы, вирус устанавливает контроль над компьютерной системой, что позволяет ему неограниченно размножать свой код. Живые организмы много защищеннее, чем ЭВМ. Чтобы нарушить иммунитет живого организма, необходимо массовое нашествие вирусов, но для того чтобы вывести из строя компьютерную систему, достаточно всего лишь одного вируса.

Компьютерные вирусы многообразны. Их уже выявлено свыше сотни, и в перспективе проблема вирусов неисчерпаема. «До сих пор мы увидели лишь вершину айсберга. Находчивость компьютерных хулиганов ничем не ограничена» — так считает один из американских специалистов в области персональных компьютеров.

Многие машинные вирусы получили звучные интригующие названия: «тroyянский конь», «пятница 13-го», «часовая мина», «израильский вирус», «лехайский вирус», «пакистанский брайн-вирус», «вирус Аламеда», «вирус СПИД», «южноафриканский суперхакер»...

Коварством прославилась программа «часовая мина». Она запускает свой разрушительный программный код в заданный день, а до тех пор не проявляет себя. Пользователь даже не подозревает, что у него в компьютер попала «мина замедленного действия». И вдруг в день, замысленный злоумышленником, наступает потеря информации.

Обнаруженный в Зимбабве в компьютере местного отделения одной из транснациональных корпораций вирус «южноафриканский суперхакер» обладает интересной особенностью: после того как вирус разрушит компьютерные программы, он самоликвидируется. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить...

Уже возникла служба по компьютерной безопасности. Шантажисты угрожают фирмам «взорвать» вирусную мину, если им не выплатят крупную сумму денег.

Кроме вирусных «мин», есть еще «бомбы» из червей. Черви-программы — это что-то вроде глистов в живом организме. В отличие от вирусов «червяк» не заражает другие программы, но внедряет в них свою копию. Он не разрушает данных. Компьютерный глист высасывает ресурсы ЭВМ и использует их для своих целей.

В ноябре 1988 года червь-программа попала в одну из разветвленных компьютерных сетей США — «Интернет». Червяк достиг нужной ему системы и стал пожирать ее ресурсы для своего размножения. Червячное потомство распространялось столь быстро, что за считанные часы переполнило целый ряд информационных сетей. Червяки вывели из строя 6000 компьютеров в сотнях университетов, лабораторий, фирм, федеральных агентств. Часть червячного программного кода даже попала в сети электронной почты. Ежели фантазия автора червяка оказалась бы более изощренной, то инфекция могла бы произвести опустошение в компьютерных сетях по всей стране.

Промышленная ассоциация по компьютерным вирусам оценивает стоимость потерянного времени и людских ресурсов, а также сверхурочные затраты на удаление червяка из компьютеров, примерно в 100 миллионов долларов.

Злоумышленником оказался студент Корнеллского университета Роберт Моррис. Сын того Морриса, который еще 40 лет назад в лаборатории фирмы «Белл» играл со своими товарищами в игры, построенные по принципу компьютерного вируса. Ныне отец, будучи научным сотрудником Национального центра компьютерной безопасности, беспощадно борется с вирусами, а его сын Роберт Моррис стал автором новой страшной инфекции для ЭВМ.

Червяк – опаснейшая инфекция в информационных сетях. Эксперты считают, что «личинки» червяка Морриса до сих пор дремлют в отдельных узлах информационной сети. Эпидемия в любой момент может повториться. В США около тысячи человек знают исходный код программы Морриса. Можно ли поручиться за честность каждого из них...

Итак, миру угрожает электронный терроризм. И первым грозным предзнаменованием этого явления стал свеженький вирус под названием «Кит».

История появления «Кита» отдает детективом. По мнению ведущего специалиста Скотленд-Ярда по борьбе с вирусами, «Кит» появился на свет при финансовой поддержке террористических подпольных организаций... «Кит», пробившись в память компьютера, уничтожает ее... Это позволяет совершать грандиозные махинации в банках и на финансовых биржах.

Фантазии вирусных авторов не ограничиваются только уничтожением информации в ЭВМ. Злоумышленники «трудятся» над созданием вирусов, которые бы вызвали физическую поломку машин. Например, был замечен вирус, который заставил операционную систему обращаться к жесткому диску (виччестеру) с резонансной частотой блока его головок. (Вариант, когда солдаты, маршировавшие в ногу, разрушили мост.) В результате резонанса блок головок упал на вращающийся диск, диск заклинило, а его поверхность была повреждена.

Вирусная зараза докатилась и до нашей страны. Заражение компьютеров было отмечено после завершения работы Международного компьютерного лагеря для детей и школьников в Переславле-Залесском. Видно, кто-то из зарубежных «гостей» привез в страну игровую программу, зараженную вирусом, а потом наши участники разнесли вирусы по своим машинам, клубам, организациям...

~ Главным путем проникновения вирусов в персональные компьютеры стали зараженные дискеты. Известны случаи, когда вирус попадал на диски в процессе штамповки.

Нашествие вирусов вызвало появление обширных средств защиты, всяких разных паролей, антивирусных программ... Ну и, конечно, по аналогии с биологической инфекцией надо соблюдать правила компьютерной гигиены: не вступать в контакт с незнакомыми дискетами, с теми, что были в чужом употреблении и т. д. И все-таки абсолютной защиты от компьютерных инфекций нет.

Преступления совершаются не компьютерами, а людьми. Главное – не дать мошеннику проникнуть в вычислительную сеть. «Но где найти персонал, в котором можно быть уверенным?» – сокрушаются американские администраторы. Профессия программиста стала массовой. Каждому в душу не заглянешь. Попадаются среди них безответственные шутники, авантюристы, жаждущие быстрого обогащения, люди с террористическими наклонностями. Но самое страшное, если на компьютерные вирусы возложили свои агрессивные надежды крупные военные организации, тайные институты и фирмы...

Уж на что проверены сотрудники сверхсекретной Лос-Аламосской лаборатории, в недрах которой родилась американская атомная бомба, да и

те порасташили блоки компьютеров на сумму в несколько сот тысяч долларов...

А теперь представьте себе, что будет, если заведется злоумышленник, составляющий боевые алгоритмы для систем противоракетной обороны. Программы там очень сложные и объемные, ведь ЭВМ должны выделить в условиях помех среди тысяч ложных целей летящие со смертельной начинкой ракеты. Коллективный программист-диверсант способен заложить «мину», которая выведет из строя или существенно ослабит даже противоракетную оборону... Это гипотеза, но она не на голом месте...

Вспомним научно-фантастический роман Александра Беляева «Властелин мира», написанный им еще в 1926 году, и другую фантастику той поры — «Машину ужасов» В. Орловского (1925 г.), «Радиомозг» С. Беляева (1928 г.), «Хозяйство доктора Гальванеску» Ю. Смолича (1929 г.), «Генератор чудес» Ю. Долгушкина (1940 г.), в которых организм человека наделялся свойством радиоприемного устройства. С помощью радиоволн фантасты контролировали поведение людей. Некоторые зарубежные ученые всерьез обеспокоены угрозой контроля и управления психической деятельностью человека с помощью радиоволн.

О своих опытах рассказал американский ученый Дельдаго летом 1966 года в Москве на Международном психологическом конгрессе. С помощью вживленных в мозг обезьян крошечных радиоприемников Дельдаго управлял поведением животных. На кинокадрах фильма, которым сопровождался доклад, обезьяны мирно сидят в клетке. Невидимый сигнал — и они с ожесточением бросаются друг на друга. Новый сигнал — и животные опять спокойны. По своему выбору экспериментатор менял вожаков стаи. Превращал «гордеца-предводителя» в униженного труса...

Тайно с помощью радиоволн влиять на работу всех видов электронных мозгов — задача технически более простая. Взять хотя бы для примера роботов. Уже мелькали сообщения, что в результате электрических наводок в электронных мозгах промышленных роботов они выходили из под контроля и даже убивали обслуживающий персонал или разрушали продукцию и оборудование. Представьте себе, если в результате козней конкурентов в роботах будут установлены «зараженные» микросхемы. В один прекрасный день новехонький автоматизированный завод может быть разрушен взбесившимися по команде роботами. Это равносильно пожару или аварии.

В США появились сообщения, будто компьютеры, изготовленные в Гонконге и Сингапуре, совместимые с американскими ЭВМ и поступившие на американский рынок, оснащены микросхемами памяти, уже зараженными вирусами. «Даже в кошмарном сне трудно представить себе более ужасное» — так расценил это известие представитель одной американской компании. Правда, новость подтверждения не получила. Скорее всего слух былпущен кем-либо из конкурентов. А вот сообщение посвежее. В конце 90-го года в Москве собрался форум по защите компьютерной информации. Современные технические средства позволяют снабжать импортируемые ЭВМ вставками, содержащими микропередатчики, которые «выстреливают» информацию по мере ее накопления на спут-

ник. Так что важнейшие данные государства могут оказаться под контролем другой державы.

Военный конфликт в Персидском заливе сделал явными некоторые тайны. В прессе промелькнуло сообщение о том, что электронное оборудование военного назначения, которое без микроЭВМ не обходится, проданное Францией Ираку, снабжено электронной блокировкой, которое выводится из строя по сигналу.

По данным генерал-лейтенанта Н. Брусницина обнаружены шпионские приспособления — «закладки» и в компьютерах, приобретенных некоторыми нашими НИИ и промышленными предприятиями. Один из видов «закладок» предназначен для физического вывода ЭВМ из строя, например, путем электрического пробоя схемы или выпадения отдельных ее элементов. Такого рода «закладкой» была снабжена ЭВМ, купленная в ФРГ для нашего обувного предприятия.

«Практически ведется скрытая война, рассчитанная на разрушение нашего национального информационного ресурса, недопущения его накопления на современном уровне и нанесения миллиардных убытков в случае удачных операций проникновения в АСУ. Тем более, что в Советском Союзе до сих пор нет законов об ответственности за съем или разрушение информации в электронно-вычислительных машинах и подобные действия могут сходить безнаказанно.

В этой связи сенатор Борен утверждает, что разведывательная деятельность против СССР не прекращается, а только будет сильно отличаться от того, что было до сих пор» («Русский вестник», № 7, 1991).

Тайная компьютерная война началась. Желая мира, готовясь предотвратить пожар.

ВИКТОР ЯГОДИНСКИЙ

ВЕРИТЬ ЛИ ПРЕДЧУВСТВИЯМ?

1. ЭФФЕКТ КАШПИРОВСКОГО

Речь пойдет о так называемой телепатии, или, выражаясь проще, о возможности передачи мысли на расстояние, а следовательно, и о биосвязи и т. п.

Чаще всего такая передача наблюдается, когда человек находится в состоянии сильных переживаний, особенно в обстановке смертельной опасности.

Коллективное чувство восприятия опасности очень сильно развито у многих стадных животных, живущих под угрозой нападения хищников. Оно мгновенно передается всем животным в стаде, как только их вожак выразит малейшую тревогу.

Какова природа таких сигналов?

Известный советский энтомолог П. И. Мариковский, изучая поведение азиатских клещей хиаломма, обратил внимание на то, что они активно ищут свою жертву, если только она не была закрыта листами металла. Похоже на то, что они улавливают какие-то излучения, испускаемые теплом. Какие же? Ответа пока нет, но, как видно, по природе эти излучения родственны радиоволнам, для которых металлический лист служит отражающим экраном.

«У всех иксодовых клещей, — пишет П. И. Мариковский, — на лапках передних ног расположен давно описанный орган Галлера. Клещ, отыскивая добычу, взбирается на возвышение и, высоко приподняв передние ноги, поводит ими как радиолокатором. Стоит отрезать ему передние ноги, как он теряет способность отыскивать цель и прекращает преследование. Но одной передней ноги клещу вполне достаточно для ориентировки».

Кто не знает, что собаки, кошки и голуби способны находить свое жилье, даже если их увезти в закрытом ящике «за тридевять земель». Животные возвращаются не в свой родной дом, а к своему хозяину.

Известен случай, когда подросток заболел в тот день, когда ставился опыт с его голубем. Птицу увезли за сотню километров, а парня сразу же после этого поместили в городскую больницу. И голубь прилетел не домой, а к больнице, там быстро нашел окно палаты, где находился его маленький хозяин!

Писатель В. Мезенцев уже рассказывал, что американский психиатр Уиск обследовал женщину, которая... слышала радиоволны так же, как мы слышим звуковые колебания в воздухе. Внешне это выглядело так, как будто она слушала целый десяток радиоприемников, работающих одновременно на разных волнах.

Не поверив своему выводу, ученый проделал еще один опыт: сконструировал радиотехническое устройство, излучающее в пространство такие же радиоволны, и незаметно для своей подопытной включал это устройство. Та слышала голоса!

В октябре 1972 года Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР утвердил как научное открытие электромагнитную связь живых клеток друг с другом. Часть этого открытия принадлежит сибирским ученым В. П. Казначееву, С. П. Шурину и Л. П. Михайловой. Оказывается, клетки, изолированные друг от друга, могут «обмениваться» информацией.

Одну из камер заражают злокачественными вирусами. Они атакуют клетки, нарушая их жизнедеятельность. Одна за другой клетки гибнут. И тут открылось нечто поразительное: клетки, выращенные в соседней камере, также стали погибать!

Феноменом биосвязи можно объяснить также и хорошо известные эффекты внушения Кашпировского, опыты по отгадыванию мыслей Мессинга, наконец, замечательные эксперименты В. Дурова.

Вот заметка о любопытной встрече В. Л. Дурова с группой писателей: «На пароходе из Одессы в Ялту ехала литературная компания, в том числе А. П. Чехов.

У Владимира Дурова чудеса показывала собака Запятайка. Чехов по-

просил Дурова внушить Запятайке, чтобы она сняла с него пенсне. Запятайка подошла к писателю, прыгнула на колени и осторожно, не разбив стекла, не царапнув правой лица, сняла с Антона Павловича пенсне. Чехов оживился и стал пробовать сам внушать Запятайке. И многие его внушения собака исполнила в точности».

А. Л. Чижевский вслед за Б. Б. Кажинским защищал идею о наличии в клетках и органах образований, тождественных элементам радиосхемы. Действительно, те электрические процессы, которые сопровождают многочисленные функции организма — биотоки мозга, сердца и мышц, ионные изменения и т. д., — не могут не вызывать в них электрических колебаний различного характера. Когда они находятся в поле изменяющихся электрических потенциалов, в них возможны процессы, подобные тем, которые имеют место в радиопередаточных и приемных устройствах, — изменения емкости и индукции, а также генерация радиоволны. Это тем более вероятно, что указанные процессы протекают с определенной периодичностью.

Вместе с тем сомнительно, чтобы радиосигналы могли послужить средством передачи мысленной информации. Против этой точки зрения свидетельствуют опыты, проведенные американскими учеными. Передача «телепатемы» на огромные расстояния и с больших глубин осуществлялась ими без дополнительных устройств, непосредственно от человека к человеку с подводной лодки, полностью закованной в сталь.

Наряду с этим в радиотехнике существуют различные фильтры, освобождающие полезный сигнал от помех даже более сильных, чем сам сигнал. В живом организме с течением веков не могли не возникнуть подобные естественные «фильтры», хотя неясно, как может быть передана информация на сотни и тысячи километров.

Вероятно, в нашей нервной системе процессы приема и усиления протекают на молекулярном уровне или даже на уровне клеток (условно отождествляем их с каскадами усиления); и учитывая огромное количество нервных элементов в головном мозгу (свыше 10 миллиардов), можно предположить, что идет усиление слабых первичных сигналов.

Бернард Бернардович Кажинский — инженер-электрик, кандидат физико-математических наук — был пионером научного исследования биорадиосвязи в нашей стране. В популярном научно-фантастическом романе Беляева «Властелин мира» Кажинский стал прототипом одного из его героев — Качинского. Идеи Кажинского о биорадиосвязи, а также ряд его соображений послужили основным научным материалом для этого произведения.

Сам Бернард Бернардович так рассказывает о случае, послужившем стимулом для изучения биорадиосвязи.

«Это произошло в августе 1919 г. в Тбилиси. Мой друг М., юноша девятнадцати лет, болел брюшным тифом.

Однажды, вернувшись ночью от больного к себе домой (жил я на расстоянии одного километра от квартиры М.), я лег спать. И вдруг среди глубокой ночной тишины мне совершенно явственно (я бы сказал, вполне вещественно) послышался нежный звук: подобный звону серебряной ложечки о тонкий стеклянный стакан.

На другой день я направился к больному. По дороге заметил, что чем ближе приближаюсь к дому М., тем больше меня охватывает смутное чувство тревоги.

С замирающим сердцем я вбежал в квартиру... Мой юный друг лежал мертвый...

Помогая переносить тело умершего, я случайно задел ночной столик у изголовья и вдруг услышал нежный серебристый звон — точно такой же, какой послышался мне во сне предыдущей ночью. Мною овладело чувство, которое и объяснить трудно.

Вкратце рассказав матери М. о случившемся, я попросил ее подробно передать все, что она могла заметить в минуты смерти сына. «Это было ровно в два часа ночи, — сказала мать М. — По предписанию врача в это время я подавала сыну лекарство, зачерпнув его из стакана ложечкой. Но когда я поднесла ложечку к его губам, то увидела, что блеск его глаз начал быстро тускнеть. Лекарства он не принял. Умер».

Дрожащей рукой мать М. взяла ложечку и зачерпнула ею лекарство со дна стакана. Снова, уже в четвертый раз, я услышал все тот же внятно прозвучавший ночью в моих ушах серебристый звон!

Мне чуждо суеверие, а тут меня обдало холодом: я понял, что сегодня — вот здесь, у неостывшего еще тела моего товарища, совершается таинство приобщения человека к новой великой истине природы.

С тех пор я всю свою жизнь посвятил изучению этого явления.

В феврале 1922 года в Москве на Всероссийском съезде Ассоциации натуралистов, где слушалось мое сообщение по существу гипотезы «Мысль — электромагнитная волна», я впервые познакомился с прибывшим из Калуги К. Э. Циолковским. Он проявлял очень живой интерес к гипотезе передачи мысленной информации на расстояние».

2. НЕУДАЧНОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ЦЕЗАРЯ

Гай Юлий Цезарь принадлежит к тем редким избранныкам истории, чей образ не тускнеет от времени, чья слава переживает века.

Убийство Цезаря и предшествующие ему чудесные предзнаменования весьма драматично описаны рядом древних авторов.

Например, все они единодушно указывают на многочисленные явления и знаки, начиная от самых невинных, вроде вспышек света на небе, внезапного шума по ночам и вплоть до таких страшных признаков, как отсутствие сердца у жертвенного животного, или печально-трогательного рассказа о том, что накануне убийства в курию Помпея влетела птичка «королек» с лавровой веточкой в клюве, ее преследовала стая других птиц, которые ее здесь нагнали и растерзали.

Накануне рокового дня Цезарь обедал у Марка Эмилия Пепида, и когда случайно речь зашла о том, какой род смерти самый лучший, Цезарь воскликнул: «Неожиданный!»

Ночью, после того, как он уже вернулся домой и заснул в своей спальне, внезапно растворились все двери и окна. Разбуженный шумом и ярким светом Луны, Цезарь увидел, что его жена Калькуния рыдает во сне: ей привиделось, что мужа закалывают в ее объятиях и он истекает

кровью. С наступлением дня она стала просить Цезаря не выходить из дома и отменить заседание сената или по крайней мере посредством жертвоприношений выяснить, насколько благоприятна обстановка. Видимо, и сам Цезарь начал колебаться, ибо он никогда раньше не замечал у Калькурни склонности к суеверию и приметам.

По дороге в сенат Цезарь был преследуем все новыми предостережениями и предзнаменованиями.

Во-первых, ему встретился гадатель Спуринна, который предостерег его когда-то от опасности, угрожавшей в мартовские годы. «А ведь мартовские годы наступили», — сказал Цезарь шутливо, повстречав гадателя.

«Да, наступили, но еще не прошли», — спокойно ответил тот.

По дороге к Цезарю пытался обратиться какой-то раб, якобы освежденный о заговоре. Но, оттесненный окружавшей Цезаря толпой, он не смог сообщить ему об этом. Он вошел в дом и заявил Калькурни, что будет дожидаться возвращения Цезаря, так как хочет сообщить ему нечто чрезвычайно важное.

Артемидор из Книза, гость Цезаря и знаток греческой литературы, также имевший достоверные сведения о заговоре, вручил Цезарю свиток, в котором было все изложено, что он знал о готовящемся покушении. Заметив, что Цезарь все свитки, врученные ему по дороге, передает окружавшим его доверенным рабам, Артемидор якобы подошел к диктатору вплотную и сказал: «Прочитай это, Цезарь, сам, не показывая никому другому, и немедленно. Здесь написано об очень важном для тебя деле».

Тогда Цезарь взял в руки свиток, однако прочесть его так и не смог из-за множества просителей, хотя неоднократно пытался это сделать.

Существовал обычай, что консулы при входе в сенат совершают жертвоприношения.

И вот именно теперь жертвенное животное оказалось не имеющим сердца. Цезарь, пытаясь рассеять удручающее впечатление, произведенное на жреца таким мрачным предзнаменованием, смеясь, сказал, что подобное с ним уже случалось в Испании, во время войны с сыновьями Помпея. Жрец отвечал, что он и тогда подвергался смертельной опасности, и сейчас же все показания еще более неблагоприятны. Цезарь приказал совершить новое жертвоприношение, но и оно оказалось неудачным. Не считая более возможным задерживать открытие заседания, Цезарь вошел в курию и направился к своему месту...

3. ПРЕДЧУСТВИЯ ЕСЕНИНА

Нет на русской земле человека, не знакомого с трагической смертью С. Есенина.

Перед отъездом из Москвы в Ленинград он побывал у всех своих родных, навестил детей...

А. Р. Изряднова — первая подруга поэта — писала в своих воспоминаниях: «...Видела его незадолго до смерти. Пришел, говорит, проститься. На мой вопрос, что, почему, говорит: «Смываюсь, уезжаю, чувствую себя плохо, наверно, умру».

Родился поэт 3 октября 1895 года, «покончил с собой» 28 декабря 1925 года.

Анализ показал, что в роковой день у Сергея Есенина был спад физиологических возможностей организма.

Илья Ильич Шнейдер в своей великолепной книге «Встречи с Есениным» (М., «Сов. Россия», 1965) описал еще одну трагическую смерть — смерть бывшей жены С. Есенина — Айседоры Дункан (27.5.1878 — 14.9.1927) (БСЭ, 1972, т. 8): «...В тот сентябрьский вечер раскаленный асфальт жарко дышал впитанным за день солнцем. Айседора спустилась на улицу, где ее ожидала маленькая гоночная машина, шутила и, закинув за плечо конец красной шали с распластавшейся желтой птицей, прощально махнула рукой и, улыбаясь, произнесла последние в своей жизни слова:

— Впереди — смерть.

Несколько десятков секунд, несколько поворотов колес, несколько метров асфальта...

Красная шаль с распластавшейся птицей и голубыми китайскими астрами спустилась с плеча Айседоры, скользнула за борт машины, тихонько лизнула сухую врачающуюся резину колеса. И вдруг, вмотавшись в колесо, грубо рванула Айседору за горло. И остановилась только вместе с мотором. Прибывший врач сказал: «Сделать ничего нельзя. Она была убита мгновенно».

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

<i>Валерий Лисин.</i> Абсолютная полиция	8
<i>Иван Фролов.</i> Таинственные мерги	29
<i>Людмила Васильева.</i> Диверсия	59
<i>Григорий Темкин.</i> Лунный лист	103
<i>Павел Амнуэль.</i> Памятник	121
<i>Борис Зотов.</i> Происшествие на Невском	126
<i>Юрий Леднев, Генрих Окуневич.</i> Шедевр науки, или Монстр по имени Корко	162
<i>Иван Козлов.</i> Конокрад из параллельного	169
<i>Бангуолис Балашиевич.</i> Лояльный гражданин	173
<i>Юрий Никитин.</i> Странная планета	190
<i>Валерий Губин.</i> Случайное знакомство	195
<i>Алексей Расコптыт.</i> Палац	200
<i>Сергей Житомирский.</i> Вернуться в тот же мир	206
<i>Вадим Эвентов.</i> Гений	215

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

<i>Дмитрий Стариков.</i> Патруль	226
<i>Александр Головков.</i> Блондинка	249
<i>Андрей Фальков.</i> Как стать человеком	256
<i>Илья Гребенкин.</i> Тысяча и одна ночь	262
<i>Александр Андрюхин.</i> Судьба	265
<i>Елена Анфимова.</i> Песнь десятая	269

НЕВЕДОМОЕ: БОРЬБА И ПОИСК

<i>Андрей Самохин.</i> Хомут на пустоту	280
<i>Владимир Щербаков.</i> Пища богов — главный секрет океана	282
<i>Константин Матвеев, Ашур Матвеев.</i> Иисус Христос — ассириец	293
<i>Татьяна Гайдукова.</i> Сократ и Ницше	308
<i>Эдуард Якубовский.</i> Быстроходные девы	317
<i>Валерий Родиков.</i> Я не верю, генерал Джонсон!	335
<i>Виктор Ягодинский.</i> Верить ли предчувствиям?	344

Фантастика-91: Сб. науч.-фантаст. повестей, рассказов и очерков /
Ф 22 Сост. В. Фалеев; Худож. Р. Авотин.— М.: Мол. гвардия, 1992.—
350[2] с., ил.

В сборник вошли новые научно-фантастические повести, рассказы и очерки, в которых в увлекательной форме ставятся сложнейшие проблемы жизни. Что такое колдовство? Можно ли воссоздать характер личности? Какой национальности был Иисус Христос? Как создать общество без преступников? В книге имеется раздел: «Неведомое: борьба и поиск».

Ф 4702010201-016
078(02)-92 90-91

ББК 84Р7

ИБ № 6944

ФАНТАСТИКА-91

Заведующий редакцией В. Щербаков

Редактор В. Фалеев

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Е. Михалева

Корректоры Т. Пескова, Т. Континевская

Сдано в набор 26.02.91. Подписано в печать 18.12.91. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Усл. кр.-отт. 88.5. Учетно-изд. л. 24.0 Тираж 100 000 экз. Заказ 1085.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ФАНТАСТИКА

■ 1 9 9 1 ■

П О В Е С Т И
и
Р А С С К А З Ы
Г О Л О С А
М О Л О Д Ы Х
Ш К О Л А
М А С Т Е Р О В
Г О С Т И
« Ф А Н Т А С Т И К И »
Н Е В Е Д О М О Е :
Б О Р Ъ Б А
и
П О И С К

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ